

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

Т. В. Филипповская

**Риски рефлексивной модернизации
в условиях обострения антагонизма
знания и НЕ-знания**

Рекомендовано
редакционно-издательским советом
Уральского государственного экономического университета

Екатеринбург
2013

УДК 316.422
ББК 60.524
Ф 53

Рецензенты:

НП «Международный образовательный форум»
(протокол заседания Ученого совета № 12 от 20 сентября 2013 г.)

доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой прав человека,
заместитель декана юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция)
С. И. Глушкова

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии
Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова
И. Ю. Киселёв

Филипповская, Т. В.

Ф 53 Риски рефлексивной модернизации в условиях обострения антагонизма знания и НЕ-знания [Текст] : [монография] / Т. В. Филипповская ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. — 294 с.

ISBN 978-5-9656-0168-4

Монография посвящена исследованию рисков рефлексивной модернизации через обращение к активному взаимовлиянию в практиках повседневности знания и НЕ-знания. Представлен авторский подход к осмыслению сущности знания, НЕ-знания и ценности знания, предопределенных процессом, названным «отторжение знаний». Благодаря обращению к мировому и национальному контексту теоретических и эмпирических данных показана социокультурная динамика двух подпроцессов отторжения знаний: отказа от знаний и их отчуждения. Конституированы социальные технологии отчуждения знаний, понятия «проводники знания», «профессиональный непрофессионализм», «власть-иждивенство» и др. В рамках авторского подхода конкретизированы содержательные характеристики таких значимых категорий, как «социальный интеллект», «монополия на знания», «интерпретаторы знания» и пр.

Содержание монографии может представлять интерес как для активных исследователей социальных процессов, так и для студентов, склонных к научной деятельности и изучающих социологию.

УДК 316.422
ББК 60.524

ISBN 978-5-9656-0168-4

© Филипповская Т. В., 2013
© Уральский государственный
экономический университет, 2013

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Модернизационные процессы и их ресурсы:	
знание и НЕ-знание	9
1.1. Актуальные противоречия в практиках повседневности, связанные со знанием и НЕ-знанием	9
1.2. Знание и НЕ-знание — социально предопределенные действия интериоризации и экспертизы информации	17
1.2.1. Знание в педагогике и проблемы «омертвления» социального капитала	18
1.2.2. Знание в психологии и его взаимосвязь с социологическим подходом к социальному интеллекту	35
1.2.3. Ценность знания, значимость НЕ-знания и экономическая теория	50
Глава 2. Риски взаимовлияния знания и НЕ-знания	
в практиках повседневности	86
2.1. Риск подавления ресурсами «общества НЕ-знания» ценностей «общества знания»	86
2.2. Риск монополизации знаний и риск консервации социальных условий монополизации знаний	104
2.3. Риск идентификации новых технологий с новой социальной политикой и риск отказа от ответственности за направленность знания в позитивное для социума русло	119
2.4. Риск отставания трансформации институциональных структур и регламентов от появления новых социокультурных проблемных полей	136
Глава 3. Риски активизации процесса отторжения знаний	
и его структурных составляющих	163
3.1. Риск отчуждения знаний в мировом и национальном масштабах и риск направленности действия сил власти на минимизацию «власти силы» собственников экспертного знания	163
3.2. Риск актуальных практик интеракций «личность — носители информации — интерпретаторы знания» и риск отказа «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем	193

3.3. Риск усиления напряженности и страхов в актуальных условиях отторжения знаний и риск возврата личностей и общностей к традиции, отказа от знаний и «ценностей постиндустриального общества»....	215
Заключение.....	246
Библиографический список.....	258
Приложения	275

Введение

В итоговом отчете Bertelsmann Stiftung об устойчивости государственного управления в странах БРИКС приводятся неутешительные выводы. Отмечается, что Россию в 2012 г. можно было признать «самым плохим актором в группе стран BRICS». В целом страна характеризуется наличием правительства с «существенными дефицитами» в эффективности политического «рулевого управления», отставанием «с точки зрения способности стратегического планирования центрального государственного управления, эффективности межведомственной координации и в осуществлении исполнительной власти» [354. Р. 5].

Исследователи известного германского фонда считают, что, «учитывая распространенность политического патронажа (покровительства, оказываемого политическим деятелем своим сторонникам) и протекционизма, отсутствие оценки независимых экспертов и других заинтересованных сторон, участвующих в политической организации, а также наличие частых противоречий в представлении политической линии», в сегодняшней России «дальнейшее перспективное проведение в жизнь политического курса в смысле устойчивости государственного управления фактически невозможно» [354].

Более того, предполагается, что «даже в среднесрочной перспективе имеется мало надежд на улучшение, поскольку Российская Федерация является также «наихудшим актором» по критерию организационной способности к проведению преобразований, по которому оцениваются ведомственный самоконтроль и способность к проведению реформ [301].

Мы видим подтверждение слов И. М. Ильинского о противоречивой, шокирующей, нелепой, абсурдной действительности, «в которой негативные результаты и следствия перечеркивают и отрицают благие замыслы и ничтожные достижения» [109].

Одновременно в других источниках отмечается, что Россия является крупнейшим после Германии в Европе инвестором в научные проекты. Это можно рассматривать как признание высокой квалификации, компетентности российских ученых и значимости их идей. Примером может служить проект создания международного экспериментального термоядерного реактора ITER на основе российского токамака [240] и в целом лидирующего положения нашей страны в области ядерных технологий.

С нашей точки зрения, такие параллельные противоречивые оценки связаны с обострением в практиках повседневности **антагонизма знания и НЕ-знания** — ведущих ресурсов динамики социума [296].

Знание как фундаментальная категория является сквозной дефиницией, которую используют во всех науках, связанных с жизненными мирами индивидов и общностей, с их способностью к саморефлексии, саморазвитию и самоорганизации. Это, с одной стороны, перманентно актуализирует обращение к сущности знания, а с другой — позволяет системно расширять и детализировать связанное с указанной актуа-

---

лизацией проблемное поле. Для нас представляет интерес не столько попытка осмысления «вечного понятия», сколько стремление рассмотреть его во взаимосвязи с «оборотной стороной» — с незнанием, невежеством и различными формами их проявления. Их можно назвать **НЕ-знанием**¹. Одновременно актуализируется вопрос о рисках в связи с взаимозависимостью и взаимовлиянием знания и НЕ-знания [302].

Считаем, что в динамике социума инициатором генерации НЕ-знания и обострения антагонизма знания и НЕ-знания является процесс, названный нами «отторжение знаний».

Отторжение знаний как крайняя степень их неприятия мы рассматриваем не только как феномен актуальных практик, но и как сквозной социокультурный процесс [300]. Структурно его можно представить в форме синтеза отказа от знаний личностей и общностей и отчуждения знаний — результата институционализации соответствующих социальных технологий монополистов на знания и социальное распределение. Существование этого процесса в практиках повседневности подтверждается и на глобальном, и на локальных уровнях расширением форм функциональной неграмотности, «дебилизации» и «отупления» общества, о которых говорят и российские, и зарубежные социологи.

Согласно авторской трактовке, сущность **отчуждения знаний** может быть описана через действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсами знания. Это — конструкт социальной реальности, направленный на углубление стратификационных диспропорций, сужение каналов мобильности, установление барьеров, связанных с неравенством в доступности лифтов социальной мобильности в социальных процессах, закрепляющих соответствующий механизм социального дистанцирования.

Отчуждением знаний может выступать и институционализация невежества через ошибки в социальной политике власти. Можно внести искажения в социальную память общностей, инициировать опору в практиках повседневности на примитивизированные смыслы или отказ от традиций, норм и ценностей. Есть и еще один вариант, который мы позиционируем как одну из технологий отчуждения знаний, — сведение всех жизненных смыслов акторов только к обеспечению уровня выживания, когда личность и общности не могут не самоотчуждаться от знаний, так как генетически и/или в силу объективных причин не способны к интериоризации знаний, лежащих за пределами витальных потребностей обыденных практик.

Отказ от знаний — это, прежде всего, самоотчуждение от них. Личности и общности отказываются от знаний, воспринимая новые знания как факторы риска для стабильности индивидуальных и общностных жизненных миров. Самоотчуждение от знаний может быть связано с тем, что личность отказывается знать, потому что предлагаемое знание для нее лишено смыслов. Самоотчуждение может быть также инициировано самоисключением субъекта социального взаимодействия из процессов, связанных с предопределенностью негативных последствий интеракций именно в связи с наличием знаниевых оснований. Например, сложно вести диалог на английском языке, если ни один из собеседников им не владеет. Без специального образования индивид в роли врача не может консультировать больных. Самоотчуждение может быть оформлено и через отказ принять новое знание, не соответствующее санкционированному референтной общностью.

---

¹ Здесь и далее НЕ-знанием мы называем агрегатное представление незнания, невежества и различных форм их проявления. Одновременно используем традиционное в социологии и других науках обращение к понятиям «незнание» и «невежество» и формам их проявления, принимая во внимание предлагаемые другими авторами трактовки их сущности.

Актуализация процесса отторжения знаний позволяет увидеть в современном обществе обострение противостояния между знанием и НЕ-знанием. Здесь два противоположных по сути ресурса участвуют в одновременной сопряженной деятельности общностей, институций и институтов. Прежде всего, мы видим в этом функциональный антагонизм. В медицине функциональный антагонизм — это условная противоположность действий органов или систем (например, сгибателей и разгибателей), участвующих в одновременной сопряженной деятельности. Применительно к социальным явлениям и процессам функциональный антагонизм проявляется, когда речь идет об условной противоположности функций ресурсов, участвующих в одновременной сопряженной деятельности общностей и общества. Сегодня мы повсеместно сталкиваемся с ситуацией, когда то, что вчера считалось НЕ-знанием, воспринимается как знание, и наоборот. Иными словами, собственно знание становится в связи с этим антагонистическим: в нем одновременно сосуществует и то, что можно считать знанием, и то, что воспринимается как НЕ-знание.

Поэтому актуальный социум мы называем **обществом антагонистического знания. Ведущим деструктором в нем является процесс отторжения знаний.** Опираясь на это, укажем, что под деструктором в русле инновационных подходов в ИТ-технологиях понимается специальный метод «очистки», «освобождения» памяти, **вызывающий деинициализацию объектов.** Применительно к социальным явлениям мы можем говорить о «зачистке» памяти субъектов интеракций идеологическими методами, к которым относим прежде всего **технологии отчуждения знаний.** Именно они усиливают процессы социокультурной турбулентности, способствуют фрагментации нарративов, атомизации личностных и общественных жизненных миров, аномии и другим деструктивным феноменам (см.: [297; 298]).

Настоящая монография посвящена авторскому анализу рисков рефлексивной модернизации в условиях обострения антагонизма знания и НЕ-знания. Для этого мы представим видение сущности модернизационных процессов и их ресурсов — знания и НЕ-знания, а также эмпирически подтвердим выявленные в связи с этим риски рефлексивной модернизации. К ним в более ранних публикациях автора отнесены:

- 1) риск детерминизма ценностей общества НЕ-знания ценностями общества знания;
- 2) риск монополизации знаний при возрастании значимости контроля не только за доступностью информации, но и за ее интерпретацией и, как следствие, за социальным пространством и временем;
- 3) риск консервации социальных условий монополии на знание;
- 4) риск идентификации новых технологий с новой социальной политикой;
- 5) риск, связанный с нежеланием «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем;
- 6) риск замещения действительного в практиках повседневности на «видимое» с уровня макроменеджмента;
- 7) риск отставания не успевающих трансформироваться регламентов и институциональных структур от новых проблемных полей в организации и легитимации системы контроля не только за распределением знания, но и за информацией;
- 8) риск направленности действий власти не на минимизацию негативных внешних и внутренних экстерналий второго модерна, а на минимизацию «власти силы» тех, кто знает, как противостоять этой опасности и может назвать ее источники — собственников экспертного знания.

Дальнейшая конкретизация выявленных нами рисков предполагает осмысление противоречия: в рамках разных наук в соответствии с их предметом и объектом реализуются различные подходы к артикуляции ценности знания, мониторингу каче-

---

ственных характеристик обученности и мотивации освоения знаний, уровню развития человеческого потенциала и способности социума к инноватике, но они носят в основном статистический, констатирующий характер. Не исключено, что именно с этим исследователи связывают процесс, названный кризисом гуманитарного знания, его девальвацией. При девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления и на личностей, и на общности. В результате исследователи практик повседневности фиксируют рост оппозиционных настроений и социальной напряженности. Например, отмечается, что фундаментализм осваивает тактику «расползания» по странам и континентам, подчиняя тех, кто считает себя несправедливо обойденным в распределении общественных благ. Мы видим давление общностей с установками на «власть силы» и слабые попытки самозащиты «старых цивилизаций» от «набегов» «чужой реальности». Это — далеко не полный перечень результатов обострения антагонизма между знанием и НЕ-знанием, предопределяющим сущность рисков любых инновационных и модернизационных процессов в обществе. Отсюда ведущая задача: рефлексия феномена указанной нами дихотомии и определение механизма минимизации социальных потерь от ее экстерналий.

Глава 1

Модернизационные процессы и их ресурсы: знание и НЕ-знание

1.1. Актуальные противоречия в практиках повседневности, связанные со знанием и НЕ-знанием

Задача теоретического обоснования авторской попытки осмысления сущности рисков рефлексивной модернизации, связанных с обострением антагонизма знания и НЕ-знания, предопределена проявлением в актуальных практиках повседневности ряда противоречий.

Первое противоречие связано с перманентными инновационными трактовками практик модернизационных процессов, востребованных социальной динамикой, и отсутствием единства в осмыслении используемых при этом базисных понятий, прежде всего таких, как «знание» и «НЕ-знание», а также собственно «модернизационный процесс».

Так, по концепту П. Штомпки [335], сегодня используются три подхода к сущности модернизации:

модернизация — синоним всех прогрессивных социальных изменений поступательного движения общества;

модернизация — состояние и достижения современности, «процесс превращения традиционного, или дотехнологического, общества по мере его трансформации в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высокодифференцированные социальные структуры»;

модернизация — движение «опоздавших на старте» стран от традиционного к индустриальному и постиндустриальному статусу, которое можно было бы назвать «догоняющей модернизацией».

Для конкретизации сущности указанных П. Штомпкой подходов в лексике ученых присутствуют понятия «модернизация в обход модерни» (А. Абдель-Малек [5], А. Турен [283], Ш. Эйзенштадт [340]), «теории неомодернизации» (Э. Тирикьян [277]), «теории постмодернизации» (Дж. Александер [353], Р. Инглхарт [110]), «контромодернизация» и «антимодернизация» (А. Турен [283], У. Бек, Э. Гидденс [359]), «органическая (“снизу”» и «неорганическая (“сверху”» (Ш. Эйзенштадт [340. С. 261]), «ложная модернизация» (П. Штомпка [335]), «вестернизация без модернизации» и «модернизация без вестернизации» (С. Хантингтон [316]), «запаздывающая модернизация» («осовременивание вдогонку» (М. Леви [57; 291]) и т.д.

Активное включение рефлексивной модернизации в проблемное поле науки началось с работ Э. Гидденса, У. Бека, С. Лэша, Б. Латура в середине 1990-х годов. Сегодня в исследованиях мы встречаем не только попытки развить подходы ученых, но и найти в них несоответствия практикам повседневности, актуальным эмпирическим данным.

Обращаясь к дихотомии «знание — НЕ-знание», отметим, что у самих «гуру» рефлексивной модернизации наблюдаются противоречия в оценке роли знания. Э. Гидденс рассматривает модернизационные процессы в прямой зависимости от знания, связывая их с радикализацией борьбы с традицией [384], а У. Бек концентрирует внимание на негативных аспектах апокалипсического плана, predeterminedных незнанием [357].

Аналогично точкам зрения на сущность модернизации, уже сформирован достаточно широкий спектр подходов к сущности различных структур знания и НЕ-знания.

О расширении объема конструкторов осмысления знания может свидетельствовать даже краткое перечисление типов и видов знания, представленных при анализе его генезиса в проблемном поле разных наук:

в философии (знание философское, естественнонаучное, рациональное — иррациональное, истинное — ложное, объективное — субъективное, научное, априорное — апостериорное, обыденное, научное, предпосылочное и т.д., в зависимости от контекста исследования);

в социологии знания (знание гуманитарное, явное — неявное (скрытое), формальное — неформальное, предпосылочное, пралогическое, обыденное, коллективное, религиозное, виртуальное — реальное, о прошлом, «общностное знание» [100. С. 123], «образовательное знание» [99] и т.д., в зависимости от конструируемой социальной реальности в религиозном, философском, научном, идеологическом или эстетическом контекстах);

в экономических науках (организационное, воплощенное, интеллектуальное, запечатленное в организационной культуре и т.д. — «в зависимости от доминирующего (ключевого) типа организационного знания [177. С. 73]: экспертное, аналитическое, рутинизированное, связанное с интенсивностью коммуникаций и т.д.);

в педагогике и психологии (знание актуальное («действительное»), остаточное, коллективное, индивидуальное, донаучное, научное, общежитийское, художественное, межпредметное, «в форме учебных дисциплины, текста, задачи» [65], процедурное, семантическое, декларативное, эпизодическое, оценочное, перцептивное, проверяемое, приобретаемое, нормативное и т.д., в зависимости от места, времени и целей психолого-педагогических коннотаций);

в социальной психологии (знание социальное, обыденное коллективное, коммуникативное, согласованное, несогласованное, адаптивное, рефлексивное и т.д., связанное с социальным мышлением, социальными представлениями, личностными детерминантами).

Несмотря на имеющееся разнообразие видов, в социологии, философии и педагогике собственно знание по-прежнему выступает как аналог информации и/или проверенный практикой и отраженный в личностном или общностном сознании результат интеракций.

Нельзя сказать, что невежеству и незнанию не уделялось внимание в социальных науках. Например, известно, что еще Сократ называл обученностью (или, как сегодня мы понимаем ее, результатом процесса обучения) способность индивида осознать, понимать собственное невежество. Известна хрестоматийная дихотомия: знание — основа добродетельности (каждая конкретная добродетель — определенный

вид знания — предполагает приближение к слиянию истины, добра и справедливости), незнание — источник аморальности.

Что касается незнания и невежества как антонимов знания, то в теоретических источниках чаще всего описываются негативные результаты их проявления в ин-теракциях, но на уровне констатации социального факта.

Попытку классификации существующих подходов предпринял М. Гросс (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Репрезентация знания и видов незнания по М. Гроссу [70. С. 18]

Знание	Уверенность, истинность которой подтверждена и принята группой или определенными лицами и изучается социологом
Неведение	Знание о пределах знания в определенной области; увеличивается при каждом новом состоянии знания
Незнание	Знание о том, что неизвестно; учитывается в планах на будущее
Негативное знание	Знание о том, что неизвестно, но считается неважным или даже опасным; может вести к незнанию
Расширенное знание	Основано на ожидании и/или исследовании незнания — также может вести к новому незнанию, расширяя пределы вновь полученного знания
<i>Nescience</i>	Отсутствие всякого знания: предпосылка полной неожиданности за пределами всякого ожидания — может вести к неведению и незнанию, но относится к эпистемному классу, в отличие от других приведенных терминов

Согласно данным табл. 1, конституирование понятий «неведение» (*ignorance knowledge*), «незнание» (*non-knowledge*) или «негативное знание» (*negative knowledge*) в работах У. Бека, И. Валлерстайна, К. Кнорр-Цетины, Н. Лумана, Р. Мертона и др. не исключило продолжения осмысления типологии знания-незнания [87], развития социологии невежества [333] как научного направления, не претендующего на противопоставление социологии знания.

Здесь предметом исследования авторов выступает невежество, намеренно «сконструированное социумом». В исследованиях других ученых в аналогичном ракурсе ведется анализ некоторых проблем взаимодействия власти и знания [262].

Представляется, что указанное выше негативное знание в подходе М. Гросса можно лучше понять через *nescience* в описании К. Кнорр-Цетины. Здесь оно означает «не незнание, а знание пределов познания, знание совершаемых нами ошибок на пути познания, того, что мешает нашему познанию, того, что нам не интересно, и чего мы даже не хотим знать» (цит. по: [70. С. 22]) и, добавляет М. Гросс, «может быть, боимся знать», что сопоставимо с кнорр-цетиновским лиминальным знанием.

Обратим внимание на то, как М. Гросс констатирует: «Более того, *nescience* относится к фундаментально иному эпистемному классу, чем незнание или неведение. Не говорят о своем *nescience*, так как оно **не является частью сознаваемого и тем самым социально конструируемого незнания**. В лучшем случае говорят о чем-то или собственном прежнем незнании, и поэтому социолог может лишь ретроспективно приписать кому-то *nescience*» [70].

Далее М. Гросс отмечает: «*Nescience* позволяет хорошо понять неведение, негативное знание, новое расширенное знание, динамичный характер всех видов производства знания». Но, к сожалению, ученый так и не конкретизирует этот «фундаментально иной эпистемный класс». Нет объяснения и тому, почему М. Гросс считает *nescience* незнанием, не конструируемым социально. Кроме того, не ясно, почему

в целом задача осмысления процесса подобного неконструирования пока не стала предметом более пристального внимания социологов.

В то же время стоит согласиться с представленным выше анализом исследователя незнания, где констатируется, что присутствующие в методологических обобщениях «некоторые таксономии кажутся всецело продуктами научного увлечения теорией» [70. С. 16], т.е. все или почти все они только иллюстрируются конкретными данными, примерами, но не связаны с описанием вызывающих их в практиках повседневности процессов. Думается, что и верный в целом посыл М. Гросса обеспечивает также только констатацию, какой тип незнания имеет место в той или иной общности.

В результате отмечается, что словом *nescience*, согласно Оксфордскому словарю английского языка, обозначено отсутствие или недостаток знания [70. С. 16]. Думается, *nescience* ближе к малоисследованному процессу, названному нами отторжением знания как крайней степенью их неприятия [299].

Востребованность разработки авторского подхода к осмыслению указанного процесса связана с тем, что в социологии недостаточно разработана тема о социальной предопределенности параллельной интериоризации и знания, и НЕ-знания — результата индивидуального выбора и/или внешнего социального воздействия.

Это обуславливает еще одно противоречие актуальных практик: при активной артикуляции значимости знания и НЕ-знания отсутствует описание процедуры управления их параллельной интериоризацией, динамикой взаимозависимости, имеющей особенности на каждом этапе цивилизационного развития. Нет и осмысления сущности связанного с этим процесса, имеющего место в практиках повседневности и названного нами отторжением знаний.

Дадим краткое методологическое обоснование правомерности авторских констатаций.

Так, исследователи Античности (см.: [13; 24; 32; 49; 51; 159; 217] и др.), ссылаясь на Сенеку, напоминают, что античная философия использовала термин *stultus* (глупец) как более конкретное определение *homo ignorantia* (человека незнающего, неопытного). Согласно известному концепту Сенеки, чтобы выйти из состояния невежества, нужно обратиться к самому себе. Но поскольку глупец не умеет управлять собой в процессе личностного развития, «разбросан», ничем не занимается, пускает свою жизнь «на самотек», не способен направить волю ни к одной цели, без помощи стороннего человека ему будет достаточно сложно справиться с «обращением к самому себе». Поэтому выход за пределы незнания — к знанию, как правило, сопровождается помощью другого человека (учителя, наставника). Иначе справиться с «открытостью глупца» любым воздействиям, подчиненностью любым влияниям, с его некритичным восприятием чужого мнения, смешением объективного содержания представлений с ощущениями, с субъективными элементами психической жизни будет достаточно сложно.

Как видим, констатация факта незнания и невежества была сопряжена не только с осмыслением социального риска присутствия «глупцов» для общности, но и с вездущей потребностью социума минимизировать незнание и невежество через обучение и участие в нем «проводников знания». Иначе говоря, знание и незнание присутствуют в социуме в качестве социальных фактов, но каждый из них играет роль своеобразного ориентира, индикатора в позиционировании субъектов интеракций — конкретизации социального статуса, перспектив мобильности и в целом социального капитала.

В социуме того времени конституированы и институционально закреплены фреймы знания и условия его интериоризации. Здесь знание — инструмент, подтверждающий статус их владельца. Но незнание этот статус не меняло, влияя только на

проблемы межличностных интеракций и индивидуальный социокультурный «диагноз» его владельца.

Отметим, что все результаты интеракций были детерминированы ценностью знания. Ценность знания в Античности — ценность счастливой, т.е. добродетельной, жизни. Цена НЕ-знания — отказ индивидов от стратегии минимизации масштабов личного невежества, аномия и в результате социальная эксклюзия. Можно увидеть и еще один аспект цены НЕ-знания: отчуждение «моральных знаний» от общностей тех, кто в силу аскриптивного статуса, по мнению античных мыслителей, был не способен освоить знания (например, землепашцы).

В рамках **первого аспекта цены НЕ-знания** мы видим, что еще с сократовских времен нам предлагается рассматривать невежество, незнание как антонимы знания. Сегодня такое противопоставление не утратило смысла, однако приобрело новое звучание: обсуждается кризис знания как глобальная проблема современной интеллектуальной мысли. Знание и незнание выступают в качестве источников (ресурсов) и результатов рефлексивной модернизации (*reflexive modernization*) социума, что отличает ее от известных экологической и политической модернизационных концепций. Причем у Э. Гидденса, как мы указали ранее, проводником рефлексивной модернизации является знание, а у У. Бека «ту же роль играет незнание (*Nichtwissen*)» [70].

В актуальных практиках не столько собственники информации, сколько владельцы (монополисты и носители) знания становятся основополагающими акторами социума. В зависимости от качественных характеристик ценности знания в социуме и личного социального капитала они могут принять на себя как роль представителя страты исполнителей, так и страты элиты. Однако воспользоваться этим ресурсом можно только через интериоризацию знания и при наличии социального капитала, позволяющего это реализовать.

По словам В. Л. Иноземцева, сегодня свойства информации и знаний как стратегического ресурса — объекта собственности [111. С. 118—119], позволяют говорить о тех, кто не только обладает информацией и знаниями, но и успешно манипулирует ими на трех уровнях:

- национальном (правительственная бюрократия);
- отраслевом (профессионалы и академические эксперты);
- хозяйствующей организации (техноструктура).

С этим связан **второй аспект цены НЕ-знания**. Здесь отторжение знаний выступает не итогом субъективного выбора, а результатом внешних по отношению к нему социальных стратегий или технологий по отчуждению знаний. Именно наличие второго аспекта позволяет говорить о двух сторонах единого социального процесса, связанного с крайней степенью неприятия знаний и названного нами их отторжением.

Мы показали, что уже «от Сократа» можно выделить в процессе отторжения указанные две составляющие: отказ от знаний, predetermined личностным выбором, волей, потребностями и/или биологическими возможностями, и отчуждение индивидов и общностей от знаний в силу воздействия надличностных структур. К такому направлению рассуждений подводит и У. Бек, когда описывает два типа незнания: первый связан «с нежеланием знать», второй — «с невозможностью знать» [358]. Однако размышления ученого, как и многих других, опираются на известный парадокс знания: расширение площади (круга) знания увеличивает и границы его соприкосновения с незнанием, в то время как процесс отторжения знания остается как бы вне этого нелинейного подхода. Не решает этой проблемы и обращение к концептам Г. Раша, ратующего за линейный подход к знанию, при котором знания — латентное и прямо не измеримое качество личности.

Хрестоматийная платоновская парадигма, включенная в описание функционального устройства системной модели общества, о том, что «умные управляют сильными и умелыми», обретает в современных практиках повседневности особую значимость, играя ведущую роль дифференциации в социуме. Действительно, умные как собственники знания распоряжаются по своему усмотрению ресурсами тех, кто владеет только физической силой, навыками и умениями. **Но если до актуальных практик знание и НЕ-знание были результатом социальных процессов, то теперь они — ведущий ресурс, инициатор и индикатор этих процессов.** Причем если знание как ресурс представлено прежде всего в экономической теории, то НЕ-знание в сравнении с ним исследовано достаточно фрагментарно. Кроме того, до настоящего времени каждый перечисленный феномен чаще всего анализировался изолированно от другого.

Таким образом, развивая уже имеющиеся в науке парадигмы относительно констатации социальных феноменов знания и НЕ-знания, мы обоснованно говорим о социальном процессе, связанном с их параллельной интериоризацией и отторжением.

Итак, **структурно отторжение знаний может быть описано через две составляющие подсистемы: отказ от знаний и отчуждение знаний.**

Отказ от знаний — поведенческая стратегия социального действия. Она связана с неприятием индивидом рутинных, традиционных, проверенных научной практикой, декларируемых институциональными структурами или «чужими», а также новых знаний. Это — конструкт социальной реальности, в котором скоррелированы «субъективные смыслы» и «объективная фактичность».

Отчуждение знаний — действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсами знания. Так могут воздействовать властные или корпоративные институты, не желая допускать «прозрачности» информации о каком-то направлении собственной деятельности и развития у индивидов навыков ее критической оценки и интериоризации, вхождения в профессиональные корпорации «чужаков», демонстрируя *esprit de corps* (цеховую солидарность).

Продолжая рассуждения по представленной ранее парадигме В. Л. Иноземцева, мы можем говорить о мобинге «чужаков», барьерах, дистанцирующих закрытость профессионального пространства, сегодня проявляющихся намного ярче, чем во все предшествующие эпохи, и имеющих более трагичные для социокультурных контекстов последствия. Например, сопротивление науки новому знанию, описанное Б. Барбером [355], а позже развитие Р. Мертоном [403], Т. Дж. Шеффом [421], сегодня уже перешло с уровня чисто академических проблем на уровень обыденного сознания.

Указанные практики актуализированы не только на национальном и уровне, но и в международном масштабе.

Так, Э. С. Райнерт описывает результаты подхода к знаниям, названного им адекватным, так как он способствовал расцвету современных развитых стран: «Богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли промышленности и услуг. Все они эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту (прибыль, превышающую нормальный уровень дохода), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких зарплат и на правительство в форме больших налоговых поступлений» [229. С. 29–30].

Результатом такого адекватного подхода стала рамочная стратегия, которую мы можем определить как стратегию отчуждения знаний, включенную в традиционную и современную формы колониальной политики. «По сути своей колониализм — это система, которая стремится не допустить развития» в колониях указанных выше

эффектов, которые касаются прежде всего возможности эмулирования — имитации успешного опыта других общностей, чтобы «сравняться или превзойти» [229. С. 24].

Современными колониями стали «бедные страны», специализирующиеся на видах деятельности, «для которых типична хотя бы одна из следующих черт:

во-первых, скорее убывающая, чем возрастающая отдача;

во-вторых, они лишены потенциала по накоплению знаний и технического опыта;

в-третьих, плоды этого накопления вместо того, чтобы приводить к богатству самой страны, приводят к снижению цен на ее продукцию для покупателей из богатых стран» [229. С. 30].

Вывод Э. С. Райнерта из этих рассуждений противоречит активно артикулируемой сегодня **сущности модернизационного развития**. Ученый постулирует: «То, что мы называем развитием, является рентой, **основанной на знании и технологиях**, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля между странами, стоящими на разных уровнях развития. Из этого следует, что одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом — на бедности» [229. С. 30].

Мы видим здесь знание — источник, ресурс ренты, получаемой государствами, не только для обеспечения собственного развития, но и для доминирования над странами, «специализирующимися на бедности», — новыми колониями. Они не обладают потенциалом по «накоплению знаний и технического опыта», поэтому ни свободная торговля, признанная в современной экономической теории ведущим фактором процветания, ни финансовая донорская поддержка ничего не исправят в их позиционировании на мировой арене.

Одновременно и незнание, невежество было бы неверно рассматривать только как своеобразный антиресурс. Незнание может выступить и в роли инициатора процесса познания, и в качестве достаточно эффективного деструктора социальных процессов, что подтверждено не только представленными примерами, но и мировой исторической практикой. Однако сегодня речь должна вестись не просто о параллельном существовании знания и незнания, невежества в роли индикаторов социальных явлений, а о противоречивости их ресурсной значимости в социальной динамике, прежде всего через процесс отторжения знаний.

Подтверждение выявленному нами в актуальных практиках обострению антагонизма знания и НЕ-знания можно увидеть в качестве намека в концептах исследователей рефлексивной модернизации.

Ссылаясь на У. Бека, Д. Джери и Дж. Джери обобщают: рефлексивная модернизация (*reflexive modernization*) — это концепция, согласно которой **«чем больше обществ модернизируется, тем больше агентов (субъектов) приобретает способность размышлять о социальных условиях своего существования и тем самым об их изменении»** [79]. Развивая это утверждение, укажем, что речь идет о востребованности анализа и готовности к нему со стороны субъектов интеракций тех модернизационных процессов, которые уже реализуются через инновации. Следовательно, и востребованность анализа, и готовность к нему индивидов и общностей, равно как и собственно инновационные процессы, предопределены актуализацией процесса отторжения знаний.

Считаем, что **процесс отторжения знаний является следствием процесса утраты доверия к традиционно декларируемым смыслам знания**, прежде всего на уровне науки.

Так, исследователи отмечают, что с распадом не вызывавшей сомнения веры в рациональность науки идея нейтральности знания больше не заслуживает доверия [357]. Именно поэтому важную роль играют источники и последствия рефлексивной

модернизации. Дополним, что среди них — усиление противостояния знания и НЕ-знания. Однако у У. Бека знание — научное, опытное, повседневное, расширяясь, все больше соприкасается с зоной незнания, характеризующейся «врожденным динамизмом, невидимым и невольным» [Бек]. Это связано с процессами «дезинтеграции и реинтегрирования индустриального общества», в котором «один тип сциентизации подрывает следующий». Поэтому, с одной стороны, возрастают обязательства научного знания по «оправданию вещей» и осмыслению источников «неуверенности». Здесь можно говорить о нарастании в социуме в целом чувства неуверенности во всем — в индивидуальной идентичности, социальных связях, перспективах занятости и карьеры. С другой стороны, «чувство усиления неопределенности и возрастания рисков» в социальной динамике может привести к «имманентной плюрализации рисков» [Бек] и к отрицанию в целом и индустриального общества, и востребованности в нем инноваций. Таким образом, У. Бек фактически указывает на обострение декларируемого нами антагонизма знания и НЕ-знания.

Действительно, как мы указывали ранее, при девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления и на личности, и на общности. В результате исследователи практик повседневности фиксируют в социуме рост оппозиционных настроений и напряженности. Отмечается, что фундаментализм осваивает тактику «расползания» по странам и континентам, подчиняя себе тех, кто считает себя несправедливо обойденным в распределении общественных благ. Мы видим давление общностей с установками на «власть силы» и слабые попытки самозащиты «старых цивилизаций» от «набегов» «чужой реальности», на что указывали во введении к настоящей работе.

Это — далеко не полный перечень результатов обострения антагонизма между знанием и незнанием, невежеством, предопределяющего сущность рисков любых инновационных и модернизационных процессов в обществе. Из этого, как мы указали ранее, следует ведущая задача: рефлексия феномена указанной нами дихотомии и определение механизма минимизации социальных потерь от ее экстерналий.

Подчеркнем, что знание и результирующие его отторжения (незнание и невежество) находятся в условиях системного антагонизма. В генезисе современного общества это противоречие обострено, так как связано с углубляющейся дифференциацией в социуме и эффектами монополизации знания. В анамнезе, или истории прошлых «заболеваний», социума присутствовали все перечисленные константы, однако генезис общества включал разные характеристики их противостояния.

Мы уже указали, что знание и НЕ-знание индивидов и общностей есть результат социальных процессов, и показали трансформацию их влияния на роль ведущих ресурсов социальной динамики. **Однако исследования социальных процессов через фреймы взаимозависимости знания и НЕ-знания, вызывающих и тормозящих эти обновления, достаточно фрагментарны и разрозненны.** Этим можно объяснить то, что до сегодняшнего дня в рамках разных наук реализуются различные подходы к артикуляции ценности знания, мониторингу качественных характеристик обученности и мотивации освоения знаний, уровня развития человеческого потенциала и способности социума к инноватике. Однако, как указывалось ранее, все они носят в основном статистический, констатирующий характер. Недостаточно развита практика социологического осмысления социетальных взаимозависимостей, связанных с параллельными процессами интериоризации знаний и их отторжения.

Для нас значимо, что на периферии внимания исследователей остается связанный с антагонизмом знания и НЕ-знания процесс отторжения знаний как крайней степени их неприятия, результатом которого, как мы указывали, выступают незнание

и невежество. Последние позиционируются в современной науке как некие абстрактные категории, связанные с попытками таксономических описаний, применение которых на практике весьма проблематично.

Таким образом, в актуальных практиках антагонизм знания и НЕ-знания приобретает характер детерминанты социальных процессов и явлений. В связи с этим еще одним противоречием в представленном нами перечне является то, что знание и НЕ-знание рассматриваются как результат неэффективных действий реализаторов модернизационных процессов, в то время как процесс отторжения знаний, инициирующий негативные экстерналии социального развития, остается в стороне от внимания исследователей.

Мы показали, что фундаментальным противоречием актуальных практик является противоречие между накоплением оценок различных форм, типов и видов знания и НЕ-знания на уровне констатации социального факта и отсутствием социологического анализа причинно-следственных связей взаимозависимостей между ними, прежде всего на уровне их параллельного влияния на модернизационные процессы, протекающие в социуме, что имеет существенное прикладное значение.

Для того чтобы решить поставленную ранее теоретико-прикладную задачу описания рисков рефлексивной модернизации, связанных с антагонизмом знания и незнания, следует конкретизировать инновационные фреймы знания и незнания.

1.2. Знание и НЕ-знание – социально предопределенные действия интериоризации и экспертизы информации

Знание, как мы упоминали ранее, — это фундаментальная категория, является сквозной реальной дефиницией, используемой во всех науках, связанных с жизненными мирами индивидов и общностей, с их способностью к саморефлексии, саморазвитию и самоорганизации. Указанное, с одной стороны, перманентно актуализирует обращение к сущности знания, а с другой — позволяет системно расширять и детализировать связанное с указанной актуализацией проблемное поле. Детализируем эту установку.

Современные исследователи отмечают, что навыки самопознания, самооценки и, следовательно, приближения к идеалу — собственно знанию, по Сократу, интериорируются с помощью восьми способов [362]:

- 1) интерпретация заявлений других лиц;
- 2) «тестирование или изучение знаний» и того, что должно быть узвано, «чтобы быть мудрым»;
- 3) осмысление «демонстраций теми, кто не мудр, своего невежества»;
- 4) обучение у тех, кто признан мудрыми;
- 5) изучение себя;
- 6) пропаганда другим значимости освоения философии;
- 7) изучение жизни других людей;
- 8) достижение «моральных знаний».

Можно напомнить, что началом философских дебатов о сути знания признана формулировка Платона о знании как об «оправданной истиной вере». Поэтому для того чтобы утверждение стало знанием, должны быть выполнены три условия: оправданность (доказанность), истинность и вера (доверие). Но здесь речь идет о внешней стороне восприятия знания: «некто» должен доказать, обосновать истинность и под-

твердить ценность веры. Мы не обнаруживаем причинно-следственное объяснение актуальных действий или бездействия акторов, по отношению к которым знание доказывается, обосновывается и подтверждается. Хотя позже доверие как связующий переходный мостик присутствует в осмыслении сущности трансформации незнания в знание в социологии Г. Зиммеля [103. С. 13–16, 42–43, 49, 57].

Представляется, что в философском контексте не используется бергеро-лукмановская установка: изучать то, что считается знанием в обществе, невзирая на кажущуюся «обоснованность или необоснованность такого знания» [23. С. 12]. В то же время современная социология знания не уточняет, что считается знанием в обычной жизни людей, чем отличается в практиках повседневности «востребованное» знание от «ненужного», каковы механизм их различения и связанные с ним стратегии интериоризации.

Представленное выше разнообразие в видах знания и НЕ-знания подтверждает, что, как мы уже отметили, оснований для типологии знаний и НЕ-знания, обобщенных современной наукой, достаточно много. Это позволяет в различных случаях по-разному отвечать на вопросы об источниках знания и НЕ-знания, их видах и границах применимости познавательных способностей индивидов и общностей. Но одновременно обнаруживается, что при разнообразии подходов к сущности знания и НЕ-знания **инструментальное единство отсутствует**.

Некоторое исключение представляет определение знания в Оксфордском словаре английского языка [427]. Знание здесь — экспертность (дословно — экспертиза) и навыки, приобретенные человеком через опыт или образование, как теоретическое или практическое понимание предмета. Кроме этого, знанием является то, что известно в специфической области или, в более широком смысле, практики, факты и информация, а также «понимание или дружественные отношения, полученные благодаря фактическому опыту или какой-то ситуации».

Рассмотрим подходы к сущности знания в междисциплинарном контексте через постулаты социологии.

1.2.1. Знание в педагогике и проблемы «омертвления» социального капитала

В педагогике знание — важнейшая и, казалось бы, ведущая категория. Однако первичными по отношению к ней оказываются просвещение или образование как механизм и институт передачи знания. Более того, отмечается, что в большинстве учебников по педагогике отсутствует определение понятия «знание» [7]. Обращение к проблемному полю образования, заложенному в работах Г. В. Ф. Гегеля, П. Бурдьё [38], И. Валлерстайна, Э. Дюркгейма, Дж. Дьюи, Ж.-К. Пассрона, Ж. П. Пиаже, Э. Роджерса и многих других ученых, позволяет констатировать, что до сегодняшнего дня осмысление многих фундаментальных категорий педагогики противоречиво.

Например, хрестоматийное определение образования сегодня присутствует в педагогике в двух ипостасях. Первая — на уровне философской категории, и тогда образование — это воспитание граждан в соответствии с целевыми установками на уровне системы в социетальном и социальном ракурсах. Вторая связана с основными функциями образования: воспитание, развитие и обучение (образование), которые отражены в предмете и объекте науки. Объект педагогики — человек, развивающийся в результате воспитательных отношений. Хотя, с нашей точки зрения, в качестве объ-

екта должна выступать мотивация индивидов или, в русле методологии Т. Парсонса, ориентация действия и постоянное саморазвитие и самообразование.

Предмет педагогики — воспитательные отношения, обеспечивающие развитие человека. Не случайно этот процесс рассматривается в широком и узком социальном смыслах.

В широком социальном смысле воспитание — это передача накопленного опыта от старших поколений к младшим. Здесь под опытом понимаются «известные людям знания, умения, способы мышления, нравственные, этические, правовые нормы, т.е. все, созданное в процессе исторического развития, духовное наследие человечества» [236. С. 331]. В таком определении знание позиционировано как синоним информированности и одновременно в качестве одной из составляющих результатов образования — проявления востребованных обществом умений, норм, способов мышления индивидов.

В узком социальном смысле под воспитанием понимается направленное на человека воздействие со стороны общественных институтов с целью формирования у него определенных знаний, взглядов и убеждений, нравственных ценностей, политической ориентации, подготовки к жизни.

Иными словами, индивид — объект целенаправленного воздействия, у которого внешние силы формируют взгляды и убеждения. Сам он оказывается в качестве своеобразным «бревном», из которого «мудрый папа Карло» в содружестве с «Мальвиной» вытесывают нечто, востребованное общностью «кукловодов». Тогда в процессе образования объем освоенных в условиях первичной социализации ценностно-мотивационных установок должен не уточняться и адаптироваться к унифицированному и институционализированному социумом надличностному регламенту, а заново формироваться. Получается, что только теоретически сам ученик наделяется правом участника (само)изменений, (само)развития, конкретизации идентичности и конструирования жизненного мира. Декларируемое же педагогикой знание лишается взаимосвязи с социальным действием основного субъекта и объекта интеракций.

Видимо, поэтому в Российской педагогической энциклопедии, служащей фундаментом всего того, что отражено в многочисленных актуальных учебниках по педагогике, знание определяется в чисто философском контексте, как «проверенный общественно-исторической практикой и достоверный логикой результат процесса познания действительности. Знания — это адекватное отражение действительности в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [236. С. 331]. Но, подчеркнем, не действий в социальных коммуникациях.

До сегодняшнего дня в педагогике доминирует априорный концепт. Здесь сосуществуют одновременно «знание и знание»: знание как философская категория и знание как некая абстрактная сущность, включенная в известную триаду «знания — умения — навыки» (ЗУН) и воспринимаемая нами как уровень усвоения учащимся заданных образовательной системой объема информации и стандартных алгоритмов ее использования и интерпретации.

Одновременно философское осмысление базисных категорий образования не является чисто негативной тенденцией. Например, С. И. Гессен описывал педагогику как прикладную философию [60. С. 35–38]. Хотя философский взгляд С. И. Гессена на культуру и образование сегодня, скорее всего, назвали бы социологическим и очень современным, поскольку он ориентирован на опыт повседневного знания, разделяемого между людьми «в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [23].

Проблема в том, что современная педагогика как бы «застыла» на указанной тенденции и значительный пласт актуальных инноваций в ней в той или иной форме

форматируется этой «окаменелостью». Именно поэтому востребовано осмысление того, как сочетается представленное выше однообразие подхода к определению знания с ожиданиями от его традиционного предназначения: ориентировать социальное действие и реализовываться в практиках социального взаимодействия.

Пока мы видим только абстрактный конструкт второго порядка, с которым, говоря условно, «работать» невозможно. Его содержание можно запомнить, но использование при попытке определения, например, индикаторов эффективности освоения знаний или глубины отказа от него представляется проблематичным, в то время как сегодня востребовано разрешение именно этой проблемы.

В связи с этим напомним, что В. Л. Иноземцев предложил рассматривать **знание как ресурс манипулирования сознанием других и социальными процессами** [111. С. 118–119]. Однако способности к манипуляции редко являются природными. Они формируются в результате практической и обязательно творческой деятельности. Следовательно, стратегия формирования навыков творческой деятельности должна стать основой прежде всего педагогики. Сегодня же в практике института образования мы видим декларацию востребованности креатива обучаемых при констатации его низкой эффективности.

На последствия этого факта наряду с другими учеными обращает внимание В. Л. Иноземцев. Он констатирует, что в России подается более 27 тыс. патентных заявок в год, но 93% их направляются в российскую патентную службу, тогда как в патентный офис США (на который приходится 50,2% заявок всех регистрируемых в мире патентов) подается всего 400–500 заявок против 2 600 приходящих из Финляндии и 24 900 — из Германии [112. С. 279–280].

В. Л. Иноземцев считает, что люди, составляющие сегодня элиту, вне зависимости от того, как она будет названа, обладают качествами, не обусловленными внешними социальными факторами. Не общество, не социальные отношения делают теперь человека представителем господствующего класса и не они дают ему власть над другими людьми: **сам человек** формирует себя как носителя качеств, делающих его представителем высшей социальной страты [114. С. 563].

С нашей точки зрения, эти факторы как раз социально обусловлены и имеют непосредственное отношение к представленному нами процессу отторжения знаний. С одной стороны, человек «сам себя формирует», когда интериоризирует установку на ценность знания. Но эта установка первоначально должна быть ему предложена «значимыми другими» как соответствующая общностному знанию и принятой в социуме установке на ценность знания. С другой стороны, человек может оказаться неспособным преодолеть те барьеры, которые воздвигаются монополистами на знание в процессе «моббинга чужаков». Но если процесс социального распределения знания, скажем так, справедлив (т.е. сохраняется условие равенства возможностей для освоения и представления индивидуального уровня знаний), то парадигма В. Л. Иноземцева истинна. Тогда дополним, что стать представителем высшей социальной страты человек может только в обществе с рефлексивной и креативной установками на ценность знания. Другой вопрос, сможет ли стремящийся с самоактуализации субъект в условиях наличного социального капитала реализовать свои социальные амбиции.

А. А. Реан, Н. В. Бордовская, С. И. Розум [231] отмечают, что согласно И. Я. Лернеру содержание понятия «образование» следует оценивать на основе анализа человеческой культуры и рассматривать как совокупность:

системы знаний (о природе, обществе, технике, человеке, космосе), раскрывающей картину мира, что, с нашей точки зрения, можно воспринимать просто как информационное наполнение;

опыта осуществления известных для человека способов деятельности, что, думается, наиболее характерно для системы профессионального образования;

опыта творческой деятельности по решению новых проблем, обеспечивающей развитие способности у человека к дальнейшему развитию культуры, науки и человеческого общества, что в большей степени характерно для академического образования и системы профессиональной научной деятельности;

опыта ценностного отношения к миру.

Далее ученые обобщают: знания и информация помогают человеку ориентироваться в окружающем мире. Усвоенные способы деятельности и умения обеспечивают воспроизведение человеком окружающего мира. Опыт творческой деятельности также самостоятелен по своему содержанию. Он предполагает «перенос ранее усвоенных знаний в новую ситуацию, самостоятельное видение проблемы, видение альтернативы ее решения, комбинирование ранее усвоенных способов в новые способы и др.» [231]. Однако и этот подход не дает возможности конкретизировать сущность понятия «знание» за пределами философского дискурса, так как способы действия со знанием и механизм его использования для ориентации в окружающем мире в представленном выше контексте остаются на уровне догадок.

В связи с этим приобретает значимость понятие «образовательное знание», введенное Г. Е. Зборовским [99]. Ученый рассматривает образовательное знание как особый вид знания, не являющийся ни научно специализированным, ни обыденно-жизненным. Знание, которое транслирует педагог (учебник) и интериоризирует учащийся, «не является в полной мере научным, поскольку требует некоторого “упрощения”, редукции, адаптации. В то же время оно содержит в себе черты обыденного, доступного знания и, что особенно важно, языка, с помощью которого образовательное знание транслируется» [99].

Ученый уточняет: «Образовательное знание — это не просто препарированное научно специализированное знание. Оно содержит в себе мировоззренческий компонент (взамен прежнего, чаще всего идеологического) и преследует цель социализирующего воздействия». Далее Г. Е. Зборовский утверждает, что с усилением роли гуманитарной составляющей научного знания трансформируется и структура образовательного знания. Но здесь ученый предупреждает об опасности сведения специализированного научного знания к адаптированному настолько, что оно приблизится к обыденному. Поэтому задача состоит в том, чтобы не допустить этого. Иначе говоря, обыденное знание априорно «неистинно», хотя считается, что житейские (или обыденные) знания — это синтез здравого смысла и обыденного сознания, которые в принципе могут строиться и на основаниях опыта, не противоречащего науке. На это указывал еще Г. Зиммель, когда рассуждал об источниках научного знания (см., например: [103. С. 13—16, 42—43, 49, 57]).

Трудновыполнимая задача «не допустить приближения научного знания к обыденному» заочно прокомментирована В. А. Лекторским, который показал, что наблюдаемое со времен Платона противопоставление обоснованного научного знания здравому смыслу и мифу сегодня утрачивает свою актуальность. Платоновская позиция стала подвергаться сомнению после того, как «то, что считалось знанием в классическом естествознании, оказалось псевдознанием, а то, что считалось обоснованием, перестало рассматриваться в качестве такового» [154].

В XX веке выяснилось, «что и в самой науке не все когнитивные образования можно числить по ведомству знания (есть в ней и паразитарные образования, и мифологические наросты). Во-вторых, оказалось, что понять, как реально действует процедура обоснования в науке, не столь просто. В-третьих, было обнаружено, что никакого окончательного и абсолютного обоснования не существует, что оно исто-

рично и что поэтому абсолютной и непроходимой грани между мнением и знанием нет. Это, тем не менее, не исключает их различия, ибо можно говорить о разной степени обоснованности» [154].

Утверждение В. А. Лекторского, с нашей точки зрения, в чем-то дополняет известное противоречие взглядов К. Поппера и Т. Куна на научное знание. Если К. Поппер выражал уверенность в том, что неизбежные ошибки — «фальсификации», допущенные учеными в научном знании, будут ими исправляться [222. С. 201–208], то Т. Кун, наоборот, констатировал ангажированность доминантных парадигм науки, принятых научным сообществом, даже если эти парадигмы ошибочны [142. С. 225–230].

В этом случае обучаемый оказывается в системной ситуации выбора: принять за основу самоактуализации то, что перманентно (это истинно, а то — ложно), или пользоваться теми смыслами, которые не несут в себе угрозы неопределенности и постоянной сменяемости. В результате неизбежно дистанцирование познающего субъекта от навязываемых извне теоретических конструкций.

Представленное противоречие между неопределенностью парадигм научного знания и стремлением индивидов и общностей к стабильности отражается и на методологических подходах к содержанию учебников. Оно по многим признакам базируется на детерминизме классической философии, согласно которому из описаний и объяснений зачастую исключается всё, что имеет непосредственное отношение и к субъекту, и к социально-психологической обоснованности процедур инициирования его когнитивной активности. Об этом свидетельствуют исследования А. А. Гина [64], А. Г. Каспржака [123], Г. С. Ковалевой [133] и других авторов. Более того, практически не учитывается, что источником информации сегодня для большинства учащихся является не только учебник, но и — в большей степени — внешкольное информационное пространство. В результате образовательное учреждение должно искать новые практики корректировки осмысления полученной учащимися информации вне рамок формальной образовательной среды. Но это, как правило, происходит достаточно стихийно и связано с уровнем компетентности собственно «проводников знаний» — общности педагогов.

В связи с изложенным можно указать на **наличие явного фундаментального противоречия**.

С одной стороны, мы имеем «окостенелый» философско-педагогический конструкт второго порядка по поводу осмысления сущности знания, где знание — удостоверяемый практикой опыт, что в современных условиях глобализации информационного пространства сводит знание к информации, которой можно доверять, если она достоверна с научной точки зрения или воспринимается таковой. В социологии знания в роли знания представлено то, что «принято считать знанием» в данном месте и в данное время. И тогда мы оказываемся перед вечной дихотомией «знание научное (верное) — знание обыденное (примитивизированное, НЕ-знание)». По отношению к последнему необходимо, в соответствии с представленным тезисом из социологии образования, предпринимать меры для жесткого дистанцирования со знанием научным.

С другой стороны, ни тот, ни другой подход не могут стать основанием для осмысления сущности процесса интериоризации освоения знаний или отказа от них, поскольку могут выступать только в роли ориентира для рассуждений «по поводу знания».

Кроме того, в рамках института образования мы видим процесс социального распределения знания между общностями, задействованными в обучении. Здесь мы можем говорить о накоплении опыта интериоризации информации, освоения способов работы с ней и механизма ее передачи от одной общности к другой. Следовательно, о социальном взаимодействии, содержание которого должно быть предопределено «биографически детерминированными релевантностями» [339] общностей в рамках

образовательного процесса. Иными словами, индивидуальные и групповые различия в социальном поведении детерминированы индивидуальными и групповыми различиями в знаниях. Это, в свою очередь, обусловлено социальным распределением знаний и одновременно закрепляет результаты этого распределения.

Подчеркнем, что собственно процесс образования представляет собой процесс социального распределения знаний, направленный на вторичную социализацию его участников. Согласно бергеровско-лукмановскому подходу, вторичная социализация – «интернализация институциональных или институционально обоснованных “подмиров”». Поэтому степень и характер этого процесса «определяются сложностью раздельного труда и соответствующего ему социального распределения знания» [23]. В нашем случае речь может идти о труде в первую очередь педагогов, учащихся и их родителей. Каждая общность, социализируясь в связи с взаимодействием в образовательной системе, получает возможность конструирования своих «жизненных миров» в соответствии с этим процессом. При этом распределяется не просто информация, а то, что сопутствует ей в процессе социализации: система действий по ее интериоризации или отказу от участия в этом.

Одновременно социальное распределение знания между социализирующими субъектами и общностями происходит автономно от артикуляции сущности понятий и знание, и его отторжение. Это говорит о том, что процесс объективно присутствует, но нуждается в социологическом осмыслении.

Продолжая представление теоретико-методологические подходов, отметим, что в социологии образования есть некоторое обращение к названному противоречию в социальном распределении знания в образовательной среде. Так, Г. Е. Зборовский в указанном труде [99] под образовательным знанием предлагает понимать и знание, «разделяемое педагогами и учащимися в привычной самоочевидной обыденности учебных занятий». Применительно к образовательному процессу «социальное распределение знаний может иметь место и в отношениях по поводу знания между обучающими и обучающимися, и внутри каждой группы порознь». Здесь мы видим некоторое указание на перспективу обращения к социологической интерпретации ценности знания. Но этот аспект в выводах ученого пока остается «за кадром».

В то же время в описании сущности образовательного знания, предложенном Г. Е. Зборовским, говорится как раз о значимости ответа на вопрос о том, каким должно быть образовательное знание, чтобы максимально способствовать эффективности процесса образования, т.е. вопрос о его качестве и «упаковке». Точнее, каким должно быть знание, транслируемое учащемуся, по содержанию и форме. Под формой понимается «язык» знания, что не вызывает никаких сомнений. Под содержанием понимается совокупность предметных характеристик, информации, способ ее анализа. Получается, что знание сводится к информации и подкрепляется способами работы с ней. Мы согласны с ученым в том, что под видимостью научности содержания в реальных учебниках чаще всего позиционируется умозрительное теоретизирование, так как это подтверждает наши рассуждения, представленные ранее.

Согласимся с Г. Е. Зборовским и в том, что самая большая сложность в трактовке образовательного знания – это переходы от специализированного научного знания к образовательному, от образовательного – к повседневному (и наоборот). Каждый переход подразумевает наличие в образовательном знании каких-то сторон и обыденного, и специально научного знания. Однако и здесь мы не находим ответа на вопрос, что инициирует эти опосредованные переходы и вызывает отказ учащихся от участия в них.

В связи с этим учтем, что в педагогике в целом различают не только глубину, но и широту знания, степень полноты охвата им предметов и явлений данной области действительности, их особенностей, закономерностей, а также степень детализован-

ности. Но здесь присутствует явный перекокс в сторону идентичности информации и знания. В то же время в практической педагогике все-таки предпринимаются попытки иного подхода к смыслу качества знания, тогда как сущность знания в «практической философии» рассматривается на уровне философского концепта.

Например, в исследованиях И. Ф. Харламова [135. С. 18] отмечается, что знать изученный материал значит уметь:

- осмысленно и полностью его воспроизводить;
- воспроизводить его в сокращенном виде;
- выделять главные положения;
- разъяснять сущность усвоенных правил, выводить их из других теоретических обобщений;
- доказать правильность и обоснованность усвоенных теоретических положений;
- отвечать на прямые и косвенные вопросы по изучаемому материалу;
- расчленять материал на смысловые части и составлять его план в устном и письменном виде;
- иллюстрировать усвоенные теоретические положения своими примерами и фактами;
- письменно отвечать на вопросы по изученному материалу;
- применять полученные знания на практике, т.е. решать примеры и задачи, составлять схемы, выполнять практические задания;
- устанавливать связь изученного материала с ранее пройденным;
- переносить усвоенные знания на объяснение других явлений и фактов;
- выделять мировоззренческие и нравственно-эстетические идеи в изученном материале, выражать к ним свое отношение.

Как видим, на уровне «практической теории» достаточно явно просматривается сущность знания как действия по интериоризации и креативному осмыслению информации, чего нельзя сказать о «теоретической» и тем более топ-менеджерской практике в образовании (см.: [295; 305; 306]).

Справедливости ради следует отметить, что и в фундаментальных педагогических источниках (см., например: [236. С. 331]) признается, что сами по себе знания еще не обеспечивают полноты умственного развития обучаемых. Но последнее без знаний невозможно. Поэтому в педагогике априорно «важно правильно избрать путь усвоения знаний», что станет предпосылкой «умственного развития учащихся». Далее приведено подтверждение нашего тезиса о том, что знания в педагогике, декларирующей глубокую связь между наукой и практиками повседневности, — всего лишь информация. Так, постулируется, что именно знания являются составной частью мировоззрения человека, в значительной мере определяют его отношение к действительности. Это в принципе не вызывает возражений. Но далее идет рассуждение о том, что от знаний зависят «моральные взгляды и убеждения, волевые черты личности», знания «служат одним из источников склонностей и интересов человека, обязательным условием развития его способностей». Однако «возможны расхождения знаний и убеждений человека. Например, знание морально-этических норм не гарантирует обязательное следование человека им» [236. С. 331].

Если знания — система и социальное действие, как мы предположили выше, то, описывая «ориентации и действия в данной системе, мы описываем при этом состояние системы в определенный момент времени» [207. С. 420]. Поэтому если индивид не реализует в своих действиях, например, принятые в социуме морально-этические нормы, это значит, что он их отторгает. Думается, что знания на уровне декларации: «Я знаю, что так-то и так-то поступать нельзя» без подтверждения индивидуальным поведенческим актом, служат всего лишь информацией о том, что какие-то нормы

формализованы в общности, членом которой индивид является. Но знание как информация о социальном факте еще не гарантирует его применения. И здесь мы как раз сталкиваемся с тем, что можно назвать и незнанием, и невежеством — в зависимости от величины расстояния между формальными нормами и сущностью реальных действий личностей и общностей.

Более того, сказанное подтверждает достаточно активно артикулируемый недостаток социально-гуманитарного знания в целом: при наличии описания идеальных моделей явлений отсутствует анализ проблем проявления их нерешенности на уровне обыденных практик, донаучного, житейского знания и инициирующих их социальных процессов, предопределенных ценностью знания.

Иначе чем объяснить, что в течение более чем двадцати лет реализуются значимые по своей сути методики развивающего обучения, имеются авторитетные школы, внедряются соответствующие национальные проекты. В ходе перманентной модернизации системы образования обсуждается и апробируется очередной проект «Наша новая школа». Но одновременно «отмеченный многими исследователями процесс дебилизации общества, начавшийся с 1990-х годов, вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты» [253. С. 125], в практиках повседневности присутствует «широкий контекст возникшей проблемы деинтеллектуализации». То есть «дебилизация» и «деинтеллектуализация» могут быть рассмотрены нами не только как синонимы незнания и институционализированного невежества, но и как результат процесса отторжения знаний.

Социальным фоном этого процесса является подмена инструментальной функции знаний на формальную. «Многие образовательные учреждения превращаются в “фабрики дипломов”, за которыми не стоят действительные знания обучающихся. В этих случаях вопрос о качестве и эффективности образования отходит на задний план. Деятельность педагогов и учителей превращается в разновидность социальных ритуалов, носящих формальный характер. Цели и ценности подлинного образования превращаются едва ли не в фикцию» [204. С. 3–4].

С. Б. Переслегин отмечает: познание в объективной, субъективной и трансцендентной формах является атрибутивной функцией социосистемы. В связи с этим он говорит о кризисе и даже деградациии среднего образования. Автор утверждает, что кризис среднего образования проявляется наиболее отчетливо даже в области воспроизводства информации. По сравнительным данным исследований начала 1980-х годов и актуального периода, коэффициент усвоения знаний снизился со «средневзвешенных» 15% среди всех учащихся до 3–10%, которые показывали уже лучшие ученики. Особенно пострадали физика, математика и география [210. С. 522–526]. Так, показатели математической подготовленности большинства учащихся школ России конца XX века по сравнению с уровнем 1940-х годов ухудшились в 1,5–6 раз [137].

Как видим, незнание фиксируется прежде всего как недочеты в простом воспроизведении информации. Это подтверждают данные о результатах Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в 2009, 2010, 2011, 2012 г., позволившие В. Л. Иноземцеву предположить, что «принятая в стране система ЕГЭ измеряет, скорее, не реальный уровень знаний, а **приемлемый для власти психологический порог неуспеваемости**. Если во Франции успешно сдало экзамен на аттестат зрелости в 2010 г. 85,5% школьников, в 2011 г. — 85,6%, а в Германии этот показатель в 2011 г. составил 82,6%, то в России не прошедших ЕГЭ остается 3,3–3,6%, пусть даже для этого приходится снижать пороговый уровень, свидетельствующий об освоении школьной программы, до 20 баллов из 100 по иностранному языку, 21 балла по математике и 36 баллов по русскому языку» [112].

Здесь мы видим, что отказ от знаний в форме неготовности к получению аттестата зрелости в одних странах просто статистически фиксируется, а в других — подерживается за счет своеобразной игры в сужение рамок допустимой неподготовленности к требованиям Федерального образовательного стандарта.

Отказ от знаний может быть описан и через показатели грамотности населения. Так, современной России, согласно внутренним экспертным оценкам, насчитывается более 2 млн неграмотных детей [160], 0,6% неграмотных взрослых, или 676 тыс. чел. (из которых более 500 тыс. — женщины). В целом в России грамотным считается 99,4% населения (по оценке UIS) [8]. По данным переписи 2002 г., 99,8% населения страны в возрасте от 10 до 49 лет умели читать и писать [237. С. 228]. В среднем по стране среди всего населения тогда было выявлено 0,5% взрослых граждан, не умеющих читать и писать, 67% из них — в возрасте старше 60 лет. Среди детей и подростков в возрасте 7–15 лет перепись тогда зафиксировала 277 тыс. детей (1,6%), которые не посещали образовательные или дошкольные учреждения [28]. Сегодня многие из этих детей уже сами стали взрослыми и воспроизводят индивидуальный социальный опыт на уровне отказа от знаний в родительском поведении.

Согласно переписи населения 2010 г., на 1 000 респондентов в возрасте от 15 до 19 лет, указавших свой уровень образования, приходится 9 чел., не имеющих даже начального образования, и 88 чел., имеющих только начальное образование [238].

По данным [42] в 2011 г. «численность безграмотных подростков достигла критических масштабов». В том же источнике приведены сведения о том, что 700 тыс. детей в возрасте 15–17 лет малограмотны и неграмотны, из них чуть более 600 тыс. имеют только начальное общее образование, а более 37 тыс. чел. не имеют даже начального. Более 30 тыс. детей 7–18 лет не ходили в школу.

Подобная ситуация — угроза любому социуму.

«Оглупление», т.е. то, что выше было представлено как «дебилизация» нации, — не узконациональная проблема. Мы видим декларацию в научной и публицистической литературе тезисов не только о «дебилизации» молодежи в России (В. И. Иноземцев, Р. Х. Симонян), но и о «тупеющей Америке» (С. Джекоби (Susan Jacoby) [390], Р. Хофстедтер (Richard Hofstadter) [385]), о проблемах с качеством трудового потенциала во многих других странах.

Функциональную неграмотность, названную «чумой XX века», можно рассматривать в ракурсе неумения понимать прочитанные и услышанные тексты и высокой ригидности — неготовности к изменениям программы действия в соответствии с новыми ситуационными требованиями¹. Во многих странах ОЭСР проживают значительные группы населения, характеризующиеся низкими уровнями ключевых показателей грамотности [288. С. 133]. Другими словами, люди, знающие буквы и цифры, не могут осмыслить содержание текстов, предложений из букв и цифр. Так, проведенная в 2003 г. в Канаде оценка установила, что для 9 млн канадцев трудоспособного возраста (42% населения в возрасте от 16 до 65 лет) показатели не превышали уровня 2

---

¹ **Ригидность** (лат. *rigidus* — жесткий, твердый) рассматривается нами как социально-психологическая характеристика социального взаимодействия, имеющая три ведущих типа: когнитивную, аффективную и мотивационную ригидность. **Когнитивная ригидность** — неготовность к построению новой концептуальной картины окружающего мира при получении дополнительной информации, которая противоречит старой картине мира. **Мотивационная ригидность** — неготовность к отказу от уже сформированных потребностей и от привычных способов их удовлетворения или к принятию новых мотивов, может проявляться в образовании сверхценных идей. **Аффективная ригидность** — неготовность к изменениям в связывании тех или иных событий с определенными аффективными реакциями. Проявляется в затруднениях при эмоциональном научении и в излишней фиксированности на объектах, константности эмоциональной оценки тех или иных событий, а также, как и в случае с мотивационной ригидностью, в образовании сверхценных идей.

по шкале текстовой грамотности, причем эта цифра мало изменилась после проведения последней оценки в 1994 г. [288. С. 133].

В этом же докладе отмечается, что исследования, проведенные во Франции в 2004–2005 гг., показали, что с проблемами в области грамотности сталкиваются 3,1 млн взрослых французов трудоспособного возраста, причем около 59% из них составляют мужчины. Большинство жителей Франции, имеющих проблемы с грамотностью, — это люди старшего возраста: показатели низкой грамотности продемонстрировали 14% лиц в возрасте от 46 до 65 лет и 5% лиц в возрасте от 18 до 35 лет. Сегодня эти показатели мало чем отличаются от представленных.

Однако официальные данные в области грамотности, как правило, преуменьшают масштабы проблемы как в «богатых», так и «бедных» странах. Поэтому реальная ситуация еще сложнее.

Так, эксперты Всемирного доклада по мониторингу ОДВ (образования для всех) обобщают, что в Нидерландах около 1,5 млн взрослых относятся к категории функционально неграмотных, причем примерно 1 млн из них — это представители местного населения, говорящие на голландском языке. Одна четверть этих местных жителей, говорящих на голландском языке, почти полностью неграмотна, а один из десяти взрослых голландцев имеет лишь наименьший уровень грамотности. Среди лиц, работающих по найму, 6%, или один работник из 15, испытывают большие трудности при чтении и письме [288. С. 376].

Эти примеры заставляют зарубежных экспертов предположить, что проблемы полной и/или функциональной неграмотности являются уделом не только бедных стран. Незавершенное формальное образование, высокие уровни безработицы или частичной занятости, отсутствие доступа к образованию взрослых — всё это усугубляет утерю навыков грамотности. Низкий уровень грамотности, как правило, не бросается в глаза, однако он «сказывается на крупных контингентах населения в богатых странах и выступает в качестве препятствий на пути укрепления социальной мобильности и справедливости» [288]. Однако здесь мы не видим анализа процесса, инициирующего невосребованность функциональной грамотности со стороны субъектов интеракций, названного нами отторжением знаний. Взамен дается статистическое описание количества отказавшихся от освоения знаний.

В связи с изложенным рассмотрим категорию «обученность», непосредственно связанную в педагогике с категорией «знание». **Обученность** — это тезаурус, или запас усвоенных понятий и способов деятельности; система знаний, умений и навыков, соответствующая норме (заданному в образовательном стандарте ожидаемому результату) [231].

Тогда процесс усвоения знаний представляется алгоритмом по следующим уровням:

различения или узнавания предмета (явления, события, факта);
запоминания и воспроизведения предмета, понимания, применения знаний на практике и переноса знаний в новые ситуации.

В представленном перечислении сначала мы видим оценку когнитивного усвоения информации под названием «знания», т.е. то, что Д. Н. Узнадзе назвал знанием «ненастоящим» [286. С. 256]. И только более высокий уровень осмысления информации, связанный с применением, свободным воспроизведением в новых ситуациях, т.е. с действием, свидетельствует об интериоризации знания как такового.

Еще одной значимой категорией, связанной со знанием, является «качество знаний». **Качество знаний** оценивается в педагогике через такие его характеристики, как глубина, действенность, прочность. Однако на сегодняшний день, как правило, оценка идет на уровне знаний «ненастоящих» [306].

Отмеченная нами упрощенность подхода к качеству знаний могла бы быть достаточно давно откорректирована через концепты Дж. Дьюи. Напомним, что со времен Платона обученность рассматривалась как **умение управлять индивидуальными интеллектуальными ресурсами и преодолевать неизбежные препятствия**. Не учась, проявлять такое умение невозможно. По определению Дж. Дьюи, **образование является развитием в процессе опыта, посредством опыта и ради опыта** [89]. Кроме того, ученый утверждал, что нет в мире дисциплины более строгой, чем дисциплина опыта, подвергнутого испытанию интеллектуальным развитием и управлением.

Дальнейшие рассуждения ученого словно стирают грань между 1916 г., когда была опубликована его работа, и актуальными российскими практиками. Так, Дж. Дьюи констатировал: **«если ученик узнает разные вещи из книг, причем только в связи со школьными уроками и ради того, чтобы повторить, когда его вызовут, выученное, то знание будет некоторым образом влиять на его поведение, но только на ту его часть, которая ведает воспроизведением чужих утверждений и по чужим требованиям»** [89].

Нет ничего удивительного, констатирует ученый, что такое «знание» никак не влияет на жизнь ученика вне школы. В связи с этим школа «должна во всех отношениях жить жизнью общества. Социальные интересы могут быть развиты только в подлинно социальной среде — той, где **существует настоящий взаимообмен в созидании общего опыта**» [89].

К сожалению, современное российское образование живет не столько созидающей жизнью общества, сколько издержками созидания, связанными с трансформационными процессами и разнонаправленностью интересов, мотивов и опыта структурирующих социум общностей. На это обращали внимание А. С. Ахиезер [15], Т. И. Заславская [97], В. Л. Иноземцев [115], Ю. А. Левада [145; 146; 148; 149; 150; 151; 152], Р. Х. Симонян [254; 255], О. Н. Яницкий [348; 350], В. А. Ядов [121; 345; 346; 347] и многие другие ученые.

Это связано с тем, что именно образование («школа» по Э. Дюркгейму, П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрону) является «самым мощным проводником и слугой государства», так как «инструменты знания и конструирования социальной реальности распространяются и насаждаются школой. Они неизбежно становятся инструментами символического насилия» [44].

Действительно, как подчеркивал и Дж. Дьюи, информацию о событиях прошлого «можно получить даже в относительной изоляции, это доступно любому, кто прежде достаточно общался с другими, чтобы освоить язык. Но осознание смысла языковых знаков — совершенно иной вопрос» [89]. Для этого нужны знания, которые можно интериоризировать, прежде всего, в процессе образования.

Такой процесс реализуется в активном социальном взаимодействии. Не случайно П. Бурдьё отмечает, что «работа по производству и внушению смыслов осуществляется в поле производства культуры и посредством борьбы внутри него» [37. С. 24; 38].

Эта установка представлена на уровне теории в педагогической психологии и педагогике через систему проблемного обучения¹. Но даже при активизации технологий проблемного обучения «производство смыслов» возможно, если атмосфера общеобразовательного учреждения соответствует реальным практикам. Например, конкретизирует Дж. Дьюи, если жизнь внутри школы выстроена «как в монастыре»,

---

¹ Например, Дж. Дьюи, В. Бертон, Дж. Брунер, Х. Хекхаузен и др. — в зарубежной традиции, Л. Л. Гурова, Т. В. Кудрявцев, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин, М. И. Махмутов и др. — в российской науке, опирающейся на принципы теории деятельности С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Л. В. Занкова, В. В. Давыдова и др.

то обретенный здесь «опыт невозможно совместить с нравами социума». В результате за стенами образовательного учреждения человек оказывается беспомощным. Или «если учащийся привержен к культуре прошлого и чувствует себя более комфортно в прошедших эпохах, чем в собственной, то идеализированное прошлое воспринимается как убежище и утешение духа; современные заботы считаются человеком обременительными и недостойными внимания» [89]. То есть знания утрачивают свою инструментальную сущность, а обилие информации и заученные способы работы с ней не спасают в процессе решения жизненных проблем.

Как правило, отсутствие социальной среды, в связи с которой «учение становится потребностью и наградой», по Дж. Дьюи, — «главная причина изоляции школы, которая делает школьное знание неприменимым к жизни и неплодотворным по своему характеру» и, следовательно, **формальным. Но одновременно инициируется процесс отторжения знаний: руководствуясь парсоновским принципом катексиса, индивиды и общности отказываются от знаний. Как следствие, происходит процесс, названный О. Н. Яницким «процессом старения социального капитала»** [350. С. 118–120].

Суть процесса в том, «что социального капитала вообще не существует. Он может существовать только как актуальный капитал, т.е. произведенный в (со)обществе определенного типа и доступный индивидам и группам в зависимости от типа этого (со)общества» [350]. Добавим — от институционализированной на уровне социума ценности знания.

О. Н. Яницкий рассматривает в качестве социального капитала институт образования — элемент социальной структуры. Этот подход не противоречит описанию сущности социального капитала, например, у Дж. Коулмена (James Samuel Coleman) [369; 370], который констатирует сходство его «разнообразных сущностей» в двух аспектах. Первый аспект связан с тем, что они состоят из нескольких элементов социальной структуры, поэтому сюда можно отнести и институт образования. Второй аспект связан с тем, что взаимодействие индивидуальных и «корпоративных акторов» осуществляется «в пределах этой структуры».

Перечисляя характеристики образования («оно может быть формальным (“корочки”) и действительным, передовым и устаревшим, доступным (демократическим) или элитарным»), О. Н. Яницкий подчеркивает, что «социальный капитал всегда контекстуален, т.е. зависит от конкретно-исторического контекста», а его ценность определяется (возрастает или минимизируется) в ходе практического применения [350].

В рассматриваемом нами труде [350] нет четкого указания на структуру образования как социального капитала. Поэтому из контекста можно предположить, что структурно образование как социальный капитал включает в себя еще два подвида капитала: **капитал, названный дидактическим (учебным), и капитал, названный освоенным (осознанным), который индивид или группа способны применять практически.** Последнее близко к нашим гипотезам о деятельностной сущности знания.

В связи с непрерывной динамикой практики ценность социального капитала (О. Н. Яницкий обращается к понятию «некоторая ценность») также постоянно меняется. И далее: «...если же произведенный социальный капитал своевременно практически не реализуется, то он неизбежно стареет». В ракурсе наших рассуждений, ценность его минимизируется, поэтому неиспользуемые знания отвергаются. Это созвучно мнению О. Н. Яницкого о том, что «не освоенный людьми и не встроенный в реальную жизнь социальный капитал расплывается и, в конечном счете, превращается в “отходы”. Соответственно, и люди, его носители, становятся ненужными, “ин-

теллеktуальными отходами». Значит, социальный капитал, произведенный *in vitro* и *in vivo*, различны» [350].

В качестве примеров ученый использует многочисленные эксперименты по модернизации образования в России: «национальные», модельные или пилотные проекты, «которые хорошо работали в эксперименте, т.е. в случае специально мобилизованных для них ресурсов, но, будучи помещены в контекст нашего общества, рассыпались и исчезали». Здесь причина «омертвления» — в оторванности управления образованием от реалий социума. Есть и еще один значимый момент, связанный с неразрывностью способности образовательной системы к инновациям с личностями «проводников знания», их индивидуальными склонностями, смыслами и профессиональными компетенциями. Имеются примеры широчайшего набора так называемых авторских школ и технологий. Однако в отрыве от методического мастерства и личности автора эти технологии могут использоваться только как ориентир, шаблон некоторых дидактических приемов для развития или его имитации уже в рамках индивидуально-личностных компетенций другого «проводника».

Еще одной формой «омертвления социального капитала», кроме представленной выше, О. Н. Яницкий считает «уход» его пользователей в виртуальную реальность, иницируемый высоким сопротивлением социальной среды действиям акторов. Другими словами, когда социальные и политические возможности индивидов и общностей минимальны, субъекты социальных процессов «отрываются от реальных практик воспроизводства социального капитала и замыкаются в сетевой коммуникации».

Это утверждение переключается с подходом П. Бурдьё, который рассматривал социальный капитал как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [68]. Здесь речь идет уже об использовании социального капитала для взаимобмена ресурсами в рамках социальной сети. Однако не конкретизировано, какой социальный процесс с присущими ему технологиями иницирует все эти социальные факты.

Только приближают к ответу на этот вопрос подходы и других ученых. Как отмечает Г. В. Градосельская, «теоретики обмена понимали социальную структуру как конфигурацию социальных отношений между акторами (индивидуальными или корпоративными), где социальные отношения представляли обмен ценностями (материальными, информационными, символическими)» [67]. Иначе говоря, в основе интеракций лежит обмен ценностями.

В связи с этим для нас представляют интерес выводы О. Н. Яницкого по пилотажному исследованию, проведенному среди активистов экологического движения. Ученый не выявил жесткого разделения **между обменным и идентификационным капиталами как структурными элементами социального капитала**. Аргументом стало утверждение о том, что идентификационный капитал «всегда содержит элементы “простого” рыночного обмена», так как респонденты испытывали затруднения в условиях задачи о разделении по видам капитала «двустороннего общения для профессионального роста с коллегами по совместной работе», «обмена с кем-либо информацией или другими ресурсами» и «тесной связи с единомышленниками».

Анализируя выводы О. Н. Яницкого, обратим внимание на последовательность: идентификация с участником своеобразного бартера информацией и ноу-хау → осознание доверия к источнику информации как к «своему» → обмен информацией. И только после этого — доверие к собственно информации. Информация может быть принята некритично («надежный источник и наш человек»), и тогда доверие к источнику информации сливается с доверием к собственно информации. Но воз-

можны ситуации, когда информация может быть частично или полностью отвергнута как кажущаяся ненужной (несвоевременной, устаревшей, уже известной). И, как видим, речь идет об обмене информацией, а не знаниями, которые, с нашей точки зрения, как раз и нужны для того, чтобы использовать данные, содержащиеся в информации, через действия, производя информационную селекцию и конкретизируя в этом процессе самоидентификацию.

У О. Н. Яницкого доверие первично, так как «оценка и использование информации, полученной в результате “простого обмена”, сильно зависят от степени доверия к источнику информации. ...Категория доверия здесь играет ключевую роль» [350. С. 120].

Иными словами, доверие должно исполнить ключевую роль и в институте образования — социальном капитале и одновременно механизме институционализации человеческого капитала. Получается, что эмоционально-психологический фактор оказывается «доминантнее» социального, поскольку он, как указывал Ф. Фукуяма [313], является не только связующим звеном между различными уровнями взаимодействия социальных акторов, базируя межличностные, корпоративные и государственные связи, но и предопределяет выбор обращения к той или иной личности, общности или институту для реализации этого взаимодействия, в целом определяя катектический компонент социального действия.

Как мы указали, социальный капитал воспроизводится благодаря социальным сетям. В образовательных учреждениях «помещение в сеть» в чем-то — насильственный акт. Так, родители учащихся или сами учащиеся на разных ступенях образования могут выбирать образовательное учреждение, специализацию (профиль обучения), теоретические курсы для повышения квалификации или саморазвития. Но состав класса, группы предопределен надличностными институциями (традициями, администрацией учреждений, органами управления образованием). Более того, в эту сеть включается преподаватель как «проводник знания», выбор которого чаще всего не зависит от воли акторов. Здесь доверие к одному источнику информации трансформируется в доверие ко многим источникам информации: во всей совокупности взаимоотношений внутри сети и невербальным носителям информации как внутри образовательного учреждения, так и в рамках доступного обучаемому информационного пространства. В связи с последним может нарушаться равновесие в относительной замкнутости социальной сети института образования.

Тогда подтверждается мысль Дж. Коулмана о том, что, в отличие от культурного и человеческого капитала, **объективированной структурной основой социального капитала являются сети социальных связей**. Как нам представляется, они используются не столько для транслирования знаний как суммы данных, сколько для апробации способов действия (оценка, селекция, трансформация, адаптация) с поступающей информацией и уточнения параметров самоидентификации. **Эта апробация может успешно реализоваться, происходить фрагментарно или инициировать исключение практического использования знаний, «перенаправляя» полученную информацию «в отходы»**. Таким образом, мы находим еще одно подтверждение деятельностной сущности знания. Знание здесь взаимосвязано с незнанием-невежеством достаточно прочно. Если знание доминирует, то информация селекционируется позитивно и для субъекта, и для его интеракций. Если доминирует незнание-невежество, то информация воспринимается априорно и может послужить для оправдания, например, нелегитимных действий. Поэтому обретает особую значимость система индикаторов, позволяющих дистанцировать знание и НЕ-знание.

В отечественных практиках антагонизм знания и НЕ-знания учитывается только через подстраивание востребованных властными структурами результатов образо-

вательного процесса к ими же установленным параметрам. Процесс отторжения знаний представляется только на уровне констатации негативных фактов без анализа и, соответственно, устранения их причин.

В ракурсе наших рассуждений вынуждены констатировать, что, **несмотря на перманентную модернизацию системы образования, речь идет о закрепляемой НЕ-знании и активном участии системы в процессе отторжения знаний.** Это подтверждают и исследования других ученых.

Рассмотрим аномалии, которые приводят, по мнению Е. В. Руденского, к «возникновению виктимизации (когнитивно-дефицитарной социализации) личности в образовательном процессе» [241]. К ведущим среди них отнесены:

1) аномалия теоретико-педагогической концептуализации феномена «социализация»;

2) аномалия структурно-системной характеристики социализации;

3) аномалия функциональной номинации социализации в образовательном процессе;

4) аномалия теоретической дифференциации социализации в системе педагогических категорий;

5) аномалия редукции социализации как механизма социальной генетики личности [241].

Всё это, с нашей точки зрения, — следствия процесса отторжения знаний. При этом ведущей аномалией мы смогли бы назвать отсутствие осмысления сущности знания и механизма процесса его отторжения в соответствии с актуальными практиками.

Поэтому чтобы эффективно организовывать процесс вторичной социализации, необходимо инновационное представление о фундаментальных социологических категориях, которые определяют ее сущность. Это: знание и ценность знания — при определении целевых установок образовательной деятельности, отторжение знания — для корректировочных практик целедостижения.

Обоснуем это утверждение.

Через вторичную социализацию происходят освоение и трансформация социальных ролей, принятых в условиях первичной социализации, как это предлагают видеть П. Бергер и Т. Лукман. А ролевые референции без знания невозможны, так как именно оно, с нашей точки зрения, обеспечивает рациональность выбора.

Здесь стоит более подробно, чем ранее, рассмотреть парсоновскую парадигму о катексисе, лежащем в основе избирательной природы действия как «влечении к объектам, способным принести удовлетворение, и стремление избежать тех объектов, которые могут причинить вред» [207. С. 419], что представляется методологически оправданным. Более того, экскурс ученого в условия выбора между альтернативными объектами предполагает наличие оценочных критериев. А именно: «Склонность организмов к интеграции требует определения значимости и сравнения непосредственно воспринимаемых объектов и катектических интересов в связи с более отдаленными последствиями для более крупной единицы оценивания. Оценка основывается на стандартах, которые могут быть либо когнитивными стандартами истинности, либо вкусовыми (*appreciative*) стандартами соответствия, либо моральными стандартами справедливости. И мотивационные ориентации, и ценностные ориентации являются способами различения, испытания, сортировки и отбора» [207. С. 419].

В процессе социализации как раз и происходит подобный синтез ценностных и мотивационных ориентаций. Но собственно выбор ориентаций реализуется в условиях влияния и внешних факторов, обращения к опыту и его результатам в процессе функционирования разных социальных систем.

Из опыта перманентной модернизации российского института образования и индивиды, и общности могут извлечь в большинстве случаев негативные нормы. С нашей точки зрения, это связано с тем, что модернизационные процессы не сопровождаются необходимым рефлексивным компонентом, позволяющим анализировать причины неудач, прежде чем предпринять очередной организационный шаг, и избранием властными институтами в системе образования ложных ориентиров оценок реального состояния качества знаний и мотивации участников образовательного процесса на его эффективность.

Российские практики — только одна из сторон общемирового явления кризиса образования, который мы считаем реальным следствием актуализации процесса отторжения знаний и обострения антагонизма знания и НЕ-знания.

3. Бауман утверждал, что непреодолимое ощущение кризиса, в большей или меньшей степени распространившееся среди философов, теоретиков и практиков образования, — это нынешнее воплощение «жизни на распутье», порождающей лихорадочный поиск нового самоопределения. Оно, по мнению ученого, проистекает из отрицания авторитетов, полифонии провозглашаемых ценностей и связанной с этим фрагментации жизни. Мир, в котором люди выстраивают свои жизненные стратегии, стимулирует развитие той разновидности обучения, к которой унаследованные нами образовательные учреждения даже не знают, как подойти [18]. **Поэтому социализирующая функция образования сегодня чаще всего осмысливается либо на уровне оторванных от происходящего абстракций, либо в негативном оценочном ключе. Без актуализации сущности знания и осмысления процесса его отторжения избрать путь выхода из этой кризисной ситуации будет проблематично.**

Нами показано, что до сегодняшнего дня представление многих фундаментальных категорий педагогики противоречиво, прежде всего это касается знания и НЕ-знания. Знание позиционировано как синоним информированности и одновременно в качестве одной из составляющих результатов образования — проявления востребованных обществом умений, регламентов, способов мышления. НЕ-знание доминантно фиксируется как недочеты в воспроизведении информации.

Опора на абстрактные сущности, имеющие достаточно условное отношение к опыту индивидов и общностей, приводит к тому, что в то же время иницируется процесс отторжения знаний: руководствуясь парсоновским принципом катексиса, индивиды и общности отказываются от знаний. Как следствие, активизируются процессы старения и омертвления социального капитала, а его носители включаются в страту «интеллектуальных отходов», уходят в виртуальную реальность, становятся пластичным социальным материалом для восприятия нелегитимных, асоциальных поведенческих установок.

Образовательная система закрепляет дисфункциональную для стабильности общества дифференциацию, когда те, кто владеет социальным капиталом, позволяющим осваивать знания, получают возможность его актуализации и включения в процесс передачи ведущих жизненных ценностей последующим, прежде всего родственным, когортам, а те, кто не имеет сегодня такой возможности, не будут иметь ее уже никогда.

Социальное распределение знания между социализирующими субъектами и общностями происходит автономно от артикуляции сущности понятий «знание» и «отторжение знания». Процесс отторжения объективно присутствует, но не учитывается в практике важнейшего социального института. В связи с этим в системе образования в состоянии системного противоречия находятся однообразные философского и/или аналогового с информацией подходов к определению знания с ожиданиями от его традиционного предназначения: ориентировать позитивное социальное

действие и реализовываться в практиках социального взаимодействия. Отторжение знаний проявляется в отказе от эффективного пролонгированного обучения и подмене традиционной социокультурной функции образовательной системы формальными процедурами. Объективные индикаторы оценки качества обученности исключаются и подменяются ситуационно-прагматическими и ложными ориентирами оценки фактического его состояния. Собственно институт образования конституирует диспропорции дифференциации и аномалии социализации в социуме.

Социальным фоном этого процесса является подмена инструментальной функции знаний на формальную. Это актуализирует риск усиления социальной напряженности в обществе. Учтем, что образование играет роль своеобразного корректора, минимизирующего недостатки генетической структуры акторов и ориентирующего действия личности, но на уровне вторичной социализации. Первично сформированными — и наиболее «прочно заложенными» — являются поведенческие стратегии, целеориентированные семейной общностью. Поэтому образование вынуждено конкурировать в реализации своей факторной функции с другими факторами, которые активно влияют на «ненаследственные свойства» физического организма.

Среди факторов — конкурентов образования в процессе ориентирования действий акторов можно выделить:

экологические факторы (например, известная экспозиция свинца в крови снижает интеллектуальные способности и у взрослых, и у детей, повышает риски психических заболеваний, вызывает немотивированную агрессивность и т.д.);

социально-экономические факторы (например, плохое питание матери в пренатальный период не только вызывает физические и психосоматические деструкции ребенка после рождения, но и снижает эффективность его когнитивной деятельности. Это формирует генетическую структуру акторов. Но вынужденная направленность интересов и склонностей когорты родителей на «борьбу за выживание» меняет сущность досуговых практик, ценностных ориентиров и задаваемых вместе с ними нормативных образцов, социального опыта, осваиваемого новыми поколениями);

социокультурные факторы (например, доминантная направленность трансляций через СМИ на сферу влияния «рептильного» мозга — самой древней составляющей мозга индивида, управляющей такими базовыми формами поведения, как «репродукция, агрессия, инстинктивная защита своей территории, борьба за власть, следование привычным шаблонам (социального действия), имитация, поклонение прецеденту и обман» [321. С. 33–39], обманное поведение — поведение, направленное на то, чтобы обеспечить себе пищу и жилище, сексуального партнера, т.е. удовлетворить витальные потребности).

Для образования сегодня, как указал З. Бауман, необходим пересмотр устоявшихся философией и унаследованными от прошлого институтами «концептуальных рамок, а это наиболее трудный и опасный из всех вызовов, которые могут быть брошены человеческой мысли. Не имея возможности выработать иные рамки, философской ортодоксии остается лишь отойти в сторону и “махнуть рукой” на нарастающую массу новых явлений, объявляя их аномалиями и отклонениями. Поражены этим кризисом все устоявшиеся образовательные институты сверху донизу» [18].

Представленный нами социальный процесс отторжения знаний позволяет начать искать методы устранения сложившихся аномалий и отклонений. Его практическое применение неизбежно требует пересмотра традиционного подхода к сущности и знания, и НЕ-знания. Только тогда актуальные практики образования активизируют позитивное воздействие важнейшего социального института на социальные процессы как внутри него, так и в России и мировом масштабе.

1.2.2. Знание в психологии и его взаимосвязь с социологическим подходом к социальному интеллекту

В психологической науке прослеживается несколько иной подход к оценке некоторых педагогических категорий, нежели в институте образования. Например, А. К. Маркова обращает внимание на следующие признаки качества знаний:

- 1) системность, систематичность, научность, обобщенность, гибкость, осознанность, свернутость, фундаментальность;
- 2) гибкость, мобильность, оперативность;
- 3) действенность, направленность на практическое использование;
- 4) полнота, объем, точность, прочность.

Исследователь жалеет, что в школе чаще всего обращается внимание только на исследование прочности и полноты знаний, когда остальные качества остаются как бы в стороне [168. С. 33]. В то же время в педагогической психологии отказ от знаний, сопряженный с понятиями «низкая мотивация учебной деятельности», «нежелание учиться», исследуется достаточно последовательно. Это связано с тем, что в психологических науках **знание** — активно осмысляемое понятие.

Мы уже отмечали, что в известной фундаментальной работе Д. Н. Узнадзе по общей психологии задается вопрос: что нам дает обучение? что нам дает учение? что мы благодаря ему приобретаем? И сам ученый дает ответ: знания [286. С. 256]. Однако, продолжает автор, знания, приобретенные в процессе учения, не всегда одинаковы. Иногда дело ограничивается только выработкой навыков, но очень часто стоит вопрос приобретения и запоминания настоящих знаний. А настоящие, или истинные (по Д. Н. Узнадзе), знания возможны только в том случае, когда мы «не только понимаем смысл того или иного положения, но вполне владеем им, пользуемся по мере надобности». Иначе говоря, обладание знаниями подразумевает «не только понимание, но и прочное запоминание, и свободную репродукцию» [286].

И понимание, и запоминание «нуждаются» в интеллекте. А запоминание — еще и в осознании запоминающим смысла, значимости, привлекательности, инициирующей интерес к запоминаемому материалу.

Таким образом, знания здесь отличаются от известной педагогической триады «знания — умения — навыки», а навыки, как доведенные до автоматизма умения — лишь первичное, «ненастоящее» знание, **поскольку процесс освоения и предъявления результатов знания не сопряжен с мыслительной, волевой деятельностью и взаимодействием с окружающим социумом.**

Видимо, в связи с этим в рамках предмета и метода психологии наряду с понятием «знания» активно осмысляется **понятие «интеллект».**

Так, М. А. Холодная определяет интеллект как форму организации ментального (умственного) опыта субъекта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего [319. С. 358]. Здесь ментальный опыт — система индивидуальных интеллектуальных ресурсов, обуславливающая особенности познавательного отношения субъекта к миру и характер воспроизведения действительности в индивидуальном сознании. Уровень организации ментального опыта определяется степенью сформированности и мерой интеграции когнитивных, метакогнитивных и интенциональных психических структур [Там же. С. 362].

Используемое М. А. Холодной понятие «ментальная репрезентация» — это актуальный умственный образ того или иного конкретного события, т.е. то, как человек воспринимает, понимает и объясняет происходящее.

Ментальные структуры — «психические образования, которые в условиях познавательного контакта человека с миром обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и ее преобразование, управление процессами переработки информации и избирательность интеллектуального отражения». Ментальное пространство — «субъективный диапазон отражения, в рамках которого возможны разного рода мыслительные перемещения» [319. С. 362].

В ракурсе этих рассуждений когнитивный опыт также представляет собой «ментальные структуры, обеспечивающие хранение, упорядочивание и трансформацию наличной и поступающей информации и отвечающие за воспроизведение в психике познающего субъекта устойчивых закономерных аспектов его окружения» [319. С. 360]. Их основное назначение — участие в оперативной переработке текущей информации об актуальном социальном взаимодействии.

Определение автором понятия «креативность», без которого не обходится ни одна публикация в социологии образования, труда, организаций и пр., также подтверждает высказанную ранее нами гипотезу о деятельностной сущности знания. По М. А. Холодной, **креативность** — способность к порождению оригинальных идей и использованию нестандартных способов интеллектуальной деятельности (в широком смысле); дивергентные способности (в узком смысле) [319. С. 361] как способности проявлять многообразие появляющихся в ходе развития признаков и свойств, **действий и способов поведения на основе осмысления из различий.**

Для многих из нас суть понятия «интеллект» связана с двумя направлениями осмысления:

интеллект как способности человека к обучению и уровень его «разумности» (генетический контекст),

интеллект как объем информации и знания (социальный контекст, но без конкретизации сущности знания).

Однако М. А. Холодная дает совершенно отличающееся от привычных оценок определение и, с нашей точки зрения, достаточно аргументированно доказывает право на существование ее авторской интерпретации понятия «ментальный интеллект» [319. С. 296]. Так, одним из важнейших аргументов М. А. Холодной является утверждение о том, что существующие теории интеллекта не соответствуют «требованию их экологической валидности» [319. С. 296].

Будучи формально правильными, указанные традиционные определения интеллекта фактически недостаточны для их практической реализации в конкретных технологиях преподавания, в то время как логика эволюции школы как социального института должна быть связана с ростом ориентации на развитие **индивидуальных психологических ресурсов ученика.**

Расширяя проблемное поле, связанное с отторжением знаний и индивидуальными психологическими ресурсами обучаемых через постулаты социологии, мы неизбежно обращаемся к **понятию «социальный интеллект».**

Напомним, что, представляя социальные проблемы, возникающие в результате традиционного подхода к сущности знания в системе образования, мы указывали на значимость процессов отторжения и интериоризации знаний, реализуемых через социальные сети.

Из четырех подходов к сущности социальных сетей, известных в социологии (структурный, ресурсный, динамический и нормативный [350. С. 121–122]), применительно к социализирующей функции образования наиболее значимыми становятся ресурсный и нормативный подходы. В этом случае исследуются возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения тех целей, которые приняты в качестве ведущих в социальной сети.

По уровню соответствия индивидуальных и институционально заданных целей, связанных со знаниями индивидов, происходит дифференциация акторов «по ресурсам». Знания как основа способа действия могут быть распределены между акторами сети в зависимости от их человеческого, финансового, культурного капитала и социального капитала «значимых других».

Как отмечает О. Н. Яницкий, «...нормативное направление изучает нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети, уровень доверия между акторами и процессы их взаимодействий». При этом **«ключевым методологическим принципом здесь является не только связь, но и изоморфизм социальных капиталов индивида и некоторой (сетевой) общности**. Хотя в жизни происходит реальный обмен между индивидуальным и социальным капиталами (скажем, здоровье или знания индивида обмениваются на формы и степень включенности в те или иные социальные сети), для анализа их связей и взаимозависимости необходим общий знаменатель. Таковым является обмен информацией, включающий обмен профессиональной и общекультурной информацией и практическими навыками. **Или, иначе, знанием научным, общекультурным и социально-технологическим (повседневным)**» [350. С. 121].

Не соглашаясь с констатацией О. Н. Яницкого, связанной с идентификацией информации и знания, еще раз подчеркнем, что знания используются для селекции, оценки, анализа и синтеза информации, но обмениваться ими, согласно нашему подходу, проблематично, так как при интериоризации они становятся неотделимыми от индивида, аналогично частям его физического тела. Именно процесс отторжения знаний, предопределенный ценностью знания для индивидов и общностей, и является тем самым общим знаменателем, о востребованности которого, как представляется, и говорит ученый.

Эти рассуждения в совокупности с концептом М. А. Холодной позволяют говорить об инновационных подходах к осмысляемому в современных научных исследованиях понятиям «социальный капитал», «социальная эффективность образования» (см.: [108; 204. С. 3–4]), а в ракурсе наших рассуждений — **социальный интеллект как результирующая характеристика уровня интериоризации знаний, основанного на нем ментального интеллекта и интегратив базисных составляющих готовности субъекта к самоактуализации и идентификации внутри социальных сетей**.

Поэтому наша задача — найти взаимосвязь знания и сущности социального интеллекта в социологическом контексте.

Считается, что Э. Торндайк (Edward Thorndike) был первым, кто разделил интеллект на три грани, относящиеся к способности понимать и управлять идеями (абстрактный интеллект), конкретными объектами (механический интеллект) и людьми (социальный интеллект). Известна его формулировка, ставшая классической: «Под социальным интеллектом понимается способность мужчин и женщин, мальчиков и девочек понимать и управлять — действовать разумно в человеческих отношениях» [280].

Ф. Вернон (Philip E. Vernon) признан автором самого широкого определения социального интеллекта: это умение человека ладить с людьми в целом, социальная техника или «легкость» самопрезентации в обществе, знания о социальных вопросах, восприимчивость к «раздражителям от других членов группы», а также «понимание временных настроений или скрытых черт личности чужих» [438].

В работах Г. Олпорта (Gordon Allport) социальный интеллект представлен как социальный дар, «необходимый для тонкого равновесия в поведении, обеспечивающего гармоничность в отношениях с людьми» [199. С. 329], который также связан с коммуникативными умениями индивида приспособливаться в поведенческих стратегиях к взаимодействию с окружающими. У Д. Векслера (David Wechsler) социаль-

ный интеллект в целом обеспечивает индивиду умение приспосабливаться к социокультурному окружению и «хорошо справляться с жизненными ситуациями» [392].

Со временем появляются подходы Дж. Гилфорда (Joy Paul Guilford) и его коллег, связанные с социальным взаимодействием в межличностных отношениях.

Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор (John F. Kihlstrom, Nancy Cantor) [392] обращают внимание на разработанные ими **шесть критериев креативных способностей, связанных с социальным интеллектом:**

1) дивергентное продуцирование поведенческих единиц: способность участвовать в поведенческих актах, когда общение определено внутренними психическими состояниями;

2) дивергентное продуцирование поведенческих классов: возможность создавать узнаваемые категории поведенческих актов;

3) дивергентное продуцирование поведенческих отношений: способность выполнять действие, которое влияет на то, что делает другой человек;

4) дивергентное продуцирование поведенческих систем: способность сохранять последовательность взаимодействия с другим человеком;

5) дивергентное продуцирование поведенческих трансформаций: способность изменять экспрессию (выразительность, оборот речи, выражение) или экспрессивную последовательность;

6) дивергентное продуцирование поведенческих последствий: возможность предсказывать многие возможные результаты в окружающей обстановке.

Последний подход ближе к теме нашего рассуждения о процессах интериоризации знаний и их отторжения. Мы видим **основания для избирательности в социальном взаимодействии, на которой основывается катектический компонент интеракций.**

Развитие подходов к сущности социального интеллекта — продолжающийся процесс. Так, опираясь на работы Ж. Годфруа, Д. Майерса, Х. Гарднера, Р. Селмана, М. А. Холодной подтверждает общий вывод о том, что **с социальным интеллектом часто отождествляется мудрость как форма интеллектуальной одаренности.** Она представляется прежде всего как состояние интеллектуальной зрелости, «проявляющееся в контексте обыденного образа жизни и являющееся результатом длительного и уникального процесса накопления жизненного опыта» [319. С. 296].

Но эта оценка, с одной стороны, как бы «обходит» проблему сущности знания, а с другой — сосредоточивает внимание на проявлениях жизненных умений и опыта, которые связываются со способностью предсказывать поведение, как свое, так и окружающих.

Началом подготовки этого процесса служат интеракции в институте семьи, а вслед за ней — прежде всего в институте образования. Поэтому отметим, что со взглядами М. А. Холодной в чем-то перекликаются рассуждения Дж. Дьюи. Так, Дж. Дьюи вводит два условия, позволяющие отделить **образовательный опыт от деструктивного опыта,** не имеющего педагогической ценности, но при этом, с нашей точки зрения, формирующего условия для отторжения знаний.

Автор использует **принцип непрерывности (континуума) опыта.** Согласно данному принципу «всякий опыт заключает в себе прежние события и влияет на то, что произойдет в будущем. Рост и вырастание — не только физическое, но и умственное, и нравственное — могут служить примером **принципа континуальности**» [89].

С этой точки зрения образование — это и есть рост, активное вырастание, но только в том случае, когда развитие по конкретной линии способствует общему личностному росту. В основе принципа у Дж. Дьюи лежит привычка, понимаемая как биологическое изменение. «Всякий пережитый опыт меняет человека, воздействуя

на опыт последующий, — в него уже вступает несколько иной человек. Причем фиксированный способ действия — лишь частное проявление привычки» [89]. Здесь речь идет о формировании одновременно катектического и когнитивного компонентов ориентации действия, об учете базовых мотивов личности, способов восприятия и реакции на обстоятельства.

Вторым принципом интерпретации опыта в его образовательной функции Дж. Дьюи называет **принцип взаимодействия**. Оно дает равные права объективным и субъективным факторам опыта. Взятые вместе, они называются учебной ситуацией. Утверждение о том, что человек живет в мире, на деле означает, что он попадает в разные житейские ситуации. Даже «строя воздушные замки, человек взаимодействует с объектами, которые создает в воображении» [89].

Педагог управляет объективными факторами взаимодействия с учеником. Такими факторами являются действия педагога и то, как они совершаются, его слова и тон, которым они произносятся, оборудование, книги, приборы, дидактические игрушки, раздаточный материал и, самое главное, социальная структура ситуации, в которой задействован ученик.

Принцип взаимодействия наглядно демонстрирует, что отказ педагога приспособить материал к потребностям и возможностям учеников, равно как и отказ ученика приспособиться к материалу, ведет к тому, что опыт теряет свои образовательные качества и в результате предопределяет отторжение знаний.

Таким образом, опыт доминантен и в позиционировании мудрости, и в деструктивных, и в конструктивных образовательных практиках. Кроме того, именно этот опыт обладает свойством закрепления сложившихся установок на все последующие в процессе социализации личности интеракции.

В связи с этим остается открытым вопрос: как все-таки взаимосвязан социальный интеллект со знаниями и внутри, и за пределами образовательной системы?

Для ответа на него обратимся к выводам Дж. Ф. Килстрона и Н. Кантор [392], которые позволяют, не вдаваясь в более подробный генезис понятия «социальный интеллект», обратить внимание на инновации, связанные с темой нашего исследования. Ученые ссылаются на работы Р. Дж. Штернберга (Robert J. Sternberg) (см.: [431; 432; 433]), который использует «triarchic-теорию». В соответствии с ней интеллект состоит из аналитических, творческих и практических способностей индивида. Социальный интеллект явно включен в интеллект практический, так как связан с решением проблем в повседневных ситуациях.

В целом каждый тип интеллекта отражает работу трех различных компонентов процесса:

продуктивного компонента, с помощью которого решаются проблемы в различных областях;

исполнительного метакомпонента, который связан с планированием и оценкой механизма решения проблем,

компонента приобретения знаний, в который включены «уроки», извлеченные из первых двух компонентов.

Подход Р. Дж. Штернберга несколько противоречит нашей позиции. Ученый изначально говорит о свойствах сознания, а нас интересуют социально предопределенные действия. Но до сегодняшнего дня именно указанный подход был одним из ведущих, инициирующих необходимость ухода от **психометрического контекста исследований социального интеллекта**. Предстояло принять за основу, что социально «умные» действия опосредованы познавательными процессами восприятия, памяти, мышления и решения проблем, а не врожденными рефлексами, условными рефлексами, эволюцией генетических программ и т.п. Соответственно, **«социальность ин-**

теллекта» конструирует индивидуальные различия в социальном поведении – публичные проявления личности – и является продуктом индивидуальных различий в знании, которое оказывает влияние на акторов в их социальном взаимодействии.

Тогда важнейшей переменной, действительно, становится не то, «сколько социального интеллекта у человека», а то, «обладает или не обладает он или она им в принципе» [431].

Оценка социального интеллекта, которую мы можем рассматривать как социологическую, исходит из концептов социально-когнитивных теорий личности, в которых процессы конструирования и рассуждения, предвидения играют центральную роль в вопросах социальной адаптации.

Близким здесь можно считать подход Дж. Келли (George A. Kelly), описывающий процесс, в котором люди в роли «наивных ученых» генерируют гипотезы о будущих межличностных событиях, используя набор личностных конструктов о себе, других и о мире в целом. Эти конструкты «являются идеографическими в отношении и содержания, и организации» (цит. по: [392]). Индивиды, соответственно, ранжируются по количеству конструктов, включенных в персональные системы. Тогда сложность, своеобразный характер персональных систем позволяет построить «исключительно много номотетических сравнений» в процессе выдвижения гипотез о будущем развитии событий.

Развитие подхода Дж. Келли постепенно позволило ученым «ощутить вкус» когнитивных теорий научения. Бихевиристские концепты Б. Скиннера (Burrrhus Frederick Skinner) и его последователей трансформировались в теориях А. Бандуры (Albert Bandura) и Дж. Роттера (Julian B. Rotter).

Так, А. Бандура доказывает, что освоение **социального знания** происходит через «заповедь и пример», а не через непосредственный опыт вознаграждения и наказания. Но если у ученого центральная роль в достижении человеком мастерства в приспособлении к жизненному миру принадлежит замещающим когнитивным процессам, процессам саморегулирования, саморефлексии, то у Дж. Роттера мы видим анализ «самоэффективности ожиданий» – «суждений человека и веры, касающейся его или ее способности выполнять действия, необходимые для достижения контроля над событиями» в конкретных ситуациях. **Именно такая самоэффективность обеспечивает когнитивную основу для мотивации, одновременно завися от конкретных социальных условий.**

У. Мишел (Walter Mischel) расширил концепции Дж. Келли, А. Бандуры и Дж. Роттера и рассуждал о модифицированных индивидуальных различиях, связанных с когнитивным развитием и социальным обучением. **Указанные различия определяют то, как будут восприняты и истолкованы особенности ситуации.** Иными словами, как будет осуществлено «когнитивное строительство ситуации», за которую человек, в конечном счете, отвечает [406]. **В целом в «когнитивно-социальных переменных обучающегося лица» представлены знания человека и их экспертиза – интеллект – в отношении самого себя и окружающего социального мира.** Здесь можно увидеть сходство признания У. Мишела за интеллектом «роли эксперта» и констатации М. А. Холодной мудрости как состояния интеллектуальной зрелости, за которой также «закреплены» экспертные функции.

Дж. Ф. Килстром приводит своеобразную результирующую сущности социального интеллекта в форме модели, сложившуюся к концу 1990-х годов. Представим авторскую интерпретацию структуры этой модели и ее составляющих элементов (табл. 2–5).

Модель социального интеллекта (по Дж. Ф. Килстрому и Н. Кантор)

Социальный интеллект						
Декларативные знания			Процедурные знания			
Сущность	Абстрактные понятия	Конкретные воспоминания	Правила	Навыки		Стратегии (планы действий)
	Контекстно-свободная семантическая память о мире в целом	Эпизодическая память о событиях и впечатлениях		Познавательные	Моторные	
Общее	Используются для манипулирования и преобразования декларативных знаний и трансляции знания на практике					
Предназначение	Понятия, личные воспоминания, интерпретация правил и планы действий – когнитивные структуры личности					
Составлять экспертизу, направляющую подход человека к решению проблем общественной жизни						
Социальный интеллект является частью большого «репертуара» знаний, с помощью которых человек пытается решать практические проблемы, возникающие в физическом и социальном мире. Зависит от конкретных социальных условий						

Таблица 3

Структура декларативного знания

Декларативное знание	
Основная часть декларативного знания	Контекстная часть декларативного знания
Концептуальное знание человека о социальном мире	Автобиографическая память

Таблица 4

Структура автобиографической памяти

Автобиографическая память		
Воспоминание о собственных действиях человека и опыте, обретенном в результате этого	Знания о действиях и опыте конкретных других людей	Знания о событиях, которые произошли в связи с конкретными ситуациями

Каждый фрагмент автобиографической памяти связан:
 с определенным местом в пространстве и времени;
 с психическими представлениями себя в качестве агента действий или реципиента каких-либо действий институтов, которые стимулировали эмоциональные переживания,
 со знаниями об эмоциональных и мотивационных состояниях человека во время пережитых событий

Мы постарались сохранить описание Дж. Ф. Килстромом и Н. Кантор деления «фонда» социального интеллекта на две большие категории: **декларативные знания**, состоящие из абстрактных понятий и конкретных воспоминаний, и **процедурные знания**, состоящие из правил, навыков и стратегии, с помощью которых человек манипулирует декларативными знаниями, преобразуя их, конкретизируя и транслируя на практике.

Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор обращают особое внимание на сущность автобиографической памяти, описание которой очень созвучно подходам Ф. Занецкого, Дж. Корбин, А. Страусса, Р. Тернера, У. Томаса и др.

Подчеркнем, что при всей значимости в социальном интеллекте автобиографической памяти Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор делают акцент на том, что концептуальное знание человека о мире составляет основную часть его декларативного социаль-

ного интеллекта. Поэтому столь весома роль образования как «самого мощного проводника и слуги государства» и информационного пространства, в котором конструируются жизненные миры. **Это предопределяет и наши постоянные ссылки на обучаемых и обучающих – «проводников знания»¹.** Процедурная сторона социального интеллекта представлена нами также в табличной форме, где мы использовали термин исследователей о его «репертуаре».

Таблица 5

Процессуальный «репертуар» социального интеллекта

Процессуальный репертуар социального интеллекта		
Основная часть процессуального знания – толкование правил для реализации социального опыта	Контекстная часть процессуального знания	
Направлено на стимулирование социальных категорий и выведение категории членства для: <ul style="list-style-type: none"> установления причинности; выявления чужих поведенческих установок и эмоциональных состояний; формирования суждений о возможностях, правах (likability) и ответственности; разрешения когнитивного диссонанса, кодирования и извлечения воспоминаний о собственном поведении и поведении других людей; предсказания будущих событий; проверки гипотез о социальных суждениях 	Алгоритмические по природе процедуры, принятые без особых познавательных усилий со стороны личности («автоматические» познавательные и моторные навыки, планы действия, связанные с первичными витальными потребностями)	Эвристические процедуры, принятые сознательно (осознанные познавательные и моторные навыки, планы действий)

Представленные обобщения позволили Дж. Ф. Килстрому и Н. Кантор подчеркнуть, что социальная теория интеллекта личности имеет существенные отличия от психометрической точки зрения. Ученые отмечают, что с психометрической точки зрения для «точной оценки сущности социального интеллекта» и эффективности социального поведения личности применяются вопросы, ответы на которые могут быть истолкованы «правильно или неправильно». Например, «Как вы узнаете, когда человек счастлив или грустен? Хорошо ли смеяться на похоронах?» Но социальный подход к интеллекту личности, который мы определили как социологический, в рассуждениях Дж. Ф. Килстрома и Н. Кантор исключает использование подобных рейтингов.

Это связано с доминантностью в подходе ученых того, что «он или она могут использовать как руководство в своем межличностном поведении». Кроме того, особую важность для исследователя должно иметь стремление понять общие когнитивные структуры и процессы, «из которых индивидуальность построена, как они развиваются в течение жизни человека, и как они играют свою роль в происходящих социальных взаимодействиях».

Общей точкой соответствия социологического и психометрического подходов ученые считают утверждение о том, что «интеллект зависит от конкретных условий».

Как мы указывали, социальный интеллект, по Р. Дж. Штернбергу, представляет собой часть большого «репертуара знаний», с помощью которого человек пытается решать практические проблемы, возникающие в физическом и социальном мире.

По Дж. Ф. Килстрому и Н. Кантор [392], социальный интеллект направлен на решение проблем социальной жизни и, в частности, на управление жизненными за-

¹ Более подробно мы укажем на авторскую трактовку понятия «проводник знания» как субъект интеракций в § 3.2.

дачами, текущими проблемами или личными проектами, которые человек выбирает сам или принимает извне.

Иными словами, социальный интеллект не может быть оценен на уровне абстракций, а только по отношению «к доменам и контекстам, в которых он проявляется и используется для решения социальных задач». Адекватность оценки, в свою очередь, не зависит от точек зрения внешних наблюдателей: она должна идти только с точки зрения субъекта, который «играет в решение жизненных задач». Именно жизненные задачи, как считают Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор, становятся интегративной единицей для анализа взаимодействия человека и ситуации. Эти жизненные задачи «могут быть явными и неявными, абстрактными и описанными, универсальными и уникальными, отражающими конкретику полностью или ее стадию, выступать как редкое или обычное дело, как слабо или четко определенная проблема» [392].

То есть социальный интеллект предопределяет организацию, смысл и направленность, время реализации решаемых жизненных задач. Именно через жизненные задачи, включенные в текущую повседневную жизнь, человек реагирует на требования, структуру и ограничения социальной среды, в которой живет.

Тогда получается, что по отношению к системе образования именно эти жизненные задачи, предопределенные социальным интеллектом общности, конкретизируют цель, для достижения которой каждый субъект общности вступает в интеракции. Так, общность родителей может рассматривать направление ребенка в образовательное учреждение как задачу освоения социального лифта или «камеры временного хранения». Общность педагогов может решать задачу «часоуказателей» или «проводников знаний». Общность учащихся может решать задачу формального «отсуживания» занятий или саморефлексии, саморазвития для эффективного самоопределения в перспективе. Выбор той или иной задачи — выбор, связанный с процессами интериоризации знания и его отторжения. Иначе говоря, **выбор жизненной задачи действительно предопределен социальной средой, в которой процесс выбора может стимулироваться или сдерживаться социально-культурными факторами. Но этот выбор реализуется через характер и стратегию участия актора в процессе отторжения знаний и интериоризации смысла ценности знаний и безопасности НЕ-знания.**

Одновременно обратим внимание на еще один вывод Дж. Ф. Килстрома и Н. Кантор. Ученые утверждают, что стадии развития социального интеллекта не «привязаны» к стадиям — формам социального позиционирования во внешней среде Э. Эриксона: «социальный интеллект личности не предполагает, что каждый человек в определенном возрасте обязательно занимается решением соответствующих жизненных задач». Вместо этих периодов предлагается говорить, например, о периодах переходной экономики, «где человек вступает в новые институты», как о тех временах, «где индивидуальные различия в жизненных задачах становятся наиболее очевидными» (цит. по: [392]).

Однако в образовательном учреждении, как правило, существует своеобразный тандем из жизненных задач, сущность которых представлена Дж. Ф. Килстромом и Н. Кантор, и задач, коррективы к которым вносят кризисы стадий-форм Э. Эриксона, а также потребность в освоении условий идентификации с окружающими и трансформации доминанты ролей межличностных интеракций (я, ты, мальчик, девочка, любимый (нелюбимый) сын, внук, брат и т.д.) на социально обусловленные (ученик, ученица, коллектив класса, группы). Так, в новом образовательном лексиконе присутствуют определения «класс, школа “ботаников” и “заучек”», «элитная школа», «класс, школа — отстойник для лохов (варианты — маргиналов, “черных” др.)», которыми описываются доминантные характеристики общностей, в которых ученик дол-

жен адаптироваться и стать «своим». И здесь далеко не приветствуются «наиболее очевидные индивидуальные различия в жизненных задачах».

Подобный контекст можно увидеть и в описании исследований жизненных задач, проводимых Н. Кантор совместно с коллегами среди студентов первых курсов колледжа [392]. Эта общность как раз переживала «переходный» этап от средней школы к студенческим независимости и образу жизни. Отмечено, что у респондентов социальные жизненные задачи индивидуального плана (дружить или нет) указываются так же часто, как и задачи академического плана (получать хорошие отметки, подготовиться к будущему). Авторы исследования делают выводы: хотя большинство задач студенческой жизни может быть встроено в относительно небольшое число общих категорий, индивидуальное конструирование этих задач было достаточно уникальным и приводило к столь же уникальным стратегиям действия.

С одной стороны, это подтверждает сходство жизненных задач, связанных с образовательной мобильностью. С другой стороны, принадлежность к общности обучаемых формирует «уникальные стратегии действия», что не проявляется, с нашей точки зрения, так ярко в других социальных условиях.

Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор приводят еще один пример того, что именно связь жизненных задач с «духовной природой» наглядно иллюстрируется в стратегиях личности в профессиональной деятельности, «на службе». «Люди часто начинают понимать проблемы, пользуясь тем, что более доступно, находится “под рукой”». А именно — имитируют набор правдоподобных результатов, соотнося их «с предыдущим опытом, хранящимся в автобиографической памяти». В результате формулируются конкретные планы действий, реализуется контроль «за их прогрессом на пути к цели», уделяется большое внимание экологическим (природным, внешним) факторам, которые «стоят на пути», и определяется то, насколько фактические результаты соответствуют «первоначальным ожиданиям» [392].

Отсюда ученые делают еще раз вывод, что большая часть познавательной деятельности, связанная с решением проблем жизненных задач, «включает формирование причинной атрибуции результатов», а обращение к автобиографической памяти — формирование предположений о том, «как всё могло бы пойти по-другому». Особенно убедительным свидетельством «духовной природы жизни» становится задача, связанная с ситуацией, когда «планы идут вкривь и вкось» или какие-то непредвиденные события «расстраивают прогресс». «Тогда человек будет намечать новые пути к цели, или даже выбирать новую цель, совместимые с вышестоящей жизненной задачей» [392].

В результате социальный интеллект «освобождает нас от рефлекса», системы тропизма как первичных мотивов человеческой деятельности, «а инстинкт в социальной жизни проявляется как явно несоциальный домен» [392].

Тогда социальный интеллект, структурированный через декларативные и процедурные знания, предопределяет социальную компетентность личности и является результирующим конструктом по отношению к протознаниям (философский контекст) или предпосылочным знаниям (социологический контекст), приобретает через социализацию личности и определяет смысл жизни, организует практики повседневности. Его состояние, в свою очередь, предопределено характером участия и поведенческими стратегиями акторов по отношению к процессу отторжения знаний. А они структурируются интериоризированной ценностью знания и безопасностью НЕ-знания.

В этом ракурсе знания, интериоризированные или неинтериоризированные индивидами и общностями в процессе вторичной социализации в системе образования и других социальных институтах, структурно включены в качестве первичного

(базисного) элемента социального интеллекта. Но не только он предопределяет направленность процесса освоения знаний на их принятие или отказ от них. Здесь более важную роль играют конкретные условия, в которых индивидам и общностям предстоит решать проблемы, возникающие в физическом и социальном мире, и реализовывать жизненные задачи.

Под конкретными условиями можно понимать институциональную основу социального капитала — принадлежность к социальному кругу (социальной сети), т.е. к общностям, взаимодействующим в институтах социализации. Согласно В. В. Радаеву [227], **измерять социальный капитал «можно только через степень включенности в те или иные сети, а также через характеристики этих сетей — их размер и плотность, силу и интенсивность сетевых связей»**. Всё это в итоге предопределяет и интериоризацию знания, и причинность отказа от него, и содержательные аспекты социального интеллекта.

Таким образом, социальный интеллект — это структура, направленная на решение проблем социальной жизни и, в частности, на управление жизненными задачами, текущими проблемами или личными проектами, которые человек выбирает сам или принимает извне. Социальный интеллект основан, как мы неоднократно подчеркивали, на декларативном и процедурном знании. Тогда активно декларируемая нами действенная сущность знания подтверждена. Это касается того, что **под знанием мы понимаем действия анализа, синтеза и оценки информации, направленные на тактический аспект ориентации субъектов интеракций**. В качестве информации как объекта ориентации могут выступать конкретные данные о фактах, явлениях, сущностях и смыслах. Тогда ведущее предназначение знаний — это освоение суммы способов экспертной оценки информации. Под экспертной оценкой информации понимается применение умений и навыков анализа, синтеза смыслов в соответствии с опытом социального взаимодействия и установкой на ценность знания у субъектов интеракций. Такой подход позволяет дистанцировать знания от информации и дополнить рассуждения Дж. Ф. Килстрона и Н. Кантор о социологическом подходе к социальному интеллекту.

Обратим внимание на еще один аспект в оценках взаимозависимости знания и социального интеллекта.

Во взаимодействии акторов внутри социальных сетей, как мы уже отмечали, значительную роль играет доверие. Эмоционально-чувственная природа доверия сближает его с интуитивным знанием. На уровне индивида оно первично проявляется через состояние личностных знаний «обобщенного другого».

Л. Кронбах (Lee Cronbach) указывает, что образ «обобщенного другого» включает список представляющихся важными психологических аспектов личности, «оценку среднего и дисперсии каждого измерения среди населения, а также оценку ковариации среди нескольких измерений» [372]. Весь этот непростой комплекс процедур опирается на интуитивное знание. Интуитивным знанием обладает и общность, так как интуитивное знание индивида обретается через процессы социализации и аккультурации. Социальное распределение знания приводит к тому, что у людей будут проявляться индивидуальные и культурные различия этих знаний, что приводит к индивидуальным и групповым различиям в социальном поведении.

Таким образом, восприятие личности и формирование, управление впечатлениями, причинная атрибуция, человеческая память, социальная категоризация и многое другое «направляются» социальным интеллектом. Но это «направление» неизбежно связано с **формированием ценностей**. А они, согласно по П. А. Сорокину, выступают ведущей побудительной движущей силой в обществе.

Это позволяет предположить, что **интериоризация знаний должна нести смысловую и эмоционально-психологическую нагрузку, которая интегрируется в осознание их ценности.** Говоря словами Г. Олпорта [199], «категория знания» или его отторжения должна перейти в «категорию значимости», когда внешние ценности перейдут на уровень ценностей внутренних, определяющих цели личности. Тогда в соответствии с принципом «функциональной автономии» произойдет процесс трансформации «категории знания» (незнания, невежества) в «категорию значимости», так как знания (незнание, невежество) подкрепятся личностным смыслом.

Роль регулятора этого процесса может принадлежать установке или аттитуду. Не случайно У. Томас и Ф. Знанецкий отмечали, что их аттитуд — «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта», «состояние осознания индивида относительно некоторой социальной ценности» [323].

О значимости в регулировании действий личности установок, аттитудов и ценностных ориентаций как диспозиций или «предрасположенности» говорит В. Я. Ядов в известной работе о диспозициональной концепции регуляции социального поведения личности [344]. Здесь личность практически так же, как и у Т. Парсонса, рассматривается через «многообразие отношений индивида к условиям его деятельности», когда эти отношения рассматриваются как определенная система, как целостность. У Т. Парсонса личность — «организованная система мотивации и действия индивидуального актора» [208. С. 421].

Высший уровень диспозиционной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида. Иначе говоря, ценность знания для личности мы можем рассматривать именно с этой точки зрения — как зависящую от ценности знания в социальной общности, с которой себя идентифицирует личность. Процесс интериоризации знаний как жизненная цель будет определен тем смыслом, который коррелирует со знаниями и их ценностью, а также безопасностью незнания.

С этим утверждением соотносится вывод Б. С. Братуся, который отделяет ценности как «осознанные смыслы жизни» от декларируемых — «назывных», которые не обеспечивают эмоционально-чувственное переживание и «не имеют по сути дела прямого касательства к смысловой сфере» [34. С. 27–42]. То есть если в социуме как на уровне обыденных практик, так и на институциональном знании позиционируется как аналог компетентности, экспертности в любой сфере деятельности, в том числе и в образовании, то именно этот смысл личность должна принять, воспринимая его ценность. Если знание — информационная декорация, а его интериоризация — формальная процедура, результатом которой должен стать документ об уровне образованности, то оно, разумеется, не будет иметь никакого отношения к той смысловой сфере, о которой мы говорили выше. Но здесь может проявиться другая сфера: обмен знания теми, кто им владеет, на экономический капитал тех, кто нуждается в формальном подтверждении своей обученности или образованности.

Примером тому является обсуждение в СМИ [223. С. 7–16] скандалов, связанных с нарушением процедуры ЕГЭ в 2011 г., суть которых стала «достоянием не только профессионалов, но и общественности». Один из обсуждаемых фактов — выполнение экзаменационных работ студентами МФТИ вместо выпускников общеобразовательных школ Москвы. Приводится предложение председателя Всероссийского педагогического собрания, ректора Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского В. Н. Ивановой о том, что если студенты МФТИ, которые выполняли за школьников задания ЕГЭ, исключат из числа учащихся, то возглавляемый ею вуз «готов принять их у себя».

Вывод участников дискуссии касался констатации негативности смещения в обществе нравственно-этических параметров: фактически был реализован акт, который можно назвать мошенничеством, и тогда он нарушает нравственно-этические нормы, обычное и формальное право. В этом случае позиция ректора государственного университета — аморальна. Но если состоялся интеллектуальный обмен «знания — деньги», а в обществе доминирует ценность не инструментальной сущности знания, а его символического отражения в бланках государственного образца, то это — всего лишь взаимовыгодная сделка. И тогда позиция ректора вуза очень рациональна и «рыночна»: университет получит образованных, динамичных, инициативных, активных, способных на риск будущих предпринимателей.

О смысловых представлениях в процедуре выбора ценностных ориентаций писала К. А. Абульханова-Славская [6], перечисляя следующие ее составляющие (функции):

- принятие (или отрицание) и реализация определенных ценностей;
- усиление (или снижение) их значимости;
- удержание (или потеря) этих ценностей во времени.

Таким образом, **процесс интериоризации или знания, или НЕ-знания представляет собой прежде всего выбор смысла ценности знания, а также осознание безопасности для жизнедеятельности актора НЕ-знания.**

Для нас здесь значимо то, что **ценности, которыми руководствуются субъекты социального взаимодействия, устанавливаются объективно, т.е. независимо от человека, но существуют субъективно, т.е. принадлежат сознанию каждого человека. А это возможно только при наличии знаний и интериоризации их ценности.**

Ценность знания — его характеристика, обозначающая признание его значимости. При традиционном разделении фундаментальных или базовых ценностей на материальные, духовные и «вечные» знание является одним из наиболее «вечно значимых», что подтверждается генезисом всего социального развития.

Ценность в философии и социологии — указание на личностную, социально-культурную значимость объектов и явлений. Но эта значимость инициируется описанными Т. Парсонсом **тремя главными классами культурных эталонов.** Напомним, что это — системы идей и верований, которые «характеризуются преобладанием когнитивных интересов», системы экспрессивных символов (характеризуются преобладанием катектических интересов) и системы ценностных ориентаций, где, как уже отмечалось, с нашей точки зрения, катектический компонент также преобладает.

Тогда **ценность знания — в его предназначении минимизировать негативные воздействия факторов, влияющих на «ненаследственные свойства», и действия личности на уровне катектически-когнитивных различий и обеспечивать стабильность социальной системы.**

Представляется, что **институционализация ценности знания — фундаментальная характеристика и актуального состояния социума, и эффективности системы образования, и функционирования других институций и институтов.**

Напомним, что мы приняли за основу определения сущности личности парсоновскую парадигму о том, что личность — это организованная система ориентации и мотивации действия актора, а социальная система — это взаимоотношения индивидов, «организованные в связи с определенными социальными проблемами» [207. С. 422—429]. Поведение личности мы рассматриваем не как «конкретное физическое поведение», а как действие, связанное с обобщенными типовыми характеристиками, с осмысленными (воплощенными) в материальной и духовной культуре результатами действия, а также механизмами и процессами, контролирующими формирование этих образцов [209. С. 43—52].

В качестве **содержания действия** рассматриваем «структуры и процессы, на основе которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно реализуют их в конкретных ситуациях» [209]. Осмысленность здесь подразумевает символический (культурный) уровень смыслового представления и референции.

Способность системы действовать — значит «изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении» [209]. Эта способность предопределена совокупностью намерений и их индивидуальных или коллективных «осуществлений».

Изложенное ранее позволяет выделить следующие **установки**:

на утилитарный подход к ценности знания — ориентирует малоальтернативное действие, направленное на максимальное соответствие норме, стандарту, рутинному ментальному опыту общностей. Функция ценности знания — принятие знаний, связанных с правилами и моторными навыками процедурного знания и отрицание «ненужного» знания. Социальный интеллект представлен контекстным компонентом и доминантой автобиографической памяти в декларативном знании. В процедурном знании ведущая роль у правил и моторных навыков. Социальная сеть замкнута;

на рационально-прагматический подход к ценности знания — ориентирует действие, основанное на артефактах (символы, традиции, ритуалы), на идеалах и целях общности, на доминирование выгод над издержками ресурсов интеракций. Функции ценности знания — принятие процедурного знания и отрицание «ненужного» знания, усиление значимости процедурного знания и снижение значимости декларативного знания. В социальном интеллекте ведущая роль у процедурного знания. Контекстный компонент декларативного знания доминирует над концептуальными знаниями о социальном мире. Социальная сеть замыкается на участниках актуальных интеракций и меняется на каждом шаге мобильности;

на рефлексивный подход к ценности знания — ориентирует действие, направленное на осмысление и переосмысление ценности знания, фреймов как рамок, с помощью которых воспринимается и интерпретируется окружающий мир, на анализ реализуемых стратегий познания. Функции ценности знания — принятие нового знания и отрицание «неодобряемого» знания, усиление значимости процедурного знания и снижение значимости «ненужного» знания, удержание процедурного знания или потеря «ненужного» знания во времени. В социальном интеллекте преобладает процедурное знание. В декларативном знании доминирует автобиографическая память. Социальная сеть динамична и условно замкнута на профессиональных и досуговых общностях, соответствующих экспертному знанию;

на креативный подход к ценности знания — ориентирует действие, направленное высокую мотивацию переосмысления фреймов — рамок интерпретаций окружающего мира, на терпимость к инвариантности знания, на генеративность и оригинальность мышления, доверие к акторам профессиональных и досуговых социальных сетей. Гармоничное сочетание декларативного и процедурного знания в социальном интеллекте. Функции ценности знания — принятие инновационного научного знания, отрицание устаревшего знания, усиление значения инновационного знания, снижение значения рутинного знания, удержание ценности знания во времени.

Нами доказано, что ведущее предназначение знаний — это **освоение суммы способов экспертной оценки информации для определения и решения жизненных задач. Под экспертной оценкой информации понимается применение умений и навыков анализа, синтеза смыслов в соответствии с опытом социального взаимодействия и установкой на ценность знания.** Такой подход позволяет дистанцировать знания от информации и показать, что, с нашей точки зрения, **знаниями должны считаться действия анализа, синтеза и оценки информации, направленные на**

катектический аспект ориентации в процессе определения и решения жизненных задач. В качестве информации как объекта ориентации могут выступать конкретные данные о фактах, явлениях, сущностях и смыслах.

Онтологически знание включает в себя следующие компоненты:

1) **знание «что»** как действие в социальной сети по использованию ресурсных возможностей данных, информации, контекстной части декларативного знания в процессе коммуникаций с субъектами и объектами жизненного мира. Утилитарный подход к ценности знания. При отсутствии мотивации действий на уровне знания «как» – «омертвление» социального капитала;

2) **знание «как»** как действие в социальной сети по решению жизненных задач с помощью процедурного знания и автобиографической памяти. Рационально-прагматический подход к ценности знания. Ригидность социального капитала;

3) **знание «зачем»** как действие в социальной сети по применению знания «что» и знания «как» для выработки стратегий социального взаимодействия с индивидами, группами, общностями при осмыслении алгоритма решения жизненных задач. Установка на рефлексивный подход к ценности знания и идентификацию в соответствующей социальной сети. Стабильный режим накопления и использования социального капитала;

4) **знание «почему»** как действие в социальной сети по применению знаний «что», «как», «зачем» для анализа, синтеза, оценки алгоритмов решения жизненных задач на уровне интериоризации ценности знания в социальных сетях. Креативный подход к ценности знания, динамике социального капитала.

Формулировка онтологических составляющих знания через вопросы имеет свое объяснение. Так, знание «зачем» конституирует уровень притязаний личности и общностей. Он может ограничиваться рамками витальных потребностей («выжить»), а может быть направлен и на более творческие цели. Ответы на вопрос «почему» связаны с креативным подходом к сущности оценки результатов действий, причинно-следственных, пространственно-временных связей и прогностических диспозиций.

Подтверждением верности выбранного метода могут служить слова Э. С. Райнерта о проблемах экономической теории, которые мы дополнительно к сказанному выше будем рассматривать далее. Ученый постулировал: «Как и в экономической науке, неверные предпосылки приводят не только к неправильным выводам, но и порождают неправильные вопросы. Нереалистичные предпосылки – проклятие абстрактной экономической теории, начиная с теории торговли Давида Рикардо (1817 г.) и заканчивая теорией общего равновесия, сложившейся после Второй мировой войны. Эти предпосылки повлияли на либерализм и на плановую экономику коммунистических стран» [229. С. 34]. Развивая мысль Э. С. Райнерта, мы можем воспользоваться постулатом дидактики реципрокного обучения [320] о том, что правильные ответы даются только на правильно поставленные вопросы.

Знание как действие реализуется через ведущие принципы: принцип непрерывности (континуума) опыта – синтез прошлого, настоящего и будущего опыта интеракций, и принцип взаимодействия – в условиях гармонии объективного и субъективного смыслов ценности знания.

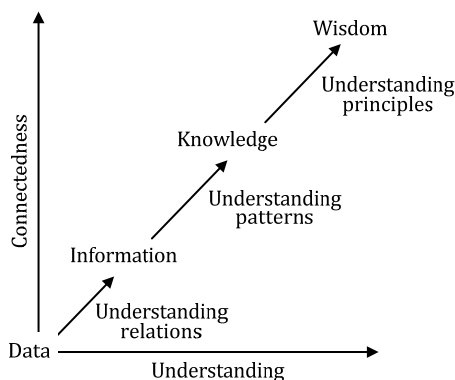
Таким образом, нами предложен инновационный подход к осмыслению сущности знания.

Для конкретизации аналогичных инноваций сущности НЕ-знания через постулаты социологии рассмотрим подходы к знанию и незнанию в экономической теории.

1.2.3. Ценность знания, значимость НЕ-знания и экономическая теория

Вопрос о тождественности знания технологии

В разработках Ж. Беллинжера (Gene Bellinger), Д. Кастро (Durval Castro), А. Миллса (Anthony Mills), которые можно рассматривать как экономические источники оценок сущности знания и своеобразную адаптацию известной цепочки функций сознания Д. Юма «ощущение, интуиция, мышление и чувство», предложен вектор «данные – информация – знания – мудрость», обоснованный Р. Аккоффом (рис. 1) [361].

Рис. 1. Данные, представляющие факт или событие изолированно от других явлений (Data represents a fact or statement of event without relation to other things); *connectedness* – взаимосвязь; *understanding* – понимание (*understanding relations* – понимание отношений, *understanding patterns* – понимание моделей, *understanding principles* – понимание принципов); *data* – данные (факты, сведения); *information* – информация; *knowledge* – знания, осведомленность; *wisdom* – мудрость

Согласно Р. Аккоффу, характеристика «содержания человеческого разума» при классифицировании может быть представлена через пять категорий:

- 1) **данные:** символы, констатация факта или явления;
- 2) **информация:** данные, которые обработаны, чтобы быть полезными (с нашей точки зрения – обеспечивает ответы на вопросы «кто», «что», «где» и «когда»);
- 3) **знание:** синтез данных и информации (с нашей точки зрения – обеспечивает ответы на вопрос «как», благодаря которому события, явления, факты могут быть предсказаны);
- 4) **понимание:** когда дается оценка «почему» (в нашей трактовке это может быть представлено как знание «зачем»);
- 5) **мудрость:** оценочное понимание (в нашей трактовке может быть представлено как знание «зачем» и знание «почему»).

В этом квинтете «содержания человеческого разума» Р. Аккофф отмечает, что первые четыре категории касаются прошлого: они имеют дело с тем, что было, или с тем, что известно. Только пятая категория – мудрость – направлена на будущее, потому что связана с предвидением и проектированием. «Именно с мудростью люди

могут создать это будущее, а не только «ухватывать» настоящее и прошлое». Но достижение мудрости «трудоемко, так как люди должны пройти последовательно все предшествующие категории» [361].

Здесь знание позиционировано как продукт, «сырьем» для которого выступают данные и информация. Но мы видим, что человек дистанцирован от этого продукта, хотя и должен, как указывает ученый, уметь предсказать перспективы развития событий, опираясь именно на него. Одновременно на задачу «осмысления будущего» направлено и присутствие в квинтете категорий мудрости.

Можно предположить, что Р. Аккофф подразумевал под умением предсказать события всё, что касается каких-то объектов в пределах первичных структурных элементов и кратковременных периодов. Мудрость, как представляется, должна использоваться при решении более глобальных задач, касающихся организационных структур в целом и долгосрочных стратегий. Тогда получается, что, несмотря на определение знания на уровне продукта, его применение подразумевает какое-то действие. Другой вопрос — как и куда это действие будет направлено, если принять за основу сущности знания первые четыре категории из предложенных Р. Аккоффом.

На уровне попытки ответа на него мы можем обратиться к представленной нами ранее установке на **рационально-прагматический подход к ценности знания**. Он, как мы показали, ориентирует действие, основанное на артефактах (символы, традиции, ритуалы), на идеалах и целях общности, на доминирование выгод над издержками ресурсов интеракций. Функциями ценности знания здесь являются принятие процедурного знания и отрицание «ненужного» знания — лежащего за пределами привычных действий, усиление значимости процедурного и снижение значимости декларативного знания. В социальном интеллекте ведущая роль оказывается у процедурного знания. Контекстный компонент декларативного знания доминирует над концептуальными знаниями о социальном мире. Социальная сеть замыкается на участниках актуальных интеракций и меняется на каждом шаге мобильности.

Мобильность может быть реализована в условиях «осмысления будущего», но, вероятно, кем-то другим — не той личностью, которая действует в рамках «настоящего и прошлого», а субъектом, способным оперировать категориями «будущего». Тогда фрейм действий личности, в отличие от субъекта, «наделенного мудростью», определен границами «что», «кто», «где», «когда» и «как».

Если фрейм (рамка, с помощью которой индивидуальные и коллективные акторы воспринимают и интерпретируют окружающий мир) включает жизненные задачи на уровне «почему», то мы можем говорить об установке на **рефлексивный подход к ценности знания**. Он ориентирует действие, направленное на осмысление и переосмысление ценности знания, на анализ реализуемых стратегий познания. Функции ценности знания здесь заключаются в принятии нового или отрицании «неодобряемого» в общности знания, в усилении значимости процедурного и снижении значимости «ненужного» знания, мешающего развитию, удержании во времени процедурного знания и/или утраты «ненужного» знания. В социальном интеллекте преобладает процедурное знание. В декларативном знании доминирует автобиографическая память. Социальная сеть динамична и условно замкнута на профессиональных и досуговых общностях, корреспондируемых с экспертным знанием.

Мы можем развить рассуждения дальше, указывая на то, что созданный Р. Аккоффом перечень категорий содержания человеческого разума предусматривает и дифференциацию в социальном распределении знания в соответствии с системной иерархией. Это допустимо в связи с условной абстрактностью как этой модели, так и модели будущего, на прогнозирование которого должен быть направлен вектор интересов «собственников мудрости».

Будущее, которое частично проявляет себя уже в настоящем, сегодня повсеместно обозначается как «общество знания». К противоречивости оценок этого футурологического концепта мы обратимся позже. Пока отметим, что **общество знания выделено как инновационный этап развития цивилизации, так как в нем основным товаром становится знание**, поэтому сосредоточим внимание на оценке его сущности в экономической науке.

Из представленных разработок Р. Аккоффа следует: данные — «сырье», так как просто существуют и не имеют никакого значения вне своего существования. Информация уже имеет смысл, может быть полезной или нет, но опирается на данные. **Знания должны быть полезными**, хотя освоение знаний — детерминированный процесс. Например, способность интериоризировать знание зависит от возрастных возможностей личности. Учащийся начальной школы, отлично знающий таблицу умножения, может не справиться с задачей извлечения корня, так как он пока не готов к такому уровню познавательной и аналитической деятельности. Поэтому следом за знаниями идет понимание. Мудрость в целом для экономики — достаточно абстрактное понятие, поэтому Ж. Беллинжер, Д. Кастро, А. Миллс предлагают ограничивать ее первыми четырьмя составляющими [361].

Ранее мы представили знание как «чисто социальное явление», как компонент, «фоновое условие любого изменения», **производное от социальных интересов и социального контекста развития знания и оценок безопасности НЕ-знания в целом.** Поэтому допустимо считать, что не столько сущность знания, сколько именно **интериоризация ценности знания** и процесс включения в формирование отношения к ней **в общностях составляет характеристику ресурса, названного учеными «ведущим ресурсом современного общества».**

Известному из экономической теории полезности спору между ординалистами и кардиналистами придают социологичность интеракции, возникающие по поводу механизма индивидуальной и общностной оценки пользы от того или иного блага или ресурса, поступающего в распоряжение потребителя. Кардиналисты считали, что спрос на подобные блага или ресурсы в форме товара, услуги определяется его полезностью и имеет абсолютное измерение. Ординалисты, напротив, предлагали обращаться к относительности предпочтений потребителя на основе атрибутов продукта.

В ракурсе наших рассуждений ординалистская концепция коррелирует с ценностью знания для его собственника. Полезность, являющаяся целью потребления, представляет собой свойство знания удовлетворять потребности, приносить удовольствие. В результате потребительский выбор опирается прежде всего на катектический компонент ориентации действия, не исключая когнитивные аспекты информированности о том, что «потреблено и использовано».

Кардиналистский подход также допустим, если мы будем оценивать масштабы потерь от НЕ-знания — отказа от знаний при «возрастающем спросе» на процесс, который можно определить как отторжение знаний, интегрирующее отказ и отчуждение от них.

Обобщая зарубежные и российские подходы, отметим, что в течение двухсот лет классическая и неоклассическая экономика признала только два фактора производства: труд и капитал. Знание, образование, интеллектуальный капитал рассматривались как бы вне системы, расцениваясь как внешние факторы. Основания для изменения ситуации были заложены Й. Шумпетером, Р. Солоу, П. Ромером [398]. Считается, что именно П. Ромер ввел технологию и знания в качестве третьего ключевого фактора производства.

Однако здесь возникает вопрос: если знания признаны канонической формой капитала, а его накопление — условием экономического роста, то почему во многих исследованиях именно за технологией закреплена доминирующая позиция?

Технология в экономике обычно понимается как процесс, состоящий из мероприятий по достижению какой-либо цели. Тогда цель может быть связана с ускорением передачи информации, с передающей техникой, но не с тем смыслом, который мы вкладываем в содержание знания — социального действия. Это действие должно включать, по Т. Парсонсу, «структуры и процессы, на основе которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно реализуют их в конкретных ситуациях». Осмысленность здесь подразумевает символический (культурный) уровень смыслового представления и референции. Способность действовать — значит «изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении» [209. С. 43–52]. Эта способность предопределена совокупностью намерений и их индивидуальных или коллективных «осуществлений».

Если предположить, что экономический подход более верен, чем предложенный нами, мы будем иметь дело с данными и информацией, «привязанными» к какому-то материальному носителю, процедура передачи которых имеет «вход» и «выход». Взаимодействие осуществляется только по поводу конкретного «узкого» контакта «донор — реципиент». Но такой подход не даст объяснения процессам интериоризации знания и отказа от него.

Если технология — техника, то мы имеем дело с материальными носителями, результатом интеллектуального труда — применения знаний. Говоря об инновационных технологиях, мы подразумеваем не социальное действие, а либо набор созданных на основе знания материальных или нематериальных объектов, либо веер методов и средств по реализации конкретного новшества. Мы имеем в виду свойство личности, общностей как социальных систем в условиях разнообразных интеракций взаимодействовать с разной степенью интенсивности и эффективности, руководствуясь избранными установками на ценность знания. Иными словами, знание — то, что организует систему ориентаций действий, мотивирует и личность, и общности на взаимодействие.

П. Ромер был, возможно, прав, когда, говоря о вероятности случая в технологических прорывах, придавал большое значение созданию так называемых технических платформ для стабильности процесса развития инноваций. Но знание в его трактовке оказывает как бы констатирующую функцию, поскольку оценивается на уровне синтеза данных и информации. Это можно рассматривать как противоречие известному шумпетеровскому «созидательному разрушению», которое должно опираться на качественное развитие социума, т.е. на инновационную промышленность и усложняющееся разделение труда, которые обеспечивают количественный экономический рост, а также на ценность знания.

Отметим также, что в «созидательном разрушении» представлен позитив отрицания устаревшего знания, что имеет для развития нашего подхода большую значимость. Кроме того, интегратив данных и информации, способность ответить на вопросы «кто», «что», «где», «когда» и «как» не могут стать решающими факторами качественного развития социума, так как для этого неизбежны действия, связанные с постановкой вопросов и решением жизненных задач «зачем», «почему» и «кому это выгодно». Поэтому технологические прорывы только кажутся спонтанными. На самом деле **потребность изменить что-то в технологических константах возникает у немногих, хотя неудобства от устаревших алгоритмов испытывают многие, в то**

время как к инновационным актам готовы единицы. И это именно те акторы, которые способны к созидательному разрушению за счет знаний-действий.

В связи с этим учтем, что, кроме осмысления знания как канонического капитала и одного из ключевых факторов производства, в экономических подходах представлен своеобразный научный цикл смены знания на невежество. Об этом напоминает Э. С. Райнерт, ссылаясь на высказывание П. Кругмана о зависимости между парадигмами экономической теории, не оправдавшимися в долговременной практике, и социальными потрясениями: «За расцветом этих теорий в 1760, 1840-е годы и сейчас неизменно следовали крупные общественные проблемы и даже революции, которые прекращались, когда научное сообщество вновь захватывали менее абстрактные и более практичные теории, позволяя исправить причиненное зло. Американский экономист Пол Кругман был прав, когда утверждал, что в определенные исторические периоды все прежние знания забываются и в мире воцаряется невежество» [229. С. 33].

Таким образом, **знание в актуальной экономической теории может рассматриваться не только как ресурс, но и как источник интерпретации жизненного мира, проектирования в социально-экономической политике, способный дестабилизировать социум не только автономно, но и через «отступление» перед незнанием, невежеством. Одновременно именно знание-действие предопределяет технологические прорывы и стабилизирует интеракции. Отступление же перед НЕ-знанием происходит при очевидной абстрактности экономических парадигм, невежестве тех, кто на них опирается, в навыках адаптации абстракций к реальной жизни социума. Здесь невежество – в отказе признать востребованность нового знания и начать системные изменения.**

Это утверждение созвучно ведущему выводу Э. С. Райнерта, взгляды которого нами принимаются за основу. Анализируя проблемы экономической теории сегодняшнего дня, ученый предлагает учитывать негативный опыт прошлого, «поэтому отказать от теории, которая считает экономическую гармонию автоматическим следствием божественным или математическим образом спланированной гармонии, вернувшись к теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики» [229. С. 14].

Из рассуждений Э. С. Райнерта о причинах прогресса Европы в XVII веке можно попытаться вывести дополнительное подтверждение наших предположений о том, что знание – организатор системы ориентаций действий и мотивации. Так, ученый перечисляет причины европейского прогресса. К ним отнесены факторы, которые мы могли бы назвать объективными факторами макроуровня: «географическое местонахождение ее источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков» [229. С. 45–46]. Но особо хотелось бы выделить то, что можно определить как знаниевые факторы: «жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности, институциональная изобретательность (например, разработка метода двойной бухгалтерии) и интеллектуальное любопытство». Все они соотносятся с типологией социальных действий М. Вебера: целерациональные (организаторская деятельность, институциональная изобретательность), ценностно-рациональные (религиозный фанатизм), аффективные (жестокость), традиционные (интеллектуальное любопытство – установки на креативный подход к ценности знания).

Представляя выводы Э. С. Райнерта, можно воспользоваться еще одним из множества примеров «знаниевого» прогресса. **Изменение установок на ценность знания в социуме «совершило» индустриальный переворот в Ирландии, «прежде известной лишь зелеными лугами и дублинским пивом» [229].**

«Кельтское экономическое чудо» 1980-х годов началось не с перераспределения инвестиций, а с активной индустриальной политики, основой которой было «поощрение технического образования и науки и привлечение высококвалифицированных ирландских эмигрантов, некогда покинувших родной остров из-за хронической безработицы. Это совсем не походило на шоковую терапию» [229]. Созданный в стране инновационный технологический сектор по эффекту синергии вызвал рост технической вооруженности сельского хозяйства и реальных заработных плат.

Как видим, с изменением социальной ситуации меняются и подходы ученых к ее оценке. Э. С. Райнерт — не единственный, кто пытается включиться в этот процесс. Так, активно обсуждается институциональная политическая экономия [36]. Н. Трифт предлагает экономистам описывать современные общества с учетом того, что в жизни людей биологическое основание играет ту же важную роль, что и культурное [437]. Поэтому идет разговор о новом направлении экономической теории — политэкономии человеческих склонностей (*political economy of propensity*).

Для понимания того, как совершается экономическое действие — выбор между несколькими ограниченными благами, предложено опираться на нейрофизиологию — науку, изучающую функции нервной системы и принципы работы мозга. Н. Трифт отмечает, что экономисты уже делают ряд шагов к тому, чтобы «расшифровать» эту взаимозависимость в рамках еще одного нового направления, получившего название нейроэкономики (А. Рубинштейн (Ariel Rubinstein) [419]).

Известно, что психологические основы деятельности, связанной с экономическим ростом, в условиях капитализма исследовали Т. Веблен [48], В. Парето [218], Й. Шумпетер [336], В. Зомбарт [105], Дж. М. Кейнс [126]. Анализ психологии потребительского выбора в экономической науке был начат Г. Саймоном [245], продолжен Д. Канеманом, А. Тверски, М. Фентоном-О'Криви, Н. Николсоном и др. [276]. Каждый вносил в экономическую теорию свое представление о главных и второстепенных игроках в экономике, их мотивации, способности к риску, адаптации к изменяющимся социальным условиям. Потребность учета в актуальной экономической теории именно этого компонента отмечается и современными российскими учеными С. А. Сурковым [276], Ю. Я. Ольсевич [200; 201], А. И. Орловым [202] и др. Экономическая теория не отказалась и от активного обсуждения парадигм по экономике знаний и теории человеческого капитала ([33; 35; 161; 178] и др.). Но процесс переосмысления сущности знания остается как бы на периферии этого проблемного поля.

В связи с этим обратим внимание на тезис П. Друкера. Ученый констатировал: «**Изменение значения** знания, начавшееся двести пятьдесят лет назад, преобразовало общество и экономику. Знание стало сегодня основным условием производства. Традиционные “факторы производства” — земля (т.е. природные ресурсы), рабочая сила и капитал — не исчезли, но приобрели второстепенное значение. Эти ресурсы можно получать, причем без особого труда, если есть необходимые знания. Знание в новом его понимании означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов» [84]. Как видим, знание снова признано каноническим ресурсом, а **изменение восприятия его ценности** должно рассматриваться как «реальная и полезная сила» и «главное средство» преобразования общества.

Этому способствует объективный процесс, названный учеными процессом трансформации знания и его роли в социуме и определенный П. Друкером как процесс производства знанием знания. Последующее утверждение «гуру менеджмента» созвучно нашим рассуждениям: «Использование знаний для отыскания наиболее эффективных способов применения имеющейся информации в целях получения необходимых результатов — это, по сути дела, и есть управление» [84]. Иными словами, именно знание обеспечивает эффективность выбора среди множества вариантов тех-

нологий применения имеющейся информации для решения жизненных задач. Но далее ученый представляет тезис, который, с нашей точки зрения, полностью опровергает деятельностную сущность знания: **«Знание сегодня — это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов. Причем результаты проявляются вне человека — в обществе, экономике или в развитии самого знания»** [84].

В этом тезисе — основное противоречие классиков экономической теории и нашего подхода: у нас знание — социально предопределенное действие, неотделимое от субъекта, существующее только с ним и направляющее поведенческие установки актора в любых интеракциях.

Знание в роли внеличного конструкта

Технологическая сущность знания рассматривается и в другом ракурсе, когда в экономической теории выступает как внеличный конструкт, существующий объективно, саморазвивающийся и самовосполняющийся.

Обратимся к работе Дж. Мокира, связанной с оценкой теоретических и исторических «основ общества знания». Именно она, с нашей точки зрения, в наиболее концентрированном виде отразила всё, что мы воспринимаем как недочеты подходов современных экономистов к знанию.

Анализируя сущность знания, Дж. Мокир [185] оперирует понятием «полезное социальное знание».

«Знание в обществе — это совокупность всех индивидуальных знаний членов этого общества». Статистический агрегат «набор знания» «содержит противоположные элементы, несовместимые друг с другом». Например, указывает Дж. Мокир, некоторые люди все еще верят, что Земля плоская. «Истинность» знания irrelevantна, «если подразумевать под истинностью то, что соответствует представлениям нашего времени». И подводит итог: **«знание относится ко всему, в истинность чего мы верим»**. Если это так, то нет ясности, как в социуме складывается сумма знаний, если один считает, что Земля плоская, а второй — нет. Если мнение их собственников представить в виде векторов, то при суммировании эти две разнонаправленные «истины» должны взаимно уничтожаться. В результате в знании социума может остаться знание того, чей вектор окажется больше. Тогда не исключен вариант признания истиной «плоскости» Земли. Видимо, поэтому чисто экономический подход к знанию связан прежде всего с правом собственности на него.

Например, если один индивид располагает определенным знанием, то встает вопрос о том, каковы издержки приобретения этого знания другими. Поэтому Дж. Мокир пользуется понятием **«издержки доступа»** — центральным для понимания процесса накопления знаний в экономической теории.

«Издержки доступа на всем протяжении истории не были неизменны», — утверждает ученый [185. С. 11]. Первоначально они зависели только от двух факторов: технологических и культурных. «Технологические факторы определяли материальные издержки распространения информации, включая средства ее передачи, транспортировку, печать и способы организации. Культурные факторы устанавливали ту степень, в которой люди, владеющие знаниями, желали делиться ими и осуществлять их передачу в социальной сфере». Здесь речь идет о барьере, который устанавливает собственник, проводя селекцию «достоин — не достоин» участвовать в процедуре распределения знания.

Попытка толкования ученым технологических факторов также вызывает у нас ряд вопросов. Так, Дж. Мокир не уточнил, когда в динамике развития общества наступил выделенный им первоначальный этап. Иначе говоря, каким образом мы сможем разделить, к примеру, в памятниках культуры — результатах труда ремесленников Древних времен и Античности — технологические и культурные факторы? Одновременно передача знаний опытным путем в форме скрытого знания, освоение которого идет «по образцу», не могла не опираться на глубину желания искусного ремесленника делиться этими знаниями. Иначе за что платили в течение нескольких лет опытному профессионалу родители отданного ему в обучение ребенка, т.е. на волонтерский или рабский, по сути, труд, например, в древнем Вавилоне?

Более того, сам ученый до представленного нами вывода ссылаясь на интересную активность знания и особые условия его позиционирования в социуме. Дж. Мокир приводил пример открытия феномена относительности А. Эйнштейном, когда «сразу стало ясно, что этим знанием располагает человечество, пусть даже ничтожная доля людей понимала его смысл» [185] или вообще не знала, о чем идет речь. То есть в истории человечества всегда были знания (а в нашем толковании — информация), которые независимо от желания их собственника становились достоянием социума. Но издержками по их освоению сторонними акторами были индивидуальные издержки тех, кто хотел освоить эти знания (информацию), или издержки конкретных общностей, которые обеспечивали доступность знания для тех, кто в этом знании нуждался. Кроме того, открытие А. Эйнштейна только тогда стало новым фундаментом физики, когда была доказана его практическая значимость. Поэтому далеко не сразу и не всем стало ясно, каким революционным знанием стало располагать человечество.

Таким образом, мы увидели некоторую неясность в описании генезиса центрального мокировского понятия процесса накопления знаний — «издержки доступа».

Далее Дж. Мокир утверждает, что первым ученым, обратившимся к категории «полезность знаний», был С. Кузнец. Именно он рассматривал знания как источник экономического роста в современном обществе. Сегодня этот тезис считается аксиомой. Однако, по Дж. Мокиру, **знание делает полезным только технология.** Исключением является, например, «астрологическое знание о дальних галактиках, знания о ценах, законах, взаимоотношениях, личностях, искусствах, литературе». Словом, всё то, на что опирается социология, анализируя проблемы социального взаимодействия, конструирования жизненных миров. **Но для экономиста это — «серая» зона, которую целесообразно обойти.**

Иными словами, есть знание, в истинность которого мы верим, есть издержки доступа к накоплению знаний, есть полезность знаний, но те, кто изучает галактики или пишет книги, кто в конечном счете может принять или отказаться от участия в реализации технологий, должны быть отнесены к «серой» зоне исключенности из области научного интереса [185].

Одновременно Дж. Мокир представляет пропозиционное и прескриптивное знание. К пропозиционному знанию ученый относит всё знание, связанное со «знанием того, что». Под этим знанием подразумевается знание, «каталогизирующее природные явления и закономерности». Прескриптивное знание — это знание, «предписывающее совершение определенных действий, связанных с манипулированием окружающей средой **ради материальных целей**». Оно выступает в форме технологии или инструкции, например, «по манипулированию природой». Следовательно, речь идет о «знании того, как».

В нашей интерпретации речь идет об установке на **утилитарный подход к ценности знания.** Она ориентирует малоальтернативное действие, направленное на максимальное соответствие норме, стандарту, рутинному ментальному опыту

общностей. Функция ценности знания сводится к принятию знаний, связанных с правилами и моторными навыками процедурного знания и отрицанием «ненужного» знания. Социальный интеллект представлен доминантой автобиографической памяти в декларативном знании, а социальная сеть замкнута.

Эту установку как бы поддерживает описание сущности пропозиционного знания. Так, к пропозиционному знанию относятся: «наука (всеобщее формальное знание, которое шире научного знания), прикладное неформальное знание о природе, но не во всей ее полноте, а только о свойствах материалов, теплоты, движения, растений, животных» [185]. Кроме того, к прикладному неформальному знанию отнесены интуитивное понимание основ механики, закономерности движения океанских течений и погодных изменений, народная мудрость. Имеется в этом подмножестве и география, и инженерная наука — инженерное знание, «которое более формально, чем народная мудрость и мирское занятие ремесленника, но менее формально, чем научное» [185]. Получается, что знание (в трактовке ученого) за пределами актуального применения через технологию на практике не имеет ценности.

Обратим внимание на еще один тезис Дж. Мокира, связанный с констатацией того, что необходимо учитывать различие между знанием, требуемым для записи набора инструкций в первый раз («изобретение»), и знанием для выполнения этих инструкций («производство»). Другими словами, и изобретение, и инструкции по его применению — это и есть собственно знание. Оно ограничено, согласно нашей интерпретации, только двумя типами: знание «что» и знание «как». В то же время только технология в течение двух последних столетий, по мнению ученого, остается ключевым моментом экономической динамики: «Рост человеческого и физического капитала в таких условиях комплементарен по отношению к росту полезного знания» [185].

Это, с нашей точки зрения, весьма относительно, так как наличие мультимедиа-аппаратуры, например, у «посредственного» преподавателя, не является обязательным условием высокого качества транслируемой им информации. Равно как и в управлении целой страной наличие технологий телемостов, информатизация коммуникаций не предопределяют эффективную деятельность всех общностей в вертикали власти и т.д. Более того, мы уже привели примеры стабильности присутствия в практиках повседневности даже в высокоразвитых странах с высоким ростом «физического капитала» значительного количества функционально неграмотных и просто неграмотных людей, не испытывающих потребности в развитии человеческого капитала.

Правда, далее Дж. Мокир делает оговорку, что во времена А. Смита технология имела подчиненный характер по отношению к институциональным изменениям в социуме. Видимо, поэтому она «развивалась в условиях мира, закона и порядка, налаживания коммуникаций, повышения уровня доверия, возникновения денег и кредита, юридической защиты и обеспечения гарантий прав собственности и других институциональных усовершенствований» [185. С. 14].

Таким образом, **нестабильность современного социума, кризис доверия и неправовые практики — всего лишь следствие «отказа» технологии «подчиняться» институциональным изменениям. Собственно технология — надличностный конструкт, существующий не только независимо от личности, что правомерно, так как связано с ее предназначением и сущностью, но, оказывается, еще и имеющий возможность подчиняться или не подчиняться институциональным структурам.** Причем речь идет о тех институциональных структурах, которые функционально предназначены как раз для обеспечения баланса сил в социетальной системе.

Более того, мы видим отход от постулата П. Друкера о сущности технологии. Технология сегодня — это методология, до уровня которой поднялось ремесло в результате трансформации: от ремесла (*techne*) — до научной дисциплины. «Таковы,

например, производственная технология, научная методология, количественный метод или дифференциальный диагноз (в медицине). Каждая такая методология преобразует частный опыт в систему, отдельные случаи и события — в информацию. В результате умения и навыки преобразуются в некую систему, которую можно преподавать и усваивать» [84].

Представляет интерес и мысль Дж. Мокира о том, что до 1750 г., когда мир развивал производство, и «иногда успешно», «даже самым лучшим и блестящим ремесленникам, фермерам, химикам» было известно относительно мало о том, «что можно узнать в тех областях знаний, которым они искали применение». Поэтому после экономического спада в 1750 г. «промышленная революция заставила человечество признать доминантность технологической составляющей в любом процессе развития» [185].

Согласно нашим утверждениям, представленным ранее, это значило низвести человечество до уровня «утилитара», а технологию — возвести до уровня фетиша или идола.

По мнению Дж. Мокира, любая технология из множества прескриптивного знания «имеет поддержку или основу во множестве пропозиционного знания, которую можно назвать эпистемологической базой технических навыков». Благодаря этой базе «промышленная революция не “выдохлась” к 1800 г., как это предсказывали многие ученые»: «технология и наука взаимно влияли друг на друга, совместно развивались, подпитывали и усиливали друг друга» [185. С. 18]. До сегодняшнего дня целостная картина развития мира иллюстрирует для Дж. Мокира несомненный факт: «рост полезного знания и сопутствующий ему технологический прогресс превратились из относительно незначительного помощника экономических изменений в мощный двигатель, направляющий экономику ко все более высоким вершинам» [185. С. 19–20].

Думается, ученый недооценил реальные исторические факты, которыми оперирует история экономики: именно соответствующие «росту знания» технологические помощники системно меняли образ мира и никогда не являлись «незначительными помощниками» экономических изменений, так как выполняли роль их основного источника, даже если вести отчет с изобретения колеса и отделения труда земледельцев от труда ремесленников.

Разумеется, ученый не забывает о том, что ни одна технология без соответствующих институтов (формальных или неформальных) существовать не сможет. Среди этих институтов вслед за Д. Нортон и целой плеядой ученых-экономистов Дж. Мокир перечисляет: степень доверия к правительству, роль семьи как основного элемента общества, нормы права и его надежность, прочную систему контрактного принуждения, а также отношения правящей элиты к личной инициативе и инновациям. Те общества, «в которых системы стимулов работают лучше — лучше организованные общества, так как они детерминированы институциональной структурой». Остается «за кадром» всё, что детально подразумевается под «системой стимулов» и механизмом, с помощью которого она «работает лучше». В ракурсе наших рассуждений это, безусловно, процессы отторжения знаний и институционализации ценности знания и безопасности незнания в социуме.

Через институциональные практики представленные нами процессы базируют условия прогресса или стагнации. В этом наша позиция в чем-то созвучна позиции ученого. Именно институты, по мнению Дж. Мокира, влияют на рост полезного знания: **«...институты и знания взаимодействуют. Институты оказывают решающее влияние на темп и направление роста полезного знания»** [185]. Это не вызывает сомнений, за исключением того факта, что человек с особенностями его жизненного мира исключен из технологии взаимодействия «по поводу знания».

Налицо противоречие, предопределенное подходом к сущности знания как надличностного конструкта. Данные, информацию можно, как видим, использовать для нужд знания. Но информацию используют, а знания применяют. Сделать это без соответствующих социальных отношений достаточно сложно. Несмотря на это вывод об ошибочности или узости экономического подхода к сущности знания мы практически не встречаем.

С нашей точки зрения, ученый все-таки подразумевает, что без креативного потенциала в обществе институтам будет достаточно трудно «влиять на количество полезного знания». Поэтому он подчеркивает, что «количество талантливых людей в экономике ограничено, и их способности следует рассматривать как еще один редкий ресурс» [185]. При этом вопрос о создании условий для расширения страты талантливых людей не ставится в принципе.

В то же время Дж. Мокир отмечает, что «накопление полезного знания не похоже на предпринимательскую деятельность, хотя именно она означает обогащение, а рентоориентированное поведение ведет к обеднению». С нашей точки зрения, «проданное знание», под которым мы подразумеваем результаты интеллектуального труда и собственность «знающего», не должно приводить к обеднению нации. Так, некто, опираясь на кем-то созданное прескриптивное знание, будет выделять предопределенную договором купли-продажи ноу-хау долю дохода. Эта доля составит основу для ренты. Разработчик ноу-хау становится рентополучателем. Тогда непонятно, как в связи с такой ситуацией рентоориентированное поведение приведет к обеднению национального хозяйства, если рентополучатель будет честно отчитываться о своих доходах и платить соответствующие налоги?

В целом современные процессы создания «полезного знания» настолько сложны и многогранны, что достаточно трудно выявить реального автора «нового знания», чтобы позиционировать кого-то в роли собственника, если рассматривать под новым знанием конкретный продукт. Здесь нам своеобразную поддержку может оказать замечание Г. Касселя о том, что «мобильный телефон был изобретен не в гараже» [391. Р. 211]. Иначе говоря, в обществе, где «знания порождают новые знания», актуализируется проблема реального собственника этого «нового знания». А это — проблема, которую экономика в содружестве с правом пока еще не решила, хотя процесс приращения интеллектуальной собственности во всем мире продолжается. Впрочем, продолжаются и попытки организации защиты вновь созданной интеллектуальной собственности, которая понимается здесь под термином «новое знание».

Разнотечения в смысле понятий «знание», «новое знание», «приращение знания», «интеллектуальная собственность» и т.д. порождают у теоретиков экономики противоречивость в рассуждениях.

Так, говоря о познавательной активности человека, Дж. Мокир прав, когда констатирует, что любознательность и жажда знаний являются «ведущим мотивом накопления пропозиционального знания»: «Люди не ждут, что им заплатят за отгадывание кроссворда — они получают удовольствие от процесса отгадывания» [185. С. 21]. Но последующий концепт снова вызывает сомнение. Ученый утверждает, что **единственно возможное описание современной эпохи сводится к тому, что сравнительная значимость знаний для собственной пользы снижается по отношению к полезному знанию, которое может быть эффективно отображено в более совершенной технике.**

Согласиться с ученым можно только по поводу «ненужного знания» — того, которое не востребовано современными потребителями. Например, опрашивая в октябре и марте 2011 г. 167 студентов-третьекурсников очной формы обучения Уральского государственного экономического университета о том, как можно разогреть манную кашу без микроволновой печи и сохранить сливочное масло летом без холо-

дильника, мы не получили ни одного ответа, содержащего пример нужного «технологического действия». Знание о рутинной технологии оказалось ненужным в условиях «домашнего» технического прогресса.

Но в то же время получается, что всё, связанное с личностным общежитийским знанием (например, знание о том, как правильно воспитывать детей, как грамотно представить свои и чужие биографические описания, как шить красивое платье, если не сводится к созданию новой техники и технологии по воспитанию детей, написанию биографий и шитью платьев) становится ничтожным по своей цене. Более того, думается, что создание все более совершенной техники — далеко не единственный признак современной эпохи.

Правда, и по Дж. Мокиру специфика современной эпохи связана также и с тем, что «создатели новой техники и новых продуктов должны иметь в большей, чем в прошлом, степени уровень подготовки и необходимые средства, обеспечивающие легкость доступа к пропозициональному знанию, которое служит эпистемологической базой для нового предписывающего знания, генерируемого институтами». Но основным мотивом исследований в сфере пропозиционного знания должно быть его сопоставление «с финансовыми аспектами, как определяет рынок» [185. С. 22], «только тогда институции будут поддерживать инновации». То есть не знания о том, как провести анализ и осуществить планирование процессов, которые предопределяют положительные экстерналии развития всего общества в будущем, а четкая ориентация на то, что «сказал рынок» сегодня. **Всё, что покажется «рынку» невыгодным, так как не принесет сиюминутных дивидендов, на что просто отсутствует финансирование, — должно быть отвергнуто как нерациональное.**

Почти такую же схему представляет ученый и далее, когда рассуждает об обыденном знании или о том, что он называет «расширенным и улучшенным знанием», направленным на поддержку индивидами собственного здоровья и долголетия. Оба этих типа знания в практиках домохозяйств корректируются тем, что Р. Левонтин связал с отсутствием у многих людей верного взгляда на природу. Дело, оказывается, в том, что люди не просто **невежественны** «в отношении того или иного явления материального мира, а в том, что **они обращаются не к тем источникам в своих попытках постичь их**» [185. С. 25].

К сожалению, Дж. Мокир, ссылаясь на труды биолога Р. Левонтина, не указал местонахождение «тех» источников, которые избавят социум от невежества. Простая информированность о том, что сегодня «вредно», а что «полезно», ничего не меняет в проблемном поле невежества. Более того, ангажированность большинства псевдонаучных здоровьеориентированных интерпретаций уже внесла коррективы не только в индивидуальный, но и общественный опыт: «соль, сахар — белый яд», «методика Иванова (Никитиных, Кашперовского, Чумака и пр.) — панацея от всех болезней», «аспирин вреден — аспирин полезен» и т.д.

Почти по той же причине «не все полезное знание распределяется равномерно между народами». Причем ученый считает, что неравномерное распределение знаний между обществами, в свою очередь, **не является главной причиной** тех громадных и продолжающих увеличиваться различий в доходах и уровне жизни, которые существуют между развитыми и слаборазвитыми странами. Поэтому Дж. Мокир предлагает наивный, как он его определяет, вопрос: если полезное знание — главный фактор экономического роста и если оно вдобавок является общественным благом, которое может перетекать с низкими издержками от развитых стран к странам третьего мира, то почему же весь мир не является развитым?

Социологу при такой постановке вопроса есть что сказать об изменениях в актуальном социуме сути и сущности труда, досуга, самосознания потребителей знания,

стимулах и барьерах в доступности знания, социальном капитале, социальном интеллекте и пр. Но для экономиста доминируют не социальные причинно-следственные связи в изменении смыслов и стратегий социального взаимодействия акторов воспроизводственного процесса, а статистика. Всё, что находится за ее пределами, — та «серая» зона, которую экономисты хотели бы обойти. Это вступает в прямое противоречие с нашими представлениями о сущности и ценности знания в современном обществе.

Думается, что далее Дж. Мокир и вовсе пропагандирует социальный дарвинизм: «Значительный объем знаний в этом мире, который управляет длительным экономическим ростом, концентрируется в умах относительно малого числа людей, но в то же время огромному большинству рабочих это знание не нужно» [185]. Отметим, что подавляющее большинство рабочих владеют другим знанием, которое отличается от знания «относительно малого числа людей», но, тем не менее, может считаться экспертным в сфере их профессиональной деятельности. Сущность социального распределения знания здесь, видимо, тоже «обойдена».

Вызывает возражения и следующая мысль автора: «Африканские народы могут с успехом пользоваться сотовыми телефонами и самолетами, не обладая познаниями инженеров Nokia и Airbus, или средствами против СПИДа, не осуществляя при этом их полную самостоятельную разработку» [185. С. 31].

Здесь можно согласиться с ученым. Действительно, пользователю мобильным телефоном совсем не надо владеть информацией о том, как этот телефон создается. Но странно, что от экономиста ускользнула одна существенная деталь: пользователь телефона, покупатель билета на самолет приобретал средство для переговоров и оплачивал возможность сокращения непроизводительных потерь времени за счет использования скоростных средств передвижения, и не более того. Он не оплачивал «вложенный» в материальный предмет или услугу процесс реализации своей потребности в расширении «круга знания» — у него были другие цели.

Как видим, восприятие знания, по сути, как информации о том, что «признано истинным», не позволяет с экономической точки зрения описать атрибуты — сущность знания. В нашем подходе такая возможность представлена, когда мы говорим о ценности знания и барьерах на пути познания, принятых личностью на уровне ориентиров общности или «организмом» на уровне индивидуального выбора.

Интересно еще одно утверждение ученого. Главными стабилизаторами функционирования общества Дж. Мокир считает «устойчивое и честное правительство, закон и порядок, компетентных, надежных и исполнительных работников и прочие стандартные условия, необходимые для процветающего общества» [185].

Как и многие экономисты, он не задает вопрос, откуда вдруг в социуме появляются эти компетентные руководители и исполнители. Правда, позже будет ссылка на понятие «человеческий капитал». Не давая ему определения, Дж. Мокир констатирует: **образование не играет роли в снижении дефицитности знаний и умений**, так как в современных условиях оно может быть импортировано через иностранцев или освоено в зарубежных образовательных учреждениях. Более того, даже имеющиеся в слаборазвитых странах хорошие образовательные учреждения (например, Индийский технологический институт), не обеспечивают своим выпускникам высокую социальную отдачу, а наоборот, «способствуют эмиграции лучших из них в западные страны».

Здесь ученый допускает системную для экономического подхода к знанию ошибку. Экономика оперирует статистическими данными. Социологический анализ она, как правило, «перенаправляет» в «серую» зону. Хотя именно в рамках этого анализа мы уже говорили о том, что контекстуально знание всегда социально. **От того, какие институциональные условия будут созданы для реализации знания как действия в общности, насколько ценность знания будет осмыслена и представлена**

в соответствующих институциональных практиках, зависит, будет ли высокой социальная отдача от тех, кто получил соответствующее образование, в национальную экономику, или нет. Примером может служить опыт Сингапура, где только достойный уровень заработной платы «проводников знания» стал реальным условием решения национальной задачи повышения уровня конкурентоспособности трудовых ресурсов в целом.

Пример Дж. Мокира перекликается с практиками социально-политического регулирования оттока «мягкого капитала» из России. Уезжают за границу квалифицированные кадры — создаются укрупненные образовательные «совнархозы» и образцовые научно-учебные площадки типа Сколково [294]. Статистика и обращение к симулякрам инноваций здесь доминирует над результатами социологических оценок мотива отъезда высококвалифицированных специалистов из страны. Отсюда идет «точечное» финансирование без реальной комплексной национальной программы поддержки российской системы образования в целом.

Если перечисленные Дж. Мокиром институциональные условия выполняются, то единственное, что, с его точки зрения, имеет значение, — это **«издержки доступа к уже имеющемуся знанию, что нельзя считать на сегодняшний день серьезным препятствием, учитывая резкое снижение предельных издержек доступа к большей части этого знания»** [185. С. 31].

Как известно из экономической теории, предельные издержки отражают такие изменения в затратах, которые влекут за собой увеличение или уменьшение производства продукции на одну единицу. Предельные издержки падают, когда предельная производительность растет. Если предельные издержки меньше предельных доходов, производство можно расширять, если наоборот — «сворачивать». Думается, Дж. Мокир имел в виду расширяющуюся доступность образования как такового. Другой вопрос — насколько образование, ставшее более доступным, реализует основную задачу — освоение обучаемыми знания-действия, т.е. того знания, которое должно стать действием, но не всегда таковым становится, «останавливаясь» на знании «ненастоящем».

Отметим, что в экономической теории имеются наработки, которые могли бы дополнить нашу критику рассуждений Дж. Мокира, хотя именно на них практически невозможно найти ссылки в классических учебниках по экономической теории.

Здесь осмысливается так называемый эффект обучения (*learning effects*), а также кривая опыта (*experience curve*). Эффект обучения связан с зависимостью снижения средних затрат с ростом объема производства за счет приобретения опыта и повышения мастерства исполнителей (Michael A. Lapré, Ingrid M. Nembhard) [395]. В условиях эффекта обучения снижение предельных издержек коррелирует с кривой накопления опыта. Чем больше опыт, например, по сборке высокотехнологичных изделий, тем меньше затраты на производство каждого последующего изделия. Т. П. Райт одним из первых использовал это на практике, теоретически доказав, что «каждое удвоение опыта производства» самолетов приводило к снижению затрат труда на 20%.

Чем больше новых изделий, тем больше возможность «делать их хорошо» у персонала и менеджеров. Расширяется перспектива инвестиций для более новых изделий, а конкуренты, оказавшиеся в роли «опоздавших», «аутсайдеров опыта», считаются «проигравшими старт». Но у борьбы за «ускоренный старт» есть обратная сторона в виде так называемого оборонительного поведения исполнителей. Оно связано с тем, что менеджеры не хотят перестраивать сложившиеся нормативы труда, не стремятся исправить просчеты в организации производства. Сотрудники отказываются осваивать новое, чтобы избежать ошибок и продолжать придерживаться привычных правил и процедур. Это поведение является примером того, что мы называем отказом от знаний, вызывающим незнание и невежество. Из этого примера

следует, что применительно к технологиям и производству отказ от знаний можно представить в двух формах.

Первая форма – рационально положительная.

Любое поступательное развитие технологий происходит за счет отказа от устаревших материализованных прошлых знаний и знаний-действий.

Здесь, по У. Старбуку, отказ от прежних знаний выступает обязательным требованием предотвращения и преодоления кризисов организации [31. С. 736]. Оно выступает в качестве предупредительной меры для преодоления инерции обученности и выражается в переоценке прежних знаний. Если организация, отдающая все силы на реализацию хорошо усвоенных алгоритмов деятельности, оказывается не в состоянии изобрести новую схему поведения в изменяющейся внешней среде, «получает сигналы о неблагоприятности», но продолжает идти по инерции «проверенным курсом», то кризис доходности неизбежен.

В современных социально-экономических практиках результат такого «самоубийственного упрямства» нашел подтверждение в теории «экономических пузырей» Дж. Сороса [382]. Дж. Сорос на протяжении десятилетий утверждал, что А. Смит не прав – рынки не являются рациональными и саморегулирующимися структурами, ибо «они есть структуры неполноценные, склонные к “экономическим пузырям”, и потому нуждаются в “настройке” со стороны властей». Но субъекты экономики, принимающие решения на макроуровне, продолжали идти «проверенным курсом», что и подтвердил последний затянувшийся мировой экономический кризис.

Для нас важно утверждение Дж. Сороса, сопутствующее приведенному: у каждого экономического пузыря есть два компонента – тенденция, которая превалирует в реальности, и неверное истолкование этой тенденции. Постепенно они пересекаются и формируют «пузырь». И здесь неверное толкование реалий внешней среды, с нашей точки зрения, можно рассматривать, как проявление нежелания акторов отказать от привычного знания. Хотя замена устаревших алгоритмов поведения в этом случае весьма желательна.

Вторая форма – иррациональная «с точки зрения природы человека», но «рационально отрицательная» в нашем подходе, так как предопределена антидериватами.

Считаем, что допустимо рассматривать отказ от знаний как **антидеривацию** – ответное действие акторов и общностей на «провалы государства» в части неумения предусматривать социальные последствия принимаемых экономических решений, подкрепленных ложной идеологией.

Антидериваты так же, как и дериваты, являются производными от чувств, коренящихся, по В. Парето, в пластах человеческой психики, предопределяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отказ от знаний, связанной с опытом индивида, извлеченным из взаимодействия с социумом. Это явление артикулируется как «сопротивление науке», «нежелание учиться», «низкий уровень мотивации учебной деятельности» в процессе реализаций функций социальных институтов. Результатом всех этих практик становятся «оглупление страны», рост сегмента акторов, которые «кичатся своим невежеством», демонстрируют «функциональную неграмотность», формальное присвоение знаний или симулякр этого присвоения и т.д. Деятельность институтов в этом случае определяется как кризисная или деструктивная.

В этом же ракурсе значима констатация З. Баумана того, что о нашем времени, «которое пытаются обозначить множественно терминов типа поздней модернити, рефлексивной модернити или постмодернити, можно сказать, что оно поднимает до уровня нормы определенное состояние диссонанса с унаследованными и внутренне

присущими людям качествами, состояние, представляющееся патологическим с точки зрения природы человека» [18].

На уровне производственной структуры отказ от «новых знаний» общностей исполнителей и менеджеров патологичен своим оппортунизмом, но в то же время подтверждает отсутствие мотивации на изменение поведенческих практик, связанное с предыдущим опытом и оценкой перспективных рисков. Это перекликается с атрибутами *nescience* в конкретизации К. Кнорр-Цетины и М. Гросса. К ним, как мы указывали ранее, отнесены:

- осознание актуального предела познания;
- осознание ошибок на пути познания;
- осознание помех (барьеров) познания;
- нежелание знать;
- страх узнать.

В. Крон обращает особое внимание на рост напряженности между достоверностью знания и связанным со знанием риском. «Если знание в обществе знания является основным благом, то его так же, как и остальные технические блага индустриального общества, можно наделить характеристиками надежности качества. Это происходит за счет сертификации ценности знания, стандартизации и нормирования запасов знания с тем, чтобы они могли выступать **в качестве промежуточных продуктов процесса производства**» [140].

Далее В. Крон предупреждает: «Знание рискованно — оно может оказаться неправильным. Тот, кто всегда в своих решениях опирается на знание, вместо того чтобы следовать привычкам или полагаться на везение, получает некоторые преимущества, за исключением тех случаев, когда знание является заблуждением». Ученый подчеркивает: «Поскольку в обществе знания используемая людьми информация является знанием других людей, пользователь вынужден доверять ее надежности. Доверие рискованно — его можно обмануть. И источников обманутого доверия немало» [140].

В результате обманутое доверие порождает, как правило, отказ и от знания, определенный нами как рационально-отрицательный, и от информации.

Для нас значимы из выводов Дж. Мокира мысли о том, что **знание таит в себе опасности и подводные камни, но оно это делает так же, как и невежество**. Это не вызывает сомнения. Но еще один повод для дискуссии дает предложенный ученым своеобразный выход из кажущейся безвыходной ситуации противостояния невежеству. Он связан тем, что «полезное знание, основанное на широкой эпистемологической базе, обладает поразительной способностью непрерывно упорядочиваться, совершенствоваться и самокорректироваться» [185. С. 35]. Вообразим целую общность, которая, согласно известному анекдоту, «лежит на берегу океана и ест бананы». В это время ее знание самоорганизуется, совершенствуется и упорядочивается, поскольку обладает свойствами надличностного конструкта, способного существовать вне участия организма, личности, общности. Тогда любому, кто возьмет в руки «упорядоченное» руководство по обучению плаванию, можно научиться плавать, стоя на берегу водоема или на бортике бассейна.

В то же время у Дж. Мокира мы находим указание на условия отчуждения от знания «чужих». Корпорации, вкладывающие большие деньги в НИОКР, являются «источником удачных предписывающих знаний». Они не склонны делать это знание свободно доступным возможным пользователям. И до тех пор, пока у них сохраняются патенты, «цена знаний будет поддерживаться на высоком уровне» [185. С. 31].

Здесь в толковании сущности знания использовано известное в научной литературе определение Ф. Махлупа: «Знания — любая форма представления частей реального и предполагаемого мира на некотором носителе» [397]. Речь идет о формальном

организационном знании. Неформальное знание, собственниками которого являются личности и общности, как бы исключается из «реального и предполагаемого мира».

Состояние современной формы представления таких частей реального и предполагаемого мира довольно неожиданно описывается Г. Касселем.

Оценивая современную экономику и позиции ее актуальных теоретиков и практиков как форму садизма, ученый обращается к работе С. Лукаса (Steven Lukes) «Пять сказок о правах человека» («Five Fables About Human Rights») [391]. В ней автор рассматривает пять мифических сообществ: Utilitaria, Communitaria, Proletaria, Libertaria, и Egalitaria. Обсуждая достоинства и проблемы каждого сообщества, социолог приходит к выводу, что рынки являются необходимостью и не могут быть перемоделированы. Они — **сигнальное устройство для обработки информации о вкусах, технологии производства, ресурсах и т.д.** Одновременно С. Лукас рассматривал рынки как открытые системы, в которых «беспокойные лица» в погоне за предпринимательской прибылью ищут все новые пути удовлетворения потребностей и даже, «по собственному признанию Пророка Маркса, выступают в качестве арены свободы и выбора» [391. Р. 209].

Но одновременно те же самые рынки не могут в достаточной мере обеспечить социум общественными благами или способствовать росту социальной ответственности в использовании ресурсов, демократии на каждом рабочем месте, удовлетворению социальных и индивидуальных потребностей, которые не могут быть подтверждены покупательной способностью или балансом между потребностями нынешнего и будущих поколений.

Это позволило Г. Касселю задать простой вопрос: какой размер прибыли будет достаточным для предпринимателя как «исследователя», «новатора», «авантюриста», «альпиниста» рынка? И далее ученый — социолог, психолог, антрополог, педагог — делает неожиданный для многих современных теоретиков экономики вывод: безграничными являются потребности не потребителя, а предпринимателя — топ-менеджера, юриста, артиста, топ-модели. Словом, всех тех, кто сегодня обладает супердоходами в сравнении с потребностями и возможностями акторов в обыденных практиках повседневности.

Г. Кассель размышляет: люди — обыкновенные потребители, конечно же, нуждаются в продовольствии, но не для того, «чтобы набрать в весе 400 фунтов. Люди также нуждаются и во сне, но не по 12 часов в сутки». Но тогда чей спрос и на что предопределяет функционирование рынка? Чьи потребности безграничны? Ведь именно предпринимателю выгодны рестораны быстрого питания, хотя они связаны с «океанами жира» у потребителей, «видеоигры, в которых люди гибнут или получают увечья, и телемаркетинг, который настолько раздражает, что уже существует требование к законодателям предотвратить подобную деятельность» [391. Р. 209–210].

Именно предприниматель принимает решения об ограничении спроса потребителей, например, на здоровую пищу в системе общественного питания. Поэтому «серые и некрасивые» фастфуды вытесняют с рынка другие рестораны.

Этим аргументам Г. Касселя предшествовал интересный в ракурсе нашей работы вывод о том, что «патологические доходы руководителей, актеров, ведущих новостей, юристов и всех остальных» доказывают, что закон спроса и предложения в его нынешнем толковании должен быть запрещен в цивилизованном обществе [391. Р. 183]. И далее автор рассуждает, что подобное требование обоснованно в связи с тем, что мы имеем дело с **«мнимым спросом и предложением», спросом, основанном на «неправильном воспитании и невежестве», спросом как результатом противоречий, в которые люди втянуты теми, кто живет за счет манипулирования чужими потребностями.**

Здесь мы видим основание для дополнения конкретизированных нами форм отказа от знаний: рационально отрицательного или рационально положительного. Благодаря приведенным рассуждениям Г. Касселя можно предположить источник инициирования процессов отказа и отчуждения от знаний и, следовательно, роста невежества. Субъектами организации процесса отторжения знания, благодаря чему оказывается возможным манипулирование спросом «неправильно воспитанных и невежественных» потребителей, являются те, кто максимизирует свою прибыль, извлеченную из чужого невежества. Таким образом, мы снова видим, что **не только знание — ресурс развития современного общества, но и НЕ-знание (как собственное, так и других) — ресурс тех, кто реально «управляет действительностью» этого общества.**

На уровне методологии одной из причин, влияющих на недостаточное внимание ученых к указанным эффектам, можно назвать поверхностное включение экономической теорией человека в осмысление интеракций, связанных со знанием («серая» зона, которую лучше обойти). Вторая причина представлена в рассуждениях Г. Касселя о ложном толковании классического закона спроса и предложения. Эту причину можно обозначить как ригидное позиционирование экономических категорий, не учитывающее практики повседневности. Привычная нам по курсу экономической теории самуэльсоновская парадигма об основном вопросе экономики, связанном с ограниченностью ресурсов и безграничностью потребностей индивидов, сегодня становится тормозом инноватики и в мире, и в нашей стране [304].

Как мы показали, не безграничность потребностей потребителей ставит вопросы об ограничениях в использовании ресурсов. Проблема в ограничении потребности к безмерному обогащению производителей товаров и услуг. Поэтому основной вопрос экономики — не в парадигме П. Самуэльсона, а в справедливости и цене ее утверждения. В ракурсе наших рассуждений — в справедливом социальном распределении знания и институциональном предопределении его ценности.

Проблема справедливого социального распределения знания

Первичным проблемным моментом должна быть проблема справедливости социального распределения в доступности процессов освоения знания и обоснованного научного подхода к междисциплинарным оценкам как сущности знания, так и его ценности.

Известно, что справедливость (по Ж. Делезу) — не принцип природы. Она, скорее, правило, закон конституирования, роль которого состоит в том, чтобы организовывать элементы внутри данного целого, организовывать сами принципы природы. Справедливость — это средство [78].

Любая добродетель — политическая, правая, экономическая — это, как мы указывали ранее, по Сократу, — знание. «Он утверждал, — писал о Сократе Ксенофонт, — что справедливость и всякая другая добродетель состоит в знании, и что справедливое и всё то, что совершается посредством добродетели, есть нравственно-прекрасное; что, таким образом, знающие нравственно-прекрасное не предпочтут ему ничего иного, а незнающие не произведут его; если же захотят произвести, то впадут в ошибки. Если же справедливое и всё нравственно-прекрасное совершается посредством добродетели, то, очевидно, **справедливость и всякая другая добродетель есть знание**» [191].

Это коррелирует с выводами П. Друкера, В. Л. Иноземцева и других авторов об информации, рассматриваемой нами в качестве ресурса знаний. Информация и ее качественные характеристики не случайно названы В. Л. Иноземцевым «наиболее де-

мократическим источником власти». Это связано с тем, что «все имеют доступ к информации, а монополия на нее невозможна. Однако в то же время информация является и наименее демократическим фактором производства, так как доступ к ней отнюдь не означает обладания ею». В отличие от всех прочих ресурсов, информация не характеризуется ни конечностью, ни истощимостью, ни потребляемостью в их традиционном понимании, однако только ей присуща «избирательность — редкость такого уровня», который наделяет владельца этого ресурса «властью высшего качества» [111. С. 118–119].

Напомним тезис, представленный ранее: **именно собственник — монополист информации и носитель знания — становится основополагающим актором социума**. Носитель знания в зависимости от качественных характеристик ценности знания и социального капитала принимает на себя как роль представителя страты исполнителей, так и страты элиты. Однако воспользоваться этим ресурсом можно только через интериоризацию ценности знания и через соответствующий социальный капитал.

В актуальных практиках, требующих взвешенных модернизационных действий, востребованы установки на **креативный подход к ценности знания**. Они ориентируют действие, направленное на высокую мотивацию переосмысления фреймов — рамок интерпретаций окружающего мира, на терпимость к инвариантности информации, на генеративность и оригинальность мышления, доверие к акторам профессиональных и досуговых социальных сетей. В социальном интеллекте личностей и общностей с такой установкой представлено гармоничное сочетание декларативного и процедурного знания. Функциями ценности знания здесь становятся принятие инновационного научного знания, отрицание устаревшего знания, усиление значения инновационного знания, снижение значения рутинного знания, удержание ценности знания во времени.

Там, где доминирует установка на ценность знания без гарантий выхода общностей **за рамки утилитарности и прагматического рационализма, всё общество самоисключается из модернизационных процессов**. Тогда встает проблема социальной напряженности, аномии и других деструктивных явлений. Это подтверждается данными социологических исследований. Так, ученые Института социологии РАН провели зондаж в рамках масштабного исследования, призванного оценить готовность России к процессам модернизации. «Тревога, нервное напряжение, чувство бессилия перед обстоятельствами, обида на “несправедливость” — всё это в российском обществе было, есть и, вероятно, еще не скоро исчезнет» [83].

Российское общество катастрофически мало доверяет как раз тем, кто призван сыграть в процессах модернизации ключевую роль и обеспечить торжество справедливости и права во всех сферах жизни.

В связи с этим не только в интеракциях личности, но и на уровне общественных установок на ценность знания резистентность проявляется через противостояние, противодействие и отказ, неприятие знания, представленного в действиях институциональных структур. Основой для конструирования таких практик выступают представления о праве и справедливости.

Судебной системе страны доверяют лишь 19% (не доверяют 53%), правоохранительным органам доверяет каждый пятый, а отказывает им в доверии почти 60% населения. Примерно пополам разделились мнения о том, что для страны важнее — хорошие законы или хорошие руководители (48% к 47%). И это — чрезвычайно рискованная ситуация для любой инноватики.

Более поздние исследования снова подтвердили негативные тенденции. Так, руководитель «Левада-центра» Л. Д. Гудков в конце ноября 2012 г. отметил, что, по данным его агентства, общее снижение доверия к власти продолжается минимум два года: «Сегодняшний тренд просто немножко приостановился на время президентской

электоральной кампании. Причина — слабеющая уверенность граждан в том, что руководство страны в состоянии обеспечить экономический рост и, соответственно, повышение жизненного уровня населения» [246].

Осознание этих фактов стало источником того, что в актуальных исследованиях предпринимаются попытки откорректировать экономический детерминизм в использовании абстракций, связанных с сущностью знания, но также вне личности, на уровне формального общественного знания.

Так, И. В. Марахина считает, что можно выделить два основных подхода к определению знания. В первом случае знание — это отраженная в сознании, осмысленная информация, используемая для решения задач; оно относится только к человеку и вне его сознания не существует. Но когда речь идет об организации или об экономике, применим второй, более широкий, подход, согласно которому к знаниям относят также технологии, методики, стратегии и цели, открытия и изобретения [167].

Представленная позиция задолго до констатаций этого автора уже откорректирована в трудах М. Полани о скрытом (неявном) знании (*tacit knowledge*) [219. С. 299—304, 312—326], основанном на интуиции, мировоззрении и опыте.

Поэтому целесообразно просто констатировать, что и позиционируемая инновационной методологией И. В. Марахиной, как и многих других, не поможет найти ответ на вопрос о том, почему инновационное развитие экономики (к примеру, России) является пока «декларацией о намерениях».

Некоторое исключение из указанного противоречия между объемом использования понятия знания и отсутствием однозначного и связанного с субъектом его толкования можно найти в теориях экономики и управления знаниями.

Количество монографий об экономике знаний, управлении знаниями на уровне разных акторов экономики растет в геометрической прогрессии. Однако и здесь «за кадром» остается междисциплинарное осмысление сути знаний, процессов их освоения и передачи, а также конкретного определения понятия «общество знания», учитывающего реалии практик повседневности и, главное, специфику актуальных субъектов — носителей, «селекционеров», потребителей, общностей и институтов по отношению к собственности на знание.

Исключением можно назвать методологию подхода к концепту о пентаспирали производства знаний М. В. Федорова, Э. В. Пешиной, О. В. Грединой и П. А. Авдеева [290. С. 4—16]. В основе рассуждений ученых — жесткое дистанцирование информации и знаний. Информация позиционируется как инструмент знаний. Однако вопрос о сущности знаний при инновационном исследовании моделей их производства пока по-прежнему остается в «серой» зоне.

Б. З. Мильнер отмечает, что теоретические и эмпирические исследования последних десятилетий позволили перейти от неоклассической традиции, в которой накопленный запас **научных знаний**, прежде всего **овеществленных в технологиях**, рассматривался как экзогенная переменная. «Эта переменная независима от экономической системы, что отражалось в работах Р. Солоу, Э. Денисона, а связана с новыми концептуальными подходами к новой модели экономического роста». Экзогенность «воплощенных в новых и усовершенствованных продуктах, услугах, методах производства и управления» знания и технологии проявляется тем, что они выступают одновременно «и результатом экономической деятельности, и одним из фундаментальных источников устойчивого роста» [177. С. 69].

Инновацией стало фрагментарное обращение к социологическим подходам к сущности знания и то, что исследователи экономики знаний выделяют проблемные поля уже не на макроуровне социума, а на микроуровне — организации внутри социума.

Б. З. Мильнер определяет знания как **«фундаментальный человеческий материал, результат действия людей, интегрирующих информацию»** [178. С. XIII]. Это утверждение было бы полностью схожим с нашей позицией, если бы не последующие констатации автора. Ученый разъясняет: «В то время как люди создают и обмениваются знаниями, технологии являются важнейшим средством такого обмена, предоставляющим возможность создавать знания. Информационные технологии помогают в сборе, организации и хранении информации, соотношении информации одного источника с другим, ее фильтрации. Интернет и электронный бизнес открыли новый мир информации и обучения, который требует все более совершенных технологий» [178].

Катексис на освоение или отказ от знания снова остается за пределами внимания. Мы видим очевидное сходство рассуждений Б. З. Мильнера с позицией Дж. Мок-ира. Правда, в более позднем докладе Б. З. Мильнер отметил: «...отошло время, когда “знания” и “информация” принимались за одно и то же. Все меньше и меньше тех, кто появление знаний, их передачу и воплощение в продукты и услуги связывает только с инфокоммуникационными технологиями» [177. С. 5]. То есть речь по-прежнему идет о воплощенном в материальные продукты знании, хотя внешне дистанцированном от информации.

Нашей позиции созвучен вывод автора: **потенциал знаний может быть реализован только в той среде, которая поощряет их использование**. Действительно, как на уровне страны, так и на уровне любой общности «люди должны знать, что их вклад в коллективные знания организации будет признан и вознагражден» [177]. Но сегодня это учитывается в менеджменте при статистическом подсчете финансового вклада каждого работника в достижение общих сугубо материальных целей организации, в рамках того, что определено как формальное знание.

Значим для нас вывод Б. З. Мильнера о том, что появление термина «рынок знаний» означает, что «продажа знаний» предполагает получение взамен их стоимостного эквивалента. Следовательно, «с переходом к информационному обществу все большая часть времени людей должна уделяться получению знаний, обучению и исследованиям». Кроме этого, «в экономической теории речь должна вестись и о способности самой организации воспринимать знания и распространять их. Это определит организационную способность к обучению» [177].

Здесь следует еще раз отметить, что, с нашей точки зрения, знания как способность эффективно работать с информацией не могут быть обменены. Обмен включается в процесс интеракций при условии овеществления знания, превращения его в какой-то конечный продукт, который вербально или невербально можно включить в рыночный процесс. И тогда знания становятся информацией, которую реципиент либо принимает, либо нет. Это касается как индивида, так и институций.

Для обеспечения способности организации к обучению Б. З. Мильнер предлагается перечень ресурсов [178. С. 2], которые представлены, с нашей точки зрения, как агрегат из теоретических выводов многих авторов без позиционирования целерациональных и тем более ценностно-рациональных и аффективных или традиционных структурирующих оснований:

- интеллектуальный капитал;
- инвестиционная активность;
- удовлетворенность потребителя;
- полнота и комплексность использования информационных технологий;
- влияние эффективных коммуникаций;
- развитие человеческих ресурсов;
- возможности адаптации к меняющейся среде.

Интерес представляет и обобщение Б. З. Мильнером взглядов на виды и формы знания, сложившиеся в современной экономике (или управлении) знаниями.

Нам представлен момент появления знания, которое «возникает и используется в умах специалистов» организаций. После этого оно «оседает» «не только в документах, или хранилищах, но и в их повседневной работе, процессах, методах и нормах». С точки зрения Б. З. Мильнера, это подтверждает, что знания — совокупность различных сведений и способностей, которые индивидуумы используют для решения проблем [177. С. 70]. Это утверждение практически превосходит наш подход как знанию-действию, но не содержит указания на потребность анализа отказа от знаний и процесса их отторжения.

Что касается знаний, то они действительно «...охватывают как теоретические, так и практические познания, а также повседневные правила поведения. Они базируются на данных и информации, но, в отличие от них, всегда связаны с определенным человеком, конструируются людьми и представляют их ожидания причинно-следственных связей, докладах, отчетах и др. К ним относится, как правило, около 20% знаний компании» [177]. Отметим, подсчитанных практически так же, как и у Дж. Мокира, — агрегатно и абстрактно, как сумма знаний, зафиксированных на различных носителях.

Особо для нас значим последующий концепт Б. З. Мильнера: остальная часть (80%) — «это опыт, интуиция, умения, впечатления, мнения, отношения и др. — всё, что невозможно или сложно формализовать, относится к неявным знаниям организации».

В связи с этим наиболее заметными и интересными можно считать исследования в этой области, проведенные К. Вигом [439], Л. Прусаком и Т. Давенпортом [373], И. Нонакой и Х. Такеучи [196], Ч. Деспресом и Д. Чавелом [377], У. Буковичем и Р. Уилльямсом [367], Т. Стюартом [434]. Российские ученые также не остаются в стороне от международного обсуждения мейнстримных проблем.

Сегодня практически любой учебник по экономике знаний содержит материалы о том, что важным качеством знания является его устойчивость, отражающая, насколько конкретные нововведения, научные познания принимаются обществом или оспариваются. Это сближает экономические, педагогические и социологические подходы. Так, устойчивость знаний представляется как измерение универсальности знания, т.е. оценивается, является ли знание убедительным («истинным», «доказанным», «проверенным») для большинства людей. Чем более устойчиво знание, тем более конкретны представления людей о чем-либо, а чем оно менее устойчиво, тем больше людей придерживается взглядов, не совместимых с этим знанием. Но здесь речь идет, в сущности, об информации.

Носителями знания могут быть и индивидуум, и группа, и организация. Но это утверждение практически перечеркивает последующая констатация: «...также знания могут сохраняться на материальном носителе (оборудование, продукт и др.) или в форме квазиматериального носителя (права, патент, знаки и др.)» [177], снова идентифицирующее знание и информацию.

Несмотря на это глубже стал социологический компонент, включенный в спектр категорий, которыми оперируют экономисты. Так, используется концепт М. Полани, в соответствии с которым знания могут быть формализованными и неформализованными (явными и неявными) [415]. Предпринимаются попытки более четко позиционировать различие сущности знания и информации. Так, Б. З. Мильнер указывает, какие отличия между знаниями и информацией определяет К. Вииг, автор термина «управление знаниями»: «Знания состоят из истин и представлений, точек зрения и концепций, суждений и предположений, методологий и ноу-хау. Мы накапливаем знания, организуем их, интегрируем и храним в течение долгого времени, для того чтобы применить их к конкретным ситуациям или проблемам.

Информация же состоит из фактов и данных, описывающих отдельную ситуацию или проблему. Мы последовательно применяем знания для интерпретации имеющейся информации по отдельной ситуации и для принятия решения о том, как к ней подходить» [439].

В связи с этим К. Винг предложил разделить знания на четыре концептуальных уровня [439].

Знания о цели, или идеалистические знания, — это мировоззрение, цели, система понятий. Частично эти знания являются явными, однако большую их часть мы не представляем и пользуемся ими подсознательно. С помощью этих знаний мы определяем свои возможности, чтобы поставить цели и сформулировать ценности. В нашей интерпретации это знания «зачем» при отсутствии знаний «почему».

Систематические знания — это знания систем, схем и методов. Мы используем их для глубокого анализа причин, формулировки новых подходов и принятия альтернативных решений. В нашей интерпретации это знания «что», которые используются или не используются для применения знания «зачем».

Практические знания — это умение принять решение. Мы используем такие знания для выполнения ежедневной работы и принятия решений. В нашей интерпретации это знания «как».

Автоматические знания — это знания, к которым мы привыкли, и которые применяются в случаях, когда не используются логические рассуждения. В нашей интерпретации это знания «что» и знания «как».

Таблица 6

Иерархические единицы знаний в организации (по Б. З. Мильнеру) [177. С. 71]

Единицы знаний	Примеры
Область знаний	Медицина внутренних органов. Машиностроение. Управление предприятием и т.д.
Сфера знаний	Урология. Автомобильное проектирование и машиностроение. Маркетинг продукта и т.д.
Раздел знаний	Заболевания почек. Конструирование коробки передач. Разработка нового продукта и т.д.
Сегменты знаний или частные случаи	Диагностика заболеваний почек. Технические характеристики и конструкции зубчатой передачи. Оценка продаваемости продукта и т.д.
Элементы знаний	Стратегии диагностики (например, при идентификации возможного заболевания сначала опишите все симптомы, затем попытайтесь найти вариант, подходящий большинству из них). Вычисление силы сцепления и потерь энергии. Оценка признания покупателями и т.д.
Фрагменты знаний	Если симптомом болезни является изнурительная боль, то можно предположить наличие камней в почках. Когда в коробке передач слишком много шестерен, то потери энергии будут чрезмерными. Когда на рынке уже существует много схожих и конструирующих товаров, новый продукт должен обладать весьма отличительными и привлекательными характеристиками, для того чтобы быть конкурентоспособным и т.д.
Атомы знаний	Одним из симптомов болезни является изнурительная боль. Высокая цена в большинстве случаев является отрицательным конкурентным фактором и т.д.

В табл. 6 представлены иерархические единицы знаний в организации. По мнению Б. З. Мильнера, в организационном контексте заслуживает внимания классификация знаний, разработанная Ф. Блеклером, который выделил пять категорий знаний (цит. по: [177. С. 71]):

1) **интеллектуальное знание**, зависящее от навыков абстрактного мышления и познавательных способностей (знание «что»);

2) **воплощенное знание**, ориентированное на действие и, как правило, лишь частично явное (знание «как»);

3) **запечатленное в культуре знание**, относящееся к процессу достижения общего понимания;

4) **встроенное знание**, содержащиеся в системных процедурах;

5) **закодированное знание**, передаваемое через знаки и символы.

В соответствии с этим подходом Б. З. Мильнер представляет типологию организаций, где основным классифицирующим параметром является доминантный для организации тип знания (табл. 7).

Таблица 7

Типология организаций на основе ключевого вида знаний [177. С. 73]

Тип организации	Ключевой вид знаний	Особенности управления	Актуальные вопросы
Организации, зависимые от экспертов	Воплощенное знание, ориентированное на действие, обусловленное конкретным контекстом, приобретаемое в процессе решения практических проблем	Работа экспертов-специалистов является наиболее важной. Статус и власть, основанные на профессиональной репутации. Сильный акцент на обучение и квалификацию	Оценка и развитие индивидуальной компетентности. Замена компьютерами ряда квалифицированных операций
Организации, зависимые от аналитиков	Интеллектуальное знание, основанное на навыках абстрактного мышления и познавательных способностях	Решение инновационных задач. Статус и власть, основанные на творческих достижениях. Преобладает проектная организация работы	Развитие творческих способностей и навыков решения проблем. Информационная поддержка и проектирование экспертных систем
Организации рутинизированного знания	Встроенное знание, содержащееся в системах и процедурах	Как правило, технологично- или трудоемкие. Иерархическая структура. Функциональное разделение труда	Организационные компетентности и стратегии. Развитие интегрированных компьютерных систем
Организации интенсивной коммуникации	Запечатленное в культуре знание, относящееся к процессу достижения общего понимания	Коммуникации и сотрудничество в ключевых процессах. Увеличение возможностей через интеграцию. Знания и опыт важны на всех уровнях организации	Создание знаний, диалог, процесс коллективного осмысления. Развитие систем компьютерной поддержки

Подводя итог, Б. З. Мильнер отмечает, что «типология организаций на основе **ключевого типа знания** формирует основу для осмысления того, как индивидуальное знание соотносится с более широкими групповыми и организационными процессами управления знаниями, а также позволяет выделить категории персонала, знания которых вносят наиболее ценный вклад в конкурентное преимущество организации.

Более того, переход от классификации знаний к типологии организаций на основе используемых знаний способствует выявлению ключевых процессов и механизмов управления знаниями в различных организационных контекстах».

Ключевой тип знания связан, по мнению ученого, и с «ключевыми» проблемами использования знаний в организации. Эти проблемы возникают, когда появляется необходимость в создании новых знаний, обеспечении обмена и применении знаний на разных уровнях организационной иерархии, в формировании и поддержке организационной базы знаний, мотивации персонала к добровольному сотрудничеству при обмене знаниями.

Однако, как видим, не все актуальные достижения в области определения связи информации и знания, а отсюда — типологии знания в российской и зарубежной научной традициях, совпадают. Базу для сравнения мы представили в начале параграфа, обращаясь к работе Ж. Беллинжера, Д. Кастро, А. Миллса по обобщению идей Р. Аккоффа [361].

Таким образом, мы показали, что осмысление сущности знаний — динамичный процесс, длящийся уже не одно десятилетие. Это связано с высочайшей значимостью знания в развитии социума. Однако в экономической теории знание по-прежнему позиционируется как информация. Несмотря на это конкретизируются проблемы, возникающие как на макро-, так и мезоуровнях в связи с доступностью образования как основного института, обеспечивающего интериоризацию знания, с социальным распределением общественных благ, обеспечивающих доступность освоения знания и на национальном, и на глобальном уровнях. Начиная с А. Смита образование как «самый мощный проводник и слуга государства» предопределяет будущее личностей, общностей, стран и народов.

Позитивная трансформация неоклассических подходов к соотношению информации и знания нами представлена через обращение к трудам российских и зарубежных ученых по экономике и управлению знаниями. Междисциплинарность оценки здесь связана и с экономикой, и с педагогикой, и, что важно для нас, с социологией. Но при всей глубине научного анализа мы не увидели осмысления причин отказа и отчуждения знаний, прежде всего в актуальных условиях усиления антагонизма знания и НЕ-знания.

Человеческий капитал и НЕ-знание

В поле нашего зрения не попали подобные рассуждения и в еще одной сфере научного анализа — в теории человеческого капитала. Наиболее крупными представителями в данном направлении обоснованно считаются Г. Беккер, М. Блауг, Й. Бен-Порэт, Б. Вейсброд, Дж. Минцер, Г. Минцберг, Т. Шульц и др.

С. Дырка предложил свое видение трансформации человеческих ресурсов в человеческий капитал. Ученый доказал, что ключевым фактором этого процесса является умение человека работать в группе, делиться своими знаниями [88. С. 12].

Развивая идеи Т. Шульца [426], Г. Беккера [360], С. А. Дятлова [91], Р. И. Капелюшникова [122] и др., он выразил понятийный смысл этой категории следующим пояснением: «Человеческий капитал — это капитализируемая часть (форма) человеческого ресурса, относящаяся к реально функционирующему работнику, трудоспособной части населения, опыт, знания и способности которой выявлены, задействованы и развиваются, приводя к созданию добавленной стоимости и умножению доходов» [88].

Из этого следует, что с методологической точки зрения человеческий ресурс можно считать основой человеческого капитала.

Взаимосвязь категорий «человеческие ресурсы», «человеческий потенциал», «человеческий капитал» была выражена С. Дыркой простейшей схемой (рис. 2).

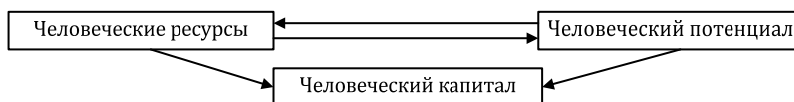

Рис. 2. Процесс трансформации человеческих ресурсов в человеческий потенциал и человеческий капитал

Как видим, человеческие ресурсы и человеческий потенциал являются источником, базой человеческого капитала. Поэтому, как считает С. Дырка, в процессе трансформации человеческого ресурса в человеческий капитал важно учитывать способности человека и параметры той среды, в которой происходит процесс их капитализации. Иначе говоря, целесообразно использовать имеющиеся знания и навыки либо путем их продажи, либо на основе «самозанятости».

Для капитализации имеющегося человеческого ресурса необходимо наличие предпосылок в виде рабочих мест и институциональных условий, позволяющих реализовать его в форме товаров и/или услуг. **Отсутствие таких предпосылок не позволяет трансформировать человеческие ресурсы в человеческий капитал.** Поэтому С. Дырка считает, что **«если приобретенные человеком знания не востребованы экономикой, то затраты на их формирование следует рассматривать не как инвестиции, а, скорее, как безвозвратные экономические потери, понесенные и на индивидуальном, и на общественном уровнях»** [88].

Из подхода ученого также следует, что при оценке роли и места человеческого капитала, трансформированного из человеческого ресурса, в экономике необходимо учитывать не только достижения индивида, но и интегральные знания и навыки, формирующиеся в коллективных структурах. Комбинация и агрегирование различных по количеству и качеству человеческих капиталов создают дополнительные синергетические эффекты, превышающие простую сумму индивидуальных капиталов [88. С. 19–20].

О подобных эффектах, возникающих в результате создания и использования человеческого капитала на различных уровнях общественной организации — домашних хозяйств, фирм и корпораций, межрегиональной и межстрановой кооперации, говорят многие ученые.

Известно, что И. Нонака назвал ведущей формой адаптации организации к изменяющейся окружающей среде **аккумуляцию информации, перенос знания и информационную ориентацию компаний.** «Ключевым фактором процесса самоорганизующейся стратегии организаций является знание, используемое группой, так как именно в таких условиях люди могут успешно генерировать, выбирать и сохранять новые изменения, обеспечивая тем самым процесс постоянного обновления» [216. С. 572–573]. Здесь при внешнем сходстве с нашей позицией мы видим общественное знание как некий надличностный конструкт. Знание отделено от акторов и агрегируется вне их сознания, что в социологической интерпретации выглядит несколько абсурдно. Считаем, что интегратив знаний в толковании И. Нонаки можно воспринимать как интегратив готовности субъектов к согласованному применению своего социального интеллекта и реализации знаний-действий. В противном случае мы можем наблюдать очередную интерпретацию известной басни о лебедь, раке и щуке.

Опираясь на теорию сопряженных обстоятельств, согласующуюся с моделями обработки информации и ресурсной зависимости, И. Нонака конкретизировал то, что

определил как самообновляющуюся организацию. Процесс самообновления состоит из четырех этапов:

- 1) возникновение в компании состояния хаоса или неустойчивости;
- 2) усиление беспорядка и сосредоточение внимания на противоречиях;
- 3) динамическое сотрудничество, осуществляемое с помощью самоорганизующихся групп, действующих наподобие членов команды регбистов;
- 4) преобразование накопленной информации в знание [410].

Первые три этапа определяются как процессы создания информации, а четвертый — как интеграционный процесс, посредством которого обучающаяся организация преобразует информацию в запас знаний, предназначенный для распространения через ее членов. Но мы уже указывали, что процедурное знание (знание «как») опирается на результат знаниевых усилий индивидов. Переход знаний на уровень продукта, подготовленного к передаче даже «значимым другим», — это уже переход информации, которую субъект хочет или отказывается передать. Иными словами, речь идет о воплощенном в какие-то материальные или нематериальные формы знании, ставшем прошлым знанием. Только оно может быть отторгнуто от его носителя или добровольно им передано кому-то.

Еще раз напомним: мы считаем, что знание-действие неотделимо от его носителя — субъекта. Например, многие умеют вязать на спицах. Но у одних вязаное плотно ровное и красивое, а у других «вкривь и вкось». И те, и другие используют спицы, нитки, известную технологию вязания. Но результаты у каждого получаются разные. Более того, даже у одного автора результаты вязания на спицах будут различаться, если они разделены по тем или иным причинам во времени. И от того, как мастер раскроет «секреты мастерства» начинающему, зависит чрезвычайно мало: результат обучения вязанию будет предопределен только личными установками, возможностями обучаемого и его готовностью актуализировать знание-действие.

В последующих работах И. Нонака [410] развивает идеи о процессе создания информации в самоорганизующихся группах как об источнике инноваций и обновления.

В результате в арсенале зарубежных исследователей оказались **три способа создания информации: дедуктивный, индуктивный и «компромиссный управления»**. Последний способ вошел сегодня практически во все значимые учебники по менеджменту как придающий особую значимость фактору времени, основа метода управления «middle — up — down» (середина — вверх — вниз), подразумевающего использование как явного, так и скрытого знания.

Позже в работах И. Нонаки и Г. Такеучи [411] рассматривается уже собственно процесс создания организационного знания. Р. Питкели считает, что на эти работы ученых уже в наибольшей степени повлияли работы М. Полани [216. С. 575—576] о различиях между явным и скрытым знанием. Итогом стало описание западного и японского стилей создания знания.

Западный стиль создания знания «рассматривается как индивидуалистский и отчетливо ориентированный на информацию, а фирма — как механизм для обработки информации. Напротив, **японский стиль создания знания** рассматривается как групповой и **ориентированный на неявную информацию, опирающийся не на обработку данных, а на идентификацию интуитивных и иногда неотчетливо выраженных догадок** работников фирмы, отраженных в неявном (скрытом) знании» [216. С. 575—576].

В результате И. Нонака выделяет четыре типа трансформации знания, которые используются при его создании:

- 1) социализация (скрытое в скрытое);
- 2) экстернализация (скрытое в явное);
- 3) комбинация (явное в явное);

4) интернализация (явное в скрытое).

Как видим, экстернализация является ключевым этапом создания нового знания, и И. Нонака подчеркивает важную роль в достижении этой цели метафор, аналогий и моделей. «Социализация и экстернализация — длительные процессы, особенно в международном сотрудничестве, так как опираются на достижение взаимного доверия и распространения неявного знания в условиях наличия культурных и языковых барьеров» [216].

В центре предложенной И. Нонаки и Г. Такеучи теории создания организационного знания лежит представление о взаимодействии между развивающимися по спирали эпистемологическими (преобразование знания) и онтологическими (организационный уровень) процессами при переходе с одного агрегатного уровня организации к другому.

Можно представить, что первый ярус процесса подразумевает взаимодействие между явной и неявной формами знания, а второй — между индивидуальными уровнями, третий — между групповым и организационным уровнями, «отчасти напоминая спиральный процесс, используемый в методе управления “середина — вверх — вниз”. Эти три уровня формируют схему динамического процесса создания и обеспечения разработки инновационного знания» [216].

Проведенные исследования позволили И. Нонаке сделать вывод, что **ни японская, ни западная модели, а также ни иерархическая и ни ориентированная на конкретную задачу структура не являются оптимальными с точки зрения создания знания.** Для этой цели вводится понятие «гипертекстуальная организация», которое помогло **теоретически интегрировать** западную и японскую методологии.

Для нас значим основной вывод И. Нонаки: развитие «общества знания» происходит в таких условиях, в которых **решающее значение имеют навыки создания знания, а национальные факторы оказываются несущественными.**

Представляется, что есть повод отметить многогранность толкования термина *knowledge*. Не всегда в научных публикациях учитывается, что в переводе на русский язык он означает и эрудицию, и осведомленность. Создают знания те, кто владеет знанием-действием на уровне «зачем» и «почему», действительно, вне зависимости от национального колорита. Но именно социальный контекст установок на ценность знания детерминирует поведенческие стратегии акторов, как мы показали на примерах Сингапура, «кельтского чуда» и др.

Также значимо и то, что **до сих пор не осмыслены в методологическом плане факторы, стимулирующие мотивацию индивидов на освоение навыков создания знаний, равно как и факторы, препятствующие этому процессу.** Если на уровне социального факта наблюдается отказ от знаний как таковых, если овеществленные знания (данные, информация) не создаются или создаются только ради демонстрации наличия процесса их создания, когда предьявляется симулякр обновления, то отсутствует и динамика самообновляющейся организации.

Объяснение подобных феноменов возможно в рамках исследуемой нами проблематики процессов интериоризации знания, его отторжения, а также институциональных установок на ценность знания.

Напомним наше обращение к концептам Р. Старбука, которые мы использовали для конкретизации форм отказа от знаний. Для этого приведем выводы Ф. Бомара о том, что результатом экспериментов Р. Старбука стали два важнейших вывода [31. С. 731—735]:

1) индивиды видоизменяют информацию, которую они передают, стремясь получить вознаграждение, ожидаемое ими от альтернативных групповых действий;

2) при этом в экспериментальной ситуации эти манипуляции не влияют на групповое поведение.

Адаптируя подход У. Старбука к проблематике отказа от знаний, основанный на понятиях, разработанных Г. Саймоном, напомним о его работе, ставшей классической и связанной с критикой представлений Л. Фестингера о том, что люди формируют свои притязания таким образом, чтобы максимизировать собственную субъективную выгоду [270; 428].

Индивидуальное действие, согласно Л. Фестингеру, квалифицируется людьми как успех, если удается превзойти исходный уровень притязаний. Если поставленная цель не достигнута, то результат оценивается как неудача.

У. Старбук, **используя модель максимизации выгоды**, обосновал следующие утверждения:

1) личности устанавливают настолько низкий уровень притязаний, чтобы любое превышение запланированных результатов можно было расценивать как успех;

2) уровни притязания личностей меняются в зависимости от процесса продвижения к поставленной цели;

3) личности формулируют свои предпочтения «задним числом», «так что их поведение и предпочтения находятся в постоянном взаимодействии» [31].

Последнее утверждение, названное Ф. Бомаром релятивистским, нашло, по словам ученого, дальнейшее развитие у Дж. Марча и Дж. Ольсена. **С нашей точки зрения, здесь как раз перечислены параметры отказа от знаний, когда субъект рационально предопределяет индивидуальные границы включенности в процесс освоения знаний, отказываясь от всего того, что может представлять угрозу его сиюминутным интересам или «автобиографическим знаниям» – опыту прошлых интеракций.**

В наших рассуждениях развитие идей У. Старбука может быть представлено как уже высказанное ранее утверждение о том, что знание и НЕ-знание, процессы интериоризации знания и/или отказа от него взаимно корректируются. Если у И. Но-наки организации – саморазвивающиеся, то у У. Старбука – самопроектирующиеся, где все организационные процессы порождают встречные, их уравновешивающие. Поэтому принятие решений в общностях **«превращается в непрерывное столкновение рациональных и идеологических интересов»** [429].

Тогда в нашей интерпретации организация – не только самопроектирующаяся и саморазвивающаяся структура, но и социальная сеть, в которой общностные детерминанты установок на ценность знания играют роль регуляторов индивидуальных поведенческих стратегий освоения знания, а через этот процесс – и реализации социального капитала так же, как и решения жизненных задач.

Думается, этот вывод может быть представлен как еще одно подтверждение верности нашей методологии осмысления знания-действия. Речь идет не только о непрерывной взаимокорректировке процессов интериоризации знания и отказа от него, но и о непрерывном столкновении рациональных и иррациональных смыслов, мотивов, ценностей и интересов. Они инициируются идеологией, связанной с институционализацией установок на ценность знания. Их рациональность или иррациональность зависят от степени соответствия индивидуальных и общностных установок на эту ценность. При этом процесс отчуждения знаний также присутствует в зависимости от сущности общностных детерминант.

У. Старбук объяснял инертность акторов, не желающих принимать участие в организационных изменениях, идеологиями, «которые люди изобрели для оправдания своей пассивности» [31]. **Как известно, идеологии предопределяют состав наших убеждений, ценностей, ритуалов и символов. Практически, все внешние**

события являются как результатом, так и источником идеологий, поскольку процесс принятия решения раскрывает и взаимно увязывает интересы людей, идеологии и процессы рационализации развивающихся событий. Если, по У. Старбуку, «конформизм организационных идеологий по отношению к социальным устремлениям является для организаций источником подтверждения легитимности» и, следовательно, условием сохранения стабильности «организационного дизайна», то аналогичен и социетальный результат [31]. Учтем, что в контексте у У. Старбука конформизм, скорее, не пассивная уступчивость, а искреннее одобрение, интериоризация установок «значимых других».

Как видим, теория управления знаниями дает нам достаточно оснований для рассуждений. Перспективы для дальнейших обобщений можно связать с еще более современными источниками, например, с представленными в выводах Э. Гейслера (Eliezer Geisler) и Н. Викрамасингх (Nilmini Wickramasinghe) [383].

Наша попытка дать социологическое осмысление интериоризации знания и процесса его отторжения связана с методологией междисциплинарного подхода. Завершая этот этап исследования, отметим созвучность выводов У. Старбука и М. де Серто. Последний говорил о креативности социальных акторов. Ученый предложил рассматривать их деятельность в социальном взаимодействии с различного рода институциями и институтами не в качестве пассивных потребителей продукции «господствующей культурной экономики», а как «неузнанных производителей, поэтов собственных действий, безмолвных открывателей собственных переходов в джунглях функциональной рациональности» [376].

Мы показали, что сегодня креативность «поэтов» экономических «джунглей» слишком часто опирается либо на феномен отказа от знаний, либо на их отторжение. Одну из ведущих ролей в формировании поведенческих стратегий субъектов социума играет осознание потребительской полезности — выгоды, значимости предпринимаемых действий.

Если отказ, отчуждение или интериоризация знаний — процессы, то отторжение знаний как определенная организация социальной деятельности и социальных отношений — социальный институт. Любая попытка отмены институтов, как указывал Ф. Знанецкий, обречена на провал, так как институты закреплены в сознании личности на уровне ценностей. Это не исключает отторжения знаний о законах, правилах, порядке. «Не только установки, но и ценности, фиксированные в традициях и обуславливающие эти установки... участвуют в создании конечного результата совершенно независимо и часто совсем не в направлении намерений социальных реформаторов» [324].

Изложенное выше позволяет конкретизировать наш подход к сущности незнания. В ракурсе наших рассуждений **НЕ-знание можно структурировать в соответствии с каждой составляющих онтологии знания:**

1) **НЕ-знание «что»** — действие в социальной сети, связанное с отказом от нового знания, от знания, лежащего за пределами рутинных правил и процедур. Декларативное знание детерминировано его контекстной частью — автобиографическими воспоминаниями, основная часть декларативного знания опирается на ограниченный «репертуар» знания и опыт «значимых других». Установка на утилитарный подход к ценности знания. Ригидность мышления и социального капитала;

2) **НЕ-знание «как»** — действие в социальной сети, связанное с незнанием процедур применения знания «что». Процедурные знания при положительной установке на рационально-прагматическую ценность знания могут пополняться. При отсутствии стимулирования мотивации развития процедурного знания принимается поведенческая стратегия «выученной беспомощности»;

3) **НЕ-знание «зачем»** — действие в социальной сети, связанное с реализацией жизненных задач только на уровне знания «что» и «как». Установка на рационально-прагматический подход к ценности знания («меньше знаешь — крепче спишь», «мы — люди маленькие»). Ригидность мышления. Управление интеллектуальными ресурсами делегируется «значимым другим». При «омертвлении социального капитала» трансформируется в невежество;

4) **НЕ-знание «почему»** — действие в социальной сети, связанное с реализацией социального интеллекта при доминировании процедурных знаний. Стратегии и планы действий ориентированы на прагматические установки ценности знания, которые предопределены фреймом «так надо». Идентификация с субъектами и объектами социальной сети по схожести автобиографических описаний и участию в контроле за замкнутостью социальной сети.

Благодаря попытке многостороннего экскурса в экономическую теорию мы показали, что **процесс отторжения знаний не всегда отрицателен по своей социокультурной значимости**. Мы сделали это при введении характеристик отказа от знаний в двух формах: рационально-положительной и рационально-отрицательной.

Рационально-положительный отказ от «прежних» знаний — обязательное требование предотвращения и преодоления кризисов организации любого уровня социальной иерархии. Оно выступает в качестве предупредительной меры для преодоления инерции обученности и выражается в переоценке «прежних знаний». Реализуется в условиях позитивных общественных установок на ценность знания.

Рационально-отрицательный отказ — отказ, предопределенный антидериватами — ответными действиями акторов и общностей на «провалы государства» в части неумения предусматривать социальные последствия принимаемых экономических решений, подкрепленных ложной идеологией. В рамках институций реализуется в условиях отчуждения акторов от знаний, доминирования узкопрагматических установок на ценность знания и негативного индивидуального опыта субъекта интеракций. Является производными от чувств, «коренящихся в пластах человеческой психики», определяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отказ от знаний, связанной с опытом индивида, извлеченным из взаимодействия с социумом.

Таким образом, мы представили авторский подход к сущности НЕ-знания и конкретизированным актуальными практиками повседневности формам отказа от него.

Наши гипотезы о структуре и сущности инновационного подхода к знанию и НЕ-знанию, об общественных установках на ценность знания, о феномене отторжения знания как интегративе отказа от знаний и их отчуждения, инициирующем незнание и невежество, основаны на попытке анализа актуальных междисциплинарных подходов, предопределенных теоретико-методологическими парадигмами и реалиями изменяющегося жизненного мира. Учтено, что Э. Гидденс рассматривал модернизационные процессы в прямой зависимости от знания, связывая их с радикализацией борьбы с традицией, а У. Бек концентрировал внимание на негативных аспектах апокалипсического плана, предопределенных незнанием.

Отметим, что знания (а в нашей интерпретации — информация, признанная к середине XX в. ведущим фактором производства) условно отделили постиндустриальную или информационную эпоху от доиндустриальной и индустриальной. При этом, согласно известной концепции Д. Белла [19], стратегическими ресурсами являлись информация и «всеобщее знание», или теоретическое знание. В связи с этим параллельно менялся характер производственной деятельности: от доминанты добычи (extraction) и изготовления (fabrication) — к технологии как системе и процессу (processing), от трудоемких и капиталоемких технологий — к наукоемким.

Реальность проявления в практиках повседневности этих ведущих качественных признаков этапа цивилизационного развития, названного новым, вселяла в течение многих десятилетий в таких известных в социологии, философии, экономике аналитиков, как Р. Арон, Д. Белл, П. Друкер, М. Кастельс, И. Масуда, Ф. Махлуп, Дж. Нейсбит, Дж. Стиглер, Т. Стоуньер, а также Л. И. Абалкин, А. И. Анчишкин, С. С. Артоболевский, А. М. Гольберг, А. В. Горшков, В. Л. Иноземцев, Л. Г. Ионин, В. Д. Камаев, Б. З. Мильнер, В. В. Радаев, С. С. Шаталин и др., своеобразный творческий оптимизм, связанный с констатацией неизбежности позитивных стратегий социального взаимодействия. В них человек — уже не индивид, приспособляющийся к природе или покоряющий ее, а субъект коммуникаций, все больше зависящих от теоретического знания и основанных на нем инноваций, а также носитель знаний.

Для научного оптимизма были основания.

Так, известно, что творческая группа Й. Масуды (Yoneji Masuda) в резолюции «Проект информационного общества — национальная цель к 2000 году» [399] сформулировала значимую перспективную социальную идею. Ее суть заключалась в том, что приоритет производства информационных ценностей над производством ценностей материальных является «пусковой силой» развития и формирования современного общества. В связи с этим **интеллектуальный капитал, концентрация теоретического знания, обработка информации, образование акторов воспроизводственного процесса, их квалификация и переквалификация — стратегические ресурсы и главные факторы информационного общества.** Сердцевиной же всякого развития признана инновативность современной технологии.

Для разработок Й. Масуды уже тогда были характерны установки четкой взаимозависимости целей модернизации через информатизацию с политическими и социальными. М. И. Савинцева конкретизирует определенные им этапы развития компьютеризации Японии следующим образом (табл. 8) [244].

Т а б л и ц а 8

Этапы развития компьютеризации Японии по Й. Масуде

Период	Цель информатизации	Объект информатизации	Приобретенные ценности
1945—1970 гг.	Укрепление обороноспособности, освоения космоса	Научно-техническая сфера	Национальный престиж страны
1955—1980 гг.	Развитие производства и обеспечения роста ВВП	Сфера управления	Экономический прогресс
1970—1990 гг.	Подъем национального благосостояния, объект информатизации	Единое общество	Социально-экономическое обеспечение
1990— н.в.	Достижение всеобщей удовлетворенности	Члены общества как личности	Свобода самовыражения

Как видим, результирующий идеал по Й. Масуде непосредственно коррелирует с нашим осмыслением установки на креативный подход к ценности знания. Каждый этап информатизации предопределяет некий синтез рефлексивной парадигмы и способности к свободному творчеству.

Э. Тоффлер отмечал, что формируется **инфосфера**, под которой он понимал «коммуникационные каналы, посредством которых индивидуальные и массовые сообщения могут распределяться столь же эффективно, как товары и сырье» [281. С. 77]. **Инфосфера в качестве системы, обслуживающей техно- и социосферу, играет роль интегратора экономического производства и поведения людей.** Ее основной функцией является распределение информации, необходимой для создания и разделения материальных ценностей, произведенных в техносфере, а также для по-

зиционирования ролей индивидов в подсистемах социосферы. Так, почти по К. Марксу, в гармонии создания и разделения материальных ценностей и сопутствующих этому процессу социальных изменений образуется основная «архитектура общества».

Последующие оценки развития и усиливающегося монополизма инфосферы по отношению к системам, во взаимодействии с которыми она первоначально должна была играть обслуживающую роль, предопределили повышенный интерес к социальной результирующей процесса интериоризации информации и личностями, и общностями. Итог этих оценок достаточно четко сформулирован В. Л. Иноземцевым: важной становится не информация сама по себе как «относительная объективная сущность», как совокупность данных, пусть даже классифицированных, упакованных и т.д. (хотя, несомненно, и это очень важно), но «информация, усвоенная человеком и не существующая вне его сознания» [113. С. 5], — то, что мы называем знанием.

Наша позиция расходится со взглядом В. Л. Иноземцева только в одном: знание у нас — действие по интериоризации и экспертной оценке информации, а у ученого — усвоенная информация.

Как видим, путь до понимания значимости несводимости знания к информации оказывается достаточно длинным. Параллельно с научным оптимизмом, предопределенным диктатурой информационных технологий, углубляются скепсис и ирония по отношению к традиционным ценностям, страхам и предрассудкам, господствовавшим в индивидуальных и коллективных жизненных мирах. Это касалось ортодоксальной незыблемости бинарных оппозиций «объективное — субъективное», «рациональное — иррациональное», «научное — ненаучное», недопустимости эклектизма к сфере культуры. **Скепсис и ирония — результат отторжения рутинных раритетов — были связаны с постмодернизмом.**

Ж.-Ф. Лиотар назвал постмодерном «состояние знания в современных наиболее развитых обществах» [158], пытаясь обозначить состояние культуры после трансформаций, которым подверглись «правила игры» в науке, литературе и искусстве в конце XIX века. В XX веке ученый предупредил о том, что информатизация общества может «стать “желанным” инструментом контроля и регуляции (социальной. — Т. Ф.) системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания, и управляться исключительно принципом перформативности¹. Но тогда она неизбежно приведет к террору». Чтобы избежать этого, «нужно, чтобы доступ к носителям памяти и банкам данных стал свободным» [158. С. 159]. Это коррелирует с нашим подходом к значимости социального распределения знаний и институционализации ценности знаний.

Ж.-Ф. Лиотар не конкретизирует проблему разграничения сущности информации и знания. Однако из контекста его рассуждений можно предположить признание их отличия (информатизация «может также служить группам, обсуждающим метапрескрипции, и дать информацию, которой чаще всего не хватает лицам, принимающим решения, чтобы принять его **со знанием дела**»; ставки в языковых играх «будут формироваться **через знания (информацию, если угодно)...**») [158. С. 159].

В более позднем постмодернистском дискурсе М. Фуко доказывал [311], что «власть-знание» — всего лишь комплекс практик, направленных на подавление и под-

---

¹ **Перформанс** — совпадение образа и смысла, образа и действия. «В той мере, в которой знание можно соотносить с высказыванием, речевым актом, оно и может быть перформативным, т.е. апеллировать к реальности, будучи частью действия или тождественно действию по ее изменению. Более того, учитывая, что всякое высказывание/знание идеологично по определению, тем лучше, если его субъект осмысляет его как перформативное, т.е. находящееся не в юрисдикции “правды”, но в координатах прагматики» (http://archive-org.com/org/c/chtodelat.org/2013-06-15_2302580_56/Alexander_Knight_The_Rebirth_of_Students_for_a_Democratic_Society_SDS).

чинение человеческой самости, нуждающейся в системном дисциплинировании через систему надзора. Именно она через механизм «тонкого» манипулирования принуждает индивида формировать такие поведенческие стратегии, которые позволят стабилизировать сложившуюся социальную иерархию, формировать нужные власти мотивационные конструкции.

Следует обратить внимание на два важных момента: первый обусловлен желанием личностей и общностей становиться реципиентами в этом процессе, второй — с отказом от навязываемой извне роли через критическое восприятие связанных с ней ориентиров.

Особое место можно отвести доверию к внешней информации и знаниям о том, как с ней работать. Поэтому возрастает роль проводников и интерпретаторов знания.

3. Бауман считал, что признаком постмодерна [356] является отсутствие каких-либо властных универсалий, так как плюрализм культур, постоянно происходящие изменения, диктат СМИ «размывают» реальность, сводя ее только к символам; мораль трансформируется в этическую систему «быть для другого», усиливая смысловой контекст прежде всего частных коммуникаций. Поэтому ведущими субъектами коммуникативного процесса должны стать **интеллектуалы-интерпретаторы, основная задача которых заключается в минимизации искажений информации**. Но для реализации этой задачи — адаптации информации к процессу ее восприятия индивидами — необходима интериоризация не просто информации, а системы знаний. Отсюда мы видим отражение в публикациях ученого 2008–2009 гг. рассуждений о проблемах системы образования, которая не может преодолеть результаты того, что мы определили как философский детерминизм.

Ж. Бодрийяр, как известно, описывал гиперреальность, структурированную на фрагментах, видимости реальности, симулякрах — фальсификатах социальных действий, как способа реализации функции «мягкого» контроля бюрократии над массой, реализующей себя в процессе символического обмена [25; 27]. Информация, по рассуждениям автора, обеспечивала символическую индивидуальность жизненных миров в тактике безграничного потребления акторами материальных и нематериальных объектов. Но она не была напрямую связана с исследуемым нами феноменом отторжения знаний. Сегодня мы можем говорить о корректировке суждений Ж. Бодрийяра, связанной с трансформацией ценностей в потребительском поведении акторов. «Потребительское сопротивление», «гражданственность потребления» постепенно заменяют поведенческие стратегии «безграничного потребления».

Отметим, что в ракурсе прошлых теоретических концептов очевидно, что, с одной стороны, в рамках информационного общества перспективы общественного развития предопределены и зависят только от инноватики в технологии и связанного с этим качества научного знания. С другой стороны, в рамках постмодернистского общества будущее «размыто», неопределенно, наполнено социокультурными рисками, симулятивно, фрагментировано, сформировано из акторов, основными поведенческими стратегиями которых являются символическое потребление, толерантность, граничащая с аномией, поведенческая деструктивность и апатия.

Можно представить своеобразного «Тяни-Толкая» — структуры, где одновременно сосуществуют два противоположных социетальных состояния, в которых, согласно ритцеровскому подходу, сочетаются черты общества, управляемого изнутри (поведение индивидов диктуется личностными ценностями), и общества, управляемого извне (поведение индивида осуществляется в зависимости от мнения «значимых других»).

Отличие двух социетальных состояний, существующих одновременно в практиках повседневности и конструирующих жизненные миры личностей и общностей, заключается в интериоризации ценности знания. Управление изнутри базируется на установках на рефлексивный и креативный подходы к ценности знания, а управление извне — на утилитарный и прагматический.

В контексте информационного или постиндустриального общества на первый план выходят обработка и передача знаний, и здесь они выступают аналогом информации. В постмодернистском контексте доминируют аспекты применения и толкования знаний, но в условиях «мягкого» разделения информации и знания. Поэтому **наш подход можно представить как естественное продолжение развития предшествующих теоретических концептов ученых, связанное с попыткой выявить актуальные противоречия, обусловленные антагонизмом знания и НЕ-знания, через осмысление процесса отторжения знаний.**

Тем более, что сегодня обе концепции по многим основаниям отвергнуты их сторонниками. «Ускользящий мир» Э. Гидденса и «текущая современность» З. Баумана, «конец истории» Ф. Фукуямы стали **новым лейтмотивом осмысления второго и первого модерна**. Но «знание» по-прежнему остается «метафорой технического прогресса и новых способов коммуникации в различных социальных областях, не отражая перспективные социальные и культурные последствия этой односторонности» [394. Р. 10].

Отсюда неизбежно актуализируется задача включения рефлексии в оценке перспектив минимизации рисков в рамках происходящих изменений.

Для минимизации рисков в современном обществе Э. Гидденс предлагает экспертные системы, связанные с носителями экспертного знания. Внешне оторванные от социального контекста, экспертные знания строителей, проектировщиков, медиков, педагогов даже на символическом уровне призваны обеспечивать безопасность социума. **Но риск здесь представлен не степенью опасности или безопасности физического состояния личностей, а готовностью или неготовностью к достижению поставленных целей социума, прежде всего носителей экспертного знания.**

В основе рассуждений Э. Гидденса лежит представление о саморефлексивности знания [384. Р. 122], так как в современных условиях знания больше не тождественны определенности из-за системного опровержения их достоверности. Поэтому саморефлексию знания мы можем рассматривать как знание о незнании, что само по себе позитивно, так как обрисовывает проблемное поле на перспективу. Но это не единственная базовая ситуация, которую можно рассматривать в качестве саморефлексии знания. Мы можем иметь дело со знанием о знании, незнанием о знании, незнанием о незнании и пр. Последние две ситуации непосредственно связаны с отторжением знания. Тогда речь должна идти об институциональных условиях, в которых незнание легко трансформируется в невежество и определяет то ничтожное состояние личности и общностей, о котором писал еще А. Смит.

В связи с этим обратим внимание на утверждение Дж. Сороса: «Ошибочность означает, что наше понимание мира, в котором мы живем, по своей сущности несовершенно. Рефлексивность означает, что наше мышление активно влияет на события, в которых мы участвуем и о которых мы думаем» [267]. Следовательно, саморефлексивность будет означать ту область, о которой нам еще предстоит «подумать» и благодаря этому в чем-то изменить жизненные задачи и процесс конструирования мира в практиках повседневности. Но неоднородности общностей, структурирующих социум, соответствует и неоднородность их интересов, представлений о ценности и знания, и безопасности незнания как результата его отторжения, и, соответственно, общественных и институциональных действий.

В позиции У. Бека для нас значима рефлексия не только агрегированных результатов, или внешних побочных эффектов модернизации социума, но и **внутрисистемных экстерналий, которые связаны с процессом перераспределения ответственности за те риски, которым подвергается общество.** Поэтому оценка ученым рефлексивной модернизации как непрерывного процесса борьбы модернизации с *контр*-модернизацией [357. Р. 95] для нас связана с **непрерывностью борьбы между знанием и НЕ-знанием, а не со статичным противостоянием того и другого.** Именно в этом проявляется эмоционально-чувственный компонент «нерациональной» рациональности или, как мы ее определили, отрицательной рациональности, основанной на антидериватах. Другими словами, эмоционально-чувственные ориентиры и включенность их в действие выступают как реакция на опыт актуальных и прошлых практик.

В то же время они основаны на категориях, хорошо укорененных в практиках современности. К ним, вслед за У. Беком, мы относим традиции, природу, религию, нации, насилие, схемы «свой — чужие» или «друг — враг». Одновременно обостряется проблема положительной рациональности, когда отказ от устаревших знаний и структурирование «знанием знания» востребованы рефлексией модернизационных процессов. В связи с этим актуализируется и потребность в индикаторах, с помощью которых можно конкретизировать **устаревшие знания. Под ними мы понимаем знания, ставшие информацией, а также алгоритмы действия, не соответствующие актуальным жизненным задачам индивидов.**

С одной стороны, процесс селекции знания на устаревшее и актуальное происходит независимо от собственников, проводников и интерпретаторов знания. Появляются новые технологии, например в энергетике, и знание, связанное с действиями по его применению в угледобыче, по многим параметрам (востребованность, актуальность, обеспеченность собственниками, проводниками и интерпретаторами) становится ненужным. **Устаревшее знание здесь понимается как знание, ставшее узковостребованным.** Производится более совершенная бытовая техника (мобильная связь, воспроизводящая аппаратура и пр.), и знания о том, как ее применять, восстанавливать или поддерживать в рабочем состоянии с целью использования, отторгаются вместе с устаревшими материальными образцами. **Здесь устаревшим называется знание, связанное с воплощенным в материальных объектах, которые устарели, стали ненужным, «прошлым» знанием.** В узковостребованном технологическом и устаревшем «прошлом» знании, воплощенном в материальных объектах, доминирует знание «что» и «как».

С другой стороны, у научного и экспертного знания иная судьба. Здесь благодаря знаниям «зачем» и «почему» происходит перманентная апробация и верификация практикой новых парадигм. Отказ от одних знаний не означает, что они уже в новой модификации не будут востребованы через какой-то промежуток времени. В этом случае селекция материализованного — «прошлого» — знания, ставшего информацией, неотрывна от собственников, проводников и интерпретаторов. Одним из примеров является позиционирование рефлексивной модернизации.

Как мы указали, сегодня по-разному осмысливаются и рефлексивная модернизация, и известный постулат У. Бека: «Рефлексивной модернизацией должна называться самотрансформация индустриального общества (которую не следует отождествлять с саморефлексией этой самотрансформации), а также вытеснение и разрушение первой модерности второй модерностью, контуры и принципы которой еще только должны заявить себя перед нами и оформиться» [155. С. 89].

Рассмотрим риски указанного У. Беком феномена социальной динамики в ракурсе представленных ранее авторских положений.

Глава 2

Риски взаимовлияния знания и НЕ-знания в практиках повседневности

2.1. Риск подавления ресурсами «общества НЕ-знания» ценностей «общества знания»

Дефиниция «общество знания» достаточно стремительно вошла в междисциплинарный научный и публицистический лексикон. С 1960-х годов в изданиях указывается на три ведущих источника нового термина: первый связан с именем американского политолога Р. Лэйна [92], второй — австро-американского экономиста Ф. Махлупа [174]. В российских исследованиях последних лет автором термина называется П. Друкер (Peter Ferdinand Drucker) [9; 264].

Считается, что с констатации в 1962 г. Ф. Махлупом (Fritz Machlup) [174] сущности знания как товара, который можно производить, перемещать, продавать и покупать как любой другой продукт, началась эра осмысления знания и способов его «упаковки» в организационных социальных структурах. С этого момента использование в научной лексике словосочетания «общество знания» начало расширяться в геометрической прогрессии. Однако только в последние годы стали появляться сомнения в легитимности использования этого понятия. Оно, как и атмосфера общества, организационный климат даже на уровне околонучного сленга, представляется понятным всем: «общество знания» — общество, основанное на знаниях, и априори мы уже живем в его условиях. В то же время человечество всегда жило в обществе знания, иначе не смогло бы существовать. Применительно же к современности в связи с этим констатируют рост наукоемких технологий, расширение спектра услуг, связанных с интерпретацией информации, востребованность специалистов в сфере инфраструктуры информационных технологий, инновации в сегментах применения дидактики организационного знания и т.д. Определены и ведущие ценности этого общества: знания, технологии, новые профессиональные классы, специализирующиеся на новых технологиях, — «локомотивы» прогресса. Но это — ценностная «архитектура» общества знания, некие, в принципе, абстрактные факторы, которые через вовлечение в процессы производства должны стать ресурсами общества.

Подходы в теории менеджмента организационного знания, связанные с именами И. Нонаки и Х. Такеучи, позволяют выделить более конкретные, но также достаточно абстрактные ценностные диспозиции. Это — национальный престиж страны, экономический прогресс, социально-экономическое обеспечение, свобода самовыра-

жения личности. В этом ракурсе логично звучит системное указание на то, что «каждый день мы расширяем, создаем, защищаем, передаем, систематизируем и сохраняем знания» [394. Р. 9]. Однако здесь знания — аналог информации, которую можно найти в книгах, на информационных носителях, в СМИ, т.е. во всех видах продукта в социальных системах.

Рассуждения об обществе НЕ-знания П. Престон (Paschal Preston) начинает с предостережения Г. А. Инниса о том, что технологизация и механизация знания могут угрожать свободе мысли и несут опасность, прежде всего, науке («The conditions of freedom of thought are in danger of being destroyed by science, technology, and the mechanisation of knowledge») [418. Р. 231–238]. Таким образом, можно предположить, что общество НЕ-знания — общество, в котором знания за счет идентификации с технологией нивелированы и утрачивают свою деятельностную сущность, так как отчуждаются от личности носителей. Технология же, в свою очередь, становится ведущим ресурсом их подавления, и собственно количество новых и новейших технологий в социуме начинает выступать главной характеристикой качества социокультурных практик.

П. Престон считает, что от «глянцевой поверхности» терминов «информационное общество», «экономика знаний», «технологизация общества», «технокультура» и сопровождающего их научного дискурса мы ждем «просветления» о характере, направлениях и причинах социальных изменений, «не говоря уже о потенциальных альтернативных путях будущего развития». Но, как правило, эти ожидания разочаровывают. «Мы противостоям глубоко серым и скучным кластерам хаотических концепций, линейной концептуализации и некоторым чрезвычайным экстраполяциям (спекуляциям), которые используются для определения роли и значения технологии или информации в социальных изменениях. Мы приветствовали пьянящий коктейль из спекулятивных *dreamware* (дословно — фантастических продуктов. — Т. Ф.) на основе техно-ориентированного анализа кластеров технологических инноваций. Или мы находили идеализированную концептуализацию из отличительных черт информации как ресурса или продукта». В результате «новые ИКТ, как считается, работают не только как универсальный “волшебный множитель” или инструмент для управления социально-экономическим развитием, они также становятся ключевым показателем развития общества» [418. Р. 232–233].

Налицо констатация факта: при девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления. Ведущая ценность социума — знание-действие — находится в условиях риска подавления ресурсом общества НЕ-знания — фетишизированной технологии. Поэтому согласимся с мнением М. Р. Васильевой, которая обращает внимание на то, что «рефлексия об обществе знания предопределяет и множественность подходов к его моделированию» [46. С. 69].

Адаптируя оценки автора к предмету наших рассуждений, отметим, что модели, составленные на основе конструктивистской методологии, содержат ряд онтологических конструктов — утверждений о его сущности. В связи с этим, если анализируются социально-онтологические ресурсы, то их базисом служат утверждения о «фактической» сущности общества знания; если первичны ценностные ресурсы, то используются «реальные ценностные» суждения.

ЮНЕСКО, CORDIS и другие общественно-политические структуры артикулируют общественно-политическую модель общества знания. Его архитектура включает описание общества развития образования, науки, технологий, инноваций, общества, где удовлетворяются большинство потребностей индивидов и общностей, идет защита

прав и свобод, борьба с бедностью и т.д. [119]. Мы видим некую абстракцию, позиционируемую как идеал без каких-либо отрицательных черт. Поэтому и соглашаемся с М. Р. Васильевой, утверждающей, что **ценностная конструкция таких моделей латентна, хотя они и структурируются в качестве воплощения нормы.**

«Научные (экономические, социологические и пр.) модели общества знания конструируются при помощи понятий тех или иных дисциплин» [221. С. 69], а их ценностные компоненты предопределены рамками этих дисциплин. Тем не менее «риторика часто остается прежней: ценностная (положительная или отрицательная) окрашенность используемых понятий влияет на ценностную модальность модели, задавая ее неявно» [221]. Так, экономические модели общества знания конструируются через экономические понятия, «порой отождествляясь с экономикой знаний, где знания — фактор роста экономики в целом, а экономика знаний — условие “попадания в будущее”, и пр.». Заданные экономической теорией ценностные дихотомии «рентабельно — нерентабельно», «эффективно — неэффективно» дополняются функциональными характеристиками типа силы мотивирующего воздействия. Однако «это не освобождает предлагаемую модель от качественных признаков социального мифа». Развивая мысль автора, укажем, что мифологичность усилена прежде всего тем, на что мы обращали внимание ранее, — отсутствием однозначности осмысления сущности знания.

Рассуждая об обществе знания, о ценности социального и человеческого капитала, о латентных и экспертных знаниях в организации, многие экономисты между тем старательно обходят основной субъект общества знания — личность и его мотивацию на освоение или отказ от знаний-действий. В то же время именно экономике мы должны быть благодарны за оценку положительной значимости отказа от устаревших знаний, ставших информацией, в инновационном процессе, что было показано в первой главе данной монографии.

М. Р. Васильева считает, что **«присутствие социального мифа в моделировании общества знания, когда реальность используется только как когнитивный ресурс, способствует созданию моделей, близких к идеологическим»** [221].

Модели, которые можно было бы назвать идеологическими, действительно присутствуют в научном поле. К таковым можно было бы отнести модель когнитивного капитализма.

Б. Польре и его коллеги по французской социологической школе конкретизируют: когнитивный капитализм — это общество знания, «управляемое и организованное по капиталистическим принципам». Здесь «накопление на основе эксплуатации и присвоения знания является качественно преобладающей формой накопления». Такая «ориентация на доминирующее накопление заменяет собой» тот вид накопления, который «преобладал в промышленном капитализме», когда предпочитались вложения в машины и в организацию труда» [221].

Далее в этом же источнике отмечается, что **своеобразный характер когнитивного капитализма не связан с «возросшим значением науки и знаний».** «Знания и умения как предмет накопления и даже степень их важности не являются главным отличительным признаком когнитивного капитализма. Принципиально то, что в современном капиталистическом обществе и в соответствующем виде накопления их положение становится господствующим. Общий интеллект проявляется не только в производстве; он организует «весь жизненный контекст» (П. Вирно). Иными словами, когнитивный капитализм — это нечто большее, чем новый способ производства. Это — новая цивилизация» [221].

Однако за пределами внимания исследователей остается то, как эта «новая цивилизация» будет стимулировать организацию интеллектом «всего жизненного контекста». Имеется разъяснение, также лишенное учета антагонизма представляе-

мой нами дихотомии, о том, что при когнитивном капитализме труд обретает характер «независимой творческой силы», и поэтому одновременно «меняет природу прибыли и условия ее присвоения фирмой». Фирма, в свою очередь, «демонстрирует паразитическое и хищническое поведение в той мере, в какой извлекает выгоду из **коллективно созданного когнитивного потенциала**» [221].

Вместе с тем умственный потенциал и реактивная способность служащих приносит прямую выгоду предприятию, имеющему тенденцию рассматривать служащих как «основной капитал», производительность которого «трудно оценить», отчего «работнику достается заранее установленная плата». **Последнее предопределяет «переход от системы профессиональных отношений, построенной на квалификации, к системе, основанной на компетенции**». Другой вопрос — что остается неизвестным; с помощью каких индикаторов будет измеряться указанная компетентность, что конкретно понимается под «коллективно созданным когнитивным потенциалом»: агрегатные навыки, умения, продукты творческой деятельности или то, на что коллектив способен «в принципе»? Измеримость последнего, как представляется, весьма относительна.

Теоретически, мы видим достаточно продуманную модель. Однако не учитываются реалии актуальных итогов давления НЕ-знания в самопрезентации участников трудовых интеракций. **Напомним, что одной из ведущих проблем социальной динамики является проблема, связанная с противоречием между декларируемыми потребностями в развитии креативного потенциала общностей и его реальным качественным состоянием.**

Характеристиками качественного состояния здесь могут выступить уровень профессионально достижительных мотивов граждан, наличие дауншифтинга и анскулинга в практиках повседневности индивидов и групп, глубина социального нигилизма, сопротивление инновациям у субъектов социума, низкая конкурентоспособность регионов и некоторых стран в разработке и внедрении современных технологий, «принципиальная рискогенность» [349. С. 4] дихотомии «блага-бедствия», а также связанная с ней социальная напряженность, и т.д.

К таким выводам нас подводит Г. Шульце в своем исследовании изменений в потребительских предпочтениях, которые условно обозначены как «потребительское сопротивление»: в развитых странах растет количество акторов, которые смиряются не только с сокращением, но даже и снижением доли дохода в пользу улучшения качества своей частной жизни. Одной из актуализирующихся практик стал дауншифтинг (англ. *downshifting* — замедление или ослабление какого-то процесса) (см.: [234]). Этот сленговый термин обозначает жизненную философию «жизни ради себя», «отказа от чужих целей». В классическом понимании дауншифтинг — это всегда выбор между доходами и стрессами и душевным комфортом за меньшее вознаграждение. Обычно, уходя из бизнеса или со стрессовой работы, люди преследуют такие цели, как получение большего количества времени на увлечения или на семью, что далеко не так негативно, как может показаться на первый взгляд.

Увеличивается количество «находчивых потребителей», которые «пропускают» или игнорируют новейшие поколения товаров [422]. Более того, все большее значение приобретают те сферы жизни, которые не связаны с потреблением новинок, а поддерживают удовлетворенность уже имеющимися возможностями, содержательным общением, эмоциональным равновесием и культивированием духовных сторон социального взаимодействия. Не случайно З. Бауман, рассуждая о «текучей современности», подчеркивает, что «самая нужная компетентность в нашем мире мнимых бесконечных целей — это компетентность опытного и неутомимого покупателя. Мы «покупаем» навыки, нужные, чтобы заработать на жизнь, и средства убеждения по-

тенциальных работодателей, доказывающие, что они у нас есть; мы покупаем имидж, который нам приглянулся, и способы заставить других поверить, что мы являемся теми, кем теперь выглядим» [17. С. 82]. И здесь, разумеется, нужна социальная компетентность, которая, в свою очередь, предопределена знанием-способностью действовать и осваивать роль «находчивых потребителей».

У теоретиков «новой цивилизации» свой взгляд на роль знания.

Эволюционирующая роль знания проявляется:

1) **в преобладающей роли нематериального труда**, что мы действительно видим в результате процесса расширения сферы сервиса. Кроме того, Б. Польре отмечает, что «в семантическом плане наиболее заметным явлением современного капитализма является развитие финансового сектора, ставшего универсальным языком и для оперативного управления, и для стратегического руководства» (цит. по: [221]). «Деньги, будучи знаком, являются всего лишь мерой. Но финансовый сектор, представляя собой деньги, предназначенные для вклада, сам являет собой оценку — оценку не реальной конкретной мощности, но оценку способности приносить прибыль». Сегодня мы можем привести пример, когда именно деньги начинают исполнять роль ресурса подавления ценностей общества знания ресурсами общества НЕ-знания. Особенно рельефно это просматривается в социуме Северного Кавказа [250].

А. Г. Матвеевой и другими социологами в 2011 г. было проведено 30 фокус-групп и 50 интервью с ключевыми информантами, в которых приняли участие около 250 респондентов из пяти республик РФ. Исследователи констатировали:

«В Кабардино-Балкарии один чиновник отметил: “У нас здесь бизнес без чиновничье-го кресла — это демагогия. Ты не чиновник — у тебя нет рычагов исполнительной власти, поэтому у тебя будет бизнес страдать, тебя будут пытаться разорить, и отнять его у тебя”.

Пропасть между “богатыми” и “бедными” расширяется, даже в пределах одного тейпа/клана или среди родственников. *Общество задается вопросом: “Как богатые оказались там, где они есть?” и не считает, что ответ заключается в обладании такими достоинствами, как трудолюбие и образованность.*

Повсеместная коррупция приводит к тому, что человеческое достоинство попирается частыми требованиями платить; это приводит к чувству унижения и отчуждения от официальных структур.

Снова приведем слова респондента из Кабардино-Балкарии: “Как я могу взять презловутый конверт, положить туда деньги, и дать этим, которые не то чтобы образование имеют, они толком по-русски не могут писать...”.

В Северной Осетии: *“Всё продается... У кого есть деньги, всегда останутся безнаказанными”*».

Подтверждают сказанное и выводы по Кабардино-Балкарии [250. С. 54]:

«То, что сейчас происходит в Кабардино-Балкарии, больше похоже на борьбу за существование. Разрегулированность, разнормированность социально-экономической жизни являются, по мнению А. Борова, характерными чертами современного кабардино-балкарского общества. Сегодня источники существования и доходов большинства семей находятся вне домохозяйств, в сфере экономики, но единственным универсальным регулятором выступают деньги. *Можно было бы сказать, что экономика республики не столько рыночная, сколько “денежная”.* Отсутствие объективных рыночных регуляторов и их подмена иными — административно-бюрократическими (что гораздо хуже государственных, плановых), клановыми (в общем смысле этого слова), персональными (т.е. частными и субъективными) — равносильно хаосу в социально-экономической жизни. В этих условиях доминирование системы личных связей порождает крайне низкий уровень межличностного доверия в обществе».

НЕ-знание как ресурс вызывает и деформации такой онтологической ценностной составляющей любого общества, как институт права. Так, в современной России

сегодня отмечается: несмотря на то, что рынок кредитования за 2012 г. вырос на 50%, каждый восьмой держатель кредитки не возвращает кредит [55]. Указанные оценки Национального бюро кредитных историй дополняются информацией о том, что просрочки в возврате кредитов выросли в 2–2,5 раза, в том числе по потребительским кредитам — на 9,6%, по автокредитам — на 4,2%. Напомним, что ипотечный кризис в США в 2007 г. был вызван ростом невозвращенных жилищных кредитов, которые американские банки выдавали неблагонадежным заемщикам [341]. Считается, что этот кризис начался еще в 2006 г., однако его катастрофические последствия проявились только через год и стали точкой отсчета начала мирового финансового кризиса 2008 г. Таким образом, ценность денег как символического капитала оказалась в прямой зависимости от морально-этической ценности, предопределенной институтом права. Знание того, что взятые кредиты следует возвращать, было трансформировано в НЕ-знание. Следовательно, дестабилизирующий ресурс проявился не в сущности абстрактных структур, а в ценностных установках акторов на НЕ-знание;

2) в пересмотре категории времени как критерия измерения и стоимости труда. Поясняя этот тезис, Б. Польре обращается к наследию К. Маркса: «По мере развития крупной промышленности **созидание действительного богатства** становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи их агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени, и которые сами, в свою очередь, зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству» [221].

Уместно привести конкретизацию Е. О. Соломатиной проблем движения России «на пути к обществу знания», которые мы можем также рассматривать как результат подавления **ценностей общества знания ресурсами общества НЕ-знания**. Это — «деградация трудового сознания (иждивенчество, синдром “гипертрофированного самомнения” и др.); несоответствие высокой квалификации научно-инженерных кадров низкой заработной плате и “утечка умов”; недостаток квалифицированных кадров в одних отраслях и переизбыток в других; низкая удовлетворенность трудом в сравнении с другими странами (как результат низкого качества рабочих мест)» [264. С. 66]. Иначе говоря, высокий уровень развития науки, прогресс техники и технологий далеко не гарантируют автоматическое «созидание действительного богатства» и мощи агентов крупной промышленности;

3) в обусловленности понятия труда тем, что собственно труд «становится все более экстенсивным». У Б. Польре читаем: «Труд выходит за отведенные ему пределы. Он теперь завязан на все время жизни. Антонио Негри использует слово “излишек” для обозначения продукта самой жизни, которая сама выступает (когнитивным) трудом, поскольку по определению является производительной и творческой. Если труд продолжает занимать центральное положение, то по причине своей делегализации, так как он распространился на все акты жизни, поэтому нам следовало бы отказаться от старого значения слова “труд”, которое принимало во внимание только его материальную или “институциональную” форму» [221]. Однако учтем, что французский исследователь в своей работе напоминает — труд считается «основным капиталом», так как его можно определять «по когнитивной емкости и, следовательно, по “мощности”; эффективность труда — это «проявление знаний или “общего интеллекта” в двух его формах: “общего” научного труда или отношений трудового сотрудничества». Тогда принципиальный отказ человека и даже целых общностей от проявления своих знаний, или «общего интеллекта», и сотрудничества — еще два ресурса общества НЕ-знания.

В отличие от дауншифтеров речь идет о категории людей, которые, как утверждает Ю. Латынина [144], образовали целый новый социальный слой, названный автором «слоем госзависимых» — слоем «гослюмпенов». Ссылаясь на экспертов, работавших над программой «Стратегия-2020», аналитик отмечает, что в 2009 г. только среди мужчин их было 6,3 млн, причем за 9 лет это число возросло на 400 тыс. (при сокращении общей численности населения):

«Началось воспроизводство бедных с одновременным формированием у них особой субкультуры бедности».

Развивая оценки экспертов, Ю. Латынина в своей работе констатирует:

«Положим, число люмпенов женского пола вдвое меньше, чем среди мужчин (среди российской бедноты женщины деятельней), и получим около 10 млн чел. трудоспособного возраста, которые просто не хотят работать. Это столько же, сколько в России сейчас трудовых мигрантов. Это почти 14% от общего числа трудоспособного населения России в 75,5 млн чел.».

Дестабилизирующие ценности общества знания — ресурсы в виде армии людей, не желающих работать, но стремящихся относительно достойно и стабильно жить на государственные дотации, имеются и за рубежом.

Журнал *Forbes* опубликовал информацию о причинах, побудивших Ж. Депардьё отказаться от французского гражданства в связи с ожидаемым резким увеличением налогов на высокие доходы французов [94]. Особый интерес здесь представляют проанализированные нами 10 комментариев. Общий вывод участников обсуждения связан с констатацией явления, аналогичного названному Ю. Латыниной гослюмпенизмом. Приведем следующее мнение:

«С Африки толпами едут и не работают, а пособия приличные. Многие и многие приспособились за счет других жить. Жерар правильно сделал. <...>

Как-то (мне) пришлось ехать через Францию, и был поражен скопищем африканских бездельников в городах. Такое чувство, как на “Черкизоне”, и все они содержатся на налоги добропорядочных французов типа Депардьё...».

В противовес когнитивному капитализму — обществу знания с представленной как во французской, так и российской социологической школах системой ценностей, где интеллект и продукт его применения — ведущий ресурс, в проблемном поле науки конституированы подходы Д. В. Иванова о «глэм-капитализме» [107] или более ранняя концепция Й. Риддерстрале и К. Нордстрема о «караоке-капитализме» [235]. Их мы можем рассматривать как своеобразные модели общества НЕ-знания.

По концепции Д. В. Иванова, гламур — это не просто эстетическая форма или культурная логика, это — «сама рациональность сегодняшнего капитализма». Понятие «гламур» (от англ. *glamour* — очарование), появившееся в середине 1930-х годов в Голливуде для описания особого стиля подачи образов киногероев, где все «красиво, роскошно, эротично», «превратилось сегодня в универсальную медийную характеристику современного общества». И теперь именно этот «глэм задает фундаментальную и универсальную логику деятельности, которая порождает и развивает новую версию капитализма — глэм-капитализм» [107]. И далее: сегодня в экономике побеждает тот, «кто сумел превратить себя в тренд, а свое поведение представить в качестве некоего универсального этического императива. Причем успешность самого тренда определяется креативностью коммуникаций, которые в новых условиях являются уже не сопровождением и поддержкой товара, а самим товаром. Но на пе-

ренасущенном рынке продуктов создание бренда является самым эффективным средством в борьбе за внимание потребителей. Однако, когда виртуализация становится обыденностью, она порождает предельно высокую конкуренцию образов». И, чтобы быть максимально успешными, «образы становятся все более примитивными и броскими, а именно яркость и примитивность являются основными характеристиками гламура. Таким образом, гламур становится универсальным феноменом» [107], т.е. яркость и примитивность — ресурс подавления традиционных этических императивов — ведущей ценности любого общества.

Новое — «гламурное» — знание как одна из форм проявления ресурсов общества НЕ-знания связано с интеллектуальной собственностью. Глэм-капиталисты, держатели «авторских и смежных» прав (например, прав на изобретение, бизнес-идею, текст, музыку, собственное имя) сегодня контролируют самые вызывающие, притягательные и малозатратные по первоначальным инвестициям «горячие» бренды. В капитализации гламура, помимо глэм-капиталистов, «участвуют и сверхновые глэм-профессионалы. Ими могут быть разного рода креативные директора, проект-менеджеры, дизайнеры, стилисты, консультанты и т.п.» [107].

Следствием всего этого, по мнению Д. В. Иванова, становится изменение привычной структуры стратификации, которую мы наблюдаем. Из «лимонообразной» с доминирующим средним слоем она становится «грушевидной» бимодальной стратификацией (рис. 3). Это происходит потому, что «глэм-капиталисты и глэм-профессионалы образуют новые статусные группы, которые трансформируют привычную систему статусов» [107].

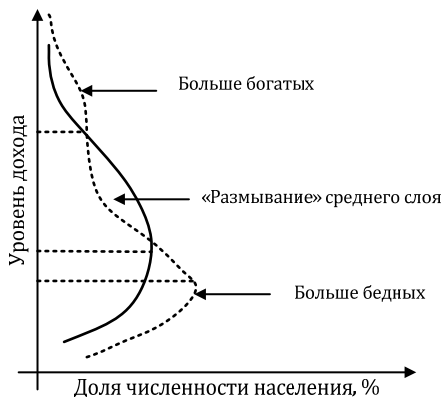

Рис. 3. Метаморфозы стратификации в ракурсе глэм-капитализма

Ученый предлагает вспомнить знаменитое высказывание Э. Гуссерля «Истина одна, независимо от того, созерцают ли ее люди, боги, ангелы или чудовища». И констатирует, что основной целевой аудиторией глэм-науки будут «ангелы» и «чудовища» — именно те образы, «в которые вживаются ультрасовременные буржуа, и которые создаются переплетением пяти базовых элементов глэм-капитализма — роскоши, экзотики, эротики, “розового”, “блондинистого”. Ангелы и чудовища, как правило, живут в виртуальных пространствах, возникающих по обе стороны экрана телевизора, монитора компьютера, наушников плэйера и т.д.». И далее Д. В. Иванов подводит итог: единственный адекватный для них режим познания — это глэм-наука; «менеджмент же в условиях глэм-капитализма становится универсальной наукой о том, как

ангелам и чудовищам управляться с делами, и о том, как управлять ангелами и чудовищами» [107].

Таким образом, нами представлен еще один достаточно мощный блок ресурсов НЕ-знания, который не просто активно противостоит знанию и интеллекту, декларируемым ценностям общества знания, а эффективно преобразует социум и поведенческие стратегии его акторов.

Описанные выше модели неокapитализма подтверждают мысль М. Р. Васильевой о том, что «социологические модели общества онтологически близки экономическим, так как и в них за основу принимаются ценностные суждения. Описываются эти модели уже средствами социологии, но также на уровне идеала» [46. С. 69]. Правда, есть ряд исключений из подходов к идеальным моделям. Они отражены в исследованиях К. Кнорр-Цетины [132], Ж. Бодрийяра, В. Крона, представленных ранее.

Авторы концентрируют внимание на «хрупкости» общества знания, которую в ракурсе нашего подхода можно рассматривать в связи с повышением неопределенности и рисков, изменением стратегий конструирования жизненных миров, новыми практиками коммуникативного взаимодействия акторов в процессе интериоризации знания и усилением антагонизма между обществом знания и НЕ-знания, т.е. снова речь идет о подавлении ресурсами общества НЕ-знания ценностей общества знания.

Согласимся с М. Р. Васильевой, утверждающей, что сформированные на сегодня модели общества знания **опираются на ценностные онтологические конструкты, связанные либо с универсальными ценностями, либо с их идеологическими коннотациями**. Ценностные конструкты представлены в двух блоках из способов «дизайна социокультурных ресурсов: в виде ценностных суждений, когда они заданы самим фактом применения понятий, связанных контекстуально (неявно) и латентно — в составе “реальных” суждений» [46]. Однако в них не описан механизм снижения рисков от утраченного доверия к знанию, полученному «извне» и построенному либо на недостоверной информации, либо на информации, иницирующей негативный индивидуальный и общностиный социокультурный опыт; нет и существенных оценок подходов к направленности диспозиционально значимой ценности знания.

Итак, подтвержден наш вывод относительно фундаментальной характеристикой актуальных практик: таковой является НЕ-знание о том, как можно назвать общество, в котором мы конструируем свои жизненные миры. Происходит это прежде всего потому, что то, что мы назвали бы инструментальной сущностью знания — его действенный контекст, не стал основой для междисциплинарного осмысления практик повседневности, в то время как риск подавления ценностей общества знания ресурсами общества НЕ-знания, как мы показали, чрезвычайно велик.

Если стремление получать знания, как утверждают психологи, является естественной, биологически предопределенной потребностью человека и **ведущей социокультурной ценностью**, то какими процессами социальной динамики можно объяснить присутствие в повседневных жизненных практиках людей и в сконструированной ими социальной реальности таких явлений, как актуализация контркультурного капитала, базирующегося на современном глэм-капитализме [107], низкий уровень образованности или функциональная неграмотность, неформальные правовые практики, расширение дауншифтинга и анскулинга и пр.?

Собственно веер практик, считавшихся еще 10–15 лет назад асоциальными или не соответствующими норме, алогичными, весьма широк. Они становятся ресурсами социальных преобразований, которые можно оценивать и как позитив, и в негативном ключе. Так, Э. Косс подчеркивает, что в работах западных авторов сегодня речь идет о «морализации рынков» [430], т.е. и производители, и потребители — основные субъекты рынка — помимо получения выгоды уделяют все больше внимания

иным факторам, например: ценности досуга, повышению ответственности производителя за здоровьесберегающие технологии изготовления товаров и усилению собственного контроля и форм его осуществления со стороны потребителя за этими процессами. Это — положительные факты для рефлекслирующих субъектов, но отрицательные — для тех, кто хотел бы с большей выгодой для себя манипулировать сознанием потребителей. С нашей точки зрения, такие новые ценности становятся позитивным элементом реальности. Однако современные исследователи констатируют, что российское общество характеризуется высокой степенью дезинтеграции, рассогласованностью групповых интересов, образов жизни и поведенческих кодов [71. С. 10—14]. Это становится ресурсом для создания ситуаций модификации социальной зависимости, ее смещения из социального взаимодействия в сферу расширения социально-групповой автономности. Идет процесс **формирования универсальных норм в соответствии с должностной иерархией и ограничением партикулярными интересами** [71. С. 10—14]. Можно констатировать **имитацию функций института права, когда при декларации традиционных ценностей права очевидны безнаказанность инициирования и вынужденность нелегитимных правовых практик**. Примером может служить негативный синергетический эффект от увеличения взносов «самозанятого населения» в Пенсионный фонд РФ, который активно обсуждался в начале 2013 г. в СМИ [278]:

«Ситуацию, сложившуюся в этой сфере экономики, иначе как катастрофой не назовешь. Выборочный опрос 300 предпринимателей, который провела ассоциация (Ассоциация «Опора России»), показал, что более 65% из них свернули планы по развитию, 50% увольняют сотрудников, почти всюду снижают заработную плату. По данным налоговой службы, только за декабрь прошлого и январь нынешнего года с учета снялось 208 тыс. индивидуальных предпринимателей.

Люди бросают свое дело или уходят в тень. Надежда, что государство прижмет малый бизнес, тот поднатужится, покряхтит и заплатит — не очень то оправдались.

Безрадостные прогнозы для малого бизнеса появились сразу же, как стало известно, что с 1 января 2013 г. обязательные взносы для самозанятого населения в Пенсионный фонд будут увеличены вдвое — с 17 208 до 35 665 р. в год, а к 2015 г. они возрастут в 3 раза».

Все связанные с этой тематикой аналитические материалы, как правило, подтверждают указанную выше информацию [74]:

«Индивидуальные предприниматели по всей России в массовом порядке уходят в “серую” экономику. Сотни тысяч человек снимаются с учета в налоговой инспекции, чтобы не платить выросшие вдвое налоги. Государство объясняет их повышение необходимостью спасать полупустой Пенсионный фонд. Но, усиливая давление на мелкий бизнес, оно одновременно продлевает налоговые “каникулы” крупному — вроде нефтянки».

Елена Темная, швея (Россошь, Воронежская область) [74]:

«Любое желание клиента — закон, поэтому клиентов у нас много. Выручка, по меркам районного центра, вроде бы хорошая — 50—60 тыс. р. в месяц. Но 33 тыс. — это зарплата моих работников: двух швей и закройщицы. Еще 10 тыс. плачу за аренду помещения. С арендой мне, можно сказать, повезло: владелец помещения уже два года не повышает плату, потому что я для него шью, когда он попросит. Получается что-то вроде взаимозачета. В прошлом году взносы и налоги составляли около двух тысяч рублей в месяц, в этом году — 3 800. Разница вроде бы невелика. Но рано или поздно вырастет и арендная плата. А значит, мне будет оставаться все меньше, хотя я тоже работаю.

Но главная проблема в другом. Сейчас выходит, что швей и закройщица мне просто... помогают. То есть официально я их на работу не оформила. Мы собирались это сделать в текущем году. Но бухгалтер, которая ведет наши дела, оценила выросшие взносы и сказала: “Лена, ты это не потянешь”. Получается, если оформить людей на работу как поло-

жено, по закону, у нас вообще не будет оставаться прибыли, а иногда не будет хватать и выручки. А значит, нужно будет закрываться».

Авторы подборки материалов, которые выступают в роли экспертов в обозначенном проблемном поле, делают вывод [74]:

«Налоговое наступление на малый бизнес проходит параллельно с выдачей новых льгот сырьевым отраслям экономики. “РР” (“Русский репортер”) решил сравнить, как менялся налоговый режим для индивидуальных предпринимателей и нефтяной промышленности... Так, эксперты отмечают, что наибольшую выгоду от декабрьского указа Владимира Путина извлечет компания “Газпромнефть”. Пиковый объем добычи на месторождениях, подпадающих под льготы, составит около 32 млн т нефти в год. Если исходить из нынешней экспортной ставки в 395,6 дол. за тонну, экономия компании на выплате экспортных пошлин может составить до 189,9 млрд р. в год. Кроме того, налоговыми льготами смогут воспользоваться “Роснефть” и “ЛУКОЙл”. Похожие льготы существуют и в газовой отрасли; правительство также рассматривает вопрос о предоставлении льгот горнодобывающим компаниям.

Для сравнения: на повышении налогов для ИП государство планирует заработать 47,5 млрд р. в год».

Неумение предугадывать социальные последствия принимаемых экономических решений становится мощным ресурсом общества НЕ-знания. Более того, эти процессы инициированы ресурсами общества НЕ-знания и институтом — процессом отторжения знаний. В целом, и в мировом масштабе — как мы уже отмечали, практики повседневности связываются с «атомизацией», «фрагментацией» индивидуальных жизненных миров, с глобальным, по У. Беку, разрывом между языком обозримых рисков, в рамках которых мы мыслим и действуем, и миром необозримых угроз, которые мы также создаем.

В связи с изложенным нельзя не согласиться с Б. Крингс (Bettina Krings), которая считает, что главный вопрос, заданный Т. Адорно на XVI социологическом конгрессе в 1968 г., и сейчас не теряет своей актуальности: «В каком же обществе мы живем — в индустриальном или постиндустриальном?» [394. Р. 9]. Сегодня можно повторить этот вопрос, но применительно к более широкому перечню, включившему себя и общество знания. В проблемном поле науки используются понятия «постиндустриальное», «информационное», «информациональное», «посткапиталистическое общество», «общество второго модерна» и пр. Это позволяет предположить, что многочисленные исследования об актуальном состоянии социума имеют общее основание: **НЕ-знание о том, в каком же обществе фактически мы живем. Отсюда — разноплановость установок и ориентиров в практиках повседневности во всех структурах и формах иерархии социума. Мы видим как бы параллельное существование ценностных установок общностей, структурирующих социум, конфликт их интересов в оценках «выгоды — издержки» и, как результат, рост социальных напряженности и страхов.**

НЕ-знание о сущности той фазы цивилизационного развития, в которой мы живем, — не только чисто научная проблема. В теоретическом плане разнообразие подходов и оценок лишь свидетельствует о позитивной динамике попыток осмысления практик повседневности. Но на основании научных концептов предпринимаются не только проектировочные, но и практические действия; они непосредственно связаны с процессом перераспределения ответственности за те риски, которым подвергается общество.

Неоднородности общностей, структурирующих социум, соответствует неоднородность их интересов, представлений о ценности знания и безопасности НЕ-знания и, соответственно, общностных и институциональных действий. Поэтому нарастание

в социуме чувства неуверенности во всем — в индивидуальной идентичности, социальных связях, в перспективах занятости и карьеры — является одной стороной объективных процессов, связанных с отторжением знания.

Как мы отмечали ранее, согласно констатации У. Бека, «чувства усиления неопределенности и возрастания рисков» в социальной динамике могут привести к «имманентной плюрализации рисков» и к отрицанию в целом индустриального общества. Добавим, что на практике это произойдет независимо от того, как актуальное общество будет названо теоретиками и политиками. **С этим коррелирует «нигилистический язык» [418. Р. 236] постмодернистской теории, с помощью которого оправдываются дистанцирование социальной политики от реальной жизни и общие «нереальные ценности», которые лежат в основе происходящих событий.**

Рассмотрев структурные компоненты ценностной структуры общества знания и конкретизировав подавляющие ее ресурсы общества НЕ-знания, представим личностный уровень в аналогичном контексте. За основу примем ответы 55 022 респондентов из 72 стран (81 культурная группа), на основании которых Ш. Шварц (Shalom H. Schwartz) описал семь базовых культурных ценностных ориентаций: принадлежности, интеллектуальной и аффективной автономии, иерархии, равноправия, мастерства, гармонии (см.: [423; 424]). По мнению ученого, культура не локализована в умах и действиях отдельных людей. Скорее, она вне индивида. Культура связана с прессингом, которому подвержен индивид в силу того, что он живет в определенной социальной системе. Ученый считает, что в социологических терминах прессинг связан с редко или часто встречающимися ожиданиями, которые предписываются ролям в социальных институтах. Например, «требуют ли ожидания, с которыми мы сталкиваемся в школе, в большей степени запоминания или умения задавать вопросы? Поощряют ли ожидания, встречаемые нами в правоохранительной системе, поиск правды или выигрыш в судебном деле независимо от “правды”?» [330. С. 38].

Культура, как ее понимает Ш. Шварц, влияет на распределение индивидуальных убеждений, действий, целей и стилей мышления через прессинг и ожидания, с которыми сталкиваются люди. Именно она имеет отношение к стимулам или праймам, свойственным поведению личности. Культурная ценность скромности и повиновения, например, находит выражение в стимулах и ожиданиях, которые побуждают к широко распространенным конформности и стремлению держаться в тени (Таиланд и Лаос). Далее ученый сравнивает: способ организации социальных институтов, их правила и повседневная практика эксплицитно или имплицитно сообщают ожидания, которые выражают лежащие в их основе ценностные установки культуры. Например, конкурирующие экономические системы, конфронтационные правовые системы, воспитание детей с ориентацией на достижения выражают ценностную установку культуры на успех и честолюбие (Америка). «Благодаря этим социальным институтам, люди, живущие в обществе, постоянно встречаются с праймами и ожиданиями, которые активизируют лежащие в их основе культурные ценности. **Преобладающие культурные ценностные ориентации представляют собой идеалы. В качестве таковых они способствуют взаимосвязи между различными сторонами культуры. Те стороны культуры, которые несовместимы с ними, вероятнее всего, будут провоцировать напряжение, вызывать критику и испытывать давление, направленное на их изменение» [330. С. 38].**

Таким образом, Ш. Шварц выбрал семь базовых культурных ценностных ориентаций, которые считает «центральными» в социуме и коррелирующими с веберовскими типами. Эти типы (своего рода максимумы) — полюса, в рамках которых располагаются реальные культурные группы (рис. 4).

Рис. 4. Культурные ценностные ориентации: теоретическая структура по Ш. Шварцу [330. С. 41]

Например, автономия представлена Ш. Шварцем как противоположность принадлежности. «В автономных культурах люди рассматриваются как независимые, имеющие границы существа. В людях в таких культурах поощряется возвращение и выражение собственных предпочтений, чувств, идей и способностей, а также поиск смысла своей собственной уникальности». И далее Ш. Шварц конкретизирует два типа автономии: а) интеллектуальная автономия поощряет индивидов независимо развивать свои собственные идеи и направления интеллектуального развития. Например, значимой ценностью в таких культурах является широта взглядов, любознательность, творчество; б) аффективная автономия поощряет индивидов к поиску собственного эмоционально положительного опыта. Значимые ценности здесь — удовольствие, интересная и разнообразная жизнь. В противовес, в культурах с акцентом на принадлежность «люди рассматриваются как сущности, включенные в коллективы. Смысл жизни видится, в основном, в социальных отношениях, в идентификации с группой, разделении ее образа жизни и стремлении к общим целям. Культуры, где ценится принадлежность, делают акцент на сохранении статус-кво и препятствовании действиям, которые могут нарушить внутригрупповую солидарность или традиционный порядок. Важные ценности в таких культурах — это социальный порядок, уважение традиций, безопасность, подчинение и мудрость» [330]. Это наглядно представлено на рис. 4.

Согласно рассуждениям автора, перед каждым обществом встают три проблемы: первая — определение природы отношений и границ между личностью и группой (полюса: автономия против принадлежности); вторая — обеспечение ответственного поведения, сохраняющего социальное устройство, т.е. люди должны быть включены в продуктивную работу, необходимую для поддержания общества, а не деструктивно соперничать или бездействовать (полюса: равноправие против иерархии); третья социальная проблема — «это регуляция использования людьми человеческих и природных ресурсов. Культурный ответ на эту проблему, названный “гармония”, предпола-

гает придание особого значения приспособлению к социальному и природному миру, желание ценить и принимать его, а не изменять, управлять или использовать» [330. С. 40] (полюса: гармония против мастерства). Ш. Шварц комментирует: «Важные ценности в культурах гармонии включают мирную жизнь, единство с природой, защиту окружающей среды и принятие своей судьбы. Мастерство — это полярный ответ культуры на эту проблему. Здесь поощряется активное самоутверждение для овладения, управления природной и социальной средой и ее изменения с целью достижения групповых или личных целей. Такие ценности, как честолюбие, успех, самодостаточность и компетенция, особенно важны в культурах мастерства» [330. С. 40–41].

Ученый считает, что «американская и израильская культуры более склонны придавать значение мастерству и аффективной автономии и совсем не ценить гармонию. Культуры Ирана и Китая придают значение иерархии и принадлежности, но не равноправию и интеллектуальной автономии. Российская культура, по сравнению с большей частью культур мира, придает значение иерархии, но не противоположной ей ориентации на равноправие» [330. С. 40].

Представим двухмерную проекцию (рис. 5), на которой изображен «паттерн интеркорреляций между усредненными по выборкам ценностями».

Рис. 5. Культурный уровень анализа: результаты многомерного шкалирования (233 выборки, 81 культурная группа)

Как указывает Ш. Шварц, «точки соответствуют пунктам опросника. Чем выше положительная корреляция между любой парой ценностей, тем ближе они располагаются в пространстве. Чем меньше корреляция, тем больше удалены друг от друга точки. Теоретическая модель подразумевается как окружность или квазисфера, на которой каждая ориентация близка к той (коррелирует положительно), с которой она совместима, и отдалена от той (коррелирует отрицательно), с которой она конфликтует» [330. С. 40] (как на рис. 4).

Подтверждая благодаря своим исследованиям взаимозависимость культуры и социальной структуры общества, Ш. Шварц аргументированно доказывает, что за структурным устройством общества стоят культурные ориентации. Именно они предоставляют возможность лидерам, «формирующим социальные институты», определять цели деятельности и аргументы для их обоснования. Таким образом, если цели коррелируют с ценностями общества знания, идет социокультурная взаимоподдержка ради стабильности функционирования социума. Если доминируют ресурсы общества НЕ-знания, реализуются праймы обратного влияния на культуру, что, в свою очередь, «расшатывает» институты, их инъекционирующие.

Согласимся с Ш. Шварцем в том, что «провал... социального института приводит к потере легитимности связанных с ним ценностей и оправдывает выдвижение альтернативных». Используемые ученым примеры весьма убедительны.

Действительно, «если капиталистическая рыночная система, которая реализует, скорее, ценность мастерства, чем гармонии или равноправия, успешно справляется с производством и справедливым распределением благ, то ценность мастерства укрепляется, а ценности гармонии и равноправия ослабевают. Если такая рыночная система терпит крах, маятник культуры может качнуться в противоположную сторону» [330. С. 40]. Точно так же, на некотором положении маятника, может завершиться и базирование идеологии образовательных систем на ценностях иерархии и принадлежности или же, напротив, равноправия и автономии: «Если школам удастся решать важные задачи общества, те ценности, которые стоят за их образовательным подходом, будут усиливаться, в то время как противоположные им — ослабевать».

Не меньший интерес представляют выводы Ш. Шварца и относительно института воспитания в семье. Как утверждает ученый, «практика воспитания детей существенно различается в разных странах и может отражать различные ценностные ориентации. Культурные ориентации, стоящие за воспитательной практикой в стране (будь то авторитарная, иерархически ориентированная практика, или же детоцентричная, ориентированная на автономию и равноправие), будут подкрепляться в той мере, в какой семьям удается воспитывать отпрысков в соответствии с социальными потребностями общества и требованиями закона» [330. С. 55–56].

В политической сфере, как убедительно доказал Ш. Шварц, «корреляции показывают, что распространение взяточничества и коррупции связано с культурными принадлежностью и иерархией. Коррупция меньше в культурах, которым свойственны автономия и равноправие...» [330. С. 59]. Далее автор указывает, что среди десяти наиболее коррумпированных стран в представленном им индексе присутствуют четыре восточноевропейские страны: Украина, Грузия, Россия и Болгария. В этих странах ниже общемирового среднего уровня показатели по шкалам «автономия (минус принадлежность) и равноправие (минус иерархия)», т.е. **чем больше культура делает акцент на идентификации с собственной группой и выполнении обязанностей в иерархизированном социальном порядке, тем больше в стране коррупции в ущерб рациональному управленческому образу мысли. Особо значимо указание на то, что «в этих странах потребность в сохранении внутригруппового единства усилила культурную принадлежность и еще больше ослабила лояльность государству и его правовой системе»** [330. С. 59].

И еще один тезис Ш. Шварца: «Соревновательная экономическая система также соответствует иерархической культуре в противоположность культуре равноправия. Капиталисты, трудящиеся, потребители, начиная с разных исходных уровней ресурсов, стараются увеличить свои доходы на соревновательном рынке, даже если это происходит в ущерб другим. Неизбежный результат — неравномерное распределение ресурсов, оправдываемое в соревновательных сообществах. Рыночные силы, бла-

гоприятствующие сильному, в большей степени управляют экономическими взаимодействиями, чем интернализированные ценности кооперации с другими» [330. С. 60].

Действительно, прав был Т. Кессер, когда утверждал, что, как соревновательная, экономическая система «превозносит финансовый успех, создает идеалы, которым мало кто может соответствовать, рекламирует продукты, к обладанию которыми необходимо стремиться, и заставляет людей работать больше, тяжелее и с меньшим выбором, чем они бы хотели. Такая практика стимулирует зависимость от внешних ожиданий и лишает людей возможности культивировать собственные интересы. Это вступает в противоречие с ценностью интеллектуальной (хотя и не аффективной) автономии» (цит. по: [330. С. 60]).

Адаптируя рассуждения Ш. Шварца к нашим выводам, можно предположить, что ведущие ценности общества знания — автономия, равноправие, гармония; ведущие же ценности общества НЕ-знания — принадлежность, иерархия, мастерство.

Таким образом, даже то, что традиционно считается вечной ценностью, деформируется под воздействием ресурсов общества НЕ-знания. Например, по данным исследования Ernst&Young, в 2011 г. Россия заняла первое место в Европе по числу мошенничеств сотрудников [170]. Жертвами серьезных экономических злоупотреблений в течение последних двух лет стали 37% российских компаний. Это самый высокий показатель в Европе. По результатам глобального исследования, проведенного компанией Symantec, половина сотрудников, оставивших или потерявших свои рабочие места за последние 12 месяцев, продолжают хранить ценную, конфиденциальную информацию со своего прошлого места работы, а 40% планируют пользоваться этой информацией на будущем рабочем месте. Эти результаты показывают, что поведение и взгляды работников на проблему хищения интеллектуальной собственности идут вразрез с политикой большинства компаний в этом вопросе. В этом же источнике указывается, что 56% работников не считают преступлением использовать конфиденциальную информацию конкурента. Лишь 38% респондентов ответили, что их руководителем высоко оценивает важность проблемы защиты информации, а 51% считает приемлемым присваивать корпоративную информацию, поскольку их компания не строго соблюдает собственные правила [29].

Статистика МВД РФ по экономическим преступлениям подтверждает, что в 2010 г. в России было зарегистрировано 58 154 уголовных дела по ст. 159 УК «Мошенничество», но лишь 1 343 из них — по заявлениям потерпевших. В 2012 г. ущерб от мошенничества вырос в 3 раза [41].

По данным Управления «К» в структуре МВД РФ (условное наименование подразделения, основным направлением деятельности которого является борьба с преступлениями в сфере информационных технологий — Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД РФ), 99% расследуемых ведомством преступлений имеют экономическую подоплеку [289], и, как указано в используемом нами источнике, «за последние годы преступность в этом секторе стала организованной». Согласно исследованию компании Profi Online Research, опросившей 500 российских кардхолдеров, «каждый пятый сталкивался с этой проблемой»; 2% респондентов сообщили, что сами теряли суммы со счетов; еще 16% сказали, что от действий мошенников пострадали их знакомые. В большинстве случаев (57%) это были суммы до 15 тыс. р.; доля крупных краж (30–500 тыс. р.) составляет 12%. По данным опроса, вернуть пропавшую сумму полностью смогли 15% потерпевших.

Международные операторы Visa и MasterCard в 2008 г. оценивали потери по российским платежным картам более чем в 770 млн р. По ст. 187 УК РФ («Изготовление или сбыт поддельных кредитных, расчетных карт и иных платежных документов») в 2008 г. возбуждено 6 008 уголовных дел, за первое полугодие 2009 г. —

3 661. За три месяца 2009 г. в крупных городах России примерно в 70 банкоматах были обнаружены скримминги — устройства, позволяющие злоумышленникам считывать информацию с пластиковых карт. Эксперты считают, что примерно на один доллар оборота по карте крадутся семь-восемь центов.

Наиболее значительным прецедентом Рунета в области защиты авторского права стала блокировка доменного имени файлообменной сети Торрент, инициированная прокуратурой [289]. Крупнейший торрент-трекер России имел аудиторию свыше 4 млн чел. Сайт был закрыт в связи с расследованием по уголовному делу, фигурант которого продал за 1,5 тыс. р. нелицензионную версию программы AutoCAD (правообладатель Autodesk), скачанную им с этого файлообменника. Далее в указанном выше источнике отмечается, что работа Торрент была остановлена 18 февраля 2010 г.; «трекер оперативно мигрировал в другую доменную зону», переадресовывая пользователей на адрес rutracker.org. Позже, уже непосредственно Управлением «К», «в рамках дела о размещении контрафакта» был обесточен сервер файлообменника Filehoster с ежедневной посещаемостью 15 тыс. пользователей.

В начале 2010 г. Управление «К» остановило деятельность двух пиратских серверов ролевой игры Lineage II. Двум россиянам, выложившим в Сеть нелицензионную версию популярной многопользовательской онлайн-игры и бравших плату с владельцев аккаунтов, предъявлены обвинения по ст. 146 УК РФ («Нарушение авторских и смежных прав»). Клиентами серверов были около 30 тыс. чел.; ущерб правообладателя оценивается более чем в 100 млн р. Рейд против Lineage стал третьим эпизодом преследования пиратских копий онлайн-игр на территории России.

В июле 2011 г. в Москве было изъято более 1 млн дисков с пиратским программным обеспечением, распространявшимся под маркой «Зверь» во всех регионах России. По ст. 146 ч. 3 п. УК РФ («Нарушение авторских и смежных прав в особо крупном размере») были задержаны 5 чел., которым грозило наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет и штраф до 500 тыс. р. [289].

В апреле 2012 г. МВД начало в России сплошную проверку интернет-провайдеров локальных сетей на предмет нелегального распространения фильмов и детской порнографии с целью привлечения их к уголовной ответственности за распространение этого контента.

Итак, налицо рост выявленных преступлений, связанных с нелегитимным использованием знаний владельцами интернет-ресурсов. Однако далеко не все эти преступления оказываются пресеченными, а преступники — наказанными.

То же происходило с преступлениями по ст. 160 УК «Присвоение или растрата»: в 2010 г. было зарегистрировано 23 549 дел, но лишь 400 из них — по заявлениям пострадавших. Одновременно в суд было направлено лишь 9 549 дел по ст. 159 УК (16,4% заведенных дел) и 4 641 дел по растратам (19,7%). Это может означать, что основная масса дел была заведена теми, кто, будучи призван по долгу службы бороться с экономическими преступлениями, пытался сам включиться в аналогичные нелегитимные практики. Подтверждается наш вывод о том, что информированность (в данном случае — представителей правоохранительных органов о содержании законов) не всегда становится знанием.

Менее насыщенным оказался 2012 г. по показателю уровня преступности, когда было зарегистрировано 27,58 тыс. экологических преступлений, что на 5,4% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. По сравнению с 2011 г. в 2012 г. на 14,6% уменьшилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего было выявлено 173 тыс. преступлений данной категории, т.е. от 7,5% общего числа зарегистрированных [139]. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил

144,85 млрд р. Одновременно в этом же источнике указывается, что тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 57,4%.

Нас интересуют данные, прежде всего, об экономических преступлениях, так как именно здесь достаточно рельефно, с нашей точки зрения, проявляется противостояние общества знания и общества НЕ-знания. Именно в этой группе преступлений можно найти данные о скрытой преступности, не попадающей в официальную статистику. Как показали исследования PricewaterhouseCoopers, в 55% компаний, столкнувшихся с экономическими преступлениями, виновником оказывается сотрудник компании, но в этом случае 65% предприятий не обращаются в правоохранительные органы, заменяя уголовную ответственность дисциплинарными взысканиями или увольнением. В 36% компаний преступления были совершены злоумышленниками со стороны, при этом процент обращений в правоохранительные органы составил 88%. Заявили, что «не знают, кто был злоумышленником — человек внутри компании или вне ее» 9% опрошенных [287].

Таким образом, из ста выявленных компаниями экономических преступлений 55 совершались ее сотрудниками, и только о 19 работодатель заявлял в правоохранительные органы; 36 преступлений совершались мошенниками со стороны, и в 32 случаях жертвы оформляли заявления, а в четырех — нет. Иными словами, из 100 уже выявленных преступлений правоохранительные органы узнают в лучшем случае о 49, и это притом, что заявления напишут все, кто не знает виновного. В остальных случаях, — а это более половины, — совершенное преступление просто не попадет в официальную статистику [287].

Последнее подтверждают и другие ученые на базе еще более широкого спектра социетальных зависимостей. Так, Э. Комор (Edward Comor) [371. P. 239–244] считает, что данные и информация, рассматриваемые как исходный компонент знаний, неизбежно поставят исследователей перед констатацией факта: более подробная информация не обязательно ведет к большему знанию. Более того, У. Мелоди (William Melody) обращает внимание на то, что результат может оказаться противоположным: **большая информация ведет к меньшим знаниям** [402]. Это как раз то явление, о котором мы говорили ранее: результат отторжения знаний. Чем больше давление информации, тем более жестко выражается желание индивида освободиться от этого давления, о чем говорил еще Ж. Бодрийяр. Значимым для нас стало высказывание этого ученого о том, что в современной эклектической культуре, которая соответствует разложению и скученности других культур, ничто не является неприемлемым. Именно поэтому «возрастает отвращение, желание низвергнуть эту скученность, это безразличие к худшему, эту вязкость противоречий. И в той же мере возрастает отвращение, вызванное отсутствием отвращения» [26. С. 110–111].

Ж. Бодрийяр видит в этом «аллергический соблазн отбросить всё разом: и постепенную интоксикацию, и передание, и толерантность, и шантаж угрозой разброда и шатаний». Ученый считает не случайным то, что так остро встает вопрос об иммунитете, антиталях, трансплантации и отторжении. И констатирует: на стадии скудости мы стремимся все поглощать и усваивать; на стадии же избытка встает проблема отторжения и отбрасывания. Всеобщая коммуникация и перенасыщение информацией представляют угрозу для защитных свойств человеческого организма. Это символическое интеллектуальное пространство, где рождаются суждения, не защищено более ничем. «Не только, — утверждает Ж. Бодрийяр, — я сам не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, но даже биологический организм уже не ведает, что для него хорошо, а что плохо. В подобной ситуации всё становится неприемлемым, и един-

ственная защита организма — освобождение от эмоционального напряжения и **отторжение»** [26. С. 110–111].

Отказ, отчуждение становятся ведущими поведенческими стратегиями многих акторов. Эмоциональный источник выработки такой стратегии достаточно ярко представлен в одном из высказываний К. Касториадиса: «Для сегодняшней власти люди суть вещи, и всё, чего я хочу, абсолютно противоречит этому. Человек, который к другим людям относится, как к вещам, — сам вещь, а я не хочу быть вещью ни для себя, ни для других» [125. С. 108]. Следовательно, не подтвержденные ранговые, самопрезентационные ожидания индивидов и общностей предопределяют «отказные» стратегии включенности в общественно значимые социальные процессы (участие в выборах, исполнение нормативно-правовых регламентов и т.д.).

Представляется, нам удалось показать, что риск подавления ресурсами «общества НЕ-знания» ценностей общества знания является не чисто теоретическим конструктом, а подтвержденным эмпирически фактом.

2.2. Риск монополизации знаний и риск консервации социальных условий монополизации знаний

Проблематика монополии на знания активно исследовалась Г. А. Иннисом (Harold Adams Innis) [389] и У. Мелоди (William H. Melody) [402]. Ученые обосновывали значимость контроля не только за доступностью информации, но и за доминированием в ее интерпретации; доказали, что именно монополия на знания делает субъектов интеракций правообладателями стратегий доминирования в жизненных мирах индивидов, общностей и социуме в целом.

Э. Комор конкретизирует, что структурно монополия на передачу знаний предполагает производство и распределение конкретных, заранее выделенных видов информации и обеспечение дифференцированного доступа к ней на основе технологических и других факторов. К параметрам дифференциации ученый предлагает отнести, например, «информацию, которая может принести прибыль, и информацию для других коммуникативных целей» [371]. Учтем при этом, что обмен информацией для любых целей происходит в условиях функционирования социальных сетей, когда применение знаний для селекции информации становится фактором социализации. В то же время в рассуждениях Г. А. Инниса, У. Мелоди и Э. Комора знание не определено как действие. Поэтому возникает необходимость адаптировать сущность понятия «монополия на знания» в нашей интерпретации знания как действия и артикуляции обострения его антагонизма с НЕ-знанием.

Напомним, что мы уже обращались в платоновской парадигме о том, как «умные распоряжаются по своему усмотрению ресурсами тех, кто владеет только навыками и умениями». В современных условиях подобная расстановка сил не утрачена, однако приобретает дополнительные характеристики. Так, «властные умные» должны располагать соответствующими их жизненным задачам социальным капиталом и социальным интеллектом. Тогда актуализируются вопросы: есть ли перспективы у тех, кто владеет только навыками и умениями, стать обладателями знаний; сформирована ли через социокультурные институты и институты у них такая потребность; какова технология конструирования стратегий социального взаимодействия для формирования и реализации этой потребности? И, наконец, что придает особую значимость указанной парадигме, т.е. каковы причина и механизм поляризации общества на знающих и НЕ-знающих?

Социологический подход позволяет констатировать, что «информация не становится знанием в результате какого-то врожденного и прогрессивного механизма, посредством которого чем больше будет у нас информации, тем лучше будут наши решения» [371. Р. 239]. Поэтому традиционно для преобразования информации в знания используются механизмы обучения. Они реализуются в процессе социализации при участии учреждений, организаций, технологий, «которые выступают посредниками формирования мышления и социального поведения» [371. Р. 243]. Благодаря им мы не только узнаем, что нужно для адаптивного участия в реальной жизни социума, но «что нужно игнорировать», а также «как интерпретировать или понимать полученную информацию» [371. Р. 240].

Профессиональное обучение, прежде всего через обретение опыта, имеет к указанному концепту непосредственное отношение. Поэтому базовым институтом минимизации риска монополизации знания или, наоборот, его эскалации является институт образования — носитель и проводник знаний, «зеркало» и «жертва» национальной идеологии, стабилизатор или дестабилизатор общества, «мост» между прошлым, настоящим и будущим.

На это указывал еще А. Смит. Однако нашим современникам-ученым стоит несколько пересмотреть традиционный взгляд на его непримиримый физиократизм, отрицающий какое бы то ни было вмешательство государства в экономику, так как это вызывает отклонения рыночных цен товаров от их естественных цен.

А. Смит выделял три вида государственного вмешательства, которые нужны для рыночной экономики, поскольку способствуют накоплению капитала: расходы на общественные работы; на поддержание военной безопасности; на обеспечение и поддержание правовой системы. Но, оказывается, это далеко не полный перечень того, что государство обязано держать под контролем. Речь идет об образовании, и уже в 1776 г. А. Смит разъяснял, почему [303]. Ученый писал о том, что сегодня мы называем «социальным распределением знания». Так, одни страты от рождения находятся в таких условиях, когда они «естественно развиваются», реализуя «почти все способности и качества», которые общество «требует или может допустить». В других случаях общее состояние общества не позволяет большинству граждан достичь подобных успехов, «и тогда становится необходимым некоторое вмешательство правительства, чтобы предотвратить почти полное разращение и упадок нравственности широких масс народа» [258. С. 302].

Общественное разделение труда приводит к тому, что «среди тех, кто живет своим трудом» — «основной массы народа — проявляются предопределенные одной-двумя простыми трудовыми операциями «умственные способности и развитие». Поскольку человек в таких условиях не сталкивается с необходимостью «изодрать свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются, <...> он, естественно, утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо» [258. С. 304]. Именно в связи с этим, как считает А. Смит, образование, т.е. включение в процесс освоения знания и интериоризации установок на его ценность «простого народа в цивилизованном и торговом обществе требует, пожалуй, большего внимания и содействия государства, чем образование людей знатных и состоятельных».

Представлена и опасность НЕ-знания, которое названо А. Смитом грубым невежеством и тупостью, «в которых в цивилизованном обществе так часто цепенеет ум всех низших классов народа». Умственная тупость делает их не только «не способными находить удовольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство,

а следовательно, и составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих, даже обычных, обязанностей частной жизни. О великих и общих интересах своей страны они вообще не могут судить. Более того, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на них, они оказываются столь же неспособными защищать свою страну и во время войны» [258. С. 303].

Человек, лишенный поддержки государства в организации его образования, а в связи с этим и самоустранившийся от развития своих умственных способностей, представляется А. Смитом еще более жалким, чем трус.

Адаптируя мысли А. Смита к актуальным практикам повседневности, мы можем найти основание для конкретизации авторского подхода к определению понятия «монополизация знаний».

Если знание рассматривается нами как действие, прежде всего по экспертной оценке информации, то монополизация знаний на социальном уровне означает полный контроль за предложением знания как частного (для индивидов) и общественно-общественного (для общностей) блага и/или его социальным распределением. Тогда речь должна идти об участии или устранении государства от реальной поддержки «умственных способностей» граждан и общностей, о создании или деформации условий равенства возможностей в социальном распределении знания. Результатом выступает повышение или снижение интеллектуального потенциала нации и конкурентоспособности страны на мировой арене.

На это обращают внимание эксперты Сбербанка и Всемирного экономического форума [215]:

«Россия — страна нереализованного потенциала: несмотря на образованное население, изобилие природных ресурсов и благоприятное географическое положение, она не демонстрирует такого роста, как другие развивающиеся экономики.

ВЭФ и Сбербанк предлагают формулу для стимулирования экономического развития России — «3 + 5»: надо развивать три преимущества и побороть пять системных недостатков. Это формула повышения конкурентоспособности, которая может принести результат «за достаточно короткое время»».

Три преимущества страны на мировой арене таковы.

Первое преимущество — ресурсы, так как 73,1% российского экспорта приходится на полезные ископаемые:

«Россия контролирует 5,6% мировых запасов нефти, 23,7% газа, 8,4% воды, 8,1% пахотных земель и 23,0% лесного покрова. Это, однако, не только помогает России, но и вредит: рост экспорта рождает «голландскую болезнь», когда повышение курса национальной валюты снижает конкурентоспособность обрабатывающей промышленности».

Второе преимущество — размер внутреннего рынка:

«Российский рынок занимает 8-е место из 139 стран. По темпам его роста последние 10 лет Россия является одним из лидеров, уступая Китаю, но далеко опережая Индию и Бразилию. В теории большой рынок способствует росту производительности, позволяя компаниям реализовать экономию в масштабе страны».

Третье преимущество — образованное население:

«По количественным параметрам образования страна занимает 25-е место из 139 — впереди Китая, Индии и Бразилии».

Эффективность использования этих трех преимуществ для повышения конкурентоспособности нашей страны на мировой арене сдерживают пять факторов:

1. Отсутствие четкого определение прав собственности:

«(Страна по соблюдению прав собственности находится на 128-м месте в мире). Недоступность земли, связанная с произволом и коррупцией при сделках с землей, вызывающих недостаток конкуренции на рынках недвижимости. Основная часть земли остается под контролем местных органов власти, и лишь незначительная ее часть вовлечена в хозяйственный оборот. “Хуже только в Молдавии и на Украине”. Коррупция и непропорциональное влияние, которые “связаны с распределением госзаказов, экспортно-импортными операциями. Топ-менеджмент российских компаний тратит более 20% времени на урегулирование вопросов в разных инстанциях. Россия борется с коррупцией, но Китай и Бразилия добились большего успеха”».

2. Низкое качество образования:

«Советское наследие растеряно, и без значительных вложений в среднесрочной и долгосрочной перспективе это преимущество исчезнет. За последние пять лет качество образования в России снизилось, а в Индии, Китае и Бразилии — повысилось».

3. Неэффективные рынки:

«Здесь трудно добиться быстрого успеха. Растет роль государства в экономике. В отличие от Китая, Индии и большинства стран ОЭСР на российских рынках доминируют несколько крупных компаний. Госпредприятия пользуются даже большим покровительством государства, чем в Китае, Индии и Бразилии. Правительство регулирует цены в значительно большей мере, чем в странах ОЭСР. Россия чаще других использует командно-административные методы. Иностранные инвестиции не идут в Россию из-за госрегулирования. По прямым инвестициям Россия — самая слабая среди сравниваемых стран».

4. Низкоэффективный финансовый рынок:

«Его стабилизацию надо выделять в специальное направление, чтобы обеспечить бизнесу доступ к финансированию. Эффективность банков “довольно низкая с точки зрения операций”».

5. Низкое качество работы компаний:

«В России доминируют продукты с относительно низкой добавленной стоимостью; большинство компаний не работает на последующих этапах цепочки создания стоимости».

Как видим, равенство возможностей в социальном распределении знания обладает эффектом синергии: нарушение условий равенства неизбежно вызывает нарушения и в других значимых направлениях жизнедеятельности социума.

На уровне институций монополия знаний предопределяет использование знания для манипулирования информацией через ее селекцию, инициирование барьеров для вхождения в информационно насыщенную социальную сеть и/или создание социальной сети из числа реципиентов, принявших внешнее манипулирование из-за отсутствия навыков экспертной оценки информации, т.е. НЕ-знания.

Здесь мы соглашаемся с Э. Комором, который, как было показано выше, утверждал, что структурно монополия на передачу знаний предполагает производство и распределение конкретных, заранее выделенных видов информации и обеспечение дифференцированного доступа к ней на основе технологических и других факторов. Однако при нашем подходе речь идет не только о распределении информации, но и о создании условий для освоения знаний как формировании готовности к эффек-

тивным интерактивным действиям по экспертной оценке информации и реализации predetermined ценностью знаний поведенческих стратегий.

Доказательств верности утверждений А. Смита из современной нам российской действительности достаточно. Прежде всего, они касаются выводов, сделанных такими учеными, как Т. И. Заславская, о снижении за последние десятилетия интеллектуально-культурного потенциала нации [98].

Еще А. Смит констатировал: «...если в цивилизованном обществе существует мало разнообразия в занятиях большей части отдельных его членов, имеется налицо почти бесконечное разнообразие занятий общества в целом. Эти разнообразные занятия представляют почти бесконечный ряд предметов для размышления тех немногих, которые, не занимаясь сами каким-нибудь определенным делом, имеют досуг и проявляют склонность исследовать и наблюдать занятия других людей. Однако если эти немногие не ставятся в совершенно особое положение, их большие способности, хотя и лестные для них самих, могут очень мало содействовать хорошему управлению или счастью их общества. Несмотря на большие способности этих немногих, все благородные стороны человеческого характера могут быть в значительной мере подавлены и уничтожены в главной массе народа» [258. С. 304]. При обращении к социальному распределению знания А. Смит предлагает обратить внимание на востребованность «особого положения» тех, кто склонен к исследованию и анализу. Можно предположить, что под особым положением мыслителем могла подразумеваться не только институциональная поддержка таких личностей, но и активное использование их наработок «для счастья общества».

И еще один момент представляется значимым в приведенной цитате. Это своеобразное предостережение: эффект присутствия в обществе лишь небольшой группы тех, кто реализует установки на креативный ценностный потенциал знания, может быть минимизирован, «подавлен», если «главная масса народа» будет не готова подниматься хотя бы до уровня рационально-прагматических установок, т.е. находится в условиях отторжения знаний и, прежде всего, их отчуждения.

Социальные последствия этого достаточно глубоко обрисованы А. Смитом. Ученый подчеркивал: «Если бы даже государство не могло получить никакой выгоды от образования низших, т.е. малообеспеченных классов, оно все же должно было бы заботиться о том, чтобы они не оставались совсем необразованными. Чем более они образованы, тем менее они подвержены заблуждениям экстаза и суеверия, которые у непросвещенных наций часто вызывают самые ужасные беспорядки. Помимо того, образованный и просвещенный народ всегда более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный и тупой» [258. С. 308].

В целом, как мы сегодня сказали бы, на макроуровне «каждый образованный человек в отдельности чувствует себя более достойным уважения и способным встречать уважение со стороны выше него стоящих, и потому бывает более расположен уважать этих вышестоящих. Образованный народ более склонен критически относиться и более способен устанавливать истинный смысл корыстных претензий партий и мятежных элементов. Ввиду этого его не так легко увлечь в легкомысленную или ненужную оппозицию мероприятиям правительства» [258. С. 308]. Другой вопрос: что образованный и умеющий анализировать, оценивать и селекционировать поступающую извне информацию народ будет пытаться давать в экспертную оценку соотносимости деклараций правительства и реальной обстановки в каждой общности?

Не случайно А. Смит сделал еще один вывод, касающийся стабильности страны на макроуровне: «В свободных странах, где устойчивость правительства очень сильно зависит от благоприятной оценки его образа действия народом, должно быть, без сомнения, чрезвычайно важно, чтобы последний не был склонен судить о правительстве

слишком быстро и опрометчиво» [258]. Именно общественное образование, основной целью которого, как мы бы сказали сегодня, является интериоризация ценности знания, способно, по мнению А. Смита, развить у народа это важное качество.

В рамках социума ведущими агентами социализации становятся интерпретационные структурные субъекты социальной системы. Они представляют анализ того, что может быть известно окружающим и определено «как нереалистичное и реалистичное, мыслимое и немислимое». Это позволяет «увековечить» мощь монополий стов на знание и их давление на менее информированных и не готовых к экспертной оценке информации и поэтому «слабых». Получается, что не только от развития коммуникационных технологий зависит то, как «люди организывают себя социально, политически и экономически» [371. Р. 241], но и от права собственности на знания, а также права на его интерпретацию и контроль за качеством функционирования «проводников» знания.

По Г. А. Иннису, институты, организации и технологии становятся «узловыми точками», благодаря которым определяется «что мы знаем и как мы знаем, как производятся и как воспроизводятся знания». Это предопределяет потребность теоретических рассуждений о предвзятости (в оригинале — *of bias*. — Т. Ф.) коммуникаций. Собственно коммуникационные технологии могут, как указывает далее ученый, «облегчить контроль над пространством (или территорией) в качестве необходимого предварительного условия для увеличения контроля над временем (включая продолжительность и устойчивость)» [389].

Вышеизложенное позволяет таким исследователям, как Э. Комор, констатировать, что сегодня радио, телевидение, Интернет структурируют свою деятельность так, чтобы обслуживать в большей степени интересы рекламодателей и маркетологов, инициируя формирование потребительства. Оно опасно формированием в системе краткосрочных индивидуалистических ценностей в ущерб долгосрочным коллективным обязательствам, «необходимым для выживания» социума.

Социальные сети, современное телевидение и радио реально реализуют роль каналов, через которые решаются вопросы распределения информации и организации общественной активности монополистами на знание и/или теми, кто присвоил себе этот статус либо борется за него.

А. Иванов, представляя экспертные оценки источников конфликтности на Северном Кавказе, указывал [274. С. 3–5]:

«Одной из наиболее ярких характерных черт современной общественно-политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе является резкий контраст между поверхностной стабилизацией обстановки в регионе, с одной стороны, и наличием глубинных социально-экономических, межэтнических и других противоречий, острой борьбой между клановыми группами за власть, влияние и экономические ресурсы в каждой из Северокавказских республик — с другой стороны. <...>

За последние три года на Северном Кавказе произошла существенная политизация интернет-пространства. Появилось множество ресурсов, на которых звучат резкая критика и нередко откровенно враждебные заявления конфликтующих сторон в сфере межэтнических, межрелигиозных отношений и других социальных конфликтов и напряженностей. Например, веб-сайт Ingushetiya.ru (ныне www.ingushetia.org) стал форпостом оппозиции в Республике и приобрел серьезное политическое влияние и общественную поддержку во всем регионе. Некоторые другие черкесские/адыгские ресурсы также являются весьма популярными и озвучивают радикальные заявления и критику в адрес официальных властей, других этнических движений и общественных лидеров. Материалы чисто экстремистского толка имеют ограниченное распространение, однако потенциал для увеличения их присутствия весьма высок. С учетом довольно высокой доступности Интернета в регионе (в настоящее время число пользователей составляет 3,3 млн чел.) онлайн-медиа является одним из наиболее действенных инструментов политической мобилизации».

С 1 ноября 2012 г. «заработал» Реестр запрещенных в России интернет-сайтов. В список запрещенных и далее могут включаться страницы, содержащие детскую порнографию, пропаганду употребления наркотиков и совершения суицидов. В случае, если провайдер или владелец сайта в течение трех суток не удалит запрещенную к распространению информацию, в Реестр включается весь ресурс. Всего в Реестр сайтов с запрещенной информацией было внесено около 180 страниц, из них 41 подлежала блокировке. Большая часть ресурсов попадает в «черный» список Роскомнадзора из-за подозрений в пропаганде наркотиков [322]. Это — защитная реакция монополистов на знание, направленная на селекцию информации, которая несет реальную угрозу социуму, что имеет позитивную для его самосохранения окраску.

Д. Алешкевич в качестве эксперта делает выводы о произошедших ранее событиях на Севере Африки и о реальном использовании современных IT-технологий в организации массовых поведенческих протестных акций [110]:

«Роль социальных сетей в последних революционных событиях в Северной Африке и на Ближнем Востоке еще раз подтверждает, что методы народной борьбы изменились. Facebook, Twitter и другие интернет-сервисы становятся мощным мобилизирующим фактором активизации протестной деятельности в государствах с нестабильной политической системой, а также эффективным средством управления процессами, характеризующими массовое внеколлективное поведение (“эффект толпы” и др.). Контролировать такую гражданскую активность проблематично, так как для нее, как показывают события в Египте, даже не нужны лидеры, поэтому официальные власти не могут адекватно противодействовать такому явлению. <...>

Социальные сети становятся также эффективным средством привлечения внимания официальных властей к разрешению отдельных социальных проблем, возникающих в том или ином государстве. Это наглядно было продемонстрировано в России в 2010 г. в ходе событий, связанных с молодежными выступлениями на Манежной площади в Москве, защитой Химкинского леса, а также перекрытием железной дороги в Междуреченске (Кемеровская область) после катастрофы на шахте “Распадская”. <...>

Глобальная сеть и по сей день помогает жителям Туниса налаживать жизнь страны и проявлять революционную солидарность с митингующими других стран арабского мира. Тунисцы организуют встречи в социальной сети Facebook, где договариваются об уборке улиц, собирают помощь для бедных регионов, стараются всеми возможными способами поддержать страну, решившие перенять их опыт “цифровой революции”: выкладывают в Twitter и Facebook информацию о протестах в Египте и других странах, предлагают высылать фото- и видеoinформацию на электронную почту, чтобы она могла попасть в Интернет, так как в большинстве охваченных народными волнениями государств, опасаясь примера Туниса, власти блокируют доступ в социальные сети и Интернет».

На общетеоретическом уровне можно констатировать, что усиление подобного контроля за пространством может привести «к снижению контроля за временем» со стороны общностей. Одновременно проявляется резистентность личностей и общностей по отношению к диктату подобного внешнего контроля. В связи с этим на уровне практики представлены осознанный выбор общностей дауншифтеров и расширенный спектр «потребительского сопротивления». К этому сопротивлению можно отнести и освоение практики противостояния диктату монополистов на знания, задающих внешнюю информацию, которая представляется потребителям ложной или воспринимается как ложная и несущая угрозу. Реакция на практику и опыт противостояния «чужеродной», не соответствующей общностному опыту риторике, достаточно ярко проявилась в спаде протестного движения в России в конце 2012 г.

Исследователи так называемого «нового протестного движения» в России декабря 2011 — октября 2012 г. отмечают [195]:

«Социальные сети и блогосфера впервые в России стали инструментами массовой мобилизации людей для участия в политической акции, во многом обеспечив выход на

улицы “креативного класса”, ранее не принимавшего участия в митингах. Однако с весны 2012 г. место социальных сетей вновь заняли традиционные инструменты мобилизации — партийные, организационные, медийные и финансовые, что отразилось как на численности, так и на составе участников митингов. Есть основания предполагать, что после масштабного тестирования на практике инструментов политической мобилизации и агитации в социальных сетях этот инструментарий уже стал неотъемлемой частью политической и политтехнологической жизни России. К началу избирательного цикла 2016—2018 гг. его значение может стать существенным не только в Москве, но и в масштабах всей страны».

Обратим внимание на то, что включение в протестное движение людей, способных к анализу и синтезу информации и сопоставлению с реальной практикой, а далее их самоустранение из числа демонстрантов, лишний раз подтверждает верность выводов А. Смита о том, что «грамотное и думающее» население достаточно сложно включить в массовые акции протеста против противоречий социально-экономической жизни социума. Одновременно среди причин спада протестного движения эксперты в указанном источнике выделяют следующие [195]:

«...разочарование в оппозиционных лидерах, монополизировавших протест и использовавших его для решения своих личных политических задач; <...>

...Ощущая разрыв между собственными политическими установками и риторикой оппозиционных лидеров, часть митингующих предприняла попытки найти новые формы публичной уличной активности. Это получило свое выражение в таких мероприятиях, как серия “окупаев”, “Контрольная прогулка” 13 мая, “Прогулка художников” 19 мая.

Вместе с тем проблемные мотиваторы протестов сохраняются — снижение общего интереса к протестам связано, в первую очередь, с неприятием их текущего формата; изменение повестки дня оппозиционных мероприятий, акцентирование социально-экономической тематики, выдвижение понятных и реализуемых требований, появление новых ярких фигур способны вновь актуализировать интерес к уличным мероприятиям».

Иначе говоря, мотиваторы проблематики не исключены, поэтому «образованные и думающие» будут искать иные формы реализации своего права на защиту социально-экономических интересов, прежде всего, на индивидуальном уровне. В целом, как указывается в используемом нами источнике, за исследуемый период с 5 декабря 2011 г. по 15 сентября 2012 г. в 62 российских городах прошли 194 акции протеста, общее количество участников составило 150 991 чел. Однако так называемая «вторая волна протестов» — с марта по сентябрь 2012 г. — характеризовалась резким уменьшением количества участников.

Наряду с изменением численности участников протестных акций в сторону уменьшения меняется и структура митингующих. Начиная с митинга на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г., исследователи проследили определенные тенденции изменений как демографического состава, так и общественно-политических предпочтений участников протестных мероприятий. Динамика изменения ключевых показателей рассматривается на основе данных, полученных Аналитическим центром Юрия Левады, эксперты которого провели три цикла социологических опросов: на акциях 24 декабря 2011 г., 4 февраля и 15 сентября 2012 г. [195]. Опрос «Протестные настроения россиян» проводился по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1 601 чел. в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность данных исследований не превышает 3,4% [195]:

«Возросло количество митингующих в возрасте от 25 до 54 лет — средней возрастной группы. Уменьшилось количество митингующих в возрасте 15—24 лет. Еще более существенно снизилось количество представителей старшего поколения (55 лет и более). Структура уровня образования участников акций также изменилась по сравнению с кон-

цом 2011 г. Количество людей с высшим, двумя высшими/получающими второе высшее образование к сентябрю 2012 г. сократилось с 70% в декабре 2011 г. и феврале 2012 г. до 58%. При этом выросло число митингующих со средним профобразованием (с 11% в декабре до 17% в сентябре), начальным профобразованием (с 1 до 3% соответственно), а также с полным средним образованием (с 5 до 7% соответственно)».

Изложенное лишней раз подтверждает верность выводов А. Смита: уровень образования коррелирует с реакцией субъектов интеракций на диспропорции давления внешних для индивидов и общностей сил. Так называемая «вторая волна» структурировалась в большей степени из акторов с меньшим уровнем образования, чем «первая волна».

Структура уровня материального достатка участников массовых акций тоже заслуживает внимания [195]:

«По сравнению с декабрем 2011 г. (3%), на протестных мероприятиях стало меньше людей с очень низким уровнем жизни (“Не хватает даже на еду”) – 2% в феврале и 1% в сентябре и очень высоким уровнем жизни (“Мы можем ни в чем себе не отказывать”) – 5,3 и 3,0% соответственно. Снизились и число тех, чей уровень заработка можно охарактеризовать как высокий (“Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах”) – с 28% в декабре до 24% в феврале и 16% в сентябре. При этом на митингах выросло количество участников с уровнем дохода ниже среднего (“Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких, как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблему”) – рост с 21% в декабре до 25% в феврале и 29% в сентябре, а также со средним достатком (“Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие, как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль”) – увеличение с 40 до 41 и 45% соответственно».

Изменения в социальном уровне, уровне образования участников оппозиционных движений предопределены и резким ростом среди них тех, кто симпатизирует идеям анархизма и крайне «левых» социально-политических течений [195]:

«По сравнению с декабрем 2011 г. зафиксирован значительный рост тех, кому по своим идеям близки люди “левых” воззрений (анархисты, антифашисты, новые “левые”, коммунисты, социалисты). Если в декабре число представителей данной группы в общей сложности составляло 30% участников, в феврале – 38%, то к сентябрю митингующие, симпатизирующие носителям “левых” взглядов, составляли 41%. В 2 раза увеличилось представительство тех, кому по своим идеям близки национал-патриоты (с 6% в декабре до 12% в сентябре; в феврале таких участников было 14%). На этом фоне существенно снизилось число протестующих, симпатизирующих либералам и демократам (31 и 38% соответственно 24 декабря; 27 и 30% – 4 февраля; 23 и 29% – 15 сентября). Тем не менее протестующие, которым близки либеральные и демократические взгляды, в сентябре по-прежнему составляли большинство участников акции – в общей сложности 52%».

В связи с этим не может не настораживать актуализация в научной и публицистической литературе тезисов о «дебилизации» молодежи в России (В. И. Иноземцев, Р. Х. Симонян), о «тупеющей Америке» (С. Джекоби (Susan Jacoby), Р. Хофстедтер (Richard Hofstadter)) и проблемах с качеством трудового потенциала во многих других странах, на которые уже ссылались ранее.

Дополним эти аргументы, так как одновременно актуализируется проблема рациональности контроля за «потребительским сопротивлением», прежде всего в системе образования. Рисковость ситуации монополизации знаний заключается в консервации диспропорций между декларациями о намерениях и реальными практиками реальных монополистов на знания и тех, кто наделен правом предпринимать конкретные шаги в консервации этой монополии.

Так, с одной стороны, Б. Обама доказывал Конгрессу США, что пора «школам недоучек» менять статус [16]:

«В глобальной экономике, где самый ценный навык, который можно выгодно продать — знания, хорошее образование, — это уже не просто дорога к обретению возможностей. Это необходимое условие. В наше время три четверти самых быстро растущих отраслей экономики требуют больше, чем диплом (аттестат) об окончании средней школы. А у нас чуть больше половины граждан имеют такой диплом. У нас один из самых высоких среди индустриально развитых стран процент недоучившихся в средней школе. Половина студентов, поступающих в колледж, бросают учебу. Это путь к экономическому упадку, потому что страны, которые сегодня учат лучше нас, выиграют у нас конкуренцию завтра».

В то же время в 44 школах Атланты в течение десяти лет учителя и директора подделывали результаты учебных тестов. В итоге [43]:

«...создавалась видимость, что “успеваемость отличная и образование качественное”. В Атланте второгодников почти не было. Но дело не в высоком качестве образования в солнечной Джорджии. 178 учителей и директоров помогали ученикам сдавать выпускные тесты для перехода в следующий класс».

Далее в публикации читаем [43]:

«Хорошие результаты стали для учителей намного важнее, чем качественное образование».

Афера в Атланте — не первая в США, но считается самой крупной по сравнению с аналогичными событиями в Балтиморе, Хьюстоне и Детройте. Причину усмотрели в американском законодательстве, по которому **«чем выше успеваемость в школе, тем больше зарплата учителя. К тому же из-за кризиса сильно сократилось финансирование системы образования. Школы буквально бьются друг с другом за выживание»** [43]. Это связано с тем, что «согласно федеральному законодательству к 2014 г. у учеников должна быть 100-процентная успеваемость по математике и чтению, иначе школу закроют».

Итак, монополизация знаний предопределила декларацию одних ценностей и практическую реализацию установок на прямо противоположные. Риск консервации сложившихся диспропорций — налицо.

Актуальные данные исследований оценки российскими работодателями уровня профессиональной готовности работников коррелируют с рангом в 3,02 балла из пяти возможных¹ (**«качество подготовки намного ниже, чем три года и, тем более, 10 лет назад»**); уровень навыков и умений армейских общностей позволил аналитикам оперировать понятием **«армия троечников»**². 34% россиян с высшим образованием **«никогда не читали книг»** [85]. Одновременно отмечается, что 40% госслужащих не умеют обращаться с компьютером [2], только 70% чиновников имеют высшее образование [285]. Последнее предопределяет высокий уровень сопротивления служащих властных институтов инновациям, низкую исполнительскую дисциплину (в 2009 г. выполнено 38,65% поручений Президента РФ, в 2010 г. — 47,8% [260], в 2011 г. — 55,79% [259]).

¹ Исследования Кадрового дома SuperJob.ru (<http://www.superjob.ru/research>), <http://www.e-xecutive.ru>, [subscribe.ru](http://www.subscribe.ru), ГУ-ВШЭ и др.

² На «удовлетворительно» были оценены 23 дивизии (47% общего числа), 105 бригад (более 60%) и 97 отдельных полков (более 50%). В целом это более половины армии и флота (цит. по: [12]).

Всё перечисленное выше актуализирует опасения за состояние безопасности страны из-за высокой социальной напряженности, связанной, прежде всего, с низким уровнем управляемости общества, разнонаправленностью интересов структурирующих его общностей.

Идея У. Мелоди о взаимозависимости — через иннисовскую монополию на знания — контроля над пространством и контроля над временем, действительно, стала эвристическим инструментом, названным Э. Комором сначала «средством побега, а затем устранения тех, кто установил монополию на знания», формируя события в обществе второго модерна.

Именно этот «побег» мы можем рассматривать как элемент процесса отторжения знаний — побег от навязываемых интерпретаций пространства, времени, структур, явлений и событий и очевидных противоречий между декларациями и реальными управленческими практиками в социуме. Этот «побег» — адекватная реакция на социокультурный опыт индивидов и общностей, связанный с монополизацией знания. Поэтому риск консервации сложившихся диспропорций в этом процессе — это и риск стабильности социума. Учтем, что такой «побег», судя по предсказаниям У. Мелоди, может завершиться устранением тех или от тех, кто «раскатывает» реальность под свой фрейм — страты информационно и знаниево «богатых» стратой информационно и знаниево «бедных». Подобная зависимость может быть установлена и на уровне национальных общностей — через «парад» суверенитетов государств (например, бывших республик СССР), что сегодня мы наблюдаем практически повсеместно на фоне мифологизации исторического прошлого.

Напомним, что потенциал рефлексивной модернизации определяется несколькими факторами, но признание риска имеет решающее значение. Особенно это касается социальных групп проводников и интерпретаторов знания¹, которые играют ключевую роль в минимизации рисков или, наоборот, их эскалации. В этом и заключается рисковость: в направленности знания его собственников, проводников и интерпретаторов на социальное распределение знания. Эта направленность предопределяет повышение или ослабление напряженности и уровня социальных страхов в общностях, укрепление социальных институтов и институций или их дестабилизацию, поддержку корыстных или альтруистических интересов и т.д.

Так, Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте—апреле 2012 г. провел общероссийское социологическое исследование, определив его основную тему так: «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» [197]. Среди целей исследования ведущими стали:

определение базовых элементов «русской мечты» как образа желаемого будущего применительно к личному будущему;

определение базовых элементов «русской мечты» как образа желаемого будущего применительно к России и обществу в целом;

определение локализации этих элементов в различных возрастных, социально-профессиональных и политически ориентированных группах российского общества;

выявление факторов, влияющих на распространенность тех или иных элементов образа желаемого будущего, а также на реакцию недостижимости/невозможности реализации своих мечтаний, прежде всего с учетом социально-экономического положения россиян и особенностей их идентичностей, и др.

Объем выборочной совокупности исследования составил 1 750 респондентов, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 16–55 лет как составляю-

---

¹ Более подробно о сущности авторского подхода к понятиям «проводники знания», «интерпретаторы знания» см. § 3.2.

щего 60,8% общей численности населения РФ в разбивке по следующим четырем возрастным когортам: 16–25 лет; 26–35 лет; 36–45 лет; 46–55 лет.

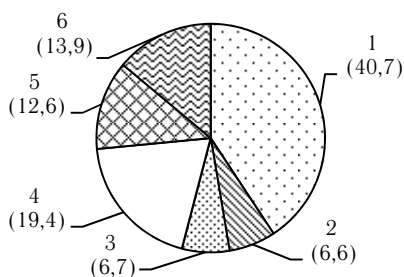
Среди результатов исследования особый интерес для нас представляют выводы о том, что зафиксировано несколько групп россиян, по разным причинам не довольных сложившимся в обществе положением дел [197. С. 157–161]:

«Одна из таких групп — “противники нынешней власти” — объединяет несогласных с нынешним политическим курсом, как справа, так и слева. Другая группа — “мечтающие о справедливости” — в массе своей сторонники левого, преимущественно лево-консервативного вектора развития страны. Общность этих групп заключается не только в их гетерогенности или недовольстве их представителей сложившейся ситуацией. Обе они сконцентрированы в одних и тех же регионах. Причем можно говорить и об их преимущественной концентрации в городах-миллионниках. Все это заметно усиливает протестный потенциал таких групп...

...две эти группы — “мечтающие о справедливости” и “противники нынешней власти”. Их особенности тем более важно понять, что обе они являются массовыми — если мечта о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе характерна для трети россиян в возрасте 16–55 лет, то практически каждый пятый (19,2%) в этих возрастных когортах убежден, что страна идет в тупик и считает необходимой замену нынешней власти во что бы то ни стало (еще 20% россиян в возрасте до 55 лет включительно разделяют лишь одну из этих позиций).

При сближающем эти группы общем недовольстве сложившейся в стране моделью общества реальная зона пересечения их «по людям» сравнительно невелика и составляет всего 7%, всех россиян. Основную же массу населения, хотя и менее половины россиян (41%), составляют те, кто вообще не озабочен проблемами глобального вектора развития российского общества, т.е. не разделяет идеи о неправильности пути, по которому идет Россия и необходимости замены нынешней власти, с одной стороны, и не включает в свои основные мечты мечту о разумном и справедливом обществе — с другой».

Весь спектр установок, выделенных социологами в процессе исследования, представлен на рис. 6 [197. С. 158].

Рис. 6. Соотношение различных мировоззренческих групп в составе россиян в возрасте до 55 лет включительно, %:

- 1 — считают, что в стране все нормально, и их мечты сосредоточены только на личных проблемах;
- 2 — одновременно мечтают о справедливом обществе, считают, что Россия идет в тупик и требуют замены власти во что бы то ни стало;
- 3 — мечтают о справедливом обществе и при этом или считают, что Россия идет в тупик, или требуют замены власти во что бы то ни стало;
- 4 — мечтают о справедливом обществе, но не считают, что Россия идет в тупик, и не требуют замены власти во что бы то ни стало;
- 5 — считают, что Россия идет в тупик и требуют замены власти во что бы то ни стало, но не включают в свои основные мечты мечту о справедливом обществе;
- 6 — считают или что Россия идет в тупик, или требуют замены власти во что бы то ни стало, но не включают в основные мечты мечту о справедливом обществе

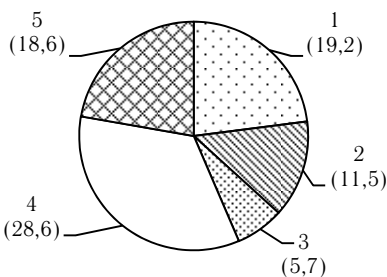
Исследователи отмечают, что группа «противников власти» имеет свою специфику [197. С. 159]:

«Если же говорить о типах поселений, где сосредоточена группа “противники нынешней власти”, то это, прежде всего, города-миллионники и областные, краевые и республиканские центры – 27% проживающих в них относится к этой группе при 19% по массиву в целом и 15% в малых городах, где ситуация, казалось бы, объективно хуже. С другой стороны, 45% группы “противников нынешней власти” живут в Москве, Санкт-Петербурге, а также в областных, краевых и республиканских центрах, в том числе каждый третий представитель данной группы проживает в городе-миллионнике. Четкая пространственная локализация существенно повышает значимость данной группы и обуславливает необходимость изучить ее более детально. И поскольку никаких объективных отличий (образование, доход, возраст, уровень благосостояния и т.д.) данной группы от остальных россиян не фиксируется, то понимание ее специфики предполагает, прежде всего, анализ взглядов членов этой группы, специфики их мировоззрения и тех фактов поведения, которые выражаются в их общественной позиции».

Основной вывод социологов по поводу специфики мировоззрения «противников власти» весьма значим [197. С. 161]:

«К числу ярко выраженных особенностей группы “противников нынешней власти”, резко выделяющей ее на общем фоне, относится негативное социально-психологическое самочувствие членов данной группы, которое проявляется в следующем. Прежде всего, среди них зафиксирован очень высокий процент тех, кто “не уверен или скорее не уверен в том, что им не удастся реализовать свои мечты” – 45% от сумевших дать определенный ответ в этом вопросе (при 20% среди тех, кто считает, что “в стране все нормально”). При этом в нереализуемости своих стремлений они винят не столько себя, сколько существующие в стране порядки (в отличие от тех, кто считает, что в стране все нормально). 44% тех из них, кто стремился себя реализовать, но не смог, в качестве причины, помешавшей этому, отмечали, что “в сегодняшней России реализовать себя практически невозможно”, и лишь треть видела причину этого в недостаточности собственных усилий (остальные сослались на невезение или на окружающих, которые препятствовали их самореализации). Для граждан, считающих, что “в стране все нормально”, соответствующие показатели составили 21 и 51%. Это позволяет предположить, что представители данной группы – не столько идейные противники нынешней власти, сколько граждане, осознающие невозможность реализовать свои жизненные устремления в рамках сложившейся сегодня в России системы общественных отношений, т.е. их недовольство продиктовано не столько “не тем курсом” власти, сколько собственным «неумением» занять устраивающее их место в обществе в рамках этого курса».

Диаграмма причин, по которым россияне не смогли реализовать себя в социуме, представлена на рис. 7 [197. С. 161].

Рис. 7. Причины, по которым россияне не смогли реализовать свои жизненные планы (результаты опроса), %:

- 1 – «В сегодняшней России реализовать себя практически невозможно»; 2 – «Просто не повезло»;
3 – «Не дают реализоваться окружающие»; 4 – «Сами недостаточно старались»;
5 – «Особенно к этому и не стремились»

Как видим, наиболее массовой является группа, которая, как утверждают эксперты-социологи, винит в своих неудачах прежде всего самих себя. Для нас интерес представляет то, что практически каждый пятый «честно признавал, что вообще не особо и стремился к реализации своих жизненных целей».

Причины неудовлетворенности сложившейся социальной ситуацией у «противников власти» связаны с углубляющейся дифференциацией в обществе, с убеждением в том, что несправедлива сама система распределения частной собственности в России, с озабоченностью благосостоянием в широком смысле слова, связанным не только и даже не столько с размерами доходов, сколько с «социальными лифтами» и ситуацией с занятостью.

Исследователи отмечают что «противники нынешней власти» — это группа, обладающая немалым потенциалом активности. Ее представители относительно реже разделяют многие характерные для национальной культуры в целом и во многом составляющие ее цивилизационную специфику ценности и нормы [197]:

«Среди ключевых особенностей группы “противников нынешней власти” следует назвать и то главное, что вызывает ее недовольство и протест — не ограниченность политических свобод или модель устройства власти в России, а *несоответствие сложившейся в настоящее время в России системы распределения частной собственности и доходов взглядам о справедливости представителей данной группы*».

Исследователи это объясняют следующими обстоятельствами [197]:

«...В сложившейся ситуации они не видят возможности для реализации своих амбиций, связанных, прежде всего, со своей профессиональной деятельностью.

Однако, хотя протест группы “противников нынешней власти” против сложившейся ситуации имеет неполитический и неидеологический в своей основе характер, свойственные этой группе протестные умонастроения могут серьезно расшатать социально-политическую стабильность в стране, особенно если учесть представления ее членов о легитимности любых форм протестных действий. При этом сильно выраженная близость данной группы по всем основным объективным параметрам к остальному населению страны (возраст, доход, образование и т.п.) говорит о возможном векторе развития ситуации и в других регионах в случае ухудшения в них общей социально-экономической обстановки, которую не следует путать с гораздо более частной и простой ситуацией с доходами и уровнем безработицы населения».

На опасность подобных эксцессов обращает внимание Г. Леманн, когда говорит о том, что «общество рефлексивной модерности остается, с научной точки зрения (*terminologisch*), современным обществом, потому что индустрия не только никуда не исчезла, но еще и расширила свою область. Отличается оно от первой модерности только тем, что во второй модерности стали оглядываться на побочные последствия первой модерности. Из этого следует, что сам жизненный мир меняется и наполняется совсем другим: мир становится, с одной стороны, радикально необозримым (этот аспект предугадал Юрген Хабермас в своем выступлении «Новая необозримость»), а с другой стороны — радикально ненадежным (Ульрих Бек с полным правом говорит об «обществе риска»), так как следствия социальных решений из-за рефлексов побочных последствий перестают быть прозрачными» [155. С. 90].

Думается, что тенденция к снятию «покрова тайны» с побочных последствий, наоборот, является ведущим признаком актуального социума. Другое дело, что одновременно усиливается стремление и личностей, и общностей, иницирующих их появление и/или имеющих выгоду от этого, перераспределить ответственность за происходящее. В ракурсе наших рассуждений можно говорить о деятельности, иницирующей отчуждение знаний. Для этого используются различные методы манипулиро-

вания, в том числе мифологизация прошлого, имитация борьбы со следствиями, а не причинами фактов и явлений, ориентация общественной активности на поиск «врага» и т.д. Всё это достаточно аргументированно представлено в современных социологических исследованиях.

Артикулировав эту оговорку, обратимся к выводу Г. Леманна о том, что в процессе рефлексии экстерналий социальных решений, которые, как считает ученый, только в период второго модерна перестали быть «прозрачными», а до этого не находились «под покровом тайны» и защитой НЕ-знания, ведущая роль априори отводится знанию. Попытаемся аргументировать свое несогласие с выводами ученого.

К началу второго модерна знание уже прошло, по словам П. Друкера, две трансформации. С нашей точки зрения, трансформации происходили в социуме, благодаря новым формам действий, предопределенных знанием. Но, по Друкеру, первая трансформация знания была связана «с применением знания для изготовления инновационных орудий труда, технологий и видов готовой продукции»; вторая трансформация — «с применения знаний к процессам трудовой деятельности»; третья трансформация предопределила «революцию в управлении».

Последняя — третья — трансформация шла с середины XVIII века параллельно с расширяющейся второй трансформацией. В результате знание, по Друкеру, постепенно стало «главным, а не просто одним из видов ресурсов», так как обеспечивать эффективное управление значило применять «знание к знанию». Это «превратило общество в посткапиталистическое», или в общество второго модерна [84. С. 67–101].

Но «гуру менеджмента» в своей «похвале знанию» не говорит о незнании и невежестве. Хотя в его статье, считающейся классической, есть оговорка о том, что «земля, рабочая сила и капитал являются сегодня, главным образом, сдерживающими, ограничивающими факторами. Без них даже знание не сможет приносить плодов, а управление не будет эффективным». Далее П. Друкер оптимистично предлагает достаточно простой механизм выхода из такой ситуации: «Если обеспечено эффективное управление, в смысле применения знания к знанию, другие ресурсы всегда можно изыскать» [84. С. 67–101]. К сожалению, представленные ранее рассуждения А. Смита и опыт актуальных практик это опровергают. Монополизация знаний и консервация сложившихся в связи с этим диспропорций инициируют не только готовность акторов к попыткам устранения тех, «кто установил монополию на знания», либо тех, кто причислен к таковым, но и к реальным шагам в этом направлении.

Представляется, что НЕ-знание как результат отторжения знаний лишает «плодов» не только процесс использования земельных, трудовых и финансовых ресурсов. В социологическом контексте речь должна вестись о различных видах капиталов личностей и общностей, которые в зависимости от установок на ценность знания ориентируют действия на солидарность или разобщенность, открытость или закрытость стратификационной системы, вынужденную или естественную мобильность и т.д. Но ни в социологии, ни в других науках ответа на вопрос о сущности, критериях оценки отторжения знания, исполняющего деструктивную роль, мы пока не находим.

Как и с Б. Крингс, почеркнем, что рассуждения о рисках антагонизма знания и НЕ-знания, предопределенных синтезом сосуществования в рамках глоболизирующегося мира общества знания и общества НЕ-знания, неизбежно обогатятся «с точки зрения социального неравенства, политического, экономического процессов отчуждения и силы властных отношений между социальными группами» [394. Р. 9–10], но в ракурсе исследуемых нами дихотомий «знание — незнание, невежество», «интериоризация знания — отторжение знаний».

2.3. Риск идентификации новых технологий с новой социальной политикой и риск отказа от ответственности за направленность знания в позитивное для социума русло

Опыт показывает, что любая социальная инновация может быть доведена до абсурда, если процесс ее разработки и внедрения осуществляется в условиях низкой управленческой культуры, стагнации системы справедливого социального распределения знаний и господства догматического стиля мышления, т.е. НЕ-знания как результата отторжения знания.

Указанные П. Престоном и Ж. Бодрийяром «теоретический хаос» и «пустота информации» при усилении их давления на общности уже приносят свои плоды. Их перечисляет Н. Постман, характеризуя предельно негативные последствия для США «обожествления» технологии [417. Р. 73–74].

Н. Постман отмечал, что внедрение современных технологий в обществе — это «и состояние культуры, и состояние души». Однако оно стало не просто системой поддержки познавательного интереса людей, а достигло «уровня обожествления до почти тоталитарной степени» [416. С. 48]. Не случайно он позиционирует культуру в трех таксономических позициях: инструментальная культура; *technocracies* (технократия) и *technopolies* (технополия) [416. С. 2–48].

В технократии инструменты начинают играть центральную роль мышления в мире культуры. «Всё должно уступить дорогу», подчиниться их развитию. И тогда социальный и символический миры во всё большей степени подпадают под воздействие этого развития. **Знание подменяется симулякром на уровне информированности, действие — имитацией, рамки доверия сужаются до уровня частных интеракций.**

Инструменты в качестве технологий не интегрируются в культуру, а просто «нападают» на нее. Их «покупают, чтобы они стали культурой». И, как следствие, традиции, социальные нравы, мифы, политика, ритуалы и религии вынуждены просто «бороться за свою жизнь». Думается, что с переменным успехом.

С появлением *technopoly* (технополии) все альтернативы исчезают «подобно способам, изложенным О. Хаксли в дивном новом мире». Это не делает эту культуру «незаконной, безнравственной или непопулярной». Это делает ее «невидимой, поэтому — не имеющей значения». Таков результат отторжения знаний.

Исследователи отмечают, что «инновации в нашей стране всё еще носят точечный характер и не стали мощной движущей силой хозяйствования и общественной жизни. Технологический кризис, который переживает Россия, становится угрозой для самого существования страны не только в долгосрочной, но и в среднесрочной перспективе. Советские заделы в сфере инноваций в большинстве своем исчерпаны, распалась технологическая цепочка, которая обеспечивала воспроизводственные циклы инноваций — от фундаментальной науки до их внедрения» [82].

Более того, из рассуждений Г. МакЛеннана можно сделать вывод о более широких, чем одна страна, масштабах количественно-качественных характеристик структурных противоречий, связанных с реалиями той фазы развития общества, которая определена сегодня как общество знания. Ученый констатирует, что не более 3–5% мирового ВВП связано со сферой высоких технологий и, соответственно, креативным знанием [401]. Точно так же, по его мнению, не могут быть достоверным ориентиром данные о том, что, к примеру, «50% граждан США используют возможности он-лайн интеракций, а 30% — в других развитых странах».

Приведенные выше статистические данные не только не являются очевидным доказательством «прихода общества знания», но свидетельствуют именно об обратном. Так, Г. МакЛеннан не видит доказательств жесткой взаимозависимости между увеличением объема использования компьютерной техники и «дальнейшим качественным скачком вперед». То, на что указывают многие исследования — «статистический (цифровой) разрыв», расширяющийся внутри и между социально-экономическими сообществами, можно связать с развитием и активизацией использования «предшествующих накоплений социальных преимуществ и недостатков» [401]. Следовательно, диспропорции в развитии социальных структур могут быть обусловлены усилением отторжения знаний и рисками, связанными с дихотомией «знание — НЕ-знание».

Вернемся к теме востребованности высшего образования как критерия высококвалифицированной рабочей силы. Г. МакЛеннан указывает, что мир ученых наполнен примерами, когда при упрощении характера работы (*dumbing down*) сегодня необходима ученая степень для того, что можно было «делать вчера» с более низким уровнем образования, т.е. не сущность деятельности, а зачастую заданные извне барьеры в ее доступности связаны с ростом востребованности и высшего образования, и ученых степеней. Последнее мы воочию наблюдаем в России, когда для работы кассиром в супермаркете работодатель требует наличия у претендента на этом месте диплома об окончании вуза.

Еще один аргумент имеет для нашего исследования особое значение.

Г. МакЛеннан указывает на то, что для каждого примера прогресса и экономической трансформации путем изменения культуры в обществе знания есть «бесчисленные примеры краха системы, деквалификации, недостаточной квалификации», встроенных рудиментов и атавизмов, «избыточного оборудования, псевдоинноваций, принуждения к “творчеству”, нехватки времени, жесткости ICT («ICT rigidities, and a range of new complaints — RSI») и новых жалоб на стрессы на работе и в обыденной жизни, на вредные выбросы и пр.». Всё это очень далеко от описаний «дивного нового мира», но имеет статус примера «провала знаний и системных затрат» («Far from signalling a brave new world, all this represents a substantial matter of knowledge failure and systemic waste» [401]). Более того, и в международных отношениях (начиная с деятельности Всемирного банка), и на уровне национальных правительств продуцируется доминанта монолога. В результате получается, что **«мы движемся к обществу знания, в которое нас не пригласили»**, так как не ждут от нас участия в диалоге. Поэтому личности и общности вынуждены практически автономно нести ответственность за свое соответствие институционально декларируемым стандартам общества знания и «накапливать запас социального капитала с инструментальными знаниями в качестве своей валюты».

По мнению Г. МакЛеннана, «социальный фатализм редко достигал таких высот», как сегодня. Поэтому единственным аргументом против диктата технологического детерминизма может стать расширение объема «коллективного и индивидуального интеллекта — наших знаний, ценнейшей характеристикой» которых является способность к критическому мышлению и проектированию альтернатив тому, что представляется «неизбежным» [401]. Изложенное утверждение полностью созвучно нашему подходу.

Таким образом, **говоря о риске идентификации новых технологий с новой социальной политикой, мы имеем в виду не только новые технологические достижения** (нано-, биотехнологии, инновационные IT-технологии — широкополосная связь 3G, iPhone/iPod и т.д.), но и технологии как алгоритм действий по достижению определенной цели.

Пример тому — продолжающееся более 20 лет реформирование образовательной системы в России, которое, не принося позитивных результатов, становится процессом ради процесса. Собственно реформаторские проекты и процесс их реализации заменяют анализ причин негативных социокультурных экстерналий, вызванных перманентными трансформациями, и, соответственно, не инициируют постановку реальных целей и апробацию адекватных им технологий достижения. Как результат — очевидность не только констатации учеными указанных выше явлений, но и очевидного противоречия, когда, например, для внедрения инновационных технологий нет кадров, так как отсутствует эффективная технология их подготовки (см.: [192; 193]):

«Министр массовых коммуникаций и связи РФ Николай Никифоров на Московском международном форуме по иностранным инвестициям заявил, что информационной российской отрасли не хватает квалифицированных кадров. При этом он уточнил, что желательны работники из других стран, поскольку отрасли, за которые он отвечает, очень остро нуждаются в таких работниках. Он убежден в том, что сегодня необходим правильный приток трудовых иммигрантов именно в отрасль информационных технологий. Он также говорил о том, что данная отрасль сегодня очень быстро развивается, и страна просто не в состоянии самостоятельно обеспечить ее необходимыми кадрам из-за демографических провалов и состояния отечественной системы образования. <...>

Мнение Давида Яна: «Если в Россию удастся привлечь квалифицированных иностранных специалистов, то через некоторое время отечественные школьники поймут, что зарабатывать деньги можно мозгами, а не физическим трудом. Это поможет выпускать в России более 100 тыс. хороших инженеров в год».

Большинство представителей информационной отрасли также уверены, что развить ее до надлежащего уровня удастся благодаря привлечению иностранных кадров».

Г. МакЛеннан обобщает подходы социологов Э. Гидденса и С. Лэша, связанные, по его мнению, с оценкой сущности общества знания. Так, он считает, что оптимистический реализм Э. Гидденса не дает нам ответа на вопросы: почему и как большинство рабочих должны стать теми высокоинтеллектуальными актерами, наличие которых предполагает предложенный «третий путь» развития и, соответственно, общество знания?

С. Лэш — «критикующий инсайдер», как его называет Г. МакЛеннан, делает предположение о том, что критика происходящего связана с трансцендентной невозможностью ее понимания социальным субъектом, который вынужден принимать «на веру» представления о реальном состоянии дел в социальном мире, «навязанные идеологией». А идеология такова, что продуцирует жесткую взаимозависимость «радушных» **перспектив развития социума только с новыми технологиями**. Другое дело, что «за кадром» остаются причины, по которым социальный субъект оказывается не способен объективно понимать происходящее, а вынужден довольствоваться толкованием смыслов явлений и фактов, продиктованных извне. Поэтому мы «нуждаемся в феноменологическом и даже эмпирическом подходах к критике, а не в философских, апоретических или эпистемологических точках зрения». Это нужно, по мнению С. Лэша, для того, чтобы сосредоточить внимание «не на правильности или неправильности убеждений, а на формах жизни, практиках и технологиях» [401].

Однако такая позиция предполагает, что есть «информация *overclass*, что информация, знания принципиально отличаются от повествования и дискурсивного знания, что нет времени на мышление, что власть как исключение сменилась властью-эксплуатацией, что мое тело в настоящее время — социально-технологическое тело, что информация находится вне контроля и т.д.» [401].

По мнению Г. МакЛеннана, критикующего уже самого «критикующего инсайдера», мысль в форме потока *soundbites* мало что может определить в мире надежд «скромных свидетелей современности». Для того, чтобы их понять, нужно «восстано-

вить» «некоторые эпистемические или хотя бы полужестерналистские критерии эмпирической адекватности устойчивого смысла, правды жизни, способствующие точности отражения». Таким образом, С. Лэш оказывается в ловушке «массового равнодушия», рожденного информационными потоками, относительно того, что можно считать обществом знания, и «обожествляемой» в нем технологии.

Сторонник подхода, названного Г. МакЛеннаном «рефлексивным эмпиризмом», С. Вулгар (Steve Woolgar) поддерживает позицию С. Лэша, но тем не менее считает, что исследовать «общество знаний имеет смысл только в контексте сочетания анализа требований и встречных вопросов о состоянии “реальности”, чтобы избежать как “высокомерного презрения”, так и “поверхностного выравнивания”». Необходимы глубокие эмпирические исследования последствий того, как «стабильный материальный мир сменился миром знаков, изображений и нематериальных активов». Однако С. Вулгар, несмотря на признание значимости социального контекста во внедрении, использовании новых технологий или отказе от этого, предполагает основываться на позиции «нейтрального эмпирика», что маловероятно в мире с таким гигантским количеством социальных взаимозависимостей.

В работах М. Кастельса, названного Г. МакЛеннаном автором Grand-theoretical Synthesis/Ambivalence — главного теоретического синтеза парадигм об обществе знания, сущность этого этапа социального развития представлена в двойственном ключе. Г. МакЛеннан считает, что ученый попытался объединить *про*-подходы к обществу знания с *контр*-подходами. С одной стороны, М. Кастельс утверждает, что в «информационализм предопределяет формирование новой социальной структуры». Меняются «обычные представления о времени, пространстве и смысле». Они поддаются под давление возникающего глубоко нового культурного опыта. Стремление к самобытности становится главным, а иногда единственным, источником смысла «в романе о драме» между сетью и личностью. И с этим нельзя не согласиться.

Но, с другой стороны, расширяющийся режим информации и связанных с ней технологий не меняет капитализм как таковой, трансформируя его сущность через другую качественную основу — как «информационального капитализма». **«Конец труда» не произошло. Изменился характер работы.** Поэтому «сетевое общество» не заменяет социальную структуру, но изменяет ее тип. Действительно, нельзя отрицать классовые различия между представителями элитного труда программистов и общей трудовой массы. Более того, информационный капитал «просто опирается на экономический капитал и является одной из форм нормального экономического капитала» [401].

В то же время М. Кастельс указывает на высокую значимость в социальном проектировании поведенческих стратегий индивидов и общностей личных ощущений субъектов технологизаторских процессов. Ученый говорит об ощущении «отсутствия контроля, ускорения нашей жизни, бесконечного преследования непонятных целей — либо целей, чья значимость при ближайшем рассмотрении оказывается эфемерной. Это чувство охватывает многих действующих лиц новой экономики в моменты, когда нервное возбуждение, вызываемое инновациями, проходит, а процветание оказывается недолговечным» [124. С. 316].

Боязнь изменений связывается М. Кастельсом с рядом неудовлетворенных требований. Среди них ведущее место отводится развитию способностей к обработке информации и «генерации знаний в каждом из нас и, в частности, в каждом ребенке» [124. С. 317].

Исходя из изложенного, мы не можем согласиться с тем, что М. Кастельс представляется Г. МакЛеннану как бы «зажатым» между постмодернистским витализмом о «беспредельности потоков» и «вневременном времени» и ортодоксальны-

ми социологическими рассуждениями о материальных механизмах технических и социальных изменений.

В суммарной критике (*totalising critique*) Б. Джессопа (Bob Jessop) общество знания рассматривается как социальная структура, в которой в результате «неустанного» расширения зоны коммерциализации и овеществления **«товаром становится человеческий опыт»**. Не только формальный труд, но и человеческие эмоции, игра, досуг и разного рода психические склонности и желания «пришли в сферу потребления услуг, которые оплачиваются», обеспечивая рост прибыли.

В структуре, которая сегодня носит название «общество знания», область творчества, идей и общих когнитивных ресурсов «присоединяется к этому растущему списку вещей», становясь элементом системы меновой стоимости, денег и торговли. Знания здесь — не освободительный потенциал, который приносит доход от власти над материальным миром. В обществе знания, описываемом Б. Джессопом, речь идет о «приватизации и *entrepreneurialisation* мысли» [401].

Г. МакЛеннан считает, что у Б. Джессопа знания — не сам труд, а часть труда — результат коллективного производства. В связи с этим знание становится товаром только искусственно и, исполняя роль товара «фиктивного», способно стать основой для ренты от использования в качестве коммерческого продукта и актива авторского права. Это позволяет предположить, что М. Кастельс и другие исследователи не правы, когда говорят о знании, как о новом доминирующем факторе производства. Отсюда Б. Джессоп делает еще одно предположение — о том, что надо рассматривать знание через его роль в генерации богатства в классических терминах противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Представляется, что именно здесь может найти место наша, авторская, оценка отчуждения знаний. Но всё, что касается неомарксизма и его модификаций — это, как правило, оценки не взаимозависимостей одновременного протекания процессов и позиционирования явлений, а последовательная причинно-следственная констатация. Мы же говорим о параллельно протекающих и находящихся в состоянии обострения антагонизма феноменах.

С этим коррелирует, по мнению Б. Джессопа, то, что не стоит отрицать «новые» культурные и организационные явления, но, одновременно, следует учесть, что «логика капитала» осталась прежней: «...например, для каждого раунда инновационных технологических знаний рента снижается за счет конкуренции на рынке». В результате интеллектуальная собственность становится частью «неумолимого процесса подъема и спада» внутри капиталистической конкуренции и, в то же время, борьбы между активами «накопителей знания» (*knowledge asset accumulators*) и знания пролетариата. В итоге Б. Джессоп не исключает, что и знания люмпен-пролетариата также могут быть включены в баланс социальных сил. Это в чем-то перекликается с нашей позицией, так как именно знания в противовес технологизаторским концептам приобретают качества стабилизатора негативных для социума процессов, но механизм социального распределения, связанный с доступностью освоения, может направить их на выполнение совершенно противоположной роли.

Мы принимаем позицию Г. МакЛеннана, который, анализируя концепты Б. Джессопа, предполагает, что далеко не все ученые сегодня могут принять «до такой степени марксистский контент», особенно — после распада «государственного социализма» и победы «глобального капитализма». Это касается актуальных позиций и постмодернистских феноменологов, и «осторожных эмпириков», и социологов-мультифакториалистов. Осмысление с разных позиций сущности общества знания может значительно обогатиться, впрочем, как и создать основу для «оппозиционных политических действий».

Подводя итог своим рассуждениям, Г. МакЛеннан указывает на то, что социологические оценки и в рамках «изнурительной рефлексивности», и плюрализма ничуть не приблизили нас к эмпирически значимым дискурсам. В результате мы можем оказаться в условиях «этической ловушки», когда споры о сущности продукции общества знания просто «прикроют соблазн вывести эту тематику из-под контроля» [401]. В этом нам видится основной риск **идентификации новых технологий с новой социальной политикой**.

Г. МакЛеннан считает, что вышесказанное может быть обусловлено предлагаемой «изнурительной дискуссией» о том, что и общество знания, и его продукт — это или «псевдо-знания», или «фиктивные знания», или просто информация, или *sound bytes*, или коммерческое предложение. Это позволит многим исследователям решить, что только их деятельность может предопределить «путь к истине». Однако здесь лучше следовать указанию П. Бурдьё о том, что следует избегать профессиональных иллюзий ученых и, соответственно, «минимизировать тенденцию к эпистемической ностальгии и романтике».

Руководствуясь таким указанием, Г. МакЛеннан обращается применительно к обществу знания (KS) посредством концепта Т. Осборна о том, что многие понятия в современной общественной сфере лучше рассматривать как своего рода «воображаемую идею» («But perhaps KS is not really a discourse of this kind at all. Rather than standing up as any sort of final vocabulary or claim to sociological adequacy — a set of “ocular” or “oracular” ideas, in my colleague Tom Osborne’s (2003) phrase — KS, like many aspirant transformative ideas in the contemporary public sphere, is more of a “vehicular” idea, something that acts as an umbrella term for all manner of moves and purposes, and which can be seen as more or less useful rather than true or false, inclusive rather than exclusive») [401].

Следовательно, общество знания рациональнее воспринимать как некий общий термин, описывающий любого рода движение и цели, которые можно рассматривать как «в большей или меньшей степени полезные, а не как истинные или ложные, скорее, как инклюзивные, чем эксклюзивные».

На уровне позиционирования воображаемого идеала можно считать, что попыткой соединить две противоположные по своей сути социетальные характеристики — информационную и постмодернистскую — была идея активного социума (*the active society*) А. Этциони (Amitai Etzioni) [379; 380].

Как известно, активный социум самоуправляем, целенаправлен, состоит из уверенных в себе индивидов, хорошо осознает ограничения своей динамики, а отсюда — реально оценивает перспективы своей эволюции и необходимые для этого силы — ресурсы.

Идеальный социум А. Этциони характеризуется высокой политической активностью и большими инвестициями в политическую деятельность. Информационные системы в нем реализуют функции контроля, управления и обеспечения принятия эффективных решений. Главное — в активном социуме бесспорен приоритет знаний, образования и научных исследований. Но эти «инклюзивные характеристики», к сожалению, не дают инструментария для анализа актуальных практик.

Последнее напрямую соотносится с указанным предназначением и активного социума, и общества знания — противостояние формированию глобального тоталитарного общества, о чем еще в 1950-е годы говорил Х. Шельски (Helmut Schelsky), констатируя, что применение электронных вычислительных машин ставит на повестку дня проблему тоталитарного общества [334], а еще через 50 лет — Б. Джой, предполагавший, что нанотехнология обретет самостоятельность и выйдет из-под контроля человека, ставя его под угрозу вымирания.

Сегодня мы видим результаты отказа от позитивной для социума сущности ценности знания, например, в трансформациях языка, ориентиров и смыслов. В широкой дискуссии 2011–2012 гг. представителей педагогического сообщества в связи с попыткой найти механизм защиты образования от вируса насилия [1] был сделан очевидный вывод: это возможно, не допуская насилия в обществе. Именно школа, а до нее — дошкольное учреждение, являются институциональными структурами, которые первыми принимают на себя «удары» перекосов социальной дифференциации, просчетов образовательного менеджмента, института права и, как результат, несправедливости при социальном распределении знания.

Предопределенность рисков образовательной среды структурируется социокультурными векторами ценностей, которые доминируют в обществе в большей степени вопреки, но, к сожалению, иногда и благодаря системе образования. Например, это касается нашей социальной идентичности, построенной на общности языка. Общеизвестно, что основа любой культуры и инструмент социализации личности — язык. Сегодня этот своеобразный мостик между прошлым и будущим, как указывал Г. Зиммель — «основа взаимопонимания и самоидентификации, лучших национальных традиций», повсеместно отчуждается. Учитель сталкивается со всё большим количеством детей, не владеющих литературной речью, не умеющих связно формулировать мысль, обосновать свою позицию. Педагог оказывается «один на один» с этой проблемой. У него нет инструментов и механизма ни для того, чтобы потребовать комплектации классов из учащихся с тем уровнем общеучебных компетенций, которые соответствуют возрасту обучаемых, ни для того, чтобы решать поставленные извне педагогические задачи.

Из биографического интервью не состоявшегося учителя биологии (май 2010 г.)¹:

«Из нашего выпуска только двое пошли работать в школы (названы две школы окраинного района Екатеринбурга). Одна сбежала через месяц, вторая — через три. В классах треть учеников не говорят по-русски, так как он у них — не родной язык. Значит, балдеют на уроках, кидаются бумажками, выкрикивают что-то на своем родном языке, даже, рассказывали, у других учителей тапок мог прилететь через класс к доске. Еще одна треть владеет только “русским матерным”. И те, и другие не понимают, о чем говорит учитель. Он — как инопланетянин. Те, кто хотел бы учиться, учиться в такой обстановке не могут. Да им просто и не дают, они становятся изгоями в общей команде бездельников, которые приходят в школу развлечься...»

Всё сказанное респондентом — результат отсутствия в системе образования продуманного менеджмента по включению в образовательное пространство тех учащихся, кто владеет речью на уровне, востребованном общеучебными компетенциями для конкретной возрастной группы. Нет инструментария, нет регламента адаптации лиц, не владеющих русским языком или владеющих им плохо, к школьному социуму.

В России выдерживаются технологии зачисления учащихся в классы в соответствии с их возрастом, но отсутствует система учета возможностей учащихся осваивать также технологически заданные нормативы освоения информации, развития умений и навыков. В США, Израиле, других странах такая система имеется. Она основана на бюджетных и внебюджетных финансовых потоках по языковой подготовке, соответствующей статусу образовательного учреждения и возрасту обучаемых. Там не возникает вопрос: законно ли тестировать ученика для определения индивидуальной образовательной траектории в освоении доминирующего в стране языка на перспективу? Но проблема языка как основного источника смыслов в обществе, стремящемся

¹ Имена респондентов и место работы, по их личной просьбе, не конкретизируются.

к самосохранению и саморазвитию, чаще всего становится предметом политических манипуляций.

Н. И. Скачкова указывает, что с 1980 по 2002 г. в США было проведено двенадцать референдумов о статусе английского языка и о двуязычном (а фактически — испаноязычном) образовании [256]. Они были инициированы группами «Английский в США» и «Английский прежде всего», выступающими в защиту английского языка, которые были образованы в ответ на действия федерального правительства, государственных органов и частных организаций по поддержке языковых меньшинств и противодействию общему употреблению английского языка.

На референдуме в Калифорнии в 1998 г. против двуязычного обучения голосовали 61 % участников, в 2000 г. в Аризоне — 63%, в Массачусетсе — 68%. Исключение составили результаты референдума в Колорадо (2002 г.). Здесь против двуязычного обучения голосовали только 44% участников (цит. по [256. С. 158—159]).

Особый интерес в ракурсе наших рассуждений вызывает еще один пример, приводимый Н. И. Скачковой [256. С. 159]:

«В опросе 1997 г. в округе Орандж 83% испаноязычных родителей заявили, что “настаивают на преподавании английского языка с начальных классов школы”. ...Инициатива об отмене двуязычного образования в Калифорнии исходила от испаноязычных общин Лос-Анджелеса: родители забрали из школы 90 детей в знак протеста против “дурного образования”, которое они получали в двуязычных классах. Как заметила преподавательница Эллис Каллахан, служительница епископальной церкви и директор Центра испанского языка: “Родители не хотят, чтобы их дети, став взрослыми, проливали пот в прачечных или шли в уборщики. Они хотят, чтобы их дети поступали в Гарвард и Стэнфорд, а этого не произойдет, если ребята не научатся говорить и думать по-английски”».

Такая позиция оказалась базисом, благодаря которому для политических оппонентов в США поражением завершилось инициирование протестов против введения одноязычного обучения [256. С. 159—160]:

«Результатом двенадцати референдумов, проведенных в 1980—2002 гг., явилась победа сторонников английского языка, что свидетельствует о том, что для подавляющего большинства простых американцев английский язык остается важнейшим символом и ключевым элементом национальной идентичности».

Не исключено, что и в России активизация действий по восстановлению реального статуса русского языка как государственного станет поводом для политических спекуляций со стороны тех, кто хотел бы использовать «козырную карту» борца за права мигрантов и тех, кто сознательно, несмотря на имеющуюся в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП) ст. 20.1, считает допустимым безнаказанное использование нецензурных выражений на всех уровнях социальных интеракций, в том числе и в СМИ.

Из авторского биографического интервью:

«Осенью прошлого года на остановке автобуса ко мне подошел молодой человек: “Вы меня узнали?” Конечно, я узнала Эльнура. Этот мальчик 15 лет назад девятиклассником пришел ко мне на уроки. Русского языка почти не знал, поэтому мы договорились, что там, где ему что-то будет не понятно, он поднимет руку и повернет ее ко мне открытой ладонью. Сначала открытая ладонь Эльнура вынуждала меня повторять сказанное 5—7 раз в течение урока. К концу учебного года по моему предмету он нагнал одноклассников не только в устной, но и письменной речи. Он оказался “пахарем”: мне говорили, что Эльнур отдыхает только один вечер в неделю — когда плавает в бассейне. В остальное время уроки чередовались с занятиями с репетиторами... Однажды я его спросила: “Что заставляет Вас так системно перерабатывать?” Он посмотрел на меня каким-то отстраненным взглядом».

дом и на одном выдохе почти прошептал: «Я не вернусь в аул!»... Эльнур окончил Юридическую академию и сейчас работает юрисконсультom. Какое счастье, что он не сломался в условиях системных перегрузок и был поддержан родными, принявшими его у нас в Екатеринбурге... Но важнейшей оказалась поддержка все-таки всех учителей и ребят в школе, атмосфера в классе».

Сейчас сложно представить, какая сложилась бы ситуация, если бы в классе было 4–5 таких учеников. Постоянное замедление темпа работы тех, кто более успешен в освоении материала, потребовало бы новых методических приемов для поддержания нужного темпа интеракций, дополнительной педагогической нагрузки как «до», так и во время уроков, причем нагрузки, стимулируемой морально (и на уровне самоменеджмента), но не материально. Одновременно расширился бы спектр задач для сохранения сложившегося ранее уровня доверия и рабочей дисциплины.

В классе же, где более 51% учащихся являются представителями иной языковой среды, неизбежно разрушение базового уровня культуры, традиционной для остальных 49%. И этим «остальным» наглядно демонстрируется: их конституционное право на получение образования в русскоязычной среде на русском языке может безнаказанно нарушаться. Тогда мы говорим о процессе уже не столько педагогическом, сколько социокультурном, социально-экономическом и правовом.

В социуме, где в соответствии с п. 3 ст. 68 Конституции РФ на всей территории страны государственным языком является русский, но, наряду с ним, имеются 25 государственных языков республик Российской Федерации, не должно быть языковых барьеров для тех, кто говорит по-русски и живет на территориях, где доминирует русскоговорящее население.

Другое дело, если кто-то соберется жить в Удмуртии, и его работа будет предопределена коммуникациями в двуязычной среде. Тогда человек, связанный с социальными интеракциями по роду своей профессиональной деятельности, должен освоить, кроме русского, удмуртский язык. Иначе адаптация индивида в социокультурном поле будет затруднена. Пока становится нормой в Екатеринбурге и многих других городах, где конституирован только один государственный язык, встречать врачей, не понимающих речи пациентов, или учителей, преподающих на государственном языке «доброе и вечное» лицам, которые не хотят или не смогли им овладеть. Получается, пациент должен уважать право врача на его свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, закрепленное в другом конституционном принципе (п. 2 ст. 26), но врач, реализующий функцию социальной защиты в муниципальных организационных структурах, может пренебречь аналогичным правом пациента. Подобные коллизии нарушения прав одних за счет ущемления прав других возникают и в общественном транспорте, и даже в таком социальном институте, как армия.

Таким образом, утрата ценности знания языка сегодня обретает чрезвычайно рисковый характер, влияя на уровень социальной напряженности в обществе, порождая социальные страхи.

Н. Постман констатирует вынужденный пересмотр людьми того, что они называют религией, искусством, семьей, политикой, историей, истиной, неприкосновенностью частной жизни, разведки. Для тех, кто принял эти «правила игры», чистая информация становится благословенной, так как «за счет своего постоянного и бесконтрольного производства и распространения предлагает увеличить индивидуальные свободу, творчество и душевное спокойствие» [416. Р. 72]. Отсюда — рост консерватизма мышления, укрепление стереотипов в поведении и управлении, противостояние новым, творческим идеям, решениям и др., т.е. инициация процесса отторжения знаний. А оно, в свою очередь, усиливает экстерналии, которые мы можем представить как «лжемодернизацию», вестернизацию, виртуализацию общения, неуправляемость

негатива информационного воздействия СМИ и т.д. Проявляющееся варварство, по У. Беку, «фабрикует» [357. Р. 91] новое варварство.

В результате технология как алгоритм достижения целей инициирует явление, названное нами профессиональным непрофессионализмом [301].

Приведенные во введении к настоящей монографии данные Bertelsmann Stiftung свидетельствуют о социальном кризисе в его политическом аспекте или политическом кризисе. Согласно известному подходу П. Сорокина, указанное явление, связанное с интеракциями, обладает специфическими признаками. Среди них признак, названный нами профессиональным непрофессионализмом, является результатом отторжения знаний и механизмом отказа от ответственности за направленность знания в позитивное для социума русло.

Если на уровне обыденного сознания профессионализм коррелирует с позитивом к индивидуальным и общностным жизненным планам, то негатив воспринимается как непрофессионализм. Учтем, что в социологической интерпретации профессионал (от лат. *professio* — специальность, занятие; англ. *professional/profi*; нем. *Professional/Profi*) — это индивид, основное занятие которого является его профессией; специалист своего дела, имеющий соответствующую подготовку и квалификацию [269]. Профессионализм здесь соответствует констатации авторов «Современного толкового словаря»: «Профессионал — это человек, занимающийся чем-то профессионально в отличие от любителя, специалист своего дела» [261. С. 337].

Как же можно назвать субъектов, профессионально привносящих негатив в ценностные ориентации и жизненные планы людей? — Думается, именно профессиональными непрофессионалами. «Водораздел» сущностных признаков непрофессионала и профессионала можно определить на уровне общечеловеческих, общегуманитарных ценностных ориентиров. Профессионал поддерживает своей деятельностью эти ориентеры, а непрофессионал, наоборот, деформирует. Но он может это делать очень профессионально с точки зрения технологий манипулирования сознанием и удержания ресурсов власти. Наши наблюдения показывают, что системно развивается процесс «вытравливания» профессионалов из активной трудовой среды. Для этого уже имеются «отработанные» алгоритмы. Так, профессионала — человека опытного и знающего весь технологический цикл определенных операций в банковской сфере, «выжимают» из трудового процесса под предлогом сокращения штата. На его место принимаются 4–5 чел., каждый из которых работает с небольшим участком «освобожденного» технологического цикла. Они, как правило, моложе уволенного лет на 20–25, плохо знают сущность всей банковской операции, поэтому «довольствуются» теми «горизонтами», которые оказались для них открыты.

Можно также привести пример смены ведущих менеджеров-профессионалов на предприятиях, занимающихся продажами. Как известно, часто с ними заключаются договоры по оплате труда, включающие стимулирующую надбавку за расширение клиентской базы. Выполнив производственное задание, менеджер ждет соответствующего стимулирования. Но в этом ему отказывают под разными предлогами. В результате профессионал уходит, оставляя свое место, наработанную клиентскую базу и более низкий размер заработка менее подготовленному последователю. Вообще, современным управленцам намного выгоднее зачастую набирать неквалифицированные, низкопрофессиональные кадры, так как ими легче управлять, им можно меньше платить, и одновременно уменьшается вероятность того, что появятся претенденты на «управленческое» место.

Конкретизируем выявленные ведущие технологии действий профессиональных непрофессионалов.

Первая технология — «забалтывание» реальной проблемы рассуждениями о сторонних вещах, цитированием текстов законов, планов, программ. Приведем пример из биографического интервью жительницы поселка Кладовка Полевского района Свердловской области (75 лет, образование высшее, пенсионерка, проживает в летний период в поселке более 25 лет):

«Разослали в середине октября в каждый дом бумагу на двух листах от Облкоммунэнерго. На первом листе одни перечисления содержания законов и угрозы новых тарифов. Нет объяснений, почему я, заключив договор со Свердловэнерго и предоставляя им все сведения по затратам электроэнергии, должна еще что-то посылать в Облкоммунэнерго. Указывается адрес для передачи приложенной для заполнения бестолковой анкеты о количестве коров, овец, свиней и птиц на подворье у меня — дачницы, но не говорится, на какую улицу Хохрякова, 35 — в Екатеринбурге? на станции Полдневая? в Полевском? Издевательски предлагают послать анкету и ознакомиться с новыми нормативами потребления электроэнергии на сайте Облкоммунэнерго, когда телефон-то “ловит сигнал” от двух поставщиков только в двух местах поселка, какой уж тут Интернет? Живут эти начальники как в другом мире, ничего не знают о том, как мы живем».

Действительно, поселок Кладовка находится в 9 км от станции Полдневая и 31 км от Полевского. Телефонная связь отсутствует даже на фельдшерско-акушерском пункте. Интернет — экзотика. Автобусного сообщения нет. Поезд проходит из Верхнего Уфалея два раза в сутки. Для поездки в Полевской надо выйти из дома в шесть утра, с семи утра начать добираться до станций, расположенных в Полевском, решать свои вопросы, около часа добираться до железнодорожной станции, расположенной удаленно от территории города, успевая на поезд, идущий обратно, в 11 ч 20 мин. Иначе придется ждать почти до восьми вечера. Есть возможность сесть на автобус, проходящий через Полдневу, а потом идти пешком или «ловить попутку» для девятикилометрового пути к Кладовке. Такое детальное перечисление позволяет показать, почему даже временные жители поселка воспринимают предложения завести анкету в другой город или передать ее содержание по Интернету как оскорбление, что, в свою очередь, усиливает социальную напряженность.

Автор монографии была участником собрания жителей поселка для встречи с администрацией города Полевского с целью утверждения градостроительного плана до 2030 г. Из сказанного выше становится понятной откровенно агрессивная реакция жителей на начало выступлений представителей муниципальной власти:

«Мы публиковали информацию на сайте городской администрации... Вы могли прочесть пояснения к программе развития Кладовки в администрации Полдневой».

За всеми приведенными выше примерами профессионального непрофессионализма и используемых в его рамках технологий — нежелание знать реальное положение вещей в социуме, отсутствие ведущей компетенции менеджеров — знания характеристик объекта и субъектов интеракций.

Вторая технология — умолчания в ответ на вопрос. Чаще всего эта технология неразрывно связана с первой. С ней сталкиваемся систематически. Наиболее часто артикулируемый пример — реальная заработная плата и эмоциональный труд работников сферы образования. В качестве примера приведем появившиеся 3 ноября 2012 г. в сети рассуждения О. А. Жилиной. За четыре дня были даны комментарии 328 чел. при 1 488 просмотрах в социальной сети «Гайдпарк» [95]. Курганский учитель высшей категории, кандидат наук описывает сущность организации и компенсации педагогического труда:

«Ставки по всей стране одинаковые (2 136 — это базовая единица, на нее накручивают надбавки; со всеми надбавками ставка составляет 5–7 тыс. р.), различаются местные доплаты. Категория “стоит” 300–1 200 р. (высшая). У нас в городе доплачивают примерно по 1 100 р. к ставке. Стимулирующий фонд, на который так уповала Голикова, практически отсутствует, 150–200 р. — это потолок. Ну, к юбилею — 75-летию моей коллеге директор заплатил 5 000 р. Но это разовая выплата.

Но весь кошмар еще в том, что работать нечем и не на чем. Компьютерами школу не обеспечили. Бумагу и принтеры покупаем на свои деньги, печатаем контрольные и самостоятельные дома, рабочие программы, медосмотры — всё платно, за свои кровные... всё на свои деньги. Если б на нашу мизерную зарплату никто не покушался... За методическую литературу платят 130 р., в конце года отчет — товарные чеки из магазина (т.е. с рук не купить ничего), за бумагу и ксерокопии чеки не принимают! Только методлитература. И отчитаться надо не за 130 р./мес., а за 150 р./мес., т.е. 1 800 р./год (без вычета налога). А то вдруг я на эти деньги в супермаркете своим детям продуктов куплю? <...>

...За часами не гонось. Просто мои дети каждый день кушать просят, и коммуналку надо чем-то платить. Еще благо — у родителей есть дача, и квартира у нас с мужем своя. А ставка педагога с высшей категорией, ученой степенью и стажем 13 лет, плюс классное руководство плюс факультативы, плюс доплата местного бюджета (субсидия) — 8 тыс. р. “чистыми”. Получается, у меня урок стоит чуть ли не дороже всех в школе. Мечтаю, что когда-нибудь нам сделают зарплату хотя бы на уровне 2–3 прожиточных минимумов за ставку. Тогда можно будет снизить нагрузку, делать больше интересных разработок».

Из биографического интервью О. А. Жилиной¹ автору настоящей монографии:

«...Передышка мне, действительно, нужна, но в деньгах в этом случае потерю. За два года работы брала больничный 1 раз, заболели обе дочки, и я сама была с температурой. За 3 дня больничного потеряла в заработной плате 2 100 р. Не знаю, как у нас начисляют больничные, стаж ведь более 10 лет».

«Умолчание» в данном случае имеет свою специфику: системно говорят и пишут о том, что заработная плата педагогов должна равняться «средней» заработной плате по региону проживания. Однако практически нигде не звучит главное: речь должна идти не о размере заработанного, а о размере ставки заработной платы. Увеличение размера заработка за счет труда на 1,5–2,3 ставки не является показателем реального улучшения качества жизни субъектов важнейшего в жизни любого социума института.

Третья технология — компрометация «любителей задавать острые вопросы» и/или их устранение с социально-экономической и, соответственно, политической арены. Примером может служить «дело ЮКОСа» [184]:

«Правозащитники из Президентского совета, которые год назад написали независимый доклад о втором деле ЮКОСа и признали преследование бывших руководителей компании незаконным, говорят об угрозах в свой адрес. По словам члена совета, бывшего судьи Конституционного суда Тамары Морщаковой, следователи, словно вторя официальному представителю ведомства Владимиру Маркину, решили обвинить правозащитников “в работе на наследников” ЮКОСа и едва ли не в получении от адвокатов Ходорковского и Лебедева денег. По словам Морщаковой, у тех, кто работал над докладом, прошли обыски. Как совет будет на это реагировать, спросили у его главы Михаила Федотова.

Федотов: Эта история стала предметом гласности только несколько дней назад. Совет еще не обсуждал эту тему. Мы знаем, что у двух человек прошли обыски, санкционированные судом. Один из этих людей участвовал в подготовке нашего экспертного заключения по делу Ходорковского и Лебедева. Я видел это постановление суда, которое дает разрешение на проведение обыска. Там сказано, что этот человек подозревается в намеренной и целенаправленной деятельности по подготовке заведомо ложного экспертного заключения с целью воспрепятствовать проведению расследования и судебной деятельности. С юридической точки зрения это не выдерживает никакой критики. Общественная экс-

¹ О. А. Жилина — псевдоним; указывается по просьбе респондента.

пертиза, подчеркиваю, проводилась по поручению главы государства. Это всё обсуждалось открыто. Для всех экспертов, которые входили в экспертную группу, в том числе иностранные эксперты, выработаны единые правила участия в работе. Они не имели права получать вознаграждение, должны были представить гарантию того, что они никак не связаны с делом ЮКОСа. Это действительно были независимые люди. Всё шло без денег. И такое обвинение сейчас — это нечто из ряда вон выходящее».

Приведем еще один пример повторяемости аналогичных подходов по устранению и компрометации владельцев экспертного знания. В данном случае — заместителя директора Центра правовых и экономических исследований М. Субботина [275]:

«Эксперты — это зеркала, в которые должна смотреться власть, чтобы получить независимое мнение и принять необходимые меры. Но похоже, если этот анализ неприятен власти, он может вылиться в уголовное дело “экспертов-вредителей”. <...>

В российскую политическую жизнь в последние годы всё активнее внедряется своего рода “стрельба по зеркалам”: за неприятный, а еще того хуже — нелицеприятный, экспертный анализ может последовать скорый на руку перевод самих экспертов в число подозрительных, неблагонадежных и поднадзорных. Что сопровождается лишением их источников финансирования научных разработок и, как следствие, фактическим запретом на профессиональную деятельность.

Государственные мужи готовы к резким заявлениям, но только к собственным. Практически те же слова, но со стороны, подчас рассматриваются как крамола. Еще хуже, если исследования выполнены на иностранные деньги.

Хотя, казалось бы, делать российские реформы за чужой счет выгоднее. Да и не привыкать. Например, программы, которые финансировались из-за границы, способствовали формированию в России рынков капитала, финансовой системы, сектора ипотечного кредитования, разных программ в области здравоохранения, включая программы по борьбе с распространением туберкулеза, ВИЧ и пр. То есть чужие деньги шли туда, куда, к сожалению, не шли деньги российские. А должны бы были.

“Речь идет о попытках влиять через распределение грантов на политические процессы”, — заявили в МИДе, комментируя деятельность USAID. Туберкулез и ипотека — это “политические процессы”? А если нет, то почему все программы американского агентства прихлопнули чохом? Не ограничиваясь обсуждением собственно тем якобы страшно “политических”? <...>

Центр — это группа уважаемых экспертов, состоящая из судей на уровне заместителей Председателя Верховного и Конституционного судов в отставке, людей, посвятивших себя становлению российской судебной системы и правовым реформам. В состав экспертов входили также авторитетные адвокаты, экономисты, иностранные ученые. <...>

Ирония судьбы: боролись за верховенство права — получили уголовное преследование.

Те, кому не нужен был честный оппонент, решили его убрать силовым способом? Был Центр — и нет его: изъятие профессиональных архивов и вообще всех документов Центра, всех наших компьютеров, флешек, дисков и т.п., личных и членов наших семей, проникновение в частную переписку и изъятие конфиденциальных документов, аналитических записок для членов правительства, видных политиков и т.д. В том числе никак не связанных ни с деятельностью Центра, ни с материалами для подготовки к той престижной экспертизе. Центру-то три года, а моей научной деятельности — уже больше трех десятков лет. Где теперь все это; как будет интерпретировано: фрагментарно использовано, вырвано из контекста, против кого?»

Отсюда, четвертая технология — легитимация регламентов, позволяющих непрофессионалам, имеющим ресурс власти, предопределять деятельность профессионалов. Приведем пример из биографического интервью палатной медицинской сестры (высшая категория, стаж более 20 лет, высшая категория, работает в хирургическом отделении крупной детской больницы Екатеринбурга):

«У нас сейчас доходит до смешного, когда функция становится важнее действия. Ну, вот привозят ребенка с панарицием. Ситуация не самая сложная, не требуется длительное лечение с применением антибиотиков и большого количества процедур. Медицинский страховочный фонд может отказаться оплачивать этот случай, так как он не укладывается в их

стандарт. Врачи и медперсонал проработали бесплатно. Да еще и виноваты: перерасход материалов».

Из биографического интервью врача-дежуранта стационара районной поликлиники Екатеринбурга (высшая категория, стаж работы 21 год):

«Ситуация невероятная: привозят по “скорой” больного с отеком Квинке, когда требуется, как минимум, трое суток лечения с капельницами, гормонами и т.д., так как отсутствие лечения при подобных острых аллергических реакциях может закончиться и параличом, и удушьем. Что получается “на выходе”? По действующему медико-экономическому стандарту стационар не получит от страхового фонда полной компенсации на лечение больного: стандарт “выходит” дешевле. Еще, говорят, с января 2013 г. коэффициент квалификации узких специалистов будут устанавливать руководители медицинских учреждений, где они работают. Интересно, как они смогут сохранить объективность по отношению к специалистам в тех “узких” областях, с которыми никогда в жизни, кроме как в роли пациентов, не сталкивались; в которых не были и никогда не будут профессионалами? По принципу личной преданности профессионалов?»

Пятая технология — имитация действия вместо реального действия во всей полноте параметров, востребованных реальными практиками. Примеры тому: символический размер пособия матерям, чьи дети достигли полутора лет; заработная плата учителей и врачей; перманентное реформирование социальной сферы без анализа причин обострения несоответствия между эффектами, декларируемыми управленцами, и реальной жизнью людей.

Профессиональный непрофессионализм не только присутствует в социуме, но и предопределяет практики повседневности, отражается на поведенческих стратегиях субъектов интеракций и главное — на перспективах дальнейшего развития страны. Это актуализирует перспективную научную востребованность исследования указанного нами явления. Одновременно подтверждается наличие риска отказа от ответственности за направленность знания в позитивное для социума русло.

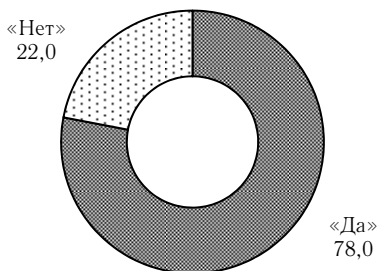
Мы уже обращались к констатации Г. Леманна о том, что «сам жизненный мир меняется и наполняется совсем другим: мир становится, с одной стороны, радикально необозримым (этот аспект предугадал Юрген Хабермас в своем выступлении «Новая необозримость»), а с другой — радикально ненадежным (Ульрих Бек с полным правом говорит об «обществе риска»), так как следствия социальных решений из-за рефлексов побочных последствий **перестают** быть прозрачными» [155. С. 90].

Думается, что тенденция к снятию «покрова тайны» с побочных последствий, наоборот, является ведущим признаком актуального социума. Другое дело, что одновременно усиливается стремление и личностей, и общностей, иницирующих их появление и/или имеющих выгоду от этого, перераспределить ответственность за происходящее. В ракурсе наших рассуждений можно говорить о деятельности, иницирующей отчуждение от знаний. Для этого используются различные методы манипулирования, в том числе мифологизация прошлого, имитация борьбы со следствиями, а не причинами фактов и явлений, ориентация общественной активности на поиск «врага» и т.д. Всё это достаточно аргументированно представлено в современных социологических исследованиях.

Расширенная благодаря ИТ, действенная направленность знания о том, «что» и «как» следует включать в жизненные планы, граничит с расширением зоны НЕ-знания «зачем» и «почему». Это подтверждает непрофессионализм, т.е. отказ от знания, доведенный до уровня невежества, представленный, например, при освещении событий грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. Тогда властные институты России через СМИ неубедительно оправдывались перед мировым сообществом, об-

винившим их в агрессии и применении силы, не соразмеримых с опасностью ситуации. Еще одним из многочисленных примеров расширения зоны незнания «зачем» и «почему» и девальвации научного понимания происходящего в социуме является повышение с 1 января 2011 г. ставки единого социального налога (ЕСН) с 26 до 34 % [188].

В декабре 2010 г. служба исследований компании HeadHunter провела пилотажное исследование в 932 компаниях. Распределение ответов респондентов (HR-специалистов) об информированности по предстоящим налоговым изменениям приведено на рис. 8.

Рис. 8. Информированность HR-специалистов о повышении ставки ЕСН с 1 января 2011 г. с 26 до 34 %, %

Как видим, 78% специалистов знали о повышении ЕСН; 22% указали на то, что «не знают об этом». И те, кто был информирован, и те, кто считал более выгодным для себя указать на недостаток информации, достаточно четко указали на ориентацию предпринимательской активности для минимизации отрицательных экстерналий от правительственного решения. В компаниях с численностью работников до 10 чел. доминирует тактика введения «серых» зарплат (32%) и уклонения от налога. В компаниях численностью от 10 до 100 сотрудников HR-специалисты планировали выведение заработной платы в «серую» зону или изменение схем начисления «легальной» заработной платы. В компаниях с численностью сотрудников от 100 чел. и более должна была доминировать та схема уклонения от потери прибыли за счет повышения ЕСН, которая окажется более выгодной непосредственно к началу выплат. В компаниях с численностью сотрудников от 500 до 1 000 чел. планировался выбор между «серым» вариантом и корректировкой штатного расписания. Руководство компаний, в которых численность сотрудников превышает 1 000 чел, допускало перспективу снижения прибыли (19%), корректировку штатного расписания в соответствии с новыми затратами (15%).

Ниже показано, что за две недели до практического повышения ЕСН с 26 до 34% в выборе руководства компаний присутствовали планы по минимизации потерь за счет снижения уровня социальных гарантий работников (рис. 9). Это должно было происходить посредством сокращения штата, введения «серых» заработных плат, «замораживания» индексации, увеличения нагрузки на оставшихся после сокращения персонала работников, аутсорсинга и т.д.

В июле 2011 г. Александр Починок [39] констатировал, что правительство «перегнуло палку» с повышением ЕСН. В ответ «умные работодатели» начали массовый перевод сотрудников с условий трудового найма по постоянным договорам на гражданско-правовые договоры об услугах. Это давало экономию более 5% в выплатах ЕСН (или страховых взносов), но лишало работников права на медицинское страхо-

вание, оплату больничных листов и т.д. В результате изменились условия трудовых отношений **5 млн работников**. Если учесть, что от одного работающего зависит, как минимум, один член семьи, то пострадали интересы более чем 10 млн чел.

Рис. 9. Планируемые действия HR-специалистов по минимизации экстерналий от повышения ЕЧН, %

Потери от недополученных перечислений Фондов обязательного медицинского страхования не артикулируются. Но если учесть что, по данным Росстата, средняя номинальная заработная плата по России в первом полугодии 2011 г. составила 22 508 р. [81], то потери Фондов обязательного медицинского страхования могут быть выражены суммой 5 млрд 627 млн р. в месяц.

Эксперты, привлеченные газетой «Ведомости», подводя итоги 2011 г., оценили, как отреагировал бизнес на прошлогоднее повышение ставок страховых взносов с 26 до 34% [141]:

1) эксперт Академии народного хозяйства Татьяна Омельчук:

«Сократились и фонд оплаты труда, и его доля, с которой платятся взносы, и — при общем росте занятости — число наемных работников, часть которых перешла в неформальный сектор экономики, где зарботки ниже, а взносы с них платятся хуже.

Фонд заработной платы, по оценкам Минэкономразвития, по итогам года впервые оказался ниже, чем в изначальном прогнозе, на основе которого верстаются все бюджеты (хотя еще в сентябре Министерство полагало, что зарплатный фонд окажется выше). Из-за этого прямые потери региональных бюджетов по сбору налога на доходы физических лиц (НДФЛ) составили 17 млрд р. ...

...внебюджетные фонды недосчитались 281 млрд р., а недобор НДФЛ составил еще 110,8 млрд р. <...>

Потери страховых фондов усугубились ухудшением собираемости взносов и сокращением налогооблагаемой базы (зарплат до 463 000 р. в год). <...> В 2010 г. Пенсионный фонд планировал, что под налогооблагаемую базу подпадает 90,2% фонда зарплат, при этом удастся собрать 97% взносов. На 2011 г. база была снижена до 83,8%, а коэффициент собираемости — до 95%. Если бы доля зарплат, с которых платятся взносы, и их собираемость остались прежними, внебюджетные фонды в 2011 г. могли бы получить больше на 370 млрд р., или почти на 0,7% ВВП».

2) Президент Центра стратегических разработок Михаил Дмитриев:

«Зарплатный фонд все же немного превысил уровень, заложенный в бюджет, (что следует из предварительных данных Росстата, но его доля в ВВП за год снизилась сразу на 2% — до 24% (до 2010 г. она росла). «Снижение фонда зарплат к ВВП на 2% в значительной мере связано с выводом фонда оплаты труда работодателями из-под налогообложения в теневой сектор или малый бизнес»».

«Таким образом, в общей сложности потери государства составили 780 млрд р., или 1,45% ВВП, причем соцфонды недобрали почти 20% доходов (по данным Казначейства, они собрали 3,3 трлн р.)».

Поверхностная и не учитывающая расчеты констатация изменения условий трудовправовых отношений 5 млн работников конкретизировала для властных институтов не задачу возврата к более рациональному налоговому режиму, а пересмотр норм Трудового кодекса РФ. Но и здесь планируется пересмотр не норм ответственности работодателя за снижение объема социальных гарантий, невыплату заработной платы, а регламента условий для работников, содержание труда которых позволяет вести профессиональную деятельность, используя домашнюю компьютерную технику или другие технологические средства за пределами формальных границ предприятия.

В связи с представленными аргументами теоретический ответ на вызов того, что должно стать «прозрачным», — на вызов побочных эффектов модернизации, необходимо ускорять. В противном случае социальная сфера, первой принимающая на себя «удар», так как она связана с системой социального распределения благ, может стать неуправляемой, подтверждая тезисы теоретиков рефлексивной модернизации о «непредсказуемости последствий».

М. Эйкен (Mike Aiken) [352], анализируя социальную сферу экономики в ракурсе социологических проблем рефлексивной модернизации, отмечает, что новая теория позволяет преодолевать «скованность действий», связанных «десятилетиями господства структурного детерминизма в его функциональной и марксистской формах». Указанное преодоление необходимо для анализа инноваций. Так, в практиках повседневности происходит слияние коммерческой и социальной активности, что размывает традиционные границы между частным, государственным и общественным (в оригинале — *voluntary*) секторами. Следовательно, актуализируется востребованность и нового знания (методов, форм, теории оценки), и его отторжения, и, разумеется, ухода от фетишизации технологий во всех ее формах. Сказанное подтверждается тем, что достаточно оптимистичная констатация М. Эйкеном «размывания традиционных границ» сегодня при артикуляции последствий экономического кризиса начала XXI века приобретает рискованный характер экстерналий. С одной стороны, предпринимаются попытки отказаться от применения знаний, основанных на фридменовском монетаризме [314]. Сопутствующие кризису социально-экономические потрясения как нельзя более точно подтвердили постулат, приписываемый М. Фридмену: «Единственно уместная проверка правильности гипотезы — это сравнение ее прогнозов

с действительностью». С другой стороны — теории, способной исполнить роль правопреемника монетаризма, быть на равных с гипотезами, готовыми к верификации практикой, сегодня пока нет. Поэтому менеджериализм — социальная деятельность, являющаяся, с нашей точки зрения, экстерналией монетаризма, — активно способствует замещению исполнительных функций власти на контролирующие и распределительные. Весь гигантский блок социальных обязательств, которые должны выполнять институты власти, перекладывается на общественные структуры. В некоторых странах (например, в Дании) — не без успеха; в России — с провальными для социальной сферы результатами, о которых пишут А. С. Ахиезер, Т. И. Заславская, В. Л. Иноземцев, Р. Х. Симонян, В. А. Ядов, О. Н. Яницкий и другие ученые, на работы которых мы уже ссылались и будем ссылаться далее.

Следовательно, активизация новых форм социального взаимодействия может привести как к позитиву, так и негативу. Не случайно Н. Мюзелис (Nicos Mouzelis) [408] позитивно оценивает определение Э. Гидденсом теории перехода к социализму в любой его модификации («демократический или нет») как утопию. На смену приходит не менее утопичная, с нашей точки зрения, задача осмысления «гуманизации капитализма». Она остается нерешенной, так как «интеллектуалы, которые отказались от марксизма», направили «свой радикализм» на «постструктуралистское теоретизирование». В результате они мало что могут сказать о «нынешней сложной ситуации и перспективах на будущее нашего пост-современного мира».

Итак, наша попытка эмпирически подтвердить концепт, приведенный в начале раздела, представляется достаточно удачной: опыт показывает, что любая социальная инновация может быть доведена до абсурда, если ее разработка и внедрение осуществляются в условиях низкой управленческой культуры, стагнации системы справедливого социального распределения знаний и господства догматического стиля мышления, т.е. НЕ-знания как результата отторжения знания.

2.4. Риск отставания трансформации институциональных структур и регламентов от появления новых социокультурных проблемных полей

Знание, как и НЕ-знание, всегда присутствовало в динамике социума. Другой вопрос: как решались проблемы его социального распределения и институционализировались установки на его ценность? В условиях, определенных как рефлексивная модернизация, не только социально-теоретические интерпретации пока идут «вдогонку» происходящему, но и институциональные структуры; действуют же и трансформируются они зачастую с очевидным опозданием. Во всем реально происходящем отторжение знания сегодня наравне со знанием участвует в эскалации рисков.

Первый сегмент проблемного поля связан с взаимным влиянием традиций и инноваций.

Динамизм социокультурных процессов, происходящих в России, как и во многих странах, характеризуется противоречивостью изменений, связанных, прежде всего, с ускорением проявления результатов взаимовлияния новых и традиционных форм интеракции. Можно говорить о своеобразном маятнике, амплитуда колебаний которого резко сократилась. Если полвека назад инновационные и традиционные формы социального взаимодействия как бы «притирались» друг к другу по несколько десятилетий, то сегодня налицо рельефные проявления интериоризации «нового» и «старого» на достаточно коротких временных дистанциях до 3—5 лет.

Размыты сущностные признаки этого «нового» и «старого», поскольку известная максима «Всё новое — это хорошо забытое старое» не утратила, а наоборот, усиливает свое значение. Это связано с тем, что в отсутствии в актуальных практиках ощущения стабильности и определенности перспектив акторы и общности ищут опору в проверенных опытом аксиомах, нормах, ценностях. В связи с этим поляризуются и ужесточаются фреймы идентификации «своих» и «чужих». Одновременно развитие глобальных сетей расширяет и возможности анонимного (обезличенного) взаимодействия. Это обостряет противоречивые практики параллельного поиска самих себя при доступности «ухода в тень», в безличность и, соответственно, в самоустраненность от ответственности за предпринимаемые действия как для субъектов, так и для общностей. Но одновременно ускоряется актуализация действий акторов и общностей, так как они получают расширенную и достаточно оперативную информационную базу для сравнений, анализа и оценок текущего положения в том или ином социуме.

Повторим сказанное ранее о том, что «прагматические режимы вовлеченности» (*pragmatic regimes of engagement*) [436], которые характеризуют культуру существования актора в условиях пересечения множества социальных миров, и в новых социокультурных условиях, как и ранее, конституируются знанием. Все динамические системы intersубъективных взаимодействий и в причинно-следственном аспекте, и на уровне общественного блага — в аспекте ценностном характеризуются прагматическим позиционированием всех акторов социума по отношению к собственности на знание. Этим предопределяются стратегии и индивидов, и общностей, направленные на минимизацию рисков от неопределенности настоящего и будущего, на достижение ощущения стабильности и ясности, безопасности в коммуникациях. Именно знание формирует тактику прямого и непрямого сопротивления «слабых и подчиненных социальных групп» [425] «сильным», новые социальные конфликты и формы выхода из них. Благодаря знанию индивиды, «которых часто рассматривают просто как потребителей навязываемого им извне социального порядка, на самом деле не просто пассивно потребляют его, абсорбируя его законы и правила и подчиняя себя им; они используют навязываемые им формы порядка согласно собственным нуждам, подгоняя их под себя» [376].

Изменилась направленность приложения индивидуальных сущностных сил. Ведущим мотивом формирования стратегии личности по отношению к знанию является, как указано ранее, мотив снижения беспокойства, риска неопределенности, социальных страхов как на микроуровне социальной реальности (семья, друзья, «значимые другие» — референтные группы), так и на макроуровне — в иерархии ценностей во взаимодействии с институтами. На уровне эпистемической культуры это касается объектов, которые замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них. **С этим связан второй сегмент проблемного поля — актуальность трансформации институтов, институций и регламентов и их соразмерность, гармоничность изменениям в социуме.**

В российских практиках это утверждение обретает особую актуальность в связи с усилением социальной зависимости человека.

И. А. Гуськов, исследуя этот аспект социальной реальности, отмечает, что постклассическая социологическая мысль (П. Бурдье, Э. Гидденса) определяет социальную зависимость в терминах социального пространства, социальной ресурсообеспеченности [71. С. 5]. В концепции П. Бурдье социальная зависимость определяется различием социальных позиций, осознанных индивидами в социальном пространстве. Э. Гидденс характеризует социальную **зависимость как форму социального отчуждения**, неполное участие отдельных людей и групп в жизни общества. Речь идет

о выталкивании целых групп людей из управления социальными институтами и формировании у людей настроений «социального одиночества».

З. Бауман связывает социальную зависимость с концепцией «индивидуализированного общества», которое под влиянием нестабильности и неопределенности социальной жизни трансформируется в состояние массовых страхов и неуверенности, стратегии отказа от социальных обязательств и идентификационного выбора.

П. Штомпка исследует социальную зависимость как следствие асимметрии социальных отношений, нарушения баланса прав и обязанностей социальных групп как по отношению к обществу, так и на социальном микроуровне. Социальная зависимость относится к сфере социальных отношений, сущность которых не в социально-ролевом взаимодействии, а в воспроизводстве социальных различий, выступающих барьерами на пути достижения гармоничных социальных отношений.

В целом, как отмечает далее И. А. Гуськов [71. С. 5], **постклассическая социология отвергает «естественность» социальной зависимости и предлагает деятельностный подход к проблеме, определяя социальную зависимость как стратегию социального действия, присоединения к господствующему классу или воздействия социально-компенсационных процедур, как у П. Бурдьё, или как схему практического действия, исходящую из локализованности социальных институтов, как у Э. Гидденса.**

В нашем исследовании речь идет о социальной зависимости от объема прав репализации собственности на знание и поведенческих стратегий по его отторжению, предопределяющих и схемы практических действий, и технологии присоединения к господствующему классу, и активность акторов и общностей в интеракциях процесса социально-компенсационных процедур.

Стратегии трансформации знания в действие субъектами социокультурных практик детерминируются «точками опоры», которые избираются акторами для конструирования индивидуальных жизненных миров. Как известно, по мнению П. А. Сорокина, «структура социокультурного взаимодействия имеет три неотделимых друг от друга аспекта:

- 1) личность как субъект взаимодействия;
- 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами, что неизбежно реализуется через действующие институты, регламенты и процедуры;
- 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [266. С. 218].

Это происходит в условиях, когда на социетальном уровне обозначилась смена типов «включенности» собственно процесса познания в совместную и индивидуальную деятельность людей. Как уже неоднократно отмечалось, практики повседневности связываются с «атомизацией», «фрагментацией» индивидуальных жизненных миров, с глобальным, по У. Беку, разрывом между языком обозримых рисков, в рамках которых мы мыслим и действуем, и миром необозримых угроз, которые мы также сами создаем.

Сказанное связано прежде всего с тем, что потребность носителей знания в обществе знания к снижению рисков от недоверности смыслов, ангажированности, недобросовестности интерпретаторов фактов и явлений социокультурной интерсубъектности реализуется в условиях, которые были названы М. К. Мамардашвили поиском «точки опоры» в жизни как условия «не-распада личности». В таких условиях особое значение приобретает призыв М. Вебера к поиску культурного значения конкретных исторических связей, что предполагает возможность «выходить за

рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением. Это и есть так называемые личностные основания» [77].

Такие основания выделяли, например, М. Вебер и В. Парето. По утверждению последнего, «человек не является абсолютно рациональным существом, у него есть также и чувства, и вера. Более того, даже самый здравомыслящий человек не может избежать влияния партийных пристрастий, возможно, даже не осознавая этого, по отношению, по крайней мере, к тем проблемам, для решения которых он вынужден выйти за пределы области науки» [413].

«Властное давление» имеет ограничения, на которые обращали внимание П. Бергер и Т. Лукман [23]. Ограничения связаны с тем, что в своей практической деятельности индивиды минимизируют затраты рациональных и эмоциональных ресурсов посредством процедуры типизации, основным содержанием которой становятся понижение порога неопределенности возможных выборов и повышение предсказуемости возможных исходов при тех или иных вариантах действия.

Траектория и технология такого действия предопределены осмыслением ролевых и статусных позиций индивида в коммуникациях и во взаимодействии, прежде всего, с институциональной и властной структурами, оказывающими на него давление. Последнее, как известно, реализуется через соответствующие регламенты. Если они «запаздывают», индивид неизбежно будет искать и находить возможность индивидуального уклонения или подчинения внешнему давлению.

Отсюда и усиливающаяся, например, в современном российском обществе двойственность практик индивида: человек отмечает, что принуждающие и подчиняющие потенции институтов сохраняют силу, но одновременно, в условиях децентрации источников власти и доминирования персонификации регулятивных механизмов реализации их практик, демонстрации лоббирования интересов властных структур в ущерб интересам большинства населения, индивиды предпочитают следовать личностно значимым предпочтениям и притязаниям. А это значит — возвращаться в личностном сознании к тем регуляторам, которые себя не скомпрометировали очевидной социальной опасностью, высоким порогом неопределенности и низкой предсказуемостью в предшествующем социальном опыте (имеется в виду, прежде всего, опыт религиозный).

Здесь уместно напомнить известный тезис Э. Дюркгейма о том, что именно религиозные процессы и институты выступали и продолжают выступать, как реальные, «живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере, тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются... По мере того, как вышеназванные силы формируются, они налагают свою власть на индивида» [90. С. 127, 133]. Именно они вооружают людей «правильной» технологией преодоления кризисных состояний и укрепления солидарности, «цементирующей» и сплачивающей общество в единое целое.

Считаем целесообразным рассмотреть подход В. И. Ильина к осмыслению сути социального пространства. Ученый, как известно, описывал его как некое силовое поле, создаваемое взаимодействующими индивидами, их практиками, но вместе с тем имеющее свое особое (системное) качество, отсутствующее в индивидах (например, государство, право, обычай, мораль). «Связующими нитями» акторов и этого социального пространства становятся усвоенные ими социальные роли и ценности, прежде всего на уровне интериоризированного знания об этих нормах и ценностях. Регла-

менты институтов и институций либо усиливают, либо ослабляют указанные «связующие нити».

Индивиды, играя предписанные им социальными институтами роли, воспроизводят эти институты, обеспечивающие, в свою очередь, воспроизводство социальных общностей, расположенных в иерархическом порядке. А институциональный порядок, как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, возможен лишь постольку, поскольку он реализуется в исполняемых ролях; одновременно роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер и придает им объективный смысл.

Инновации, проявляющиеся в практиках повседневности, требуют большего, чем *know how* (ноу-хау). Они, прежде всего, порождают новые социальные отношения, не отменяя предшествующих окончательно. По Й. Шумпетеру, происходит коэволюция (творческое разрушение). Но инновации, например в ИКТ, происходят не в вакууме — они «тесно встроены в человеческую деятельность и очень сильно зависят от социальных и экономических контекстуальных сил» [368. Р. 48].

Здесь уместно указать базис, объединяющий указанные выше **два сегмента проблемного поля**. На это обращает внимание Б. Модии, когда говорит о **риске, связанном с нежеланием «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем**. Так, после террористических актов конца XX — начала XXI века «реакция Соединенных Штатов и их союзников была связана с сосредоточением внимания, главным образом, на уничтожении симптомов (“враги” в Афганистане, на Филиппинах, в Ираке, Иране или Сомали, а также протесты против глобализации), а не на участии в устранении возможных причин» [407. Р. 53–59]. К ним Б. Модии относит ускорение международных инвестиций промышленного и финансового капитала без реальных достижений демократического регулирования в интересах граждан, работников и потребителей. Однако как показали события на Ближнем и Среднем Востоке, сегодня нет единства в восприятии сущности демократии в рамках дихотомий «Север — Юг», «Запад — Восток».

Один из аспектов нашей констатации опосредованно подтверждает Б. Модии, когда подчеркивает негативные социокультурные последствия того, как принадлежавшие США новостные и развлекательные телевизионные СМИ воздействуют на жизненный мир людей, живущих менее чем на 2 дол. в день: **«Именно на их мышление направлена массированная информация о жизни в теплых домах с водопроводом, современных клиниках и школах»** [407. Р. 53]. С одной стороны, людей убеждают в том, что они имеют право на пищу, одежду, жилье и доступные коммуникации, а с другой — в реальных условиях их ограниченной покупательной способности экономического всплеска в индивидуальных практиках не наступает. Поэтому внутри отдельных социумов возрастает социальная напряженность, прежде всего, в связи с очевидным противоречием между навязываемыми образцами достойной жизни и осознанием ее недостижимости. Если институты и институции не корректируют свои регламенты в соответствии с подобной ситуацией, то именно в них индивиды и общности начнут искать источники индивидуальных неудач. В связи с этим мы имеем все основания говорить об уже имеющемся отставании трансформации институциональных структур и регламентов появления новых социокультурных проблемных полей и риске обострения негативных экстерналий от этого процесса в перспективе. Кроме того, следует учитывать указание У. Бека на порождение актуализированным варварством его новых форм и видов, а также на риск отказа индивидов от ценностей того, что называется постиндустриальным обществом.

Процесс отставания можно представить в разных аспектах. Один связан с комплексным отставанием институциональных структур и регламентов, второй — с локальным отставанием отдельных структур и/или регламентов, вызывающим синерге-

тические эффекты разной степени остроты. Например, деструкции института образования опосредованно отражаются на всех социальных структурах — от института семьи, вынужденной подстраиваться в своих поведенческих стратегиях к осознаваемым реалиям до трудовых, социокультурных практик в целом.

Так, результат недостаточной эффективности процесса создания условий для развития креативных качеств выпускников образовательных учреждений (известная подмена инструментальной сущности образования на формальную — получение документа, подтверждающего определенный уровень образовательного ценза) сказался на качестве трудовых ресурсов на рынке труда. По данным исследований, проведенных Всемирным банком совместно с Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ (ЛИРТ НИУ ВШЭ), ведущими дефицитными компетенциями являются когнитивные (познавательные) навыки высокого порядка, к которым следует отнести, прежде всего, экстравертность (открытость к решению новых задач) и социальные навыки [130]:

«...раз в 2–3 года Всемирный банк проводит международное исследование различных преград для роста, с которыми сталкивается бизнес в разных странах — исследование ВЕЕPS. Три последних исследования показали, что в России проблема нехватки адекватных навыков, компетентностей входит в тройку ключевых проблем, препятствующих росту компаний, идя рядом с коррупцией и проблемами налогообложения и опережая проблемы доступа к финансам, энергии и земле. <...>

...работникам не хватает разных навыков и компетенций... на поверхности лежит нехватка узкопрофессиональных навыков, навыков, специфичных для конкретной профессии, — работодателю несложно заметить, что, условно говоря, бухгалтеру не хватает навыков бухучета.

Работодателям остро не хватает когнитивных (познавательных) навыков высокого порядка и социальных навыков. Современное рабочее место требует от рабочего, специалиста, руководителя способностей решать проблемы, работать в группе и самостоятельно, эффективно взаимодействовать с коллегами. Эти навыки активно задействованы в производственном процессе; работодатели ищут их при найме сотрудников и признают, что восполнить такой дефицит довольно сложно.

Особо остро стоит проблема нехватки таких социальных и сложных когнитивных навыков среди инновационных фирм. Такие компании могут позволить себе заплатить достойную зарплату работнику, но все равно не могут закрыть потребность в навыках. Таким образом, нехватка адекватных навыков и компетентностей существенным образом ограничивает потенциал инновационного роста нашей экономики.

...мы рассмотрели три крупные группы занятого населения — рабочие, специалисты, руководители. Конечно, дефицит навыков для этих трех ключевых групп различается. Хотя есть и общие проблемы — нехватка такого навыка, как умение решать проблемы, актуальна для всех. Для рабочих, например, очень остро стоит проблема добросовестности наряду с нехваткой чисто профессиональных навыков.

У специалистов неплохо обстоят дела со знанием иностранного языка и основ компьютерной грамотности. Но как только речь заходит о более сложных когнитивных навыках, начинаются провалы.

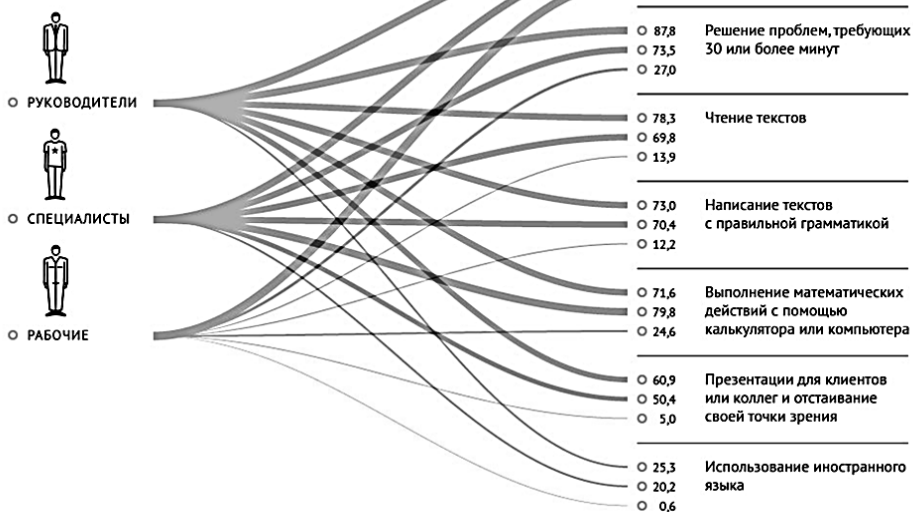
Руководителям зачастую не хватает лидерских качеств, умения решать нестандартные задачи. Отдельное значение работодатели при приеме на работу придают личным связям руководителя».

Как видим, речь идет о качественных характеристиках субъектов рынка труда. Однако эти качественные характеристики не формируются, например, только в условиях системы среднего или высшего профессионального образования. Способность к их позиционированию закладывается еще в период перинатальных практик и закрепляется на каждом этапе приобщения личности к образовательным целям и задачам.

Следовательно, если дефицит когнитивных и социальных компетенций проявляется — это результат его закрепления в институте семьи и, конечно же, в институте образования. Но синергетический эффект позже охватывает все социальные институты и сферы, что представлено достаточно наглядно на рис. 10.

Действия, которые выполняют сотрудники на работе

По результатам опроса работодателей*

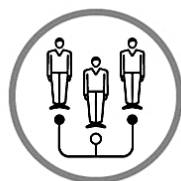

Навыки/компетенции, которых больше всего не хватает сотрудникам для успешной работы в условиях инновационной экономики

По результатам опроса работодателей*

	○ РУКОВОДИТЕЛИ	○ СПЕЦИАЛИСТЫ	○ РАБОЧИЕ
Способность принимать нестандартные решения	☹	●	●
Знание иностранных языков	☹	●	●
Лидерские качества	☹	●	●
Открытость к новым идеям	☹	●	●
Умение решать проблемы	☹	☹	☹
Способность сотрудничать с другими	●	☹	●
Способность работать самостоятельно	●	☹	●
Профессиональные навыки	●	☹	●

Вывод: для инновационного развития России необходимы не только профессиональные, но и другие навыки

Навыки/компетенции, связанные с коммуникацией, взаимодействием, совместной работой (социальные и поведенческие навыки)

Навыки/компетенции, связанные с умением решать проблемы, нестандартно мыслить (когнитивные навыки высокого порядка)

Данные навыки/компетенции востребованы сейчас на рабочих местах, работодатели активно ищут сотрудников, владеющих ими, но их по-прежнему не хватает

Рис. 10. Дефицитные компетенции современных работников

Из биографического интервью для автора монографии Ф.С.С.¹ — рабочего-электрика (1955 г. рождения, женат, образование среднее специальное):

«В бригаде на стройке, кроме меня, 6 ребят-электриков в возрасте от 24 до 35 лет. Я — самый “старый”. Работают они “на износ”. После рабочего дня и недели на стройке идут халтурить. Но заработанных денег хватает только на прожитье. По-моему, они даже не знают, что есть театр или хотя бы цирк, куда можно пойти вместе с детьми. Никто не служил в армии по объективному состоянию здоровья. Не знаю, как это связано с их нежеланием учиться после школы, но во время работы они абсолютно не способны что-то решить за пределами “соединить красный проводок с этим выходом, а желтый — с тем”. Читать схемы, искать, как можно что-то сделать более рационально, они и не могут, и не хотят. Вся работа — “от” и “до”. Тупо, на износ ... Не представляю, как так можно работать... Когда я пришел после школы, а потом после флота на железную дорогу электромехаником, я знал, что если не смогу читать схемы, понимать, что и почему работает, меня просто не допустят к работе. Эти навыки остались навсегда, и нужны мне сегодня на стройке, хотя сейчас уметь думать не только за пределами — даже рядом с проводами, которые подключают, — не стыдно...».

Интервью достаточно показательное: не только работодатели, но и рабочие «старой закалки» оказываются в растерянности в условиях дефицита когнитивных и социальных навыков у более молодых работников. На аналогичные проблемы указывают и другие информанты.

Из биографического интервью магистранта К.Д.А. (программа магистратуры «Конкурентная разведка в международном бизнесе» Уральского государственного экономического университета), менеджера отдела экономической безопасности ООО «Х»:

«Общая численность работников нашей промышленной группы — около 5 000 чел.; восемь производственных площадок в России и зарубежье. Средний объем закупок одной производственной площадки варьирует от 3 до 10 тендеров в день. Здесь мы сталкиваемся с тремя проблемами: первая — то, что реальный процесс закупок бывает гораздо сложнее, чем это может показаться. На него постоянно воздействуют факторы неопределенности, что усложняет контроль над процессом. Для решения этой проблемы мы должны регламентировать процесс принятия решения, а также четко обозначить критерии выбора победителя.

Вторая проблема, и я бы сказал, ведущая — это разный уровень подготовки и навыков специалистов ОМТС. Ощущается явный недостаток знаний у выпускников вузов (по общему уровню компетентности) в вопросах поиска и оценки поставщиков, навыков анализа и поиска нужной информации в Интернете. А это зачастую еще проблематичнее, чем сама проблема. Здесь очень важна проверка контрагентов, с которыми компания планирует контрактиться. Бывают случаи ценового сговора поставщиков, или компании, предлагающие лучшую цену, не участвуют в тендерах по различным причинам.

Во избежание подобных ситуаций стоит производить мониторинг рынка по наиболее чувствительным позициям. Для этих целей мы должны использовать доступные и бесплатные средства (например, возможности поисковиков). По нашей производственной площадке могу сказать, что около 90% специалистов используют поисковую систему Яндекс, расширенным поиском умеют пользоваться около 50% специалистов. Грамотный язык запросов используют менее 10% специалистов. Это сказывается на эффективности анализа принимаемых решений, снижает их оперативность и в целом конкурентоспособность любой организационной структуры».

В сравнении с институтом образования деструкция института права в некотором смысле точно задевают практики повседневности индивидов — ровно в той мере, насколько они усиливают негативные ощущения акторов и общностей от давления извне. Аналогично обстоят дела с проблематикой института здравоохранения: синер-

¹ По желанию респондента здесь и далее указываются либо инициалы, либо общая информация.

гетический эффект от его деформаций вызывает ответную социокультурную реакцию в условиях непосредственных интеракций, которые не для всех и не всегда являются каждодневными.

Одним из примеров комплексного отставания могут служить качественные характеристики политики и стратегии, направленных на сохранение здоровья любой нации. Не случайно именно на этих аспектах было сосредоточено внимание экспертов, принявших участие в 62-й сессии Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на которой были представлены основы политики и стратегии 53 государств Европы относительно актуальных основ политики и стратегии «Здоровье-2020». В итоговых документах отмечается [101]:

«Хорошее здоровье людей выгодно всем секторам и всему обществу — это важнейший ресурс. Здоровье и благополучие необходимы для экономического и социального развития и имеют важнейшее значение в жизни каждого человека, семьи и сообщества. Нездоровье ведет к утрате жизненного потенциала, приводит к отчаянию и истощению ресурсов во всех секторах. Наличие у людей возможностей для контроля за своим здоровьем и его детерминантами способствует развитию сообществ и улучшению здоровья людей. Без активного участия самих людей многие возможности для укрепления и защиты их здоровья утрачиваются. Это делает необходимым использование моделей сотрудничества, основанных на общих приоритетах с другими секторами (например, качество образования, социальная интеграция и сплоченность, гендерное равенство, сокращение масштабов нищеты, а также жизнестойкость и благосостояние общества). Действия, направленные на детерминанты здоровья, представляющие собой показатели деятельности этих секторов, приводят к получению дополнительных социальных благ и соответствующих экономических преимуществ».

Исследования российских ученых подтверждают актуализирующуюся рисковость ситуации с состоянием здоровья нации. По данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков Научного центра здоровья детей РАМН, за последнее время число здоровых дошкольников уменьшилось в 5 раз и составляет лишь около 10% контингента детей, поступающих в школу. Результаты соответствующего мониторинга свидетельствуют о том, что современное состояние здоровья детей дошкольного и младшего школьного возраста характеризуется следующими тенденциями: распространенность функциональных отклонений достигает более 70%, хронических заболеваний — 50%, физиологической незрелости — 60%. Более 20% детей имеют дефицит массы тела. У детей с морфофункциональными отклонениями ведущими являются нарушения опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, аллергические проявления [293].

Т. М. Давыденко, Т. И. Шамова, Г. Н. Шибанова отмечают, что только 10% выпускников общеобразовательных школ оцениваются по категории «вполне здоровы», у 15% выявлены нервно-психические отклонения, у 50% — хронические заболевания. От 15% юношей до 30% девушек жалуются на сонливость, раздражительность, головные боли. Наиболее распространенные заболевания: сколиоз, миопия разной степени, заболевания желудочно-кишечного тракта [72].

О рисковом состоянии в этой области свидетельствуют и результаты оценок качества физического и, в некоторых случаях, психического и интеллектуального состояния новобранцев, призываемых на службу в Вооруженные Силы РФ.

Из стенограммы интервью с начальником 4-го направления (призыва и организации воинской службы) Второго Управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации А. Б. Князевым [50]:

«...Среди проблемных вопросов, которые существуют, следует отметить состояние здоровья призывников. Каждый третий призывник не годен к военной службе по состоянию здоровья либо ограниченно годен, т.е. служить не может. Эта проблема из года в год повторяется.

Ведущий конференции: То есть она не сегодня возникла? И это не такая тенденция, что раньше было лучше, а сейчас все хуже и хуже?

Князев Алексей Борисович: Эта тенденция сохраняется. Это связано со здравоохранением в ряде субъектов Российской Федерации, с экологией и рядом других факторов».

Действительно, состояние здоровья призывников (в 2012 г. было призвано 135 720 чел., как отмечалось в указанном выше интервью) из года в год ухудшается. Ситуация достаточно четко прослеживается уже в течение нескольких лет по разным регионам России:

«Во время осеннего призыва 2011 г. более 300 южноуральцев были признаны абсолютно негодными к службе. Чаще всего юноши встают на учет с заболеваниями системы кровообращения, нервной системы и др. (психическими расстройствами, наркоманией и алкоголизмом)» [54].

«В Дагестане с каждым годом ухудшается здоровье призывников. По словам специалистов, за последние годы заметно ухудшился средний показатель здоровья призывников, и с каждым годом он падает. Как сообщает корреспондент сайта “Вести — Северный Кавказ”, встречаются такие болезни, как туберкулез, сколиоз, недоедание, язвы, психические отклонения и даже наркомания. ”Число ребят со слабым здоровьем ежегодно увеличивается”, — отметил председатель военно-врачебной комиссии Махачкалы Гаджи. Налицо разные болезни: от плоскостопия до серьезных физических патологий. По словам Османова, из 10 призывников три — четыре не здоровы» [40].

«Красноярские призывники морально и физически не готовы к воинской службе. Число призывников в Крае сокращается с каждым годом по демографическим причинам.

...теперь от явки на призывную медкомиссию освобождены инвалиды детства, 1 и 2-й групп. Решение о их переводе в запас будет приниматься на основании документов.

Только в этом году в Крае по состоянию здоровья от службы были освобождены более тысячи человек. Причем динамика такова, что здоровье молодежи призывного возраста с каждым годом ухудшается. Даже призывники, которых признают годными, зачастую не в состоянии “тянуть армейскую лямку” — мускулатура не позволяет» [138].

Далее в этом же интервью конкретизируется:

«Проводя прокурорскую проверку той или иной части, приходится наблюдать физрядку солдат. Ребята 18 лет подтягиваются на перекладине 1–2 раза, 4 раза — это уже хорошо. Между тем, по нормативам, солдат должен подтягиваться 14 раз. Многие не в состоянии пробежать 5 км. Даже просто так, не на время. Зачастую солдаты, самовольно оставившие свои части, бегут не из-за того, что над ними там издеваются, бьют, а потому что просто не выносят физической нагрузки. И это тоже проблема детского воспитания. Нельзя за год армейской службы сделать из человека “Рембо”, если до этого он подтягивался один раз», — заявил заместитель военного прокурора Красноярского края Максим Волков.

Ведущая проблема призванных на военную службу — не только неготовность выносить физические перегрузки, но и физиологические проблемы, связанные с недоеданием [66]:

«Осенний призыв 2009 г. на службу в Российскую армию, который начался 1 октября, под угрозой срыва.

Минобороны не сможет призвать в армию около 50 тыс. призывников “из-за хронического дефицита в весе из-за недоедания”. “Еще 20 тыс. новобранцев с недостаточной массой тела ради плана все же отправят в части, где их будут усиленно откармливать”, — пишет газета “Труд”.

Военные медики считают, что во время осеннего призыва этого года количество призывников с дефицитом веса составит около 50 тыс. чел. <...>

Бывший начальник Центральной военно-врачебной комиссии (ЦВВК) Минобороны полковник Виктор Красников признался газете, что весной этого года из-за дефицита массы тела отсрочку от службы получили более 45 тыс. призывников. Например, некоторые ребята при росте 187 см имели вес 55 кг, хотя должны были весить как минимум 64 кг. Еще 20 тыс. доходят все-таки были призваны в войска, но их тут же на три месяца отправили «на откорм», где им давали дополнительное питание.

«Многие ребята только в части впервые в жизни ели вдоволь, а некоторые из них раньше даже не видели мяса», — рассказал замкомандира одной из частей Московского военного округа Валерий Кумекин.

По данным Минобороны РФ, в последние годы проблемы со здоровьем из-за хронического недоедания отмечаются у 170 тыс. потенциальных новобранцев.

Минобороны считает идеальным солдата ростом 180 см и весом 63,2–74,4 кг. Призывников с такими параметрами очень мало, и их сразу отбирают в Президентский полк и роты Почетного караула Московской комендатуры. В спецназ, воздушно-десантные войска, морскую пехоту берут ребят и выше, и ниже 180 см, но, главное, чтобы у них было правильное соотношение роста и веса. Например, двухметровый парень должен весить 78–92 кг, а ростом 150 см — 41–51 кг».

Было бы несправедливым указать, что внутри института армии не предпринимаются меры для корректировки сложившихся диспропорций [66]:

«По плану осеннего призыва 2009 г. в армию призовут 271 тыс. чел. В Минобороны прогнозируют, что 20 тыс. из них, не дотянувших 3–5 кг до минимально допустимого соотношения роста и веса, придется сразу поставить по прибытии в части на доппаек. Их кормят тем же, но только в двойном размере, а также дают им дополнительно сгущенное молоко и каши. Военно-медицинская академия также разработала для таких категорий солдат специальные витаминизированные смеси, один пакет которых заменяет дневную норму белков.

При этом они несут службу, как все. Единственное исключение — их временно не отправляют в караулы. А вот физические нагрузки для солдат с недостаточным питанием военные медики считают полезными — так быстрее набирается мышечная масса.

Первый опыт в России по «искусственному вскармливанию» призывников был опробован в Муромском военкомате Владимирской области еще в середине 1990-х годов.

«С некоторых пор среди призывников пошли одни хилыки, и их родители умоляли взять их в армию, объясняя это тем, что дома их просто нечем кормить, — рассказал бывший муромский военком Александр Щавлев. — Я договорился с районной больницей, и там исхудающим ребятам выделили несколько палат, где они получали усиленное питание».

Сейчас военкоматы уже никого не докармливают, потому что решение этой проблемы теперь возложен на командиров в войсках. На усиленное питание доходят только в 2008 г. Минобороны потратило 75 млн р. В этом году, по прогнозам военных, расходы на эти цели превысят уже 80 млн р.».

Как видим, в институте армии, действительно, с середины 1990-х годов принимаются меры для корректировки результатов социально-экономических диспропорций, сложившихся в социуме. Однако реальные меры комплексного межинституционального взаимодействия пока не предпринимаются.

Подход государств Еврозоны к указанным выше проблемам отражен в материалах Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, где отмечается, что справедливый доступ к образованию, хорошей работе, наличие благоустроенного жилья и достойный уровень дохода — все это способствует поддержанию здоровья [101]:

«Хорошее состояние здоровья способствует повышению производительности труда и эффективности трудовых ресурсов, более здоровому старению и сокращению расходов на пособия в связи с потерей трудоспособности и на социальную помощь».

Далее подчеркивается, что *наиболее надежный путь обеспечения здоровья и благополучия населения – совместная работа всех секторов государства, направленная на социальные и индивидуальные детерминанты здоровья, т.е. именно «хорошее состояние здоровья может способствовать экономическому подъему и развитию»* [101].

Однако институциональные регламенты сегодня явно отстают от освоения указанного выше проблемного поля. Так, Е. В. Чуева, исходя из стратегии качественного социологического исследования и основываясь на феноменологической методологии, провела сбор и анализ данных в рамках проекта «Бедность в локальном измерении». Сбор полевых материалов (наблюдения по итогам нескольких экспедиций, 116 интервью, картографические и фотографические материалы) осуществлялся в течение 2006–2007 гг. и фокусировался в трех географических точках: неблагополучном районе Саратова «Глубучев овраг», районном центре Лысые горы с близлежащими селами и удаленном от районного и областного центра селе Лысогорского района [326].

Проведенная исследовательская работа позволила Е. В. Чуевой сделать выводы о том, что беднейшие слои населения *«демонстрируют удивительное многообразие практик, направленных на выживание, удовлетворение потребностей и достижение ощущения “довольства”. Они свидетельствуют о неоднородности бедности, о невозможности предписать всем нашим информантам единый габитус, а следовательно, и выявить основные универсальные характеристики “бедных” и в принципе описать некую “культуру бедности”, характерную для современной России»*.

Автор доказывает, что ценности и нормы, оправдывающие пассивность и иждивенчество, которые могли бы сигнализировать об укореившейся «культуре бедности», о которых так много пишут современные исследователи, «далеко не являются общепринятыми и разделяемыми». Поэтому гипотезы ученых о характерном для граждан России «синдроме бедности» являются «не в полной мере обоснованы». И далее Е. В. Чуева подчеркивает, что «характерной чертой бедности в России является то, что в числе бедных в нашей стране оказываются и работающие люди социально важных профессий (врачи, преподаватели и т.п.), ведущие «социально одобряемый образ жизни». Следовательно, основные усилия на сегодняшний день, по нашему мнению, должны быть направлены не столько на борьбу с «синдромом бедности», сколько на создание условий для выхода из “круга бедности” тех, кто этим синдромом никогда и не страдал» [326. С. 96].

Для нас значим общий вывод ученого, представленный в завершении итогов исследования [326]:

«Неспособность формальной экономики поддерживать достойный уровень жизни за счет добросовестного труда определяет переход многих экономических отношений беднейших слоев населения в неформальную, теневую и даже нелегальную сферу. Поскольку не созданы на должном уровне институциональные условия реализации “духа капитализма”, трудовая активность простых людей наталкивается на серьезные барьеры и ограничения в своем применении. Разочарование в риторике значимости честного и активного труда определяет обращение беднейших слоев населения к экономическим практикам, характерным для “общества потребления” либо для “традиционного общества”. Первые из них отчасти открывают возможности маневрирования скромными средствами и создают временную видимость преодоления социальной депривации, но в то же время формируют ловушку системы “закрепощенного труда” и “круга бедности”, поскольку кредитование, позволяющее качественно улучшить условия жизни, оказывается для наших информантов недоступным. Тактики, типичные для “традиционного общества”, с одной стороны, работают на смягчение социального неравенства, но с другой – лишь сохраняют закрепленный уровень существо-

вания. Их актуализация сигнализирует о возможности возникновения серьезных социальных волнений, поскольку, начинаясь со снижения уровня собственных потребностей, подобные практики ведут к отказу государству в доверии и непризнанию легитимности обязательств перед обладателями политической власти. Полученные выводы становятся еще более тревожными, если учитывать, что современное российское общество, еще не построив правового государства, способного защищать и соблюдать интересы всех своих граждан, независимо от уровня их дохода, приложило значительные усилия для разрушения традиционных моральных принципов, складывающихся веками и обеспечивающих выживание для всех членов общества».

Мы полностью разделяем мнение исследователя. Рисковость ситуации налицо, как и отставание трансформации институциональных структур и регламентов от процесса и причин обострения сложившейся ситуации. Как известно, рост социальной напряженности непосредственно связан с риском революционных ситуаций.

Считаем допустимым скоррелировать рисковость актуальной ситуации с исследованиями Б. Н. Миронова, связанными с дискуссией ученого в рамках обсуждения структурно-демографической теории П. В. Турчина, а также с Л. Е. Грининым, М. А. Давыдовым, Л. Г. Бадаляном, В. Ф. Криворотовым и др. (см.: [180; 182; 183; 284]). Интерес для нас представляют инновационный подход к источникам и причинам революций в России в феврале и октябре 1917 г. (или двум фазам Февральской революции, как считают некоторые исследователи), когда страна «шла на подъеме», и актуальные практики революционных преобразований в России конца XX века.

На гигантском эмпирическом материале Б. Н. Миронов доказывает, что «революции начала XX века произошли не потому, что Россия после великих реформ 1860-х годов вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что **общество не справилось с процессом модернизации, или перехода от традиционного к современному обществу**» [181]. Мы рассматриваем современную ситуацию в связи не с тем, что общество не справилось с переходом от так называемого тоталитаризма к рыночной экономике, а с проблемой отставания институциональных структур и регламентов от изменений, происходящих в социуме. Следовательно, попытки проведения параллелей февральского процесса 1917 г. и актуальных практик оправданны.

Источники и причины революций 1917 г. Б. Н. Миронов видит в большом количестве побочных негативных последствий модернизации, когда конфликт традиции и современности проявился в качестве системного кризиса. К числу экстерналий модернизации отнесены увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях — от самоубийства до социального и политического протеста.

Доказательны аргументы, подтверждающие, что необыкновенный рост всякого рода протестных движений явился результатом трехстороннего процесса. С одной стороны, его инициировали дезориентация, дезинтеграция и повышенная напряженность в обществе; с другой стороны — проявились негативные экстерналии обретенной свободы при ослаблении социального контроля и увеличении социальной мобильности; наконец, с третьей стороны — в наиболее динамичных и образованных слоях общества актуализировались потребности, превышающие возможности экономики и общества их удовлетворить.

Б. Н. Миронов констатирует, что Россия перед Февральской революцией 1917 г. демонстрировала «настоящее экономическое чудо» [180. С. 67]:

«В 1861–1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя и отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на душу населения — в 1,63 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост

населения, о котором в настоящее время даже мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличилось за эти годы с 73,6 млн до 175,1 млн — в среднем почти по 2 млн ежегодно. Душевой прирост объема производства составлял 85% от среднеевропейского. С 1880-х годов темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и “среднезападных”: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно — это даже на 0,1 больше, чем в СССР в 1929–1941 гг., и всего на 0,2% меньше, чем в США, — стране с самыми высокими темпами развития в мире. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. <...>

Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало среднеевропейскими темпами.

Но главное чудо заключалось в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния, другими словами — индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьян и рабочих (около 90% всего населения в 1897 г.)».

Отметим, что к началу XX века Россия была единственной страной в мире, где реализовывалось рабочее законодательство. К концу XX века попытка модернизации сложившейся системы хозяйствования, как отмечают В. Мау и другие исследователи, была связана с начавшимся отставанием от развитых капиталистических стран, особенно усугубившимся в результате падения цен на нефть после 1986 г. [172]. Как известно, совершенствование экономического механизма, получившее известность как перестройка, предполагалось осуществить в логике НЭПа и с учетом опыта хозяйственной реформы 1965 г. В связи с этим В. Мау констатирует [172. С. 7]:

«Три важные особенности характеризуют развитие социально-экономической ситуации в СССР на рубеже 1980–1990-х годов: постепенное углубление экономического кризиса, быстрая “структуризация” социально-политического пространства с оформлением *разнообразных групп интересов, возникновение полицентризма политической власти при быстром нарастании конкуренции между различными властными институтами за контроль над развертыванием социально-политических процессов.*

Экономическая политика оказывалась равнодействующей политического противостояния. Прежде всего, это нашло отражение в потере контроля за государственным бюджетом».

Борьба интересов оказалась решающей в ситуации отрицательных эффектов от проводимых модернизационных мероприятий [172. С. 7–8]:

«В специфических современных условиях рассматриваемого периода началась “война за бюджет”: союзные республики отказывались перечислять налоги в союзный центр и настаивали на переходе к одноканальной системе сбора налогов при усилении их собственного контроля за расходами союзного правительства. Еще более острой оказалась борьба за налоговую базу, т.е. за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Стремясь заручиться поддержкой предприятий и опасаясь приближения дефицита бюджета к 10% ВВП, Правительства СССР и России, как бы соревнуясь друг с другом, принимали решения о снижении налогов для тех, кто будет находиться в их юрисдикции. Поступления в бюджет в реальном выражении неуклонно снижались».

«Война за бюджет» дополнилась «войной программ» экономических реформ и выхода из кризиса. Результатом стало опустошение прилавков и катастрофическое снижение уровня жизни. Институциональные структуры власти оказались не способны активизировать административные ресурсы. К концу 1991 г., как констатирует через 20 лет В. Мау, проявились следующие деструкции [172. С. 8–9]:

«Дефицит государственного бюджета достиг, по оценкам Мирового банка, 30,9% ВВП. Утрачивался контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Началось бегство от рубля, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, росли

административные ограничения межрегионального товарообмена по территории страны. Предприятия не имели стимулов производить продукцию, так как на получаемые ими рубли было нечего покупать. Сельскохозяйственные предприятия остановили поставки продукции государству: валовой сбор зерна сократился на 24%, а его государственные закупки — на 34%, причем в стране не существовало альтернативной (частной) системы снабжения населения продовольствием.

К концу 1991 г. запасов продовольствия в крупнейших индустриальных центрах страны оставалось на 6–7 дней.

Одновременно происходил распад органов управления Советским Союзом как единым государством: экономические и политические ориентиры республик все более расходились, а попытки воссоздать союзные структуры в виде Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными».

Таким оказался результат попыток минимизировать отрицательные последствия противостояния групп интересов, имеющих реальные институциональные полномочия и обладающих правом разработки и корректировки социальных регламентов. К 1993 г. ситуация только ухудшилась [172. С. 10]:

«Длительное воспроизводство макроэкономической нестабильности было обусловлено рядом факторов, преимущественно политических и правовых:

во-первых, отсутствием современных конституционных основ взаимодействия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, подчиненностью Центрального банка парламенту;

во-вторых, коалиционным характером исполнительной власти, в состав которой входили представители различных групп давления, что приводило к произвольности и непоследовательности принимаемых решений;

в-третьих, неразвитостью рыночных институтов (финансовой инфраструктуры рынка и др.);

в-четвертых, неурегулированностью отношений с республиками бывшего СССР, отсутствием четких таможенных границ и сохранением на протяжении 1992–1993 гг. рублевого пространства (российские власти не имели возможности в полной мере контролировать денежное предложение)».

Как видим, речь идет именно о конкретизированном выше отставании процесса трансформации институциональных структур и регламентов, что очевидно сближает негативные характеристики социокультурного фона событий начала и конца XX века. В то же время источники актуальных проблем артикулируются с точностью до «наоборот». До настоящего времени во многих аналитических и публицистических комментариях доминирует представление о том, что «бедными» в актуальных практиках являются либо «лентяи», либо те, кто «не умеет работать». Эту констатацию мы встречаем не только в выступлениях таких политиков, как М. Б. Прохоров, начавший свою публичную политическую карьеру с утверждения необходимости увеличения рабочей недели до 60 ч [226]. Она опосредованно представлена и в трудах известных экономистов, например у В. Мау [173. С. 9–39, 18]:

«Повышение зарплат врачей и учителей, инвестиции в оборудование и тому подобные финансовые шаги являются предпосылкой, но не достаточным условием решения ряда назревших проблем. Качество образовательных и медицинских услуг связано не только с уровнем оплаты и, следовательно, привлечением в социальную сферу квалифицированных кадров, но и с повышением эффективности функционирования соответствующих систем. Поэтому будет нежелательно, если реформа социального сектора завершится повышением бюджетных расходов, т.е. если первый шаг окажется и последним.

Более того, рост финансирования без структурных реформ может дать даже отрицательные результаты. *Более высокая зарплата приведет не к обновлению персонала, а к консервации кадров, сохранению тех врачей и учителей, которые давно потеряли квалификацию и не станут лучше лечить и учить, даже если им поднять зарплату в 100 раз.* Рост расходов на оборудование может обернуться тем, что заку-

паться оно будет по завышенным ценам и не то, которое действительно необходимо для больниц и лабораторий. А увеличение финансирования жилищного строительства при нынешнем уровне монополизации рынка строительных услуг может привести лишь к взвинчиванию цен и обогащению кучки предпринимателей — локальных монополистов.

Словом, деньги являются только первым — и не самым важным — шагом на пути подъема названных секторов. Необходимо одновременно активизировать усилия по проведению структурной реформы социальной сферы, особенно по реформированию бюджетных организаций».

Результаты при внешней верности приведенных выше суждений оказались как раз обратными. Реформирование структур не коснулось их сущностно-институциональных дисфункций. Уровень оплаты труда в образовании и здравоохранении и формальность модернизации системы оплаты труда — постоянная тема [242]. Заработок педагогов и врачей не только не вырос — он резко упал при параллельном, не менее резком увеличении профессиональной нагрузки. Как следствие, и в образовании, и в здравоохранении, и в других сферах закрепились те, кто ни при каком повышении заработка не сможет ни хорошо учить, ни хорошо лечить. За прошедшие годы они просто стали руководить работой тех профессионалов, кто по тем или иным причинам, чаще всего связанным с возрастом, не смог реализовать право на поиск более выгодной сферы реализации своего социального интеллекта и интеллектуального капитала. Указанные процессы не могли не найти отклика в общностях, принудительно удерживаемых на уровне статуса «догоняющих бедных». Это подтверждают как публичные дискуссии в СМИ (в публичной теледискуссии М. Б. Прохорова и В. В. Жириновского [225] телезрители поддержали привычную аргументацию Жириновского большинством голосов (46 677 против 17 005), когда он обращается к национальному самосознанию и традиционным ценностям), анализ обобщенных более 1 000 интервью, комментариев участников публичных дискуссий на сайте, прежде всего «Педсовет.ORG», так и также данные собственных исследований автора. Более того, сегодня мы можем говорить о явлении, обозначенном как власть-иждивенство.

«Иждивенчество» согласно определению, данному в Толковом словаре, — «стремление разрешать трудности за счет других». «Иждивитель — расходователь, издержатель. Иждивительный — требующий иждивения, издержек, начетистый, дорогой» [73. С. 13]. «Иждивение — полное содержание или помощь, являющаяся постоянным основным источником средств к существованию» [194. С. 146]. Отсюда власть-иждивенство — феномен подмены эффективного управления социальными процессами формальным сбором справок и отчетов, отказ видеть реальное положение дел и имитация управленческой деятельности через наращивание объемов схоластических (оторванных от жизни) установок, действий, догматическое принуждение подчиненных власти к труду, исполнению действий, не подтвержденных финансированием, соответствующим реальным трудовозатратам. **Власть-иждивенство в образовании** — стремление менеджеров разрешать свои проблемы за счет минимизации социальных гарантий служащим, нанятым для исполнения государственных задач, связанных с образовательной деятельностью.

Из биографического интервью завуча екатеринбургской школы (высшая категория, педагогический стаж более 10 лет)¹:

«30 января (2011 г.) ближе к концу рабочего дня чиновников получаем Положение о современной модификации комплекса ГТО. 31 января; также через Интернет от нас требуют сдать отчет о количестве школьников, которые в соответствии с нормативами плавали, постреляли, пробежали, собрали и разобрали... Звоню коллегам. Одна ответила,

¹ Здесь, как ранее и в дальнейшем, по просьбе информантов их имена не указываются.

что послала отчет с нулями, так как составить такую бумагу за половину рабочего дня — соврать. Ей пришел ответ: “С нулями не принимаем”».

Из биографического интервью (октябрь 2011 г.) екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 15 лет):

«В этом году практически за два дня до 1 сентября, когда расписание уже составлено и программы написаны, вдруг приходит корректировка часов в сторону увеличения во всех наших школах. Пришлось срочно переделывать и расписание, и учебные планы. А нагрузка резко возросла у всех — за два-то дня найти новых педагогов просто не реально. И справки, справки, бесконечные справки... Что они там с ними делают?»

Как видим, априори считается, что любую менеджерскую идею любой работник школы обязан реализовать немедленно. Чаще всего, и администрации школ, и педагогам приходится «пластать» отчеты по вопросам, которые должны были быть рассмотрены «еще вчера». Но ни норматива «справочной индустрии», ни количества заочных проверок, которые коррелируют с этой индустрией, в образовании нет. Отсюда и сетования (завуч екатеринбургской школы, высшая категория, педагогический стаж более 20 лет):

«Я просто зверею от этих справок. Сегодня нужна одна, где данные выстраиваются «по горизонтали». Завтра об этом же из другого кабинета Управления придет запрос, но данные должны быть выстроены “по вертикали”, послезавтра — “по диагонали”, и так бесконечно... Отчеты в электронном виде и на бумаге надо сдавать одновременно. ЕДУМОН, КПОМ... Как будто что-то берется из этих отчетов, чтобы реально что-то менять — начетничество сплошное. Например, из 200 вопросов ЕДУМОН что конкретно надо для управления образованием? Зачем вопросы типа “Есть ли в школе система информационной безопасности?” Да, там еще предлагается дать оценку этой системе по уровням К-1, К-2, К-3, словно кто-то обязан знать суть этих уровней... и здесь тоже бесконечно. За последние два года в три раза увеличилось количество справок. А вот какой объем они занимают хотя бы в электронном виде — сказать не смогу, но очень много. В среднем — не менее 20–30 страниц в 10–12 дней. Да еще обязательный отчет в Интернете страниц на 80 о работе школы...».

Мы обратились к материалам, связанным с ЕДУМОН. Информационные сообщения здесь впечатляют [117]:

«9 февраля 2012 г.: В связи с проведением плановых технических работ окончательный срок завершения мониторинга переносится на 17 февраля 2012 г.

21 января 2012 г.: Уважаемые пользователи! Работа сайта сопровождается перебоями, вызванными большим числом обращений. Администрация просит с пониманием отнестись к временным трудностям в работе с сайтом.

23 декабря 2011 г.: Мониторинг продлевается до 28 января 2012 г. Это — окончательный срок.

9 декабря 2011 г.: Учебный год длится с сентября до мая. Формы «Мониторинг состояния и эффективности использования ИКТ-инфраструктуры в системе образования» и «Использование систем дистанционного образования» заполняются по состоянию на 1 ноября 2011 г. Форма готовности к новому учебному году заполняется по состоянию приемки к новому 2011/12 учебному году.

1 декабря 2011 г.: Добавлена возможность внесения анкет уровня образовательного учреждения специалистами органов управления образования, которому непосредственно подчинено ОУ, в режиме онлайн. Данную возможность следует использовать ТОЛЬКО для образовательных учреждений, в которых отсутствует компьютерная техника. Для выполнения этой функции следует воспользоваться разделом “Прогресс заполнения данных мониторинга” в Личном кабинете МОУО».

Как видим, система предельно не отлажена, количество пользователей необоснованно расширено — до уровня образовательных учреждений, хотя ответственность за все позиции, отраженные в информации на «главной» странице, — это деятельность учредителей и непосредственно органов управления образованием. Они создают «приемочные» комиссии; их обязанность — контролировать готовность образовательных учреждений на уровне инфраструктуры. В очередной раз переложена «огромная куча» направлений деятельности на плечи работников образовательных учреждений.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 10 лет):

«Мало того, что *каждый день* приходят положения о различных конкурсах типа “о вкусной и здоровой пище”, о выборах, о профессии, о проекте ящика для сбора избирательных бюллетеней, о работе магазинов... учителя должны в них участвовать. Вопрос: когда же работать?»

Многие традиционные олимпиады и конкурсы — платные. Наши ребята смогли пройти первый этап олимпиады-конкурса, так как были найдены по 500 р. взноса за каждого. А вот поехать в Москву, там прожить на время второго этапа олимпиады-конкурса — у школы таких денег нет; у родителей, чаще всего, тоже. Получается, талантливые дети остаются “за бортом” из-за недоступности оплаты участия...

Инструментарий олимпиад однобокий: составляется, например, педагогами СУНЦ¹. Они ориентируются на скорость прохождения программы по литературе или другому предмету, принятую у них. В других школах — другой темп. Ребята заведомо ставятся в неравные условия: одни уже изучили те или иные произведения, а другие только будут их изучать ближе к весне. Нет четкой координации содержания заданий, уравнивающей исходные объективные позиции всех участников. В таких условиях СУНЦевцы — заведомые лидеры».

Такие перекосы допускаются не только на уровне города и области, но и в рамках самих школ.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 20 лет):

«Педагог разрабатывает положение об олимпиаде, так как ведет этот предмет. Знает, что ученики из ее класса освоили какие-то темы, а из других — нет. Так вот в содержание заданий включается только то, что освоили ее ученики. Другие ребята оказываются аутсайдерами, а она выглядит лучшим педагогом. Но уже в других конкурсах всё встает на свои места: наши ребята оказываются на лидерских позициях, так как готовы не хуже».

Как видим, и здесь власть-иждивенство проявляет себя в отсутствии обеспечения равенства оснований и доступности традиционно престижных олимпиад, конкурсов для всех учащихся. Не школа и не специализированное образовательное учреждение должны разрабатывать условия конкурсов — команды специалистов под руководством менеджеров. Последние должны принимать меры, обеспечивающие своевременность (заблаговременность) подготовки инструментария олимпиад и конкурсов, процедуру финансирования участия школьников и поездок победителей, обобщение экспертных заключений по качеству реализуемых конкурсных заданий.

Мы показали, что явление, названное власть-иждивенство, — объективный факт. Но здесь власть-иждивенство — прерогатива формальных структур. Сложнее, когда в роли власть-иждивенцев начинают выступать родители, чаще всего присвоив себе это право либо получив его без достаточных на то оснований в тех областях

¹ Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

и формах, где родитель выступать экспертом не может. Так, на веб-сайте — портале Pedsovet.org проходит дискуссия о том, где взять учителю, участвующему в аттестации, инструментарий для оценки рейтинга педагога среди родителей [233]:

Елена Купцова: Нина Андреевна, я тоже вологодская, и проблема у меня сейчас та же самая (обсуждается отсутствие инструментария оценки рейтинга педагога среди родителей. — Т. Ф.). Нет у нас ни методиста, ни педагога-психолога (судя по предыдущим репликам, должности этих специалистов «оптимизированы» и сокращены — Т. Ф.), даже завуч руками развела: сами-де справляйтесь! Мне дали анкету, разработанную учителем другой школы. Если хотите — могу сбросить для интереса.

Громыко Григорий Олегович цитирует письмо Асимы Субаковой от 13 января 2012 г.: «Я тоже в замешательстве от “оценивания родителями педагога”, причем некоторые родители понятия не имеют, как зовут педагогов, работающих с их ребенком. И они оценивают соответствующим образом — наобум. А, вообще, у нас в школе всю работу по оцениванию педагогов, классных руководителей проводит школьный психолог. Здесь вариант оценивания».

Отвечает: Большое Вам спасибо, г-жа Субакова, за «наобум»! А также отдельное «спасибо» за приложенную анкету. В ней есть совершенно прелестные пункты (да они почти все одинаково удивительно-замечательные); взять хотя бы вот этот пункт — «4. Хорошее знание своего предмета (компетентность)! — ну, что может по этому пункту знать какая-то усредненная (уже не говоря о самой плохой) мама???! Полная чушь в этой анкете! В этой ситуации, в которую поставлен учитель, вынужденный родительский рейтинг, по-любому, вынуть хоть откуда, — в этой ситуации полного дурдома я соглашусь с мнением (цитирует письмо Пасевича Валерия Александровича от 14 января 2012 г.): «Отзывы надо выпросить, благодарственные письма — организовать, текст — дать... самотеком обычно ничего не происходит».

В таких условиях, действительно, учитель принижен и вынужден просить у родителей то, что просить не должен. А родитель, в ответ, может истолковывать сложившуюся ситуацию в соответствии со своей индивидуальной системой ценностей, причем не всегда в пользу педагога.

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с непродуманностью регламента системы аттестации педагогических кадров, имеющей множество изъянов, и так же, как конкурсы и олимпиады для детей, не основанной на некоем общем менеджерском основании. Это основание должно иметь четко сформулированные цели, механизм их предъявления и содержательный компонент, не дублирующий госэкзамен в педагогическом вузе. Более того, сама процедура аттестации должна исключать унижение личности аттестуемого.

Из комментария екатеринбургского учителя начальной школы (первая категория, педагогический стаж более 25 лет) в ответ на вопрос «Почему такой педагог, как она, не претендует на высшую категорию?»:

«Я не хочу проходить через это унижение. У меня просто сердце не выдержит. Подобные примеры уже известны по нашему городу, когда учитель просто погибал либо в процессе аттестационных мероприятий или после него. Или вот этой осенью в школе (называет номер) учитель физкультуры для аттестации делал снимки учеников на уроках физкультуры. И что? Чуть не на следующий день пошло заявление от родителей в прокуратуру о том, что учитель, может быть, педофил. И началось... Не хочу дополнительных унижений... Конфликты с родителями, а у меня они бывают очень-очень редко, решаю в рабочем порядке».

Заработная плата в образовании, несмотря на попытки инноваций в перераспределении фондов материального стимулирования внутри образовательных учреждений, остается явно «недостойной». При этом в статистической отчетности, которую используют чиновники от образования и за его пределами, артикулируются данные

о заработках педагогов. Но это заработки — не за ставку, а за системные переработки сверх нее. Средний заработок учителя нельзя сравнивать со средним заработком государственного служащего или сотрудника банка, работника промышленного предприятия, прежде всего потому, что учитель работает, как правило, сверх ставки, а те, с кем его доход сравнивают, — на одну ставку.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 15 лет):

«Я сейчас работаю с огромной нагрузкой, но получаю столько же, сколько в прошлом году, работая на 14 часов меньше. Устаю невероятно. В сентябре уже казалось, что отпуска и не было. А куда без такой нагрузки? Сын учится платно, у мужа заработки несистемные. Только мои копейки и спасают... Только вот на сколько еще сил хватит...».

В протоколе дискуссии на тему «Учитель за большие деньги?» [2] высказывания не анонимны:

«Власть компрометирует учителей пустыми обещаниями. Уже слышен ропот учителя: “Деньги отгребают, каждый месяц прибавляют 6; 30; 6,5%. А в действительности 0 или минус % и инфляция. Никогда не будут нам платить хорошие деньги. Мы живем в бедной стране. Не надо строить иллюзии”. (С. Юрков)

Многие учителя не верят, что их труд может оплачиваться достойно. Достойно — это как? Достойно — это так, чтобы на жизнь и на летнюю зарубежную поездку всей семьей хватало бы оплаты 18 часов урочной нагрузки. Чтобы работа классного руководителя оплачивалась в большем размере, чем за 18 часов урочной нагрузки, а классному не нужно было брать часы и тратить время на подготовку уроков. (И. А. Китаева)

Про военных говорят: “Есть такая профессия — Родину защищать”. О работе учителя написал В. Сухомлинский: “Сердце отдаю детям”. Никакими деньгами качество этой работы не измеришь. Большие зарплаты не реальны, потому что профессия массовая. Но если бы зарплаты были достойными (как в промышленности), был бы конкурс и “естественный отбор”. (Л. Д. Архипова)

Люди работают за деньги, а не за идеи. Зарплата будет маленькой, пока хоть кто-то будет соглашаться на работу за такой мизер. (В. Степашин)».

С высказыванием о жизни в бедной стране не хочется соглашаться. Страна, которая может себе позволить не менять в сторону уменьшения страховые отчисления (ЕСН), повышенные до 34% с 1 января 2011 г., теряя при этом, по авторским подсчетам, не менее 5,5 млрд рублей отчислений в месяц только на медицинском страховании, не может быть бедной. Страна, в которой у ОАО «Российские железные дороги», где единственным акционером является государство, всё, что приносит прибыль: связь, продажа билетов, перевозки и пр., отдано «на кормление» частным структурам, не может быть бедной. Есть еще недра и прочие ресурсные, производственные и другие структуры, которые в одночасье стали неприбыльными для государства. Такая страна не может быть бедной, но, как ни парадоксально, в ней проживает очень бедное население, в структуру которого входят те, кто реализует задачи государственной важности, — «догоняющие бедные», что чрезвычайно опасно для любого модернизационного процесса.

В подтверждение этому нами представлен лишь незначительный пласт высказываний педагогов. То, что они не услышаны — проблема прежде всего социальных институтов. Но иждивенство просматривается однозначно. Здесь и нужны процессы реинжиниринга: формировать систему, в условиях которой учитель будет услышан, а его претензии и проблемы объективно рассмотрены и обеспечены мерами по реальному разрешению. Справедливости ради следует отметить, что Министерством образования и науки РФ с января 2012 г. в сети Интернет открыт дискуссионный клуб, где участники дискуссии высказываются о том, как и за что платить учителю [120].

Представлены три формы организации системы оплаты труда, отзывы и видеозаписи «испытуемых». Но у всех трех форм есть один недостаток — ни одна не основывается на том, что называется в теории менеджмента «паспорт рабочих мест». Суть ведущей операции паспортизации следующая: оценка каждого рабочего места в точки зрения трудозатрат работников. Они, как справедливо отмечают участники дискуссии, у преподавателей разных дисциплин, с разной наполняемостью классов, работающих в разных школах, расположенных в разных территориальных образованиях — разные. Но такая первичная процедура, обязательная для любой организации, для образования почему-то стала невозможной. И, думается, что благодаря этому — эксперимент с НСОТ становится инструментом недобросовестных внутришкольных администраторов, а не улучшения материального положения учителя.

Приведем некоторые из высказываний участников, большинство которых не представлялось, зарегистрировано под псевдонимами.

«Уважаемые коллеги! Я — учитель физики с 30-летним стажем. Хочу высказать свое мнение. Введение НСОТ может вызвать ухудшение взаимоотношений внутри учительского коллектива. Стимулирующие выплаты будут разными, что может привести к недовольству и конфликтам. Я считаю непродуманными коэффициенты значимости разных предметов. Так, у меня возникло недовольство разницей в оплате труда учителей одинаковой квалификации при одинаковой нагрузке. Одинаковыми по сложности могут оказаться предметы, на преподавание которых отводится различное количество сил и времени (ОБЖ и физика). Одна из проблем, возникших после введения НСОТ, заключается в оценивании учителей с помощью не всегда четко прописанных критериев стимулирующей оплаты. При введении стимулирующей части оплаты учитель стал зависим от субъективного мнения директора и его замов» (10 февраля 2012 г., Ekushova).

«У нас оплата, как в модели № 1. Работаю в школе более 15 лет, очень люблю свою профессию и горжусь тем, что я — учитель, но когда задают вопрос о зарплате, мне стыдно... Стыдно оттого, что государство не ценит этот труд и не думает о будущем своей страны... В школе я взяла такую нагрузку, какую только могли мне дать — 24 ч, классное руководство, заведование кабинетом, кружок, руководство методическим объединением учителей, руководство творческой группой по внедрению ИКТ, пришкольный участок... И я понимаю, что физически это очень много, а зарплата всё равно очень мала (воспитываю сына одна). В школе работают одни пенсионеры — молодежь с трудом выдерживает несколько месяцев (как жить на такую зарплату?!); материально-техническая база давно не соответствует новым стандартам обучения; по программам учим одно, а ЕГЭ требует другое... и т.д.» (10 февраля 2012 г., Татьяна).

«Уважаемые представители власти! Оплата учителей должна быть полностью понятной и открытой. Она должна быть направлена на поддержание в учителях желания не только учить, но и воспитывать детей, чтобы формировать, как сказано в Законе об образовании, духовно-нравственную личность. Нельзя учитывать только часы или только количество учеников, необходимо доплачивать за нагрузку — да! А вот все сводить к этим довольно странным для учителя параметрам — крайне глупо. Извините за прямоту. Более того, первый вариант с базовой оплатой сведется известно к чему — оплате по минимуму, а добавка — директору и «своим». И, конечно же, никакой объективной оценки вклада. Так что три варианта оплаты или, как вы называете, модели, не подходят по одной только причине — ни одна из них не поддерживает работу педагогов, вкладывающих в детей сердце и душу, воспитывающих их в духовно-нравственном ключе» (10 февраля 2012 г., Инна).

Из биографического интервью екатеринбургской учительницы (высшая категория, педагогический стаж более 25 лет):

«Все эти заморочки с игрой в дополнительные фонды... Просто стыдно: мы оказываемся в условиях внутришкольной борьбы за копейки со своими же коллегами. Подсматриваем, подглядываем... Противно и унижительно! У нас с сентября не платили несколько месяцев за классное руководство. А потом выплатили за три месяца. Далее — снова перерыв. Может, так и начать работать, как деньги получаем?»

Если в классе меньше 25 учеников — оплату снижают, если больше — делают вид, что этого нет: где справедливость? Сколько можно уже нас выкручивать, унижать?»

В результате происходит «вымывание» профессиональных кадров и стабилизация у оставшихся синдрома эмоционального выгорания.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 25 лет):

«Самый всплеск бегства учителей из школы (причем из числа интересных, сильных) пришелся на 1990-е годы, когда совсем есть было нечего. Все, кто ушел, устроились в туризме, консалтинге, недвижимости и сейчас не жалеют. Только мы жалеем: каких профессионалов потеряли дети...

Да, остались еще хорошие учителя. Очень-очень редко приходят молодые, способные к работе в школе. А что будет — трудно представить. Многие же задерживаются в образовании не только из-за ничтожности пенсий, но уже из-за внуков: хочется, чтобы они попали и в хорошую школу, и к хорошим учителям, и в атмосферу, которую мы пытаемся поддерживать как безопасную.

У нас ведь никаких льгот: ни в походе к врачу, ни при покупке вещей, ни при оплате коммуналки».

Сегодня ситуация только обострилась.

Из биографического интервью курганского учителя биологии (категория высшая, общий педагогический стаж более 15 лет):

«Пошла на встречу профсоюза учителей и воспитателей детсадов с мэром города. Директора школ усердно затыкали нам рты, угрожая увольнением. Голоса некоторых прорвались. Профсоюзный лидер потребовала прибавки заработной платы всего-то на 30%. Ей тут же сказали, что средств нет. И они вроде и не собираются решать проблему. А федеральные власти должны с июня прибавить 6% к базовой единице, т.е. 120 р. (прибавили, но получилось не с июня, а с сентября; летом отпускные платят по среднему за отработанный год).

Один учитель с трибуны сказал, что ему стыдно перед тремя своими детьми, что только 1 раз в месяц они видят фрукты — в день заработной платы, остальное время приходится семье отказывать даже в некоторых продуктах, не говоря уже об одежде. Хотя оба с женой работают. (Больше этого мужчину я не видела на мероприятиях ни в ИМЦ, ни в ИРОСТ. Не исключено, что его в тот же день уволили. Поверьте, у нас это умеют). Другая выступающая — воспитатель — попросила мэра забрать у нас 130 р. на методическую литературу и лучше выдать методическую литературу в натуральном варианте, ведь стоит она гораздо дороже, и зачитала прайс-лист из Инновационно-методического центра слушателям курсов (1 900 р.) и список необходимых книг, примерных программ и образовательных стандартов для работы и их стоимость в магазине. В ответ мы услышали оскорбления в наш адрес, прямо с трибуны. Когда присутствующие стали вскакивать с мест и выкрикивать то, что они думают о мэре (надо сказать публичка собралась воспитанная), всё было аргументированно и крыть нечем... мэр вызвал охрану (они всё это время за дверью стояли). Нас, оплеванных, просто вытолкали из зала городской администрации. Было это в марте 2011 г.»

Из комментариев к статье А. Юрьевой «Московских учителей стимулируют снижением зарплат» [343]:

Всеволод Луховицкий, член Совета межрегионального профсоюза работников образования, 5 октября 2012 г.:

«Сейчас учитель в среднем берет полторы ставки, т.е. работает больше, чем полагаются. Поэтому количество учителей должно быть увеличено — это очевидно. Нынешний министр образования впервые признался (совсем недавно), что в России не хватает 17 тыс. учителей. А господин Фурсенко говорил до него, что нужно, наоборот, уволить 200 тыс. учителей.

На мой взгляд, реально не хватает учителей по очень многим предметам, но эта нехватка скрытая, потому что все учителя работают на полторы, а в деревнях и маленьких городах — на две ставки. Естественно, качество работы от этого ухудшается.

Скоро учителей не будет хватать и в Москве, потому что уже сейчас они увольняются десятками в связи с тем, что окончательно поняли, насколько мала их зарплата. Каждый день я получаю информацию о том, что учитель вдруг сообразил, что он будет получать

в два раза меньше, потому что, например, у него меньше детей в классе. В Москве учителя уже уходят, это грозит серьезной нехваткой.

При той реформе педагогического образования, которая намечается, когда закрывают педагогические вузы, вероятность появления большого количества новых учителей очень мала. Формально учителей хватать по-прежнему не будет, потому что общая тенденция — это сверхэксплуатация. Если у меня будет не 25 ч, как сейчас, а 40 ч, то можно считать, что у нас уволят много учителей и заставят работать меня одного. Насколько это будет реализовано, зависит от реакции общества — примет оно это или не примет».

Как видим, эмпирические данные подтверждают представленные выше теоретические концепты. Более того, мы видим достаточно агрессивные протесты со стороны представителей властных институций и институтов против попыток людей, вынужденных жить в условиях «сверхэксплуатации», даже не защитить себя, а просто артикулировать реальные проблемы.

В то время, как и к началу XX века, социокультурная и экономическая ситуации были почти диаметрально противоположными.

Рост благосостояния населения в тот период в работах Б. Н. Миронова доказывается через индекс развития человеческого потенциала с 0,171 до 0,308, который, как известно, учитывает продолжительность жизни, уровень образования (грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста) и ВВП на душу населения. Кроме того, ученый ссылается на ряд значимых фактов:

1) с 1885 по 1913 г. увеличилось производство потребительских товаров и оборот внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах в 1,7 раза;

2) с 1863 г. по 1906–1910 гг. в 2,6 раза на душу населения увеличались расходы на алкоголь;

3) с 1850-х годов по 1911–1913 г. реальная почасовая плата сельскохозяйственного рабочего увеличилась в 3,8 раза, а промышленных рабочих — в 1,4 раза;

4) уменьшилось число рабочих дней в году у крестьян — со 135 в 1850-е годы до 107 в 1902 г., у пролетариев — число рабочих часов с 2 952 в 1850-е годы до 2 570 в 1913 г.;

5) шел интенсивный процесс массовой скупки земли. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн р., что в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. (на 35 млн р.);

6) увеличались вклады населения в государственные сберегательные кассы — самые популярные банковские учреждения того времени в России. Кассы являлись своего рода народным банком: они принимали вклады от 25 к.; доля мелких вкладчиков, имевших на счете менее 25 р. (25 р. — примерно средняя месячная зарплата русского промышленного рабочего в начале XX века), увеличилась с 1865–1869 по 1909 г. почти в 4 раза (с 10 до 39%), а доля женщин-вкладчиков — в 3,3 раза (с 13 до 43%). В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1 000 жителей — в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика — в 2,7 раза, с учетом инфляции — в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны — в 228 раз, с учетом инфляции — в 145 раз;

7) существенное и систематическое увеличение дефинитивной (при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 гг. — на 7,7 см (с 161,3 до 169,0 см) и веса за 1811–1915 гг. — на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5 кг). Это свидетельствует о том, что уровень жизни повысился. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811–1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился — с 21,8 до 23,3 [180. С. 69–70].

Таким образом, мы имеем дело с внешне противоположными характеристиками начала и конца XX века. Сходство проявляется в конфликте интересов внутри групп влияния на ход институциональных трансформаций и отставании институтов и регламентов от реальной динамики социокультурных процессов. Депривационные процессы также присутствуют, но имеют свою специфику. Сегодня они имеют затяжной характер и формируют ощущение безысходности, неизменности ситуации без активного вмешательства внешних сил, так как способность человека приспособливаться к внешнему давлению не беспредельна. Думается, и в социальных процессах присутствует своя своеобразная кривая Лаффера. Как известно, в соответствии с теорией А. Лаффера, повышающиеся налоги снижают базу налогообложения и доходы государственного бюджета. И в целом изъятие у налогоплательщика значительной суммы доходов (порядка 40–50%) считается пределом, за которым ликвидируются стимулы предпринимательской инициативы, расширения производства. В результате образуются целые группы налогоплательщиков, занятых поиском методов ухода от налогообложения и стремящихся концентрировать финансовые ресурсы в теневом секторе экономики.

В социокультурной динамике наблюдается подобное, когда период ожидания реальных улучшений уровня жизни растягивается едва ли не на условный поколенческий период в 20–25 лет, когда давление на первичных акторов и общности извне не уменьшается, а даже усиливается. Перманентные трансформации социальных институтов сохраняют социальные диспропорции, когда 70% экономически активной части населения, ведущего социально одобряемый образ жизни, ощущают себя «догоняющими бедными». В результате и желание в легитимной форме приспособливаться, и ресурсы для этого приспособления к трудностям практик повседневности резко снижаются, т.е. ликвидируются стимулы сдерживания негативных социальных действий как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Подобный накал социального напряжения присутствует также в условиях относительной депривации, характерной для начала XX века.

Отличие указанных двух разновидностей депривационных процессов описывал Т. Р. Гарр, когда раскрывал сущность теории относительной депривации (относительных лишений), «делающей акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, чего хочется, и что должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов» (см.: [59]). Б. Н. Миронов приводит известный посыл А. де Токвиля о том, что «революции происходят тогда, когда наступает улучшение материального положения населения, уменьшаются репрессии, смягчаются ограничения, улучшается политическая ситуация». Здесь Миронов обращает внимание на следующий факт: именно относительная депривация наблюдалась в пореформенной России [181]. Иначе говоря, можно предположить, что значительная часть населения включилась в гражданское противостояние власти и, как следствие, их противостояние друг другу даже на уровне семей, не желая окончательно терять достигнутое. Сегодня речь идет о том, что граждане, не получившие ожидаемых социальных благ, включаются в пассивное и активное гражданское противостояние власти, стремясь добиться реальных позитивных изменений. Отсюда — ностальгия о социальных гарантиях Советского Союза по бесплатному образованию, здравоохранению, по системе защиты индивидуальных интересов, о возвращении международного имиджа страны и т.д.

Сравним сказанное с констатацией социальных фактов начала XX века, по Б. Н. Миронову [181]:

«Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, что имели, и больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда. Рост желаемых потребностей опережал увеличение предоставляемых возможностей — такая диспропорция, всё увеличиваясь, оставляла все меньше возможностей для мирного урегулирования.

С 1870-х годов по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 р.), сельскохозяйственных рабочих — на 75% (с 57 до 100 р.), учителей земских школ — на 188% (со 135 до 390 р., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-х годах, и в начале 1910-х годов все жаловались на плохое материальное положение, особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г. он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-х годах — в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, в еще большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2 100 р., т.е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей».

Действительно, улучшение экономического положения субъектов, семейных общностей воспринималось в сравнении с ожиданиями и растущими потребностями. Согласимся с последующим выводом Б. Н. Миронова [181]:

«В период Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как быстро растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу. Двойная, или прогрессирующая, депривация — относительно претензий и относительно прежних реальных достижений — оказалась особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего им с таким трудом удалось достигнуть...».

Это позволило ученому повторить обоснованный вывод о том, что успехи и прогресс не исключают революции, а причины русских революций начала XX века следует искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну. В ракурсе наших рассуждений высвечивается именно несоответствие темпов трансформации институциональных структур и регламентов темпам появления новых социокультурных проблемных полей.

Депривационные установки в современной России актуализируются в связи осознанием невозможности выхода из навязываемого «тупика бедности», когда добросовестный труженик не может изменить ситуацию, связанную с обеспечением жизнедеятельности как своей собственной, так и членов семьи. Одновременно СМИ демонстрируют совершенно другой уровень жизни, абсолютно не характерный для большинства россиян: возможность многократных ежегодных путешествий за границу для полноценного отдыха, покупки качественного автомобиля, просторной квартиры, обеспечения высокими образовательными технологиями, прежде всего за рубежом, услугами здравоохранения и т.д.

В связи с вышесказанным весьма показательны результаты авторского локального экспресс-опроса 83 студентов-первокурсников Уральского государственного экономического университета — будущих маркетологов и логистов о том, с какими лозунгами современная молодежь вышла бы на демонстрацию¹. Среди наиболее яр-

¹ Опрос проведен в марте 2013 г. Респонденты: девушки 17 лет — 8 чел., 18 лет — 33 чел., 19 лет — 10 чел., 22 лет — 1 чел.; юноши 18 лет — 16 чел., 19 лет — 3 чел., 21 год — 1 чел. Итого: девушек — 53 чел.; юношей — 20 чел. 73 чел. предложили 201 лозунг. 10 человек дали общее описание условий, при которых молодежь на демонстрацию пойдет (8 чел. — *молодежь примет лозунги каких-то партийных структур, которые ей покажутся созвучными*) или не пойдет (2 чел. — *молодежь по своей сущности аполитична*).

ких лозунгов можно указать следующие: «*Власть! Хватит стоять к народу задом!*», «*Хотите культуру? Любите культуру!*», «*Если хочешь это терпеть – сиди на месте!*», «*Не дадим чиновникам жить за наш счет!*», «*Повысьте стипендии – повысим качество обучения!*», «*Работаю 5 лет – квартира в подарок!*», «*Даешь бесплатные билеты в кино, театры, на концерты студентам!*», «*Долой бесплатное обучение – даешь бесплатное образование!*», «*Власть да на для помощи народу, а не для его угнетения!*», «*Мы должны процветать, а не выживать!*» или более «приземленный» вариант: «*За бесплатное питание студентов в столовой (университета)!*».

В целом предложенные лозунги можно было бы разделить на три кластера: **первый кластер** включает лозунги, касающиеся образования (бесплатность, доступность и т.д.) и социальных гарантий молодежи в трудоустройстве после окончания обучения в вузе или трудоустройстве без опыта работы; **второй кластер** – требования к власти слышать и видеть реальные проблемы людей, минимизировать засилье чиновничества, обеспечить честные выборы в государственные органы и упразднить коррупцию; **третий кластер** включает лозунги, касающиеся общесоциальных проблем – равных прав граждан на качественное здравоохранение, «страна без наркотиков», здоровый образ жизни, ликвидация гендерного неравенства, защита животных, вопросы культуры и природы. Данные по доминирующему возрасту респондентов 17–19 лет представлены в табл. 9.

Таблица 9

**Взаимосвязь возраста и пола респондентов
с доминированием тематики выдвигаемых лозунгов, %***

Кластер лозунгов	17 лет		18 лет		19 лет	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Первый	–	50	33	44	29	15
Второй	–	35	15	37	71	48
Третий	–	15	42	19	–	37

Примечание. * От числа респондентов указанного возраста.

Несмотря на то, что выборка не является репрезентативной для всех студентов университета, она наглядно демонстрирует тенденции изменения остроты восприятия наиболее значимых для молодежи проблем юношами и девушками даже при возрастной разнице в один год. Если для 17-летних девушек ведущая проблематика связана с доступностью образования, повышением стипендии и гарантий трудоустройства, то у 19-летних обращение к этой группе лозунгов практически втрое меньше. В то же время значительно возросло количество лозунгов, связанных с общесоциальными проблемами и проблемами функционирования властных институтов. У юношей тенденция тоже весьма интересна: если у 19-летних отсутствовали предложения о лозунгах, связанных с общесоциальными проблемами, то почти в 5 раз возросло их количество относительно проблем функционирования властных институтов.

Достаточно симптоматичен комментарий респондентов, практически не представивших варианты лозунгов: «*Молодежь пойдет с теми, кто предложит лучшие условия жизни*», «*...Современная молодежь довольно-таки агрессивно настроена и идет против общественного порядка, поэтому подойдут какие-то революционные лозунги*». Встречались и иные варианты: «*Если будут гарантированные результаты*», «*Если демонстрация не будет нарушать закон*»

(и «никто не получит выговор» и пр.), (возможно, если «во время демонстрации будут кормить»), «Если демонстрация проходит по актуальной проблеме, которая действительно затрагивает молодежь, если мнение молодежи будет максимально учитываться», то «...современная молодежь может пойти на демонстрацию вне зависимости от лозунгов, а просто “потусовать-ся”». Однако ответы это небольшой части молодежи. Многие же молодые люди могли бы пойти на демонстрацию в случае, «если там будут выдавать что-то бесплатно (еду, например)». И одновременно: «На мой взгляд, современная молодежь не пойдет на демонстрации. Им более интересно собственное “я”»; «...для того, чтобы (заставить) уговорить кого-либо выйти на демонстрацию, нужна сильная мотивация, какой нет!»; «Не люблю демонстрации, так как во время их проведения массажи легко управлять».

Таким образом, можно выделить еще один **сегмент**, вызванный к жизни готовностью молодежи действовать в условиях повышения риска отставания трансформации институциональных структур и регламентов от появления новых социокультурных проблемных полей. Как и в начале XX века, присутствует трехсторонний процесс: *одна его сторона* связана с дезориентацией, дезинтеграцией и повышенной напряженностью в обществе; *другая сторона* корректируется негативными экстерналиями обретенных прав на свободу без средств для их реализации. При ослаблении социального контроля и продолжающемся снижении возможностей реальной мобильности (противоречия размера оплаты труда и стоимости покупки (аренды) жилья для основной массы населения, отсутствие достаточного знания иностранного языка и проблемы компетентностного плана, связанные с неразвитостью когнитивных (познавательных) навыков высокого порядка и социальных навыков, и т.д.) востребованность в организации и участии в протестных акциях возрастает; *третья сторона* связана с тем, что в наиболее динамичных и образованных слоях общества актуализируются потребности, которые социальные институты не могут удовлетворять, так как их трансформация отстает от проблематики реальных социальных процессов.

Глава 3

Риски активизации процесса отторжения знаний и его структурных составляющих

3.1. Риск отчуждения знаний в мировом и национальном масштабах и риск направленности действия сил власти на минимизацию «власти силы» собственников экспертного знания

Отчуждение знаний в нашей трактовке является составной частью процесса отторжения знаний. Мы уже показывали, что отправной точкой для освоения социокультурной и структурно-функциональной сущности отторжения знаний для нас стало высказывание Ж. Бодрийяра о том, что в современной эклектической культуре, которая соответствует разложению и скученности других культур, ничто не является неприемлемым [26. С. 110–111]. Именно поэтому возрастает отвращение, желание низвергнуть эту скученность, это безразличие к худшему, эту вязкость противоречий. И в той же мере возрастает отвращение, вызванное отсутствием отвращения. Но это только одна сторона описываемого нами социального процесса. Напомним, что структурно его, как агрегатный феномен, мы представляли через две составляющие подсистемы: отказ от знаний и отчуждение знаний.

Отказом от знаний определялась поведенческая стратегия действия, связанная с неприятием рутинных, традиционных, проверенных научной практикой, декларируемых институциональными структурами и/или теми, кого считают «чужими», а также новых знаний. Это — конструкт социальной реальности, в котором скоррелированы «субъективные смыслы» и «объективная фактичность».

Отчуждением знаний мы называли действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсов знания. Так могут воздействовать властные или корпоративные институты, не желая допускать «прозрачности» информации о каком-то направлении собственной деятельности и развития у индивидов навыков ее критической оценки и интериоризации, вхождения в профессиональные корпорации «чужаков», демонстрируя *esprit de corps* (цеховую солидарность).

Это может быть моббинг «чужаков», барьеры, дистанцирующие закрытость профессионального пространства, и пр.

Обоснованность нашего подхода может быть подтверждена через **семантику отторжения знаний**.

В толковом словаре В. И. Даля понятие «отторжение» рассматривается в качестве глагола, характеризующего конкретное действие и самого индивида, и внешних для него сил давления: «отторгать, отторгнуть что от чего, оторвать, отделить, дергая, порвав; отодрать, отнять силою... “Мать, отторгнутая от детей своих”... Отторженье [ср.] ок. действие по гл. Отторгновенье [ср.] црк. то же, но слово неуклюжее» [73. С. 1975]. Далее конкретизируется понятие «отторженец»: «отлученный, оторванный от чего-либо; отлученный от семьи, родины».

В дополнение к этому В. И. Даль дает определение понятия «отказывать» или «отказывать кому в чем, отвергать просьбу, не соглашаться, не хотеть или не мочь исполнить чье-либо желание, не уступать» [73. С. 1975].

В словаре С. И. Ожегова также анализируется смысл глагола «отторгнуть»: «отделить, отнять насильственным путем [198. С. 414]. Существительное «отторжение» рассматривается как результат такого «отнятия».

В экономическом и юридическом словаре «отторжение» представлено в качестве констатации действия актора по отношению к собственности:

- 1) реализация актива путем продажи;
- 2) отказ от участия в бизнесе;
- 3) изъятие инвестиций [342. С. 538].

Как видим, понятие «отторжение знаний» в русском языке связано в большей степени с действием по исключению личности из процесса освоения знания, чем с отказом индивида от интериоризации знания. То есть в большей степени речь идет об отчуждении знаний.

В Большом испано-русском и русско-испанском словаре *отторгнуть* (сов., вин. п., книжн.) позиционируется в двух смыслах:

(отнять) *arrebatar vt*; *desgajar vt* (оторвать); *aexar vt* (захватить) – отторгнуть чужие земли: *apoderarse de tierras ajeas*;

(отвергнуть) *rechazar vt* организм отторг трансплантированный орган: *el organismo repelió el trasplante*.

Похожий подход встречается в Большом французско-русском и русско-французском словаре: *отторгнуть* – *arracher vt*, *appexer vt* (земли), и Большом немецко-русском и русско-немецком словаре, где *отторгнуть*:

gewaltsam abtrennen vt; *losreißen* (непр.) *vt* (у кого-либо – von); *wegnehmen* (непр.) *vt* (у кого-либо – D);

мед. abstoßen (непр.) *vt...* [30].

В латинском словаре можно найти понятие «отчуждение» – *abalienatio* [onis, f]; *alienatio* [onis, f]; а также «полоса отчуждения» *zona* [ae, f] *alienationis*.

Более значимая для нас трактовка сути понятия представлена в латино-русском словаре:

отчуждать, передавать другому, отказываться в пользу другого, *agros*;

лишать (*älga re*) (например, права гражданства);

делать чуждым – отклонять, делать равнодушным (прот. *Amicum facere*) [214. С. 5].

Есть здесь и еще одно понятие – *ablicatio* [önis, f] – отречение, отказ. Оно используется, как правило, при констатации факта отказа от должности. Понятие имеет трактовку *ablico, ävi, ätum, äre* – отречься, отказываться от кого или чего; в частности – от отца, сына. Кроме этого интерес представляет еще одно латинское

слово *abditus* – удаленный, скрытый, тайный, уединенный, которое сущностно может быть непосредственно связано с каждой из сторон единого процесса отторжения: отказом от знаний и отчуждением знаний.

Таким образом, отторжение знаний в обыденных практиках мы можем рассматривать в пяти формах:

1) **отказ в пользу значимого другого** (на субъектном уровне это индивидуальный выбор как делегирование права на знания значимым другим, на социальном уровне – результат нормативно-ценностных установок в рамках взаимодействия субъекта и общности в соответствии со статусно-ролевым поведением); *agros*;

2) **отчуждение знаний** – лишение субъекта или групп, общностей доступности знания как форма реализации властных функций со стороны субъектов власти и монополистов знания; *älga re*. Релевантно «отчуждению» – *abalienatio*;

3) **отказ от знаний как способ самосохранения** в условиях агрессивного и/или несущего угрозу социокультурного взаимодействия; *ablico, ävi, äre*;

4) **скрытый отказ от знаний**, как симулякр процесса интериоризации знаний; *abditus*;

5) **отказ от устаревших знаний** – отказ от знаний деконструктивных, становящихся реликтом и/или барьером для процесса развития; *ätum*.

На рис. 11 представлен семантический аспект феномена отторжения знаний.

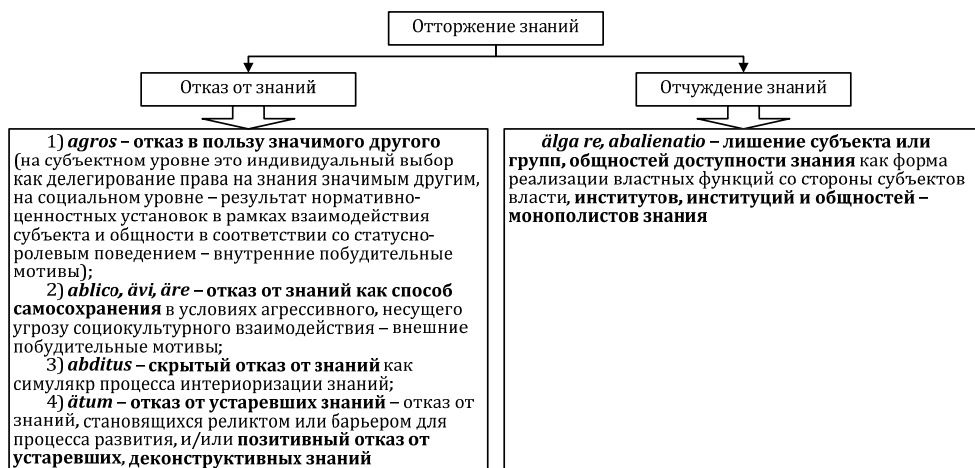

Рис. 11. Семантический аспект отторжения знаний

Можно считать, что феномен отторжения знания присутствует в практике и теоретическом наследии, прежде всего в философии, как его результат через констатацию незнания, невежества – индивидуальных свойств личности, знающей мало в силу субъективных или объективных причин. Незнание противоположно знанию и традиционно связано с отсутствием проверенной информации о чем-либо, неосведомленностью или неведением индивида о чем-либо. Сейчас нас в большей мере интересует незнание и невежество как результат отчуждения знаний. То есть речь идет об отчуждении, которое, в свою очередь, является результатом внешнего воздействия и используемых в его рамках технологий по исключению субъектов или общностей из процесса интериоризации знаний. Такая трактовка вполне правомерна: несмотря на то что **социальные источники отторжения знаний как одного из регуляционных**

механизмов жизнедеятельности социума практически не исследовались, имеются значительные информационные пласты о сути **незнания**. На них мы уже ссылались.

Дополним эти ссылки обращением к методологии подхода при социологической оценке отчуждения как такового в ракурсе предмета нашего анализа. Нами показано, что знания можно рассматривать и как продукт, прежде всего интеллектуального труда, и/или как условие этого и любого другого вида труда, и/или как специфическую форму собственности.

Поэтому, несмотря на то что понятие «отчуждение» было, как известно, внесено в философию Г. В. Ф. Гегелем, отправной точкой осмысления отчуждения знаний могут служить прежде всего методологические оценки в рамках марксизма и неомарксизма. Как отмечал Э. Фромм, для К. Маркса, как и для Г. В. Ф. Гегеля, понятие «отчуждение» базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование отделено (отчуждено) от его сущности, что человек в наличной действительности представляет собой вовсе не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, он **являет собой не того, кем он может и должен стать** [310. С. 385].

Учтем рассуждения Э. Фромма и о том, что отчуждение, по К. Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает себя самого как первоисточник, как творца [310. С. 378]. Актуальные практики процесса интериоризации знаний предопределяют инновационное осмысление и известного тезиса К. Маркса о том, что непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека [169. С. 97].

Отчуждение рассматривается К. Марксом как практика, присущая капитализму. В современных условиях и опираясь на актуальные научные данные можно говорить о том, что отчуждение и, следовательно, отторжение знаний — универсальное, сквозное, присущее истории человеческого общества явление, как и отказ от него. Оно предопределено процессом обретения собственности на знания, являясь одновременно и продуктом, и условием производственных отношений. Но сущность результатов процесса отчуждения остается прежней.

Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. И, как отмечал К. Маркс, человек, подчиненный своим отчужденным потребностям, — это «уже не человек ни в духовном, ни в телесном смысле... это всего лишь самодеятельный и сознающий себя товар» [169. С. 128—129]. Этот человек-товар знает только один способ отношений с внешним миром: обладание и потребление. Чем больше степень его отчужденности, тем больше потребление и обладание становятся смыслом его жизни [310. С. 375—414]. Зиммелевская «конфетная культура» становится ведущей ценностной «упаковкой» интракций.

Здесь мысль К. Маркса очень созвучна позиции и Н. Постмана: в условиях технополии человек-товар не пытается оценить практики повседневности с точки зрения, например, легитимности или нелегитимности их освоения. Как мы уже показывали, такой человек оперирует только «удобной» и доступной, не несущей в себе угрозы, информацией. В связи с этим в актуальной повседневности примат информации над знанием не делает культуру незаконной, безнравственной или непопулярной. Это делает ее, как указывает Н. Постман в цитируемой нами работе, «невидимой, поэтому — не имеющей значения» [416. Р. 2—48]. **Человек-товар активен в упрощенных поведенческих схемах, которые реализуемы только в условиях примитивизационных трансформаций языка, ценностных ориентаций и смыслов.**

Поэтому наша трактовка сущности отчуждения знаний и представлена как действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсов знания. Повторим: это — конструкт социальной реальности, направленный на

углубление стратификационных диспропорций, сужение каналов мобильности, установление барьеров, связанных с равенством-неравенством в доступности лифтов социальной мобильности в социальных процессах, закрепляющих соответствующий механизм социального дистанцирования.

Параллельно следует, почти по К. Марксу, самоотчуждение человека, но от знаний: человек отказывается знать, так как знание для него лишено смыслов. Самоотчуждение может быть связано также с исключением субъекта социального взаимодействия из процессов, связанных с обусловленностью интеракций наличием знаний оснований.

Здесь можно воспользоваться китайской стратагемой о том, что нельзя победить в войне, о начале которой ты не знаешь. Технологии исключения из опыта индивидов и общностей «знаний о начале войны», как мы укажем далее, разнообразны. **Можно внести искажения в социальную память общностей, инициировать опору индивидов и общностей в практиках повседневности на примитивизированные смыслы, на отказ от норм и ценностей, связанных с инновациями. Есть и еще один вариант — сведение всех жизненных смыслов акторов только к обеспечению уровня выживания.**

Таким образом, наш подход к определению сущности отчуждения знаний отличается от предшествующих оценок категории «отчуждение».

Это — не гегелевское отчуждение (*Entäußerung*) духа, в котором основными источниками выступают природа и история, даже несмотря на то, что *Entäußerung* имеет связь со сложными субъект-объектными отношениями, связанными с трудом вообще или с фетишизированной объективностью экономических отношений к конкретному человеку, т.е. с «вещностью» как предметностью. Это и не шеллинговская причина (*Bedingen*), которая часто описывается в российской науке как «обусловливание» (*Auflage*), так как здесь причина и действие тождественны, поскольку только через действие «нечто» превращается в вещь. Это и не в чистом виде фейербаховское чувство страха, зависимости, когда неотчуждаемый «фундамент» — природа жизни человека, отчуждается за счет передачи индивидом своей родовой сущности «неистинному миру», например, через религию — Богу. Это и не противопоставление мира любви и мира отчуждения, «истинного» и «неподлинного», «поддельного» Б. Бауэра, М. Гессе, П. Прудона и М. Штирнера. Это и не протест против осознанной «несправедливости» жизни Т. Адорно, и не зависящая от ощущения удовольствия от перспектив самореализации трудовая активность Г. Маркузе.

Марксовское отчуждение (*Entfremdung*) ближе к нашей позиции, так как у К. Маркса от производителя отчуждается продукт его труда. Но у нас речь идет об особой форме капитала личности, собственность на который, с одной стороны, предопределена доступностью знаний, обеспеченной внешними институциями, а с другой стороны, непосредственно связана с уровнем ригидности индивидов в ансамбле, прежде всего ее трех ведущих типов: когнитивной, мотивационной и аффективной.

Скорее всего, наибольшую связь мы находим с позицией Э. Фромма, связывающего отчуждение с осознанием индивидом своей социальности: «Под отчуждением понимается такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстраненным от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий, подчиняется или даже поклоняется им. Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми» [310. С. 375–414]. Однако у нас речь идет о процессе не утраты, а обретения социальности индивидом, но социальности особой. Она, скорее, коррелирует с хабермасовской колонизацией жизненного мира, когда человек в условиях «новой непрозрач-

ности» утрачивает способность к самостоятельному анализу практик повседневности, теоретико-познавательный интерес к таким операциям. Тогда, почти по Д. Беллу, он перестает быть субъектом классово-структурной организации общества, превращаясь в человекоподобный объект манипулирования теми «главными», кто в новом «бесклассовом» обществе монополизировал знание.

В нашем подходе единство общения и обособления, трудовой и общественно-политической деятельности для себя и других, воспроизводство самого человека и, в результате этого, общества и его культуры проходят в рамках интериоризации знания и на основе восприятия его ценности. Через отторжение знаний актер так или иначе обретает социальность, но она «ущербна» с точки зрения логики современной эпохи, предопределяющей востребованность креативного потенциала и личности, и общества.

Общностью инициируется создание таких социальных условий (институтов и структур), при которых знание не может быть не отторгнуто, так как отчуждено. Представим стратегии этого отчуждения, ссылаясь прежде всего на рассуждения А. Штейнзальца и А. Функенштейна о **социологии невежества**.

Ученых интересует не временный или случайный недостаток знаний, а невежество, «которое создано обществом и намеренно им оберегается (или культивируется)» [333]. Авторы считают, что, подобно областям знания, существуют области невежества, которые общество поощряет и старается культивировать при помощи соответствующих образовательных институтов. «С одной стороны, невежество, как и знание, имеет своим источником совокупность условий, общую структуру социума, которая зависит не столько от осознанных формулировок, сколько от полубессознательных концепций руководителей общества и управляющих обществом сил. Однако, с другой стороны, существует намеренное и сознательное невежество, насаждаемое при помощи хорошо отлаженного механизма, предназначенного для того, чтобы способствовать торжеству невежества» [333].

Далее в указанном труде А. Штейнзальца и А. Функенштейн перечисляют технологии «утверждения торжества невежества», которые мы можем рассматривать как **технологии отчуждения знаний**:

- 1) **посредством сокрытия информации о тех сферах бытия, о которых члены общества ничего не знают или не должны ничего знать;**
- 2) **посредством хорошо организованной цензуры, скрывающей факты от населения;**
- 3) **посредством социальных концепций, утверждающих, что определенные знания недоступны для всех или запрещены.**

Представляется, что целесообразно дополнить перечень технологий еще одной, **связанной с созданием таких условий организации жизненного мира акторов, в которых их креативный потенциал генетически не сможет быть реализован**. Этого можно добиться поддержанием предельно низкого качества жизни — на уровне «выживаемости» в биологическом плане, а также поощряя бездействием разрушение языка, традиционных смыслов, этики практик общения и самореализации, возводя аномию на уровень стандарта жизни.

Покажем, что процесс отчуждения знаний, как составная часть агрегатного феномена отторжения знаний, является сквозным в социокультурной динамике.

Например, факт присутствия **табу как формы реализации интегративного применения** всех трех технологий, конкретизированных А. Штейнзальцем и А. Функенштейном.

Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов, рассматривая вслед за З. Фрейдом, Дж. Фрезером, Л. С. Васильевым и другими авторами табу, существовавшие в первобытном социуме, отмечают, что табуирование, возникшее вместе с тотемизмом, служило в тех

условиях **важнейшим механизмом контроля и регулирования социальных отношений** [56. Гл. 4].

Известно, что половозрастное табу регулировало половые связи в коллективе, пищевое табу определяло характер пищи, предназначенной вождю, воинам, женщинам, детям и др. Ряд других табу был связан с неприкосновенностью жилища или очага, с правами и обязанностями отдельных категорий членов племени и т.д. [308. С. 26–36]. В плане нашего исследования заслуживает внимания еще одно табу, помимо вышеупомянутых, а именно, табу на прогресс, на инновации любого рода. Ю. Г. Волков и В. С. Поликарпов считают, что с ним связаны явления альтернативности и многовариантности в мировой истории, многообразия культур. Подобно тому, как в случае нарушений табу у человека, внешне здорового, может быть заблокирован сильнейший инстинкт самосохранения (человек умирает, осознав, что нарушил табу), парализуется и потребность в инновациях, относящихся к социальной сфере.

То есть парализуется потребность, мотивация в применении знаний, если это связано с попыткой осмысления или нарушения табу. И одновременно индивиды и общности отказываются от освоения знаний в пользу «значимого другого».

Действительно, детерминация прогрессивного развития, импульсы которой идут от социетальных сфер, пресекается в случае, если противоположные данной детерминации нормы поведения становятся внутренними побудительными стимулами жизнедеятельности человека, превращаются в стереотипы поведения. И, несмотря на то что Ю. Г. Волков и В. С. Поликарпов считают проявление этого феномена с наибольшей, «классической» ясностью именно на стадии первобытного развития человечества, оно продолжает свое существование и подтверждение и на более «совершенных» в сравнении с первобытными временами этапах социальной динамики.

Достаточно вспомнить историю известного по советским временам Самиздата, когда отказ от чтения работ его участников вызывался не только незнанием в принципе о существовании «неподцензурных» книг и журналов, но и «табуированием» со стороны властных структур. Аналоги можно найти в истории многих стран и/или при оценке специфики профессионального выбора. Например, дипломатия считается одной из наиболее «табуированных» профессий.

В современной научной литературе широко осмысливается политическое табуирование как запрет на совершение определенных действий в политике или на обладание какими-либо политическими взглядами. В этом смысле политические табу — важнейшая принадлежность данного типа политической культуры, регулирующая политический процесс и обеспечивающая соблюдение соответствующих стандартов политического действия [257]. В рамках других исследований нам еще предстоит осознание того, как отражается в актуальном социуме следующий концепт: в большей степени наличие политических табу связано с существованием архаического типа политической культуры и/или его фрагментов, инклюзивных более поздним эпохам. В политических системах, носящих непубличный и деспотический характер (например, при тоталитарных и/или псевдodemократических режимах), происходит определенная реанимация политического табуирования как процесса расширения роли и значения политических табу в рамках текущего политического процесса. Для нас значимо, что все это неосуществимо без технологий отчуждения знаний.

Таким образом, мы уточнили интегративную технологию институционализации невежества и отчуждения знаний — использование внутренних побудительных мотивов субъектов интеракций, ставших базисом стереотипов поведения, предопределенных табуированием (запретом) внешней социальной средой участия в процессе освоения этих знаний.

Они, как и различные формы «пралогического мышления», актуальны и в практиках повседневности. Одновременно отметим, что в очень далеком прошлом знания и информация были практически идентичны по своему объему. Субъектам, вероятно, было достаточно освоения знаний на уровне «что» и «как» и осмысления благодаря этому только отношений, но не моделей, связанных с идентификацией места индивидов и общностей в социуме, анализом системы ценностей, прав и обязанностей, смысла мифов, ритуалов, дисфункциональных и дезинтеграционных социальных процессов, путей преобразования институциональных диспропорций в социуме и т.д.

В современности подобное низведение не только индивидов, но и общностей до «пралогического» уровня связано с поведенческими стратегиями, предопределенными **ограничением сферы интересов субъектов «выживанием»**. Технологию такого низведения описывал более двухсот лет назад Т. Р. Мальтус (Thomas Robert Malthus) [163]. Как известно, он утверждал, что народонаселение всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существования, если только оно «не будет остановлено какой-нибудь могущественной встречной причиной». Известны и названные им препятствия, которые могут «ограничить силу размножения»: нравственное воздержание, порок и несчастья.

Отсюда можно указать на практический технологический ход: низводя средства существования человека до уровня «выживания», можно не только «ограничить» его «силу размножения», но и направить интересы и мотивы исключительно на проблемное поле между «что» и «как», не связанное с развитием навыков и потребности поиска ответа на вопросы «зачем» и «почему», т.е. на креативное знание. Это позволит тем, кто благодаря своим знаниям предопределяет действительность, безнаказанно «распихивать» общественные блага «по карманам», «взращивать спекулятивные капиталы, сводя экономическую деятельность страны к финансовым аферам и махинациям» [253. С. 45–62], как это достаточно часто происходило в последние почти три десятилетия в России.

Наиболее деструктивно этот процесс отразился на институте образования. Здесь происходит системная замена действий, основанных на реальном анализе внутренних и внешних ресурсов образовательной системы, на многолетнюю модернизационную деятельность ради собственно процесса модернизации. Последствия реализации используемых здесь технологий уже не только описаны учеными, но и подтверждены практикой.

Напомним, что еще А. Смит предостерегал: с развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т.е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего — к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются [258. С. 290, 300, 303].

Поэтому он, естественно, утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится **«таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо»** [258. С. 290, 300, 303].

Мы уже обращали внимание и на то, что речь идет о грубом невежестве и тупости, в которых «в цивилизованном обществе так часто цепенеет ум всех низших классов народа». Продублируем приведенную ранее цитату, в которой А. Смит констатирует: «Умственная тупость делает их не только не способными находить удо-

вольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство, а следовательно, и составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих, даже обычных, обязанностей частной жизни. О великих и общих интересах своей страны они вообще не способны судить. Более того, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на них, они оказываются столь же неспособными защищать свою страну и во время войны».

Есть и междисциплинарные данные о том, что не только монотонный и примитивный труд определяет «умственную тупость» индивидов и общностей. Плохое питание пренейта в пренатальный период перинатальных практик, общие экологические проблемы формирования и развития как ребенка, так и взрослого повышают риск не только поведенческих патологий, но и задержек психического и интеллектуального развития.

По данным ВОЗ, каждый 4–5-й обитатель Земли страдает тем или иным психическим расстройством, а каждый второй имеет шанс заболеть психическим заболеванием. Помимо этого, к 2020 г. по дням нетрудоспособности в течение года депрессия выйдет на 2-е место вслед за сердечно-сосудистыми заболеваниями. З. И. Кекелидзе предлагает учесть, что в течение последних десятилетий отмечается неуклонный рост болезней зависимости — алкоголизма, наркомании и патологической зависимости от азартных игр. Исследователь подчеркивает, что по числу суицидов на 100 000 населения Российская Федерация занимает второе место в мире [127].

Европейское региональное бюро ВОЗ отмечает, что «психические расстройства — это вторая наиболее важная причина бремени болезней (по показателю DALY) в Европейском регионе (19%) и наиболее частая причина инвалидности. Старение населения ведет к росту распространенности деменции. Ежегодно от наиболее распространенных психических расстройств (депрессия и тревожные расстройства) страдает каждый четвертый человек в сообществе. Вместе с тем около 50% лиц, страдающих психическими расстройствами, не получают никакой медицинской помощи. Основными причинами, почему люди не обращаются за помощью, являются стигматизация и дискриминация» [101. С. 80].

Далее эксперты ВОЗ отмечают, что данные научных исследований позволяют лучше понять деструктивную связь между расстройствами психического здоровья и социальной маргинализацией, безработицей, бездомностью, злоупотреблением алкоголем и другими психоактивными веществами.

В связи с этим отметим, что в Свердловской области с 1996 г. ведется мониторинг факторов риска для здоровья населения, проживающего на экологически неблагоприятных территориях. Подтверждена зависимость проявлений патологии нервной системы, возникновения психических расстройств от уровня содержания токсических металлов в организме человека. Отмечено, что, например, токсические эффекты свинца разнообразны и могут быть обнаружены при разных уровнях его содержания в крови. Но даже очень низкие уровни наличия этого металла в организме человека связаны с различными признаками замедленного психического развития не только у детей, но и у взрослых.

В ходе системных эколого-эпидемиологических исследований установлено, что свинцовая экспозиция предрасполагает подростков к вандализму, агрессии, поджогам, кражам и другим правонарушениям. Выявлена линейная зависимость между содержанием свинца в крови и количеством зарегистрированных эпизодов детской преступности, обнаружены стойкие отклонения в поведении взрослых, связанные с экспозицией свинцом в раннем детстве и даже в утробе матери [268].

В связи с этим и другими факторами, влияющими на рост социальной напряженности в Свердловской области (безработица, задолженность по заработной плате, уровень преступности и т.д.), эксперты Роспотребнадзора обращают внимание на рост психических расстройств, вызванных психоэмоциональным стрессом. По данным Министерства здравоохранения Свердловской области, распространенность психических расстройств на территории Свердловской области в 2009 г. составила 38,2 на 1 000 населения, что на 10,2% ниже среднемноголетнего уровня и на 8,1% ниже уровня 2008 г. Но, несмотря на положительную динамику, ежегодно в области регистрируется 15–17 тыс. новых случаев психических расстройств. Более 2% жителей области состоит на учете специалистов психиатрической службы. К территориям риска по уровню психических заболеваний относятся Карпинск, Кушва, Сухой Лог, Верхняя Тура, Ревда, Ачитский и Артинский районы, Верхотурье, Красноуральск, Североуральск.

В том же 2009 г. в Свердловской области было зарегистрировано больных с психическими расстройствами 107 750 чел. – 2,5% всего населения области. Из них детей – 18 178 чел. – 2,9 % детского населения, подростков 5 619 чел. – 4,1% подросткового населения. Нас интересует именно 2009 г. как некая точка отсчета, так как именно в 2009 г. показатель первичной заболеваемости впервые за пять лет увеличился и составил 339,8 на 100 тыс. населения. В течение последних лет большую часть впервые обращающихся за психиатрической помощью составляют больные с психическими расстройствами непсихотического характера.

Результат – повышенная суицидальная опасность. Она достаточно активно исследуется экспертами ВОЗ параллельно с процессами, определенными как «травматизм». Так, отмечается, что «в Европейском регионе ВОЗ по причине травм, как непреднамеренных (вызванных дорожно-транспортными происшествиями, отравлениями, утоплениями, пожарами и падениями), так и нанесенных умышленно (в результате межличностного насилия и насилия, направленного на себя), ежегодно происходит 700 000 случаев смерти. Это – ведущая причина смерти среди людей в возрасте от 5 до 44 лет. Основными причинами травматизма являются дорожно-транспортные происшествия, отравления, межличностное насилие и насилие, направленное на себя. Травматизмом обусловлены 9% всех случаев смерти в Европейском регионе, но на его долю приходится 14% бремени болезней, выраженного в DALY. Несмотря на общую тенденцию к сокращению травматизма, в период социально-экономических и политических преобразований смертность, обусловленная травматизмом, возрастает. Травматизм является одной из ведущих причин социальной несправедливости в отношении здоровья в регионе» [101. С. 82].

Несмотря на то что в течение последних лет в Свердловской области отмечается снижение суицидальной активности населения, в 2010 г. показатель числа завершенных суицидов составил 26,1 на 100 тыс. населения. Для сравнения, в 2006 г. этот показатель составлял 36,49 на 100 тыс. населения [232. С. 99–100]. Одной из форм суицидальной активности является отравление наркотиками.

В Екатеринбурге в I квартале 2013 г. показатель отравлений наркотиками в сравнении с I кварталом 2012 г. вырос в 7,3 раза [118]. Значительно чаще стало регистрироваться отравление синтетическими психостимуляторами. Группа риска по отравлениям наркотическими препаратами – мужчины в возрасте 18–35 лет – 68,5%, но зарегистрированы 2 случая у детей до 14 лет, 5 случаев – у подростков. Самые высокие показатели отравлений наркотиками зарегистрированы в Октябрьском, Чкаловском и Ленинском районах, спиртосодержащей продукцией – в Орджоникидзевском и Ленинском районах города. Отравления алкоголем регистрируются в самой младшей возрастной группе – 6 случаев среди детей до 14 лет, 19 случаев – у под-

ростков. Это происходит несмотря на запрет реализации алкоголя детям. В структуре пострадавших от острых отравлений по социальному положению наибольший удельный вес составляют безработные — 60,9%, пенсионеры — 12,3%, школьники — 10,9%, неорганизованные дети 0—14 лет — 9,0%, работающее население — 5,2%, учащиеся ССУЗов, вузов — 3,6%, дети, посещающие ДОУ — 0,9% [118].

Таким образом, здесь уже не табу как форма запретов на «не нужное большинству» знание, а реальные социальные условия удерживают индивидов и общности на уровне пралогического мышления, становясь источником процесса отчуждения знаний и роста социальной напряженности в социуме.

Об этом говорит и Э. Гидденс, рассматривая ведущую категорию авторитативных ресурсов социума «производство/воспроизводство тела» [63. С. 356—360]. Ученый считает, что «регулирование количества людей в обществе и их воспроизводства во времени представляет собой авторитативный ресурс из разряда фундаментальных». Далее Э. Гидденс констатирует, что как таковая власть не зависит исключительно от численности населения. Но, predeterminedенные этой численностью, размеры административной системы вносят значительный вклад в процесс порождения власти. Более того, **«различные ограничивающие и побуждающие свойства тела», непосредственно связаны с категорией жизненных шансов, с одной стороны, являются основанием для административных ресурсов, а с другой — «отнюдь не всецело зависят от материальной производительности общества».** Поэтому «характер и масштаб власти, порожденной авторитативными ресурсами, зависят не только от расположения тел, передвигающихся по пространственно-временным путям, но и от жизненных возможностей субъектов деятельности» [63. С. 359].

В свою очередь, «жизненные возможности» или «жизненные ожидания» означают только «в первую очередь, возможности простого выживания людей в различных формах и зонах общества». В целом же и жизненные шансы, и жизненные ожидания в большей степени детерминированы, согласно М. Веберу, всем спектром возможностей и способностей субъектов деятельности.

Здесь мы можем указать не только на ведущий фактор формирования этого спектра — мобилизационный ресурс массовой грамотности в социальных процессах, но и на другие факторы.

О них нам снова напоминает Э. Гидденс в указанной выше работе. Ученый конкретизирует: «В устных культурах практически единственным хранилищем накопленной информации является человеческая память». Одновременно нам предлагается учесть, что память, или воспоминание, следует понимать не только как психологические свойства индивидуальных субъектов деятельности, но и как неотъемлемую характеристику **рекурсивности процессов институционального воспроизводства.** Поэтому общество, как «вместилище», «хранилище» авторитативных ресурсов, использует процесс аккумуляции памяти как форму пространственно-временного контроля, равно как и феноменальный опыт «прожитого времени».

Собственно хранение информации является, с точки зрения ученого, «фундаментальным явлением, допускающим возможность протяженности пространства-времени, и нитью, связующей различные типы аллокативных и авторитативных ресурсов в воспроизводимых ресурсах господства» [63. С. 361]. **В связи с этим влияние на формирование способности индивидов и общностей актуализировать свой социальный интеллект через интериоризацию знания, действительно, становится ведущим институтом и ресурсом обретения, сохранения и перераспределения власти в социуме.**

Развивая этот тезис, отметим, что К. Манхейм, исследуя роль интеллигенции «в прошлом и настоящем», отмечал, что наша эпоха отличается от других не принципиально новой верой, а ростом самосознания и интереса к самим себе [166. С. 94].

С нашей точки зрения, в современных трансформирующихся российских социальных практиках и процесс роста самосознания, и сущность интереса к самим себе отличны от тех образцов, к которым обращался К. Манхейм. Более того, по многим качественным признакам, предложенным ведущим теоретиком социологии знания, мы приближаемся в эпохе Античности, где технология отчуждения знаний, и в частности отторжения знаний, в целом одних и статусный характер знаний других предопределялись социальным капиталом.

Первично это касается позиционирования индивидов по отношению к знанию, связанному с профессиональной специализацией как неотъемлемым свойством, символом не столько профессии, сколько статуса в рамках этой профессии. Это предопределило слияние двух рискованных ситуаций в актуальных практиках в заголовке настоящего параграфа работы.

К. Манхейм не случайно напоминает нам о существовавшей в древнем Риме дифференциации между *opera servilia* (труд раба) и *artes liberales* (свободное искусство) как между различными типами физического труда, «не приличествовавшими свободным людям, исключая военную службу, занятия гимнастикой и спортивные состязания, и неким подобием статуса позднейших свободных профессий» [166. С. 110].

Далее ученый обращает наше внимание на отличие человека знающего — по терминологии К. Манхейма — образованного, — от человека не знающего. Образованный (обладающий знанием) человек сохраняет *en rapport* (связь, зависимость) с делами всего общества, а не только со своими собственными, и именно в этом смысле можно говорить, что он включен в ситуацию, касающуюся всех — социума. В этом процессе ведущую роль играет «социальный доступ к знаниям» [166. С. 113–114].

Учтем, что и рефрен современной жизни, связанный с использованием термина «демократия» и его производных, практически не базируется на одном существенном, с нашей точки зрения, моменте. Демократия Античности неразрывно связана с греческим демосом (*demos* — народ), но не с рабами и не с римским плебсом (*plebs* — простолюдины, чернь, простой народ).

Как известно, последние составляли в Древнем Риме преобладающую массу свободного населения, первоначально не пользовавшуюся политическими правами (в противоположность патрициям). Здесь мы можем говорить о стратификации индивидов по признаку «знающие — по социальному статусу — управляют умелыми». Продолжая наши рассуждения, не следует забывать и о рабах: семейных (*familia rustica* и *familia urbana* — *servi privati*) и общественных (*servi publici*). Эти выводы не меняют известные данные о том, что, например, Крассом, Аттиком тратились значительные деньги на подготовку рабов образованных (*litterati*), так как это было своеобразным бизнесом, схожим, по сути, с современной специальной дрессировкой животных.

В ракурсе нашего исследования представляют интерес **два факта**.

Первый связан с тем, что для **исключения знания рабами о том, как их много**, было принято соответствующее положение Сената об отмене специальных ошейников. Поэтому ни внешне, ни по формам организации досуга рабы не отличались от свободных граждан. В то же время, по сути, рабы лишались не только права на знание и способы его легитимного освоения, но и становились участниками реализации технологии исключения «опасного» для стабильности социума знания — **идентификационно**, способного стать ресурсом для нежелательного политического действия.

Основания для подобных опасений имелись, учитывая численность «исключенных» — отчужденных от знаний рабов, которая оценивается историками весьма противоречиво. Так, в работах А. Валлона [381. Р. 80; 366. Р. 4, 121–124] (см. также [45. С. 345]), Р. Ю. Виппера [52] указывается, что в середине V века до н. э. на общую цифру населения в 440 000 приходилось не более 50 000 рабов вместе с вольноотпу-

щенниками. В Италии эпохи «расцвета» рабства, как считает М. Финли, было уже около 2 млн рабов, а П. Брант выводит соотношение 2–3 млн рабов к 4–5 млн свободных граждан.

Одновременно в исторических источниках можно встретить констатацию того, что очень бедными в Риме признавались граждане, имеющие только 3 рабов. Грек Аристотель считался бедным, так как имел всего 5 рабов. Но статус бедного в античных условиях, как видим, не отражался на доступности знания.

Второй факт связан с тем, что осужденные на казнь преступники зачислялись в разряд рабов (*servi poenae*), потому что в Риме только раба можно было передавать в руки палача. То есть индивид исключался из социума только после того, как лишался статуса личности, имеющей право на знание. И здесь мы также наблюдаем использование технологии, но уже обратной: знание о перспективе утраты идентификации со «своими» через нарушение законов влияло на поведенческие практики имеющих право на знание.

В любом случае приведенные нами данные свидетельствуют об институциональном механизме исключения значительной части населения из процесса интериоризации знаний уже в эпоху Античности. И это было непосредственно связано с правом «неисключенных» управлять делами общества и жизнями тех, кто «исключен», — предопределять реальность и, по Э. Гидденсу, «переплестать» нити пространства-времени для воспроизводства аллокативных и авторитативных ресурсов, структурирующих ресурсы господства.

В античном обществе, как и в современном, знания приобретались двумя путями:

в континууме повседневного опыта (В. Дильтей [80], М. Шелер [331; 332], М. Хайдеггер [315]), когда индивид вынужден решать определенные практические проблемы, возникающие в его личной жизни. Он решает эти проблемы с помощью знаний, приобретенных спонтанно, случайно и из подражания чужому опыту, а не сознательно и целенаправленно.

Как подчеркивал К. Манхейм, информация, накапливаемая таким образом, воплощается в навыках ремесленника, в жизненно важном опыте, в *savoir faire* (сноровка, умение). Здесь есть противоречие с нашей оценкой знания, связанного с его уровнями «почему» и «зачем». На античном этапе генезиса процесса отторжения знания отчуждение знаний предопределялось рамками задачи применения информации о том, «что» и «как». Сущность знания «почему» и «зачем» либо не была индивидуально востребована, либо делегировалась «значимым другим». Указанные «значимые другие» не могли не осваивать необходимый и достаточный объем знаний, стандарт которого предопределялся институционально.

Одновременно знание в целом не было дискретным, «разбросанным» на множество различных наук, основанных на гигантских объемах накопленной в социуме информации, как мы видим это на более поздних этапах развития человечества. А тогда человеческой жизни хватало на всестороннее «базирование» мировоззрения, основанного на знаниевой оценке имеющихся информационных пластов;

в процессе эзотерического потока информации, которая на определенном уровне сложности социальной структуры становится рычагом «образования» [166. С. 114].

К. Манхейм подчеркивает, что эзотерическое мировоззрение не приобретает спонтанно, а является результатом целенаправленных усилий и культивируемой традиции. Согласимся с ученым в том, что в примитивных культурах информация и знания сливаются воедино. Это единство предопределяется открытостью или закрытостью доступности знания. Например, если ремесло монополизировано тем или иным племенем в сфере повседневной рутины, то знание о его сути становится секретным. Но

дискуссионным представляется следующее утверждение ученого о том, что магия, сущность и происхождение которой носят эзотерический характер, обычно проникает в круг повседневной частной деятельности. Думается, что и здесь имелись пределы, установленные «собственниками» эзотерического знания (внешний контекст), равно как и теми, кто этим знанием обладал опосредованно (контекст внутренний).

Не случайно далее ученый показывает, что в процессе социокультурной динамики в усложняющихся обществах постепенно проявляется тенденция к отделению повседневной сферы знаний от эзотерической и параллельно идет увеличение дистанции между представляющими их группами [166. С. 114]. Явное разделение этих двух сфер К. Манхейм, вслед за Ф. Знанецким, связывает с появлением профессионального шамана и, особенно, с развитием гильдии колдунов и касты магов.

Факты и для подтверждения, и для несогласия с позицией К. Манхейма можно найти в других источниках. Так, Т. В. Бендас [21. С. 223–226] напоминает описание Д. Фрезером процедуры съедения племенем друг за другом вождей, не сумевших, благодаря своему эзотерическому знанию, вымолить у богов дождя. Причем каждый последующий вождь избирался из числа рядовых членов общности, поэтому эзотерика в данном случае может быть рассмотрена нами как экзотерика. В приведенном примере мы видим подтверждение позиции К. Манхейма.

Однако в описании социального устройства в индейских племенах К. Леви-Стросса [153] и Л. Г. Моргана [187] можно увидеть, что шаманизм для вождей бразильских индейцев — вторичное средство при реализации основных обязанностей: проявлять щедрость, умение убеждать, дипломатичность, инициативу, изобретательность, «бенчмаркинг» в сравнении с вождями других племен. То есть управлял племенем тот, кто лучше знал не только «что» и «как», но и «почему» и «зачем», опосредованно обращаясь к эзотерике либо не касаясь ее.

У ирокезов ни религиозный лидер, ни военный вождь, выдвигавшийся по личной инициативе на время военных действий племени, не могли стать ни главным вождем, ни низшими правителями, так как представляли опасность для стабильности сложившейся властной элиты (50 сахемов) из-за обладания синтезом знаний и индивидуальной психологической власти, основанной на воле, героическом характере, умении убеждать и прогнозировать события.

Таким образом, обладатели всех четырех составляющих знания (по нашей интерпретации — «что», «как», «почему» и «зачем» — собственники экспертного знания) были востребованы только в критические для социума ирокезов периоды, но не «допускались до власти» в остальное время. И здесь мы снова можем увидеть своеобразную корреляцию с современностью, когда знающие не допускаются до институций, через которые можно в деятельностной форме транслировать имеющиеся знания, так как это может помешать субъектам, легитимизированным в этих институциях, реализовывать индивидуальные жизненные стратегии.

Отчуждая от знающих — владельцев экспертного знания — право на реализацию их знания, субъекты отчуждения активно формируют условия сохранения имеющихся привилегий. Одним из источников сохранения здесь становятся технологии отчуждения знаний. Четыре ведущие технологии мы представили ранее. Еще одну технологию можно конкретизировать как технологию лишения собственников экспертного знания права его презентовать и передавать.

Следующую технологию мы можем описать как технологию замены базисных ценностей и смыслов на нечто аморфное, лишённое «тела и крови», «расплывчатое и непонятное», с помощью чего можно найти самооправдание отказа от знаний.

Вспользуемся для иллюстрации сказанного констатацией Ш. Летурно [157. С. 352]: «По мере того, как развивается разум, накапливается знание, грубый антропоморфизм первых веков теряет все более и более под собой почву». По мнению ученого, именно в это время возникает метафизика, которая предоставила возможность толпе верить в олицетворения высшей силы с определенными формами. Мифологические боги отличались от традиционных абстракций тем, что представлялись в сознании людей существами, имеющими «тело и кровь». В отличие от этого, метафизические концепции бескровны: «их не только невозможно любить или ненавидеть, но даже и представлять себе. Это — выдохнувшиеся, расплывчатые и совершенно непонятные боги; но для людей недалеких и слабохарактерных такие боги служат прикрытием действительности, которой они не дерзают взглянуть в глаза, и дают возможность сохранить связь с прошлым».

Далее Ш. Летурно делает вывод: метафизическая мораль — тень религиозной морали, по образцу которой она сложилась, но она не оказала такого же глубокого влияния на человечество. «Грубый здравый смысл не признает ее: она так и остается дилетантской моралью». **Не признавать — значит отказываться, отвергать.** Поэтому для иных — тех, кто не включался в процесс отторжения, — «пустота платоновских и аристотелевских абстракций метафизики» обеспечивала «громадный» успех: «она оказалась вполне по духу того времени, когда ребяческая мифология перестала уже удовлетворять умы людей, а науки еще не было» [157. С. 354]. Но были и огромные массы других, для которых дилетантская мораль при грубом здравом смысле играла ведущую роль. Она структурировала сущность мировоззрения и, следовательно, самосознание и стратегии интеракций.

Таким образом, следуя манхеймовскому указанию **«социологии не бояться контактов с донаучным “всем человеком”»** [166. С. 273], мы использовали социологический, историко-психологический и философский концепты оценки рассматриваемого нами генезиса процесса отчуждения знания.

Использованные нами факты из Античных времен будут односторонними, если не учесть еще один философский контекст: наиболее четко поставил знание превыше всех авторитетов и мнений Сократ. Хрестоматийными стали утверждения о том, что Сократ не писал книг, считая, что в них мысль мертвеет, становится правилом, а «это уже не есть знание». Даже школьники знают, что самая большая мудрость, по Сократу, состоит в том, чтобы не обольщаться своим знанием, не абсолютизировать его («Я знаю, что ничего не знаю»). Самое позорное невежество — «воображать, что знаешь то, чего не знаешь».

Однако в ракурсе нашего исследования недостаточно осмыслен факт того, что в этот и близкий к нему исторический период понятие «невежество» связывалось с толпой, народными массами, исключенными из элитарного образования того времени [317]. Солон, проведший свои знаменитые реформы в IV веке до н.э., писал, что каждый отдельно взятый афинянин — «хитрая лиса», но когда они вместе собираются на собрание, то представляют собой «стадо баранов». И Геродот, и Фукидид оперировали такими понятиями, как «многие», «масса», говорили об их «самонадеянности», «наглости» и, что значимо для нашего исследования, «невежестве».

Таким образом, собранные вместе, «хитрые лисы» утрачивают способность и желание применять знание, ориентируясь только на использование информации. В связи с этим «стадо баранов» достаточно легко управляемо теми, кто задает ему ориентиры «почему» и «зачем». Исторических примеров здесь не перечислить. Известны и разносторонние исследования в философии, социологии о «массе», в которой «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотлич-

мостью», где каждый — «посредственность, которая утверждает свое право быть таковой и навязывает ее всем и всюду», «сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее» [203. С. 310—311]. **Таким образом, мы можем указать и на еще одну технологию отчуждения знаний: инициирование условий для реализации доминантности и предпочтения интеракций в условиях обезличенной толпы.** Это реализуется как через принудительную коллективную ответственность, так и путем создания социокультурных условий, когда подтверждение принадлежности к толпе становится защитным механизмом для индивидов и общностей.

Прокомментируем это утверждение через еще один экскурс в генезис отчуждения знаний. Так, А. Хевеши подчеркивает, что Сократ также придерживался негативной характеристики невежества толпы, но считал при этом, что большинство людей можно обучить, что любой раб способен к постижению самых абстрактных понятий. Это связано с тем, что **«лишь ненависть к людям вызывает ненависть и недоверие к логическим доказательствам».** Здесь мы видим взаимосвязь и взаимообусловленность эмоциональных поведенческих характеристик с отношением к знанию как ценности. Именно ненависть к людям вызывает ненависть ко всему, что имеет отношение к знанию, и параллельно проявляется обратная зависимость.

Вспомним, что Сократ связывал не ненависть, а более широкое понятие — нравственность с отношением к обучению, с готовностью обучаться. Он оценивал античную демократию как безнравственную форму политической власти именно потому, что она не желала воспринимать знания, не понимала, сколь мало знают массы. Связанная с нравственностью самокритичность выступала у Сократа не только как мудрость, но и как возможность улучшения политической жизни государства [317].

Для Платона, как известно, основная масса населения — это человеческое стадо, с которым не стоит и общаться. Демос, толпа, чернь — вульгарны, душевный склад их крайне примитивен, это — «сильный зверь», который наделен достаточной телесной силой, чтобы выполнять тяжелую физическую работу. Трактую массу как человеческое стадо, не способное осваивать значимые для социума знания, Платон и искусство политического управления приравнивает к умению усмирять такое «стадо». Земледельцам и ремесленникам предначертано быть благодарными, но в рамках своей страты. Их знания должны формировать и их добродетель — умеренность, послушание правителям, добросовестное выполнение своих обязанностей. Свободный же человек, согласно Платону, «никакой науке не должен учиться рабски» [351]. То есть в свободном процессе освоения знаний человек оказывается в узких рамках знания дозволенного и только такого, которое предопределяет умеренность и послушание сложившимся структурам, процессам и институтам. **Таким образом, мы видим, кроме табу, еще одно условие реализации технологий процесса отчуждения знаний: рамочность дозволенного к освоению знания,** что подтверждает актуальные установки А. Штейнзальца и А. Функенштейна.

Взгляды Аристотеля по этим вопросам в основном совпадают со взглядами Платона, отличаясь истоком: «рамочность» задается не «сверху», а «от индивида». Одновременно у Аристотеля все люди, занимающиеся трудом, просто любой деятельностью по добыванию денег, выступают, подобно рабам, придатком государства. Заложенное самой природой разделение на свободных и рабов справедливо, ибо рабы, по Аристотелю, не обладают рассудком, т.е. способностью к освоению знаний.

Социально-демаркационные и социогенетические аспекты знания и незнания в древнем Риме нашли свое выражение в известном лозунге: «Черни — хлеба и зрелищ», который, как отмечает М. А. Хевеши, остается популярным и в наши дни. Цицерон воспринимал «новые толпы» как отбросы общества, считая их невежественными, глупыми, суеверными, поведение их рабским, характеризующимся **предель-**

ным уровнем незнания, выражающимся в поддержке демагогов. На это фактически указывает и Тацит: толпе, как народу, свойственно заблуждаться и **«не желать ничего знать»**.

Современные авторы говорят уже об «умной толпе», равно как и о толпе, действиями которой можно управлять через современные средства массовых коммуникаций. Так, общеизвестно, какую роль сыграли социальная сеть Facebook, специальный сервис «Speak to Tweet», позволяющий опубликовывать текст в микроблоге на сервисе Twitter, не имея доступа к сети Интернет, а также видеосервис YouTube в организации протестного движения на севере Африки и на Ближнем Востоке в конце 2010 — начале 2011 г.

Но и здесь протестное движение рождалось на основе отчуждения знаний. Люди, невежественные в силу социальных обстоятельств и статуса, легко объединялись в совместной борьбе за то, что они согласились считать справедливостью. И, приняв участие в борьбе за эту справедливость, оказались весьма агрессивны. Однако в проявлении массовой агрессии они были не первыми в мировой истории.

В Античности рабы были невежественны в силу своего социального статуса, что наиболее ярко проявлялось в спартанской культуре, где постоянное агрессивное военизированное противостояние знающих и не имеющих возможности получить знания также общеизвестны. Одновременно известно и то, что за недостаточную активность в освоении знаний свободных граждан регулярно и публично физически наказывали «отцы» общества, встречаясь с обучаемыми для бесед о вечном и насущном.

Таким образом, отказ от эффективного освоения знания не только не поощрялся, но и публично пресекался, так как предопределял снижение перспективной безопасности социума.

В афинских и римских реалиях невежественность рабов также априорна, но одновременно невежественными в сравнении с «демократической элитой» являются и массы свободных представителей «низшего сословия», как отлученные уже не от знания, а от элитарного знания, связанного с обучением в «гимназиях» и «эфебиях», а в древнем Риме — в грамматических школах и школах риторов.

А. В. Петров, исследуя феномен женской магической практики в ходе превращения магии в элитарную, философски оправданную форму религиозной деятельности, как бы предлагает нам обратить внимание на еще один аспект процесса отчуждения знаний в эпоху Античности [211].

По мнению ученого, конструктивный диалог между философией и религией шел на пользу обеим: религия, как значимая для античности форма культуры, убергалась, таким образом, от элиминации ее из круга интересов интеллектуалов и превращения в достояние одних лишь социальных низов. Философия же, интерпретируемая как форма религиозности, проникала в социальные круги, намного более широкие, нежели те, в которых могла быть популярна философия как форма интеллектуальной деятельности.

А. В. Петров предполагает, что переплетение философии и религии сыграло на рубеже эр в этом отношении ту же роль, какую в эпоху классики сыграло перенесение софистами философии в политическую жизнь. Однако здесь же скрывалась и опасность для обеих [211]. Оправданная философией, религия была весьма далека от той формы, в которой она существовала в повседневной жизни: «Аристофан с безошибочной интуицией увидел в религиозном интересе Сократа, высмеянного им в “Облаках”, враждебность философской религиозности народной религии. С другой стороны, философия, слишком активно ассимилирующая религиозные идеи, могла вступать в противоречие с собственными предпосылками». Иными словами, в до-

ступности процесса интериоризации знания можно обнаружить и присутствие технологий его отчуждения.

Как видим, неконтролируемое проникновения знания из одной сферы в другую трансформирует обе сферы. А индивиды и общности «ухватывают» и со свойственной им креативностью включают в обыденное знание все, что ранее казалось непонятным и отторгалось. Одновременно отторгается все, что не помогает им в обеспечении стабильности и гармонизации жизненного мира.

Для нас значимо высказывание Квинта из цicerоновского диалога «De divinatione»: «А теперь я хочу заверить, что я не признаю ни тех, которые гадают по жребью, ни тех, которые прорицают за деньги, ни тех, которые занимаются психомантией, в общем, никого из тех, к которым обычно прибегает твой друг Аппий. Ни во что я не ставлю также ни авгура из племени марсов, ни гаруспиков, бродящих по деревьям, ни толкущихся у цирка астрологов, ни гадателей Исида, ни толкователей снов. Всем им чуждо искусство дивинации (гадания), все они невежды в этом» [211].

Таким образом, и теологи, и философы как бы отмежевываются от теологических и, возможно, упрощенных философских воззрений, включенных в практики повседневности рядовых граждан. Констатируется знаниевый барьер между научным и обыденным, между знающими и «пустой» человеческой породой.

Непосредственное отношение к «пустой человеческой породе» имели и женщины.

Основная масса женщин в эпоху Античности, как правило, была невежественна по сравнению с мужской частью социума. А. В. Петров доказывает, что исключение составляли «Леонтины, Аспасии, Фрины, Диотимы: гетеры — подруги, свободные женщины», связанные и с научным, и с сексуально-эротическим знанием.

Из истории известно, что развитие собственно сексуально-эротических традиций началось с принятием законодательства Солона (VII—VI века до н.э.), когда впервые стали рассматривать проституцию как общественный институт, закрепляя легитимность знаний, связанных с ним.

В отличие от восточных течений, развитие проституции в Древней Греции протекало в соответствии с гедонизмом исключительно по пути совершенствования знаний и связанного с ним мастерства женщин по владению собой, своим телом и умению удовлетворить мужчину не только в сексуальных техниках, но и поддержать беседу, быть больше другом, нежели чисто проституткой в современном понимании. Это невозможно без всей суммы знаний, как на «ремесленном», так и на элитарном уровне. Гетеры владели не только этими видами знания, но и «знаниями, считавшимися в те времена магическими» [211].

Постепенно даже в литературе образ женщины-колдуньи полностью вытесняется, и в теургию вместо нее проникает образ женщины-пророчицы, хотя и лишенной своих пророческих функций. Если образ мужчины-теурга формируется из мага с одной стороны и философа-чудотворца (типа Пифагора и Эмпедокла) — с другой, то образ женщины-теурга представляет собой синтез мужчины-мага и женщины-пророчицы. Для формирования образа последней используется традиция, идущая от парадигматических описаний Гомера (Кассандра в отличие от Калханта) и дельфийских жриц: через платоновскую Диотиму к Сивиллам — пророчицам и хранительницам древнего знания.

А. В. Петров считает примечательным, что в этом процессе не используется фигура женщины-философа, известная нам по раннему пифагореизму (Теано), раннему кинизму (Гиппархия), эллинистическому пифагореизму (сочинения, подписанные Теано).

Есть и еще один аспект Античности, недостаточно осмысленный в социологии, и прежде всего в социологии знания. Термин «отторжение» присутствует в работе М. К. Петрова, но касается уже не магии и философии, а логики освоения через знание большинством образованных граждан условий индивидуальной самореализации в качестве личного носителя социальности, хотя и в социуме «карликового объема» [212].

Известный исследователь Античности отмечает, что, как бы ни различались ритуалы Афин и Спарты, одни едины в том отношении, что и тот, и другой сотворены, что оба — суть «изобретения, — как говорит Протагор, — славных древних законодателей». И эти изобретения сначала были оформлены в слове, а затем **«отчуждены и реализованы в деле, в деятельности людей как формообразующий момент и высший авторитет этой деятельности»**. Здесь мы можем указать на еще одну технологию отчуждения знаний, но имеющую позитивный аспект. **Отчуждение знания становится позитивным элементом организации жизнедеятельности социума:** в идеале не только персонифицированные законы упорядочивают интеракции, освобождая акторов от необходимости толкования и воспоминаний о стратегиях обычного права.

Нашим рассуждениям созвучен и следующий вывод М. К. Петрова: если изобретение алфавита развязало стихию правового самосознания и обеспечило **отчуждение юридической самодеятельности в успокоенную форму закона**, по отношению к которому свободные оказались в той же позиции, что и рабы по отношению к свободным, то чеканка монеты стала той «новой метлой», которая быстро, «хотя и весьма болезненно, смела и выбросила на свалку истории коросты олимпийских отношений и, прежде всего, реликтовый профессионализм».

Античность активно осваивала новое знание — на уровне неприятия (недостойная хрематистика у Аристотеля) и одновременного использования на уровне опыта — знания о правилах извлечения прибыли или пользы, отказываясь от реликтов устаревших представлений.

М. К. Петров приводит описанное в «Домострое» Ксенофонта условие реализации этого процесса в земледелии: «Мой отец и сам так вел хозяйство, и меня научил. Он никогда не позволял мне покупать землю, хорошо обработанную, а такую, которая по небрежности ли хозяев или по недостатку средств у них не обработана и не засажена; такую он советовал покупать» [212]. Последующая после «подъема» земли продажа приносила выгоду.

В связи с практикой передачи знания о подобном опыте от поколения к поколению, обогащения опыта, деловая активность в Афинах была достаточно высока. Так, М. К. Петров приводит данные Демосфена о ставке в размере 12% годовых (драхма с мины в месяц). Но наиболее выгодным капиталовложением была война.

В социальных коммуникациях проявлялись другие инновационные особенности. **Деньги стали ведущим символом принадлежности к тем, кто владеет знанием.** Так, если в Спарте деньги были запрещены законом, и, соответственно, именно там сохранялись наиболее архаичные формы социальных коммуникаций, то в общностях, где отчуждение не наталкивалось на искусственно возведенные препятствия, возникла совершенно иная ситуация. Не случайно Сократ, по Ксенофону, советует Аристарху заняться «полезным для жизни делом», попутно перечисляя такие дела: «Разве ты не знаешь, что одним таким занятием — приготовлением муки Навликид не только себя со слугами может прокормить, но, сверх того, и множество свиней и коров, и столько у него еще остается, что он и в пользу города может часто исполнять разные литургии; а печением хлеба Киреб содержит весь дом и живет великолепно. Демей из Колита изготавливает солдатские накидки...» [212].

Так, в систему легитимных знаний включается опыт приобщения к «деловой активности», к труду «вообще» или абстрактному труду. Человек, стремясь к совер-

шенству, освобождался от давления традиций. В рамках же традиций оставались отказавшиеся от знания об этом.

Такой разрыв свойственен и современности. П. Л. Бергер, используя сравнение К. Велиза, описывает современный мир, в котором глобальная культура напоминает ему «эпоху эллинизма, когда тоже превозносились индивид и его стремление к “совершенству”, тем самым индивид освобождался от ограничений со стороны традиции» [22. С. 17].

Все вместе взятое свидетельствует о том, что проникновение принципа примата знания во всю совокупность социальных отношений делает «героев гомеровских времен личными носителями социальности во всем ее карликовом объеме» [212]. Только «человек знающий» здесь — полновластный и полноценный хозяин ритуала, его творец и верховный авторитет. Он лично определяет свою судьбу и судьбу своего «дома».

М. К. Петров говорит даже о возникновении «домашнего карликового ритуала», который можно было бы назвать «человеком-государством», первым шагом в становлении нового типа культуры и нового типа мысли, который сегодня называется европейским или западным. Однако заметим, что из этого креативного процесса полностью исключены все группы, названные нами в числе тех, кто отчужден от знания в силу отстраненности от социального капитала, наличия стратификационных или гендерных отличий.

Завершая этот ракурс рассуждений, согласимся с М. К. Петровым в том, что малый объем и тесные рамки описанной выше свободы общности, представленной ученым как «карликовая», не должны скрывать от нас главного события, произошедшего в эгейском бассейне: впервые в истории человечества здесь появилась целостная личность — ключ и творец социальности нового типа. «Лишь с этого момента приобретает какой-то смысл вся совокупность равнонаправленных, “общечеловеческих” идей — свобода, равенство, братство, а само слово “человек” начинает звучать, если еще не очень гордо, то, во всяком случае, содержательно» [212]. И этот основополагающий этап развития человечества оставил нам немало примеров для осмысления современных стратегий и технологий отчуждения знаний.

Средневековье по многим позициям дублировало плюсы и минусы, обретения и утраты социальности времен Античности в связи с процессом отчуждения знаний. И если, согласно известной констатации Й. Хейзинги, на этом этапе развития человечества все, «как дверь вокруг петель», «вращалось» вокруг религиозного знания, то по отношению к интериоризации и доступности знания здесь имелись некоторые «подвижки».

Несмотря на то что К. Поланьи описывал социум Средневековья сохраняющим признаки «общества статусного типа, где личные отношения не превратились в функциональные», а «личная зависимость, взаимная поддержка, вассальная преданность оставались главными» [414. Р. 70], отчуждение знаний имеет в период Средневековья некоторые отличия от периода Античности.

Так, инструментальная сущность по демаркации между знанием дозволенным и недозволенным, прежде всего в обыденной жизни людей, пролегалла через поведенческие стратегии, связанные с религиозным знанием.

Здесь наиболее ярко проявляется то, что было названо М. Вебером в ходе оценки индийского религиозного знания «религиозной этикой неприятия мира» [47. С. 307], а следовательно, и знаний, лежащих в контексте неприятия. Так в Средневековье появились инновации в отказе от знаний, связанные с разными ценностными аспектами жизненных миров аскетов и мистиков. То есть, используя относительно идентичное по сути знание, определились и четко позиционировались раз-

ные социальные общности, различно его воспринимающие в качестве руководства к поведенческим стратегиям.

М. Вебер указывал на противоположность в самом неприятии мира «между активным аскетизмом, т.е. угодной Богу деятельностью в качестве орудия Божия, и созерцательным обладанием спасением, свойственным мистике, где речь идет не о том, чтобы действовать, а о том, чтобы иметь, и где человек является не орудием, а сосудом божественной воли» [47. С. 309–310]. Деятельность в миру начинает представляться угрозой состоянию, «закрывающемуся в ощущении своей спасенности».

У выделенных М. Вебером стратегий взаимодействия с миром есть две крайности. У аскетизма, когда аскет начинает преобразовывать мир в соответствии со своим представлением о рациональности, деятельность направляется на подавление «руководно-греховного с помощью какой-либо мирской “профессии” (мирской аскетизм)...». Мистика, в свою очередь, делает из своих посылок радикальные выводы, в результате чего следует окончательный уход от мира (избегающее мира созерцание).

Острота указанных крайностей смягчается, когда аскетизм занимается «искоренением тварности» и скверны в самом себе, как мы бы сегодня сказали, в «индивидуальном порядке». Тогда аскет перестает общаться с миром и становится «избегающим мира аскетом». В этом случае его стратегии сближаются с созерцанием избегающего мира мистика. Крайность мистика также может быть смягчена, «если созерцающий мистик не делает окончательного вывода о необходимости уйти из мира и остается в миру, подобно мирскому аскету (мирская мистика)». Но здесь в большей степени речь идет все-таки об отказе от знаний.

Указанные М. Вебером две крайности даже в «смягченном» варианте дают определенные стратегии взаимодействия и аскетов, и мистиков с социумом. Одновременно процесс отчуждения знания присутствует в технологиях запрета, сокрытия информации одних от других.

Обратим внимание на следующее высказывание М. Вебера: «...типическое поведение мистика находит свое выражение в специфическом смиреннии, в минимальной деятельности, в своего рода религиозном инкогнито в миру: он доказывает свою избранность вопреки миру, вопреки собственной деятельности в миру, тогда как мирской аскет, напротив, доказывает ее посредством своей деятельности. В глазах живущего в миру аскета поведение мистика является **ленивым самоуслаждением**, для мистика поведение аскета — не более, чем **участие в богопротивных мирских делах**, соединенное с суетной уверенностью в своей правоте» [47. С. 310–312].

Эти две крайности касались не только индивидуального порядка, сторонники и противники той и другой находились, группировались и обретали «проводников знаний» о спасении. Как отмечал М. Вебер, «если в результате пророчества или пропаганды спасителя возникала религиозная община, то наблюдение за регламентацией жизни переходило к харизматически квалифицированному преемнику, ученику или последователю пророка или спасителя. Затем в определенных, постоянно повторяющихся условиях функции наблюдения... переходили к наследственной или должностной группе священнослужителей, тогда как сам пророк или спаситель, как правило, противостоял власти этих колдунов или священников, традиционным правам которых он противопоставлял свою личную харизму, стремясь сломить или подчинить себе их власть» [47. С. 312].

В результате религии пророков и спасителей достаточно долго «враждовали с миром и его порядками. И тем больше, чем в большей степени они были подлинными религиями спасения». **Подчеркнем, что через «спасительное» знание и здесь достигалась или, наоборот, отчуждалась возможность использования благ.**

Об этом говорит и М. Вебер [47. С. 313]. Для ученого «нет сомнения в том, что подавляющее большинство всех религий регламентировало также и внутримирские связи. Однако то, что спаситель, пророк, священник, духовник и брат по вере должен был стать верующему ближе, чем кровные родственники или члены семьи как таковые, считалось тем в большей степени само собой разумеющимся, чем серьезнее и глубже воспринималась цель спасения. Посредством хотя бы относительного обесценения этих отношений и разрыва магических связей и замкнутости родственных союзов пророчество создало, особенно там, где оно превратилось в сотериологическую религиозность общин, новую социальную общность».

Обратим внимание, что освоение и отчуждение легитимного знания структурировало все сферы общностей.

Так, М. Вебер описывает, как внутри религиозной общности разрабатывается и принимается «этика религиозного братства». Технология этой трансформации достаточно проста: «Сначала просто перенимались исконные принципы социально-этического поведения внутри “союза соседей” — в сообществе деревенских жителей, членов рода, цеха, мореплавателей, охотников, участников военного похода». Но, в отличие от привычных для нас принципов и планов социальной идентификации, в то время доминировали два. Первый был связан с двойственностью внутренней и внешней морали, в то время как второй предопределялся морально-этическим отношением «как ты мне, так я тебе».

После утверждения в общности этих положений вступали в силу экономические следствия (бесплатная передача в пользование, беспроцентная ссуда, гостеприимство и поддержка неимущего имущим и знатным членом сообщества, безвозмездная работа на земле соседа или на земле господина за содержание). То есть любая «братская помощь» в беде реализовывалась только «в пределах морали, действующей внутри сообщества», и только для тех, кто принимал «выделенную» для интериоризации «часть знания».

Знание внутри общины, которое, по М. Веберу, мы можем назвать «сублимированным в идее спасения экстазом», позволяло распространять принципы доброты и братства только на себе подобных, т.е. знающих то же самое и о том же. **Одновременно, чем более рационализировалась и обретала свои порядки мирская жизнь, тем непримиримее становились расхождения между «братским» и светским знанием, как и противостояние властных институтов и собственников экспертного знания вне пределов знания «дозволенного».**

В целом здесь уместно напомнить напоминание Г. Геффдинга [61. С. 259] о Древности и Средневековье. Ученый отмечает, что и в древнем Китае, и у индийцев, и у египтян знание считалось высоко и требовало особой посвященности и упражнения, «так что оно доступно было немногим отдельным единицам, которые, благодаря ему, и приобретают духовное господство над всеми остальными». Далее Г. Геффдинг утверждает, что отнесение научных знаний и их носителей к касте аристократии духа — легитимных экспертов, как мы бы сегодня сказали, определено в конце XIX века, когда ученый писал свой труд, возвратом к Средневековью.

Описывая Средневековье, исследователь отмечал, что «и в то время был класс ученых, но и у самого простого человека, и у высокоученого схоластика была общая почва в богословских вопросах. Каждая деревня могла указать в своей среде скептика; истины высшего порядка могли проникать в массу и приниматься всеми». Отказ от знаний в этих условиях был равен самоисключению из общности. Но это не мешало выделять в своих рядах «слегка инакомыслящих».

И. М. Савельева и А. В. Полетаев [243. С. 16, 34, 47] обращают наше внимание на то, что **Античность подарила нам процесс формирования значений, а Сред-**

ние века — эволюцию смыслов. Знание, противоречащее догматам церкви, запрещалось специальными декретами. Однако историки напоминают, что яркой особенностью средневековой культуры являлся ее письменный характер. Вместе с характерным для Античности просвещенным досугом (*scholium*) появляется ученый труд (*pragmateyya*), вместе с устной культурой — письменная. Это дало возможность транслировать знания в другие эпохи. И одновременно отчуждать новое знание от тех, кто мог воспользоваться только устной традицией обретения смыслов.

Барьером для углубления процесса отчуждения знаний оказался, с нашей точки зрения, удивительный культ Слова. Огромное значение приобретает Текст. Но, благодаря Слову, он не был абсолютно недостижим. Позже, уже применительно к научному знанию в XIII веке, Р. Бэкон прокомментировал это так: «Если некто знает текст, он знает все, что относится к науке, о которой толкует этот текст» [273. С. 344].

До констатации Р. Бэкона и достаточно длительный период после нее ведущим и осознанным остается новый смысл жизни — вечное ученичество в процессе освоения Библии. Поэтому в большинстве своем средневековые «проводники знания» — теологи были проповедниками и/или преподавателями.

В сословном распределении на знающих и невежд — субъектов процесса отторжения знаний, как мы указывали ранее, также наблюдались некоторые особенности. Легитимизировался определенный объем знания «ненужного», как его через несколько столетий назвал Б. Рассел, и знания востребованного.

Так, рыцарство относилось к недостойным занятиям не только физический труд, но и умственный. Для этого сословия отказ от элементарной грамотности был нормой. Одновременно недопустимым считалось бы отсутствие умения ездить верхом, плавать, владеть копьем, фехтовать, охотиться, играть в шахматы, слагать стихи и играть на музыкальных инструментах. К концу Средневековья перечень обязательных знаний дополнился французским языком. Однако распространяющаяся практика отдавать дочерей для обучения в монастыри, где они осваивали латынь, грамматику и все, что соответствовало средневековым представлениям о хороших манерах, делало женщин образованнее мужчин. То есть гендерное знаниевое неравенство Античности здесь обрело «обратный знак».

Особое место в средневековой жизни постепенно стали занимать университеты. В средние века не было отделения высшего образования от среднего, поэтому в университетах существовали младший и старшие факультеты. После изучения латыни в начальной школе школяр (*scolarius*) в 15–16, а иногда даже в 12–13 лет поступал в университет на подготовительный факультет. Здесь он изучал «семь свободных искусств» (*septem artes liberales*), которые отличались от рыцарских и состояли из двух циклов: «тривиум» (*trivium* — «перекресток трех путей знаний»: грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиум» (*quadrivium* — «перекресток четырех путей знания»: музыка, арифметика, геометрия, астрономия). Только после изучения «философии» предоставлялось право поступать на старшие факультеты: юридический, медицинский, богословский [273. С. 346].

В целом, упадок светской образованности и просветительство продолжателей идей Кассиодора, обосновавшего необходимость интеллектуальной деятельности как составной части христианской культуры и прежде всего ее ведущего условия — общего образования, вступали в противоречие. **Это было противостояние тех, «кто не должен хотеть знать» в силу своего статуса, с теми, кто хотел обрести идентичность и новую социальность благодаря знанию.** Исторические источники заставят лишь удивляться тому, как активно росло в этом время количество школ городских, цеховых, других форм, соответствовавших статусу попечителей и организаторов всеобщего обучения того времени. Без этого базиса не состоялось бы ни Возрождение,

ни Новое время. Но все это предопределялось и доступностью знания, и глубиной технологий процесса его отчуждения.

Доступность знания и, следовательно, процесс его отчуждения имели свои особенности. С одной стороны, не учиться было нельзя, так как индивид в этом случае просто «выпадал» из поля социального взаимодействия, терял перспективы получить более высокий социальный статус, используя религиозный лифт мобильности, или образовательный, став юристом или медиком. С другой стороны, можно было остаться на достигнутом стратификационном уровне, если отсутствовала мотивация освоения знания, превышающего уровень знания обыденного.

Не случайно подобная стратегия была и у науки как социального института. Признано, что первоначально в период Средневековья наука носила служебный по отношению к религии характер. С одной стороны, помогала иллюстрировать и детализировать истины Священного писания, а с другой стороны, накапливала знаниевый капитал, решая сугубо практические задачи.

Эта двойственность отражалась, как представляется, и на структуре знания, осваиваемого в средневековых университетах. Так, известно, что даже у школяров «одни книги считались более важными и обязательными (ординарными) для учащегося, другие — менее важными и необязательными (экстраординарными)» [273. С. 344]. Даже дневное время для их освоения делилось соответственно на только утреннее и только вечернее.

Но науки, которые позже были названы герметическими или тайными — астрология, алхимия, ятрохимия, натуральная магия, — не могли оформляться без накопления соответствующего знания на основе расширения получаемой информации и отделения ремесла от натурфилософии. Естественно, что для одних человек как часть природы в период Античности «слился» с человеком как созданием Бога. Для других началось восхождение от человека — создания Бога к человеку, творящему самого себя и преобразующему мир, — создание Бога. Этих «других» было немного. Но и в их рядах не было единства.

Как отмечает Б. Рассел, в «XVI и XVII веках математика, в основном, изучалась с эллинской беспристрастностью, и появилась тенденция игнорировать науки, которые деградировали из-за своей связи с магией» [230]. Таким образом, «бесполезное» знание, сначала, приносящее удовольствие, позже выступающее в качестве подтверждения социального статуса, продолжает оставаться важнейшим инструментом регулирования социокультурной динамики и социальных коммуникаций. «Так, — указывает далее Б. Рассел, — для российской или польской, чешской, немецкой крестьянки, живущей в период наполеоновских войн, салонный французский язык был именно таким “бесполезным” знанием. Незнание того же французского языка в дворянской среде было не только недопустимым, но и невозможным». Знание салонного французского языка одновременно не только констатировало социальную дифференциацию, но и свидетельствовало о свойственной этому этапу генезиса человечества форме проявления технологий его отчуждения.

Указанное Б. Расселом разделение на уровне обыденных практик происходило параллельно тому, что Г. Геффдинг назвал узкой специализацией науки, в которой «единичный исследователь может быть самостоятельным хозяином лишь в какой-нибудь крайне незначительной научной отрасли» [61. С. 259]. Поэтому в таких условиях говорить «о каком-то всеобщем, широко развивающемся умственном образовании» достаточно проблематично.

Далее ученый констатировал подобную проблему уже в собственно процессе просвещения на более поздних этапах эволюции: в XVIII веке оно «ограничивается весьма незначительным кругом; остальная **огромная масса** должна была заимство-

вать свет от этого небольшого кружка, и о каких-либо самостоятельных изысканиях (Erwerben)» (предполагаем, что вне этого кружка) «не могло быть и речи» [61. С. 260]. Одновременно, продолжает Г. Геффдинг, и этот «небольшой кружок действительно просвещенных и самостоятельно мыслящих людей стоял далеко от реальной жизни».

Здесь мы сталкиваемся с описанием явления, о котором уже говорили выше: ученый указывает на технологии возведения непреодолимых барьеров перед просвещенными и самостоятельно мыслящими акторами для участия «в делах страны или народа» из-за «абсолютизма тогдашней власти». В результате малообразованное, отчужденное от знания большинство, или «народная масса» по Г. Геффдингу, было «совершенно несамостоятельным», имея «недостаточной» как саму «потребность в образовании», так и «способность извлекать из него пользу». Ученый связывает это с тем, что, например, во Франции просвещение французского народа в XVI веке было «даже больше, чем в XVII и XVIII веках».

Поэтому не удивительно, что одновременно с указанием Д. Белла на один из признаков постиндустриального общества — рост класса носителей знаний — мы видим в научной литературе в основном обращение к интеллектуальной элите. Хотя, с нашей точки зрения, страта носителей знаний не всегда совпадает по своим социально-демографическим характеристикам с интеллектуальной элитой. Например, собственники экспертного знания в узких профессиональных областях могут быть отнесены к классу его носителей вне зависимости от уровня индивидуального образовательного ценза. В то же время интеллектуальная элита, которая априорно должна включать, например, ученых, популярных писателей, далеко не по всем своим акторам может быть отмечена знаком «носительства». Внутри нее есть и свои «звезды», и «спойлеры», пропагандирующие и создающие информацию «под соцзаказ», и интеллигенты с восходящей или регрессирующей, по К. Манхейму, мобильностью. Поэтому мы можем даже высказать предположение о некоторой анонимности актуальной интеллектуальной элиты.

Не случайно Б. Санто, характеризуя выборку этой элиты, отмечал, что речь идет «о микроскопически тонкой пленке, распыленной по поверхности глобуса» [247. С. 33], однако именно благодаря ей общество становится гносеологическим, основанным на знаниях, и дело идет к формированию «глобального общества интеллектуализма повышенного уровня», что вызывает у нас некоторое сомнение. Тем более что сам Б. Санто далее констатирует разрыв «между нарастающим интеллектуально разборчивым и требовательным, живущим интеллектуальными ценностями меньшинством и этим ценностям противостоящим, опровергающим зачастую даже понятие здравого разума — большинством».

Таким образом, мы видим «волнообразную» смену субъектов отчуждения знания. В древности это были «чужие». В условиях Античности это были «неграждане» и женщины. Во времена Средневековья — элитарные рыцарские слои. К началу Нового времени — огромные массы, чьи интересы к знанию ограничивались ответами на вопросы «что» и «как», т.е. узкопрагматическими рамками. В эту массу включались и те, кто не «обрел способности извлекать пользу» из знания для освоения стратегии социальной мобильности.

На всех рассмотренных нами этапах развития человечества обязательно присутствовали «проводники знания» — толкователи различий между знанием нужным и ненужным (эксперты), и одновременно субъекты рамочных стратегий отделения нужного от ненужного («зачем **Им** знать») — монополисты знания. Это предопределяло отказ от знаний тех, кто стремился обеспечить стабильность и гармонию жизненного мира, не вступая в противоречия с «проводниками» и интериоризируя то, что «**Им** знать можно».

Нами показано, что в общностях всегда присутствовали сначала несколько акторов, а позже — более значительные группы тех, кто знал больше большинства и/или опровергал, отказывался от реликтового знания. Для тех, чей уровень знания сопрягался с харизмой, возводились барьеры практического применения знания через властные институты. Другие, отказавшиеся от реликтового знания, становились проводниками инновационных стратегий формирования экономического и, соответственно, социального капитала, популяризаторами, пропагандистами и реализаторами менеджмента новых технологических укладов.

Генезис процесса отторжения и, в его рамках, отчуждения знаний достаточно системно сопровождался повторяющимися источниками, условиями и факторами. Их актуализация проходила преимущественно с помощью описанных нами социальных технологий.

Обобщим их:

- 1) сокрытие информации о тех сферах бытия, о которых члены общества ничего не знают или не должны ничего знать;
- 2) хорошо организованная цензура, скрывающая факты от населения;
- 3) опора властных институтов и институций на социальные концепции, утверждающие, что определенные знания недоступны для всех или запретны;
- 4) создание таких условий организации жизненного мира акторов, в которых их креативный потенциал генетически не может быть реализован;
- 5) ограничение сферы интересов, жизненных ценностей и смыслов субъектов «выживанием»;
- 6) лишение собственников экспертного знания права его презентовать и передавать;
- 7) замена базисных ценностей и смыслов на нечто аморфное, лишенное «тела и крови», «расплывчатое и непонятное», с помощью чего актор находит самооправдание для отказа от знаний;
- 8) инициирование условий для реализации доминантности и предпочтения интеракций в условиях принудительной коллективной ответственности и/или обезличенной толпы («человеческого стада»). Это реализуется как через принудительную коллективную ответственность, так и через создание социокультурных условий, когда подтверждение принадлежности становится защитным механизмом для индивидов и общностей;
- 9) отчуждение устаревших знаний для реализации инноваций в деле, в деятельности людей как формообразующий момент и высший авторитет этой деятельности.

Нами выявлено, что с увеличением размеров общностей индивидов (ориентировочный предел — численность граждан (3–5 тыс. чел.) и качественные параметры солидарности в укладе средневекового города) возрастает и количество субъектов отторжения знаний как в форме отказа от них, так и в форме их отчуждения. Человек останавливается на уровне освоения сущности отношений и не испытывает потребности в осмыслении сущности моделей общественного взаимодействия. Институциональные структуры легитимизируют барьеры отчуждения знаний уже в более широких формах, чем в период Античности.

Если принять за основу, что городское население Европы в середине Средневековья и к началу Нового времени составляло 10–15% (исключением были Нидерланды — 60%), то выявленный нами источник отчуждения знаний, связанный с социальной структурой общностей и доступностью знания, позволяет высказать **две гипотезы.**

Первая из них основана на предположении, что рост количества субъектов, включенных в процесс отчуждения знаний, непосредственно связан с последующим ростом социальных конфликтов во временном лаге 50–70 лет. Рост количе-

ства акторов, чей процесс освоения знаний объективно (массовый голод, эпидемии) или субъективно был приостановлен на уровне «что» и «как», связан с актуализацией поведенческих стратегий агрессивности, обретения сплоченности в совместных действиях «против» тех, кто в той или иной форме связывается в сознании большинства с субъектом — инициатором социальной несправедливости.

В основе конкретизации этих стратегий лежит, безусловно, марксовский концепт об экономическом детерминизме всех социальных явлений. Он предопределяет потребность акторов объединяться в «толпу» для восстановления той стороны социальной справедливости, которая в данный момент и в данное время обозначена «значимыми другими» — владеющими знаниями на уровне «почему» и «зачем» — через определение объектов «возмездия».

Это могут быть еретики и ведьмы, которые якобы наводят порчу на скот и посе­вы. Это могут быть национальные общности, «крадущие деньги у народа», как это было в период многовековых гонений на ростовщиков и еврейских погромов. Это могут быть целые страты, которые «следовало искоренить» или устранить за их склонность к роскоши на фоне очевидной несправедливости предельно низкого уровня качества жизни других. Так, протестантизм позиционировался на арене социальных конфликтов, обретая по мере включения масс в это движение и тоталитарно-созидающий кальвинизм, и варварское цвинглианство. Конец XVIII века обозначил новую «взрывную» эпоху «после Великой Французской революции» с ее воодушевляющим девизом «liberté, égalité, fraternité». Но реализация этого девиза прошла в стратегиях невероятной жестокости, сексуальной анархии, террора и геноцида, т.е. в условиях отторжения массами знания о гуманистической сущности самих этих понятий.

Здесь уместно напомнить, что Париж к началу Нового времени был крупнейшим городом Европы. Численность его населения составляла около 300 тыс. чел. Инфраструктура города требовала не только большого количества юристов, врачей, архитекторов, литераторов и ученых, но и определенного объема предметов быта, продуктов питания, ремесла ювелиров, модисток, мебельщиков, создающих материальную кальку для презентации и роскоши, да и просто достатка. В эту презентацию вольно или невольно включались жители окрестных городов и деревень — огромные массы акторов, чье постижение знания по объективным и субъективным причинам остановилось на уровне «что» и «как», а социальные перспективы ограничивались задачей выживания, тех, кто два, а то и три поколения отчуждался от наиболее демократичного лифта социальной мобильности — образовательного. И результат не замедлил сказаться, так как самая простая стратегия исправления сложившейся диспропорции достаточно хорошо описана в истории и мира, и России: «отобрать и справедливо поделить».

Вторая гипотеза связана с Нидерландской революцией XVI — начала XVII века. Представляется, что массовый протест протекает в более «цивилизованных формах», когда в общностях сформирован приблизительно одинаковый знаниевый и соответствующий ему ценностно-ролевой и креативный потенциалы. В Нидерландской революции мы видим первичный толчок, связанный с отказом населения «принимать с восторгом» [318], как испанцы («хлеба и зрелищ»), казни еретиков. Протест против догматов католической церкви был неразрывно связан с протестом против нарушения городских вольностей в стране и абсолютистского давления «испанских хозяев», тормозящего дальнейшее развитие инновационного технологического знания.

Здесь девизы типа «отобрать и поделить», «грабь награбленное» практически не действовали. И если бы сорокалетняя революционная борьба страны за свою независимость нуждалась в девизе, то он, вероятно, звучал бы так: «Не мешайте нам

знать то, что мы знаем, делать то, что мы делаем, и двигаться вперед так, как мы считаем нужным идти». Более образованная буржуазная масса оказалась и более организованной. И погромы в 5 500 католических храмах и монастырях, сопутствующие началу протестного движения, имели лишь фактологическое сходство с цвинглианским циничным надругательством над религиозными святынями. В результате более образованному северу Нидерландов, где намертво укреплялись основы новых укладов и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в международной торговле, удалось отстоять право на свою буржуазно-демократическую республику.

Таким образом, с одной стороны, мы видим подтверждение философско-социологической парадигмы о стабилизации общества за счет доминирования «среднего класса». Но, кроме роли стабилизатора, знающий (образованный) средний класс выступает и в роли культурного интегратора, и административно-исполнительного регулятора, пример чего мы видим в истории Нидерландов. С другой стороны, имеется и «взрыв», уход от роли стабилизатора, который связан с **отчуждением от среднего класса перспектив развития и ответной реакцией на такое давление**. Цель — не только утвердить сложившийся и востребованный административно-исполнительский статус, но и укрепить культурную интегративность, нормативно-ценностную идентичность. Этот исторический экскурс дополнительно подтверждает рисковость ситуации в современной России с декларациями о потребности формирования среднего класса, не соответствующими практике и логике этого процесса. Эмпирические данные об этом мы приводили ранее.

Нечто подобное с некоторой долей условности можно было бы увидеть в европейских событиях 1960-х годов — в протестном молодежном движении. Как известно, студенты стремились к непосредственному участию не только в осмыслении учебных планов, но и к расширению системы социальных гарантий через увеличение финансирования образования. В целом, молодежь, которую в данном случае можно было бы назвать «заготовкой среднего класса», не случайно требовала поддержки перспектив своего социального развития через образование: она уже обладала знанием о востребованности и в индивидуальной, и в общественной перспективе креативного потенциала. И только параллельно эти требования опирались на общие концепты о восстановлении в социуме баланса справедливости, нарушенного легитимными институтами.

Разумеется, здесь есть некоторое сходство с мертоновской зависимостью аномии от социальной структуры общества и доступности в связи с этим ценностей культуры. Молодежное движение проявилось тогда, «когда система культурных ценностей, фактически ни с чем не считаясь», превозносила «определенные, общие для всего населения цели успеха, и при этом социальная структура» строго ограничивала или полностью закрывала «доступ к одобряемым способам достижения этих целей для значительной части того же самого населения». Последнее, по Р. Мертону, «приводит к увеличению масштабов отклоняющегося поведения» [175].

Однако в нашем исследовании мы рассматриваем особую ценность — ценность знания и способность к ее интериоризации, выступающую своеобразным социальным фоном, способную быть индикатором готовности и к созиданию, и к варварскому разрушению. Мы говорим не о сценариях аномии, стратегиях деструктивного поведения отдельных индивидов, а об общностных параметрах, где субъектами социальной динамики выступают как реципиенты, так и проводники — эксперты, идентифицированные и целенаправленные в групповом и межгрупповом взаимодействии, а также интерпретаторы знания.

С одной стороны, мы имеем дело с объективным процессом, на который указывал Г. Геффдинг: противоположность между индивидами, находящимися на разных ступенях «умственного развития, всегда останется; иначе не может быть: она оста-

нется если не между знающими и незнающими, то между знающими больше и знающими меньше. Это вытекает из разделения труда» [61. С. 262]. То есть процесс труда, в котором задействованы индивиды, предопределяет осознание либо потребности в освоении знаний, либо достаточности уже имеющегося запаса для ощущения стабильности жизненного мира.

С другой стороны, мы имеем дело с менее масштабным объективным процессом, связанным с участием в отторжении знаний формирующегося «ученого круга или класса (Stand)». Г. Геффдинг указывает, что если стремящиеся к знанию будут делать это правильно («развитие будет правильным и здоровым»), то среди них «обязательно найдутся и такие люди, которые будут отдавать ему всю свою жизнь».

Условиями «правильного» включения людей в процесс освоения знаний ученый считал два. **Первое условие** — «не должно иметь места возникновение ученой касты, которая держалась бы допущением в свои ряды лишь некоторых, а не всех классов общества». Для этого элементарное и высшее образование должны так «соподчиняться», чтобы не возникали непреодолимые затруднения для имеющих серьезные потребности и способности в «удобном» перемещении «с низших ступеней на высшие». **Второе условие** — «класс ученых не должен смотреть на свои исследования только как на удовлетворение собственной склонности; он должен считать их общественным служением, совершаемым во имя всего общества». Ученый не должен считать, что «все вращается вокруг него и узкого горизонта его личных интересов», и одновременно не должен отступать от достигнутых вершин знания, даже если его достижения долгое время остаются непризнанными и непонятыми.

Соответственно, если эти условия не будут соблюдаться, начнет расти количество тех, кто задействован в процессе отторжения знаний. И с нашей точки зрения, Г. Геффдинг прав, оставляя потомкам практически афоризмы, подтверждающие описание источников, причин и результатов исследуемого нами феномена:

«То знание, которое остается бездействующим, есть готовое, извне заимствованное знание. Где зародыш злака может дать семена, там дереву не всегда удается укрепить свои корни» [61. С. 260].

«...Умственная культура и не требует, чтобы каждый знал всё. Если только разовьется настоящая способность мышления, то и самостоятельное образование может существовать в весьма обширных кругах» [61. С. 262].

Мы видим еще одно условие отторжения знаний: наличие «бездействующих» знаний, с помощью которых «могут взрасти только злаки». А также находим и подтверждение нашему тезису о том, что при отсутствии развитой способности к мышлению индивиды и общности исключаются из процесса освоения знаний. Иными словами, при создании условий, в которых мышление индивидов не может развиваться, знания отчуждаются. И такие условия нами были обобщены. Среди них важнейшими являются низведение мотивов и целей индивида только к задачам «выживания», негативное влияние экологических факторов, наличие «институтов-пустышек» и т.д. Здесь мы **можем найти целую группу субъектов или сторону интеракций**, предопределяющую аномию и готовность к деструктивным действиям отчужденных от знаний общностей.

Рассмотренный нами процесс отчуждения знаний сопряжен с еще одним условием, подсказанным Г. Геффдингом. Таким условием является **обостряющаяся ближе к XIX веку дисгармония между темпами освоения знания и развитием воли индивидов, между содержанием научного знания и реалиями обыденных практик**.

Так, ученый указывает, что в конце XIX века широкое развитие «умственного образования» становится проблемой. И проблематичность эта связана с опережением развития «умственных сил и способностей» без достижения гармонии с другими сто-

ронами душевной жизни. Поэтому у знания есть «естественная роль: указывать направление чувствованиям и желаниям (**воле**)... Только знание, вытекающее из самой действительности, может руководить нами по отношению к этой самой действительности» [61. С. 259]. Но, если знание не справляется со своей «естественной» ролью, углубляется процесс его отторжения, расширяется спектр проявлений данного феномена.

Можно считать, что результаты этого процесса в XIX и XX веках анализировал Э. Фромм, исследуя условия «бегства от свободы». Ученый утверждал, что развитие человека, его личности происходит в рамках формирования двух основных тенденций: **стремления к свободе** и **стремления к отчуждению**. Развитие человека идет по пути увеличения «свободы», но не каждый человек может адекватно воспользоваться этим путем, испытывая ряд негативных психических переживаний и состояний. Именно негативные психические переживания и сопутствующие им состояния приводят индивида к отчуждению.

В результате человек теряет свою самость (или Я). Возникает защитный механизм «бегства от свободы», для которого характерны: мазохистские и садистские тенденции, деструктивизм, стремление человека разрушить мир, чтобы тот не разрушил его самого, нигилизм, автоматический конформизм [309].

Таким образом, центральной проблемой человека, по Э. Фромму, является внутренне присущее человеческому существованию противоречие между бытием «вброшенного в мир помимо своей воли» и тем, что он выходит за пределы природы благодаря способности осознавать себя, других, прошлое и будущее.

О результатах проявления этой центральной проблемы в XIX веке напоминает Х. Ортега-и-Гассет: «...“Массы надвигаются!” — апокалиптически восклицал Гегель. “Без новой духовной власти наша эпоха — эпоха революционная — кончится катастрофой”, — предрекал Огюст Конт. “Я вижу всемирный потоп нигилизма!” — кричал с энгадинских круч усатый Ницше» [203]. В основе этих эмоциональных оценок мы можем увидеть констатацию процесса отторжения знаний. Одни, напуганные «вбрасыванием в мир помимо своей воли», реализуют отказ от новых знаний, нарушающих стабильность жизненного мира. Другие, через войны, погромы и революции, инициируют отчуждение от знаний значительной части населения Европы, составлявшей в то время по противоречивым историческим оценкам 250–300 млн чел. Третьи исповедуют нигилизм.

Достаточно ярко отторжение знания проявлено в российском нигилизме, который опирался на идеологию отказа от «реальной нравственности» и морали, объективного смысла, причин, истин и ценностей. Но главное для нас в идеологии нигилизма — отрицание знания, предопределенное и предопределяющее «невроз характера», «паралич воли» целых общностей. Последнее выражалось не только в способах поведения, но и в патологической, с точки зрения общечеловеческой морали, организации интеракций личности в целом.

Таким образом, мы можем указать на еще одну — 10-ю технологию отчуждения знаний: **увеличение дисгармонии между необходимыми для позитивного развития социума темпами освоения знания и развитием воли индивидов**.

Представляется, что нам достаточно полно удалось показать сущность и распространенность как отчуждения знаний, так и рисков, связанных с этим феноменом.

3.2. Риск актуальных практик интеракций «личность – носители информации – интерпретаторы знания» и риск отказа «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем

Наш подход к сущности знания как действий по анализу, синтезу, оценке, селекции – интериоризации информации – предопределяет инновационный подход к осмыслению такой значимой категории, как «проводники знания». Это требует не только некоторой корректировки привычных понятий «носители информации» и «интерпретаторы знания», но и уточнения рискованных ситуаций, связанных с практиками как прямыми, так и опосредованными процессами интеракций личностей, общностей с носителями информации и интерпретаторами знаний. Ранее мы уже показали, что в условиях глобализации и информатизации социума особое значение в качестве фактора угрозы стабильности общества приобретают социальные сети, основанные на современных ИТ. Это то, что можно рассматривать как актуальный риск, связанный с «носителями информации». Другой вопрос, кто выступает организатором дестабилизирующих практик и использует современные технологии, манипулируя массовым сознанием. С этой точки зрения и СМИ являются лишь средством, с помощью которого «знающие» пытаются воздействовать на «умелых».

В связи с этим учтем интерпретацию А. В. Назарчуком концепта Н. Лумана: под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие», специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы, в ходе которой **происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой** [189. С. 113–114]. Не забывая об известных моделях коммуникационных процессов харизматической модели на телевидении Дж. Голдхаберга, линейной модели Г. Лассуэлла и ее модификации Р. Бреддока, о шумовой модели Шеннона–Уивера, циркуляционной модели Осгуда–Шрамма, обратим внимание на подход к группировке моделей коммуникаций, предложенный Я. Жуковой и Ю. Широковым [96].

Исследователи выделяют следующие группы моделей:

- коммуникации и обмен установками (Ховланд и Йельская школа);
- эмпирическое изучение значений (Осгуд и другие исследователи из Иллинойского университета);
- межличностные отношения в связи с процессами массовой коммуникации (Лазарсфельд и его коллеги из Колумбийского университета);
- теории диссонанса, консистентности и другие психологические теории, рассматривающие когнитивные процессы в их отношении к массовой коммуникации;
- международные коммуникации (Пул, Дойч, Дэвисон);
- группы и групповые процессы в их отношении к массовой коммуникации (Ньюком, Аш, Шериф, Левитт, Бэйвелас);
- применение математической теории информации Шеннона в отношении к процессам массовой коммуникации (Миллер, Черри и др.);
- контент-анализ (Берельсон, Холсти и др.);
- системная теория (Миллер и др.);
- ориентация в информации (Картер);
- проблемы языка (Хомский и др.);
- обучение на материале средств массовой информации (Мэй, Лумсдэйн и др.) [96].

Согласимся с исследователями, считающими, что опыт, накопленный в переносных областях, составляет основу любых коммуникаций как социального взаимодействия. Однако у всех этих моделей есть один общий недостаток — в них «за кадром» указывается субъект, который создает, селекционирует и передает информацию, реализуя стандартную схему: коммуникатор — каналы информации — реципиент, воспринимающий информацию и реагирующий на нее либо отказывающийся от участия в этом процессе. **Поэтому следует снова повторить наш вопрос: кто этот ведущий субъект, роль которого можно рассматривать как роль проводника и/или интерпретатора знаний, иницирующего действия личностей и общностей в рамках нашего подхода к сущности знаний?**

По П. Сорокину, проводники — это символы действия, передающие действие или «раздражение» от одного субъекта взаимодействия к другому. Основная функция — передача значимой информации участникам интеракций. В связи с этим в роли проводников могут выступать язык (в том числе язык жестов, тела), музыка, деньги, цветы и пр. В то же время роль реализуема, если содержательная сторона проводника наполнена соответствующим смыслом. Последнее предполагает востребованность предсказуемости взаимных ожиданий, наличие не взаимоисключающих целей и интересов. Или, что также общеизвестно о более конкретных признаках социального взаимодействия, оно должно быть предметным по целям и причинам (внешние факторы), выраженным в символах, понятных каждому субъекту интеракций, связанным с конкретной ситуацией, и выражать субъективные намерения участников.

Аналогично, по К. Леви-Строссу, каждая система коммуникации и все они в совокупности имеют своей задачей конструирование той или иной социальности (социальной реальности); этот процесс осуществляется ценностями, скрепляющими общество воедино, посредством символов, способности донести и соблюсти смысл, заложенный в социальные ритуалы [189. С. 196–198].

Но по-прежнему остается открытым вопрос: кто же оказывается субъектом действия, наделившим индивидов и общности знаниями о том, как реципиент должен воспринимать смыслы символов, определять цели и выражать свои намерения, т.е. предопределять сущность его социального интеллекта?

Мы видим две обязательные стороны процесса социального взаимодействия: обмен информацией и обмен смыслами. Третья сторона — процесс действий инициаторов обмена — институционализирующих и интерпретирующих смыслы, мотивирующих на их интериоризацию, — оказывается практически исключенной из сферы внимания исследователей. Они лишь указывают, что, кроме осмысленности и ориентированности «на другого», не последнюю роль в социальном взаимодействии играет мотивированность к интеракциям. Тогда концепт о трех основных формах взаимодействия (**кооперация, конкуренция, конфликт**) и трех его типах — **обмене идеями** (сведениями, убеждениями, мнениями), **обмене волевыми импульсами**, направленными на согласованность интеракций, **обмене чувствами** (ненависть, любовь, презрение, осуждение и другие эмоциональные отношения, предполагающие согласованность позиций субъектов) — вступает при конкретизации предложенного П. Сорокиным понятия «проводники знания» в противоречие с нашим подходом к сущности знания. Представляется, что все формы и типы социального взаимодействия являются социальными процессами, в которых символы действия (проводники, по П. Сорокину) могут быть конституированы, а их восприятие — иницировано только субъектами действия (прежде всего, в нашей интерпретации — проводниками и/или интерпретаторами знания).

Здесь уместно напомнить известный теоретический спор Г. Зиммеля с И. Кантом об обществе и природе. По Г. Зиммелю, «существование индивида не просто отчасти социально, отчасти индивидуально — наоборот, как распределяются содер-

жания. Здесь господствует фундаментальная, формообразующая, ни к чему не сводимая категория единства, которую мы не можем назвать иначе, кроме как синтезом или одновременностью двух логически противоположных определений индивида, каковы его положение элемента и его для-себя-бытие, то, что он — продукт общества, включен в него, и что центр своей жизни, ее исток и цель — он сам» [103. С. 521].

Далее Г. Зиммель указывает на то, что общество, действительно, «состоит из существ, которые частично не обобществлены. Но, кроме того, они еще воспринимают себя, с одной стороны, как совершенно социальные, а с другой (при том же самом содержании) — как совершенно личные существования. И это — не просто две точки зрения, между которыми нет никакой связи (как, например, в случае, когда одно и то же тело рассматривается и с точки зрения его тяжести, и с точки зрения его цвета). Здесь то и другое образует единство, которое мы называем социальным существом, синтетическую категорию — подобно тому, как понятие “причинение” есть априорное единство, хотя оно включает в себя два весьма различных по содержанию элемента: “причиняющее” и “причиненное”...» [103. С. 521].

Руководствуясь этими констатациями ученого, можем сделать следующий вывод: и индивиды, и общности — сложные «социальные существа», в действиях которых объединены и интериоризированные результаты внешних воздействий, и поведенческие реакции на них. **Поэтому любое социальное взаимодействие по факту является процессом перераспределения знания и незнания.** Это связано с тем, что до проявления в поведенческих практиках реакции на оценки смыслов материальных символов и вербальных установок «синтетические категории» обязаны знать, какой должна и/или может быть эта реакция.

Не случайно далее Г. Зиммель в указанном труде констатирует: «Именно то, что мы способны к такому формообразованию, способны продуцировать понятие общества из существ, каждое из которых может воспринимать себя как *terminus a quo* и *terminus ad quem* своего развития, судеб, качеств, что мы способны учитывать все это в понятии — и все-таки видеть в нем *terminus a quo* и *terminus ad quem* этих живых существ и определенностей бытия, — это и есть априори эмпирического общества, это и делает возможной его известную форму» [103. С. 522].

Действительно, именно действия индивидов и общностей, основанные на знании, их статусные позиции, предопределенные процессом распределения знания, а не только личностные качества и характеристики могут обозначать рамки и смысл любых коммуникаций.

Говорить о проводниках знаний как о субъектах действия позволяет и общеизвестный афоризм О. Конта: «Знать — чтобы предвидеть, предвидеть — чтобы мочь». Также дают для этого основания меж- и внутридисциплинарные контексты.

Ф. Зимбардо, М. Ляйппе [102], исследуя социальное влияние, связанное для участников интеракций с убеждением, уступчивостью, конформностью, подчинением авторитету, диссонансом, самоатрибуцией, социальным научением и обусловливанием, с корреляцией между установками и поведением, субъективной значимостью установки, предрассудками, невербальной коммуникацией, указывают на субъектов, **которые меняют или пытаются изменить поведение, чувства или мысли другого человека относительно какого-то вопроса, объекта или действия.** Однако ученые не называют конкретных субъектов, заменяя их абстракциями «коммуникатор — реципиент», которые активизированы в трех различных средах взаимодействия: межличностной среде (индивидуализированное влияние), специально создаваемой среде убеждения (когда один агент влияния воздействует на значительные общности) и в средствах массовой информации. СМИ, как мы показали выше, с нашей точки зрения,

всего лишь канал, с помощью которого проводники знания и/или его интерпретаторы пытаются влиять на поведение чрезвычайно широкой (многомиллионной) общности.

Поведение меняется, если изменились убеждения и установки. Мы уже показывали, благодаря исследованиям В. А. Ядова и других ученых, что установка — это ценностная диспозиция по отношению к тому или иному объекту. «Это оценка чего-либо или кого-либо по шкалам “приятно — неприятно”, “полезно — вредно” или “хорошо — плохо”»: что-то мы любим, а что-то терпеть не можем, к чему-то испытываем привязанность, а к чему-то — антипатию. **Установка имеет диспозиционный характер в том смысле, что является благоприобретенной, усвоенной путем научения тенденции думать о каком-либо предмете, человеке или проблеме каким-либо определенным образом»** [102]. Более того, установка как ценностная диспозиция определяет устойчивую предрасположенность к определенной оценке, основанную «на когнициях, аффективных реакциях, сложившихся поведенческих намерениях (интенциях) и предшествующем поведении, способную, в свою очередь, влиять на познавательные процессы, на аффективные реакции, на складывание интенций и на будущее поведение» [102. С. 47].

Таким образом, в установочную систему входят пять компонентов: установка, когниции (убеждения и знания, а в нашей интерпретации — данные и информация), аффективные реакции (чувства), поведенческие интенции (намерения) и собственно поведение. Следовательно, проводник знания — субъект действия, имеющий властные полномочия для влияния на процесс интериоризации знаний индивидами и общностями. В роли проводника, как правило, выступают значимые другие.

Несмотря на то что этот термин введен психологами (Г. Салливан), в трудах А. В. Петровского мы находим три формы метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого» [213], что коррелирует именно с социологическим подходом.

Отсюда проводниками знаний могут выступать субъекты, авторитетные для индивидов и общностей (власть авторитета), что согласуется с веберовским подходом к власти как результату личностных качеств актора. Риск заключается в безусловности исполнения установок проводников знания без анализа и оценки последствий реализации этих установок.

Например, эксперты сайта Finfact [307] констатируют:

«В 1990-е годы финансовые пирамиды пришли в Россию. Самой шумевшей и массовой пирамидальной компанией стало АО “МММ”. Как и положено проектам подобного плана, началось все с мощной рекламной волны в СМИ. Дальше развитие событий принимает стремительный характер. Новое акционерное общество обещает выплачивать крупнейшие дивиденды. Курс акций поднимается в 5 раз: с 25 тыс. до 125 тыс. р. за акцию. Люди стоят в огромных очередях, чтобы приобрести акции. Основатель АО “МММ” — Сергей Мавроди — становится ведущим предпринимателем России. Во второй половине 1994 г. число вкладчиков составило 10–15 млн чел. Это и привело в конечном итоге к крушению системы...»

Необходимо отметить, что акционерами АО “МММ”, в основном, становились рядовые вкладчики, пенсионеры и инвалиды. По оценкам экспертов, сумма причиненного ущерба от этого предприятия превысила 110 млн р. Есть и еще более печальная статистика: около 50 чел. после краха “МММ” покончили жизнь самоубийством».

Считается, что основным источником доверия к обещаниям С. Мавроди стала убежденность телезрительской аудитории 1990-х годов в том, что к выступлениям на телевидении допускаются «только проверенные люди» — власть авторитета института. Причиной повторения массового ажиотажа уже через 17 лет эксперты считают стремление к быстрому обогащению — власть авторитета денег.

Т. Л. Ценова, привлеченная в качестве эксперта газетой «Московские новости», констатирует [93]:

«В соответствии с информацией Федерального общественно-государственного фонда защиты прав вкладчиков и акционеров ситуация выглядит еще более впечатляющей: в середине 1990-х годов ушедшего столетия было создано 1 800 финансовых пирамид, выманивших у населения свыше 13 трлн р. Вкладчикам возвращено около 260 млн р.»

Далее эксперт приводит социально-психологические характеристики «жертв» власти авторитета:

«Жертв можно условно разделить на две категории. К первой относятся лица, *имеющие стереотипное мышление*, желающие обогатиться, не затрачивая особого труда. Подобные граждане доверчивы, *имеют недостаточно высокий уровень образования, не желают пополнять имеющийся багаж знаний, предпринимать попытки анализа ситуаций, которые могут быть связаны с риском*. Такие граждане эмоционально зависимы от окружающих их людей и обстоятельств, внушаемы и не уверены в себе. Все это делает их легкой добычей преступников...

Вторая категория пострадавших — *лица с завышенной самооценкой*, считающие себя большими профессионалами с прекрасно развитыми деловыми качествами, сведущими в различных областях знаний. Пройдя краткосрочные курсы бухучета, такие люди полагают, что способны работать с бухгалтерскими документами; ознакомившись с основами правовых знаний, считают, что могут обойтись без помощи дипломированных юристов при заключении договоров, профессионально осуществлять защиту своих интересов в судах различных уровней и т.д. Именно завышенная самооценка становится причиной их материальных потерь. Они не могут допустить мысль, что кто-то сумеет их обмануть».

Д. Докучаев, эксперт и редактор отдела экономики журнала The New Times, дополняет перечень источников массового подчинения власти авторитета:

«...Давно замечено, что финансовые пирамиды появляются и получают широкое распространение в смутные времена для той или иной страны — когда люди не уверены в себе и своем будущем. И эта неуверенность касается не только финансов, но и прочих сторон жизни — социальной, политической и т.п. Видимо, как раз такое смутное время (каждый волен вкладывать в это определение собственный смысл) и переживает сейчас наша страна, раз Сергей Мавроди решил, что пора. И это уже звучит как диагноз для нашего общества».

А. В. Петровский так определил эту форму репрезентации личности значимого другого [213. С. 8]: «Первая — его авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за “значимым другим” права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. За этой важной метаиндивидуальной характеристикой стоят фундаментальные интраиндивидуальные качества личности “значимого другого”, которые позволяют окружающим полагаться на его честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений». В указанном случае «срабатывает» механизм референтности — доверия к авторитету, в противоположном — антиреферентном варианте индивиды и общности демонстрируют максимальное и категорическое неприятие всего, что исходит от негативно значимого — антиреферентного авторитетного субъекта.

Следующей категорией проводников знаний могут выступать субъекты-аттракторы. Об этой форме репрезентации личности А. В. Петровский говорит следующее: «Вторая — эмоциональный статус «значимого другого», его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть **социометрически избираемым** или отвергаемым, вызвать симпатию или антипатию, т.е. аттракция» [213. С. 8]. Один из

рисков — в позиционировании оппонентов в любой сфере деятельности через характеристики, эмоционально отталкивающие индивидов и общности.

О. А. Гайкова, исследуя феномен предвыборных дискурсов в США, констатировала [58. С. 6–7]:

«Цели кандидатов на пост президента связаны со стремлением предоставить максимально “достоверную” информацию о себе, создать доверительное отношение избирателей, вызвать у них положительные эмоции по отношению к себе и отрицательные эмоции — по отношению к сопернику. Ценности предвыборного дискурса отражены в выступлениях кандидатов и сконцентрированы в ключевых концептах американского социума: “власть”, “политик”, “избирательная кампания”. Предвыборные выступления разнообразны по своей тематике, отражающей актуальные, социально-экономические проблемы американского общества, вызывающие наибольший интерес определенных групп избирателей. В предвыборном дискурсе реализуются преимущественно две базовые коммуникативные стратегии — манипулятивная и аргументативная, коррелирующие с эмоциональным (пафос) и рациональным (логос) аспектами риторического воздействия».

Далее исследователь дополняет рассуждения конкретизацией стратегий дискредитации оппонентов [58. С. 8]:

«Предвыборному дискурсу присущи признаки риторической коммуникации, поскольку прототипным для предвыборного выступления является жанр обращения кандидата-оратора к электорату, соотносимый с разными аспектами риторического воздействия: пафосом, логосом и этосом.

В риторической парадигме обращение к пафосу рассматривается как апелляция к чувствам и эмоциям аудитории и реализуется в базовых манипулятивных стратегиях и тактиках:

1) стратегия дискредитации оппонента, реализуемая через тактики критики и компрометации действий оппонента, “навешивания ярлыков”, обвинения оппонента, косвенной “оценки” действий оппонента, обороны, предоставления “самостоятельного” выбора избирателям и т.д.;

2) стратегия саморекламы, реализуемая через тактики противопоставления себя оппоненту, обещания, приписывания себе политического опыта, косвенного призыва проголосовать за определенного кандидата».

Для иллюстрации этих утверждений О. А. Гайкова приводит анализ стратегий дискредитации оппонента, использованный двумя претендентами на пост Президента США (табл. 10).

Как видим, процесс аттракции связан с достаточно значительным перечнем тактик, которые эффективно используются на всех уровнях коммуникаций при актуализации аттракции. Результаты той выборной кампании показали, что разнообразие тактик стало одним из источников успеха кандидата на важнейший в государстве пост.

В ракурсе антиреферентности уместно учесть напоминания Э. Гидденса о «гражданском невнимании» И. Гоффмана к одному «из механизмов, с помощью которых поддерживается городская жизнь, суетятся толпы, и люди вступают в короткие неличные контакты» [62]. В этих условиях особое значение приобретают значимые другие в семье.

В. Н. Куницына и Е. С. Синельникова, исследуя понимание и доверие, с одной стороны, как межличностный феномен, а с другой стороны, как индивидуальную ценность, приводят данные пилотажного исследования, проведенного среди студентов. Респондентами стали 63 чел. Исследование показало, что критерием доверия в семье студенты считают открытость в общении, когда члены семьи рассказывают друг другу о происходящих в их жизни событиях. Критерием понимания в семье выступает хорошее знание личности каждого, что позволяет владеть ситуацией и иметь безошибочный прогноз поведения (члены семьи знают, как успокоить друг друга, знают основные ценности и приоритеты друг друга, могут предугадать поведение друг друга) [143].

**Реализация и процентное соотношение тактик
в рамках стратегий дискредитации оппонента
в предвыборных выступлениях Дж. Буша и А. Гора***

Тактики в рамках стратегии дискредитации оппонента	% представленности в выступлениях Джорджа Буша	% представленности в выступлениях Альберта Гора
Критика и компрометация действий оппонента	28	20
Обвинение оппонента	18	15
«Навешивание» ярлыков	13	18
Косвенный намек на «негативные» действия оппонента	10	13
Диверсия против оппонента	8	0
Пренебрежение к оппоненту	6	0
Косвенная «оценка» действий оппонента	5	5
Оборона	4	5
Предоставление «самостоятельного» выбора избирателям	4	15
Ложь в адрес оппонента	2	0
«Предвидение» будущего избирателей	2	9

Примечание. Авторская интерпретация материалов О. А. Гайковой [58. С. 11].

Для нас значим социологический контекст результатов данного исследования. В семье позиционирование ее членов в качестве проводников знаний — социометрически избираемых или отвергаемых аттракторов — предопределено пониманием и доверием. Особая роль здесь принадлежит, как правило, матери. Так, последующие исследования В. Н. Куницыной и Е. С. Синельниковой 31 супружеской пары (62 респондента) показали, что индивидуальный профиль понимания и доверия в родительской семье, и прежде всего их матерей, влияет на уровень понимания и доверия в семье взрослых детей [143. С. 116–117]:

«Духовные ценности супругов (мудрость) положительно влияют на понимание в семье; такое же влияние оказывают нравственные ценности, ценности межличностных отношений, традиций. Ориентированность супругов на индивидуальные ценности, ценности достижения (честолюбие) препятствуют пониманию между супругами.

Ценности власти и влияния (благополучие), независимости (самоуважение), безопасности (забота о себе) матерей супругов негативно влияют на понимание в семье. Такое же тормозящее влияние оказывают ценности конформного поведения, которые сформированы у матерей супругов.

Было выявлено, что ценность понимания и доверия в семье подкрепляется общечеловеческими ценностями нравственной направленности и семейными ценностями межличностных отношений».

Представленные выводы ученых отчасти коррелируют с результатами исследований И. С. Кона [134]. Как известно, ученый сравнивал уровень понимания и доверия школьников в отношениях с родителями и друзьями. Было установлено, что по уровню понимания у подростков близкий друг занимает ведущее положение. Второе место и первое среди взрослых занимает мать. Также было выявлено возрастное снижение доверительности в отношениях с родителями у детей 14–16 лет. Все это соответствует концептам ученых, исследующих процессы первичной и вторичной социализации. Поэтому именно матери может принадлежать роль ведущего проводника и интерпретатора знаний. Эта доминантность для многих остается значимой в течение всей последующей жизни.

Третья категория проводников знаний связана с так называемым статусом власти (авторитет власти), что согласуется с парсоновским подходом к сущности легитимной власти. «Третья форма репрезентации личности — институционализируемая роль, в которой доминируют властные полномочия: статус власти» [213. С. 8]. Риск — в априорной правомерности действий субъектов, имеющих высокий институционализованный статус (например, процесс национального обсуждения ввода войск США «для защиты демократии» на Севере Африки — на Ближнем Востоке).

В. А. Кибанов дополняет перечень рисков: «В отдельных зарубежных исследованиях знания и власть рассматриваются как пирамиды: чем выше уровень знаний, тем меньшее число людей должно владеть им. Здесь властное знание, как отмечает норвежский исследователь Дж. Хилтон, рассматривается как **знание с высокой социальной ценностью** (цит. по: [129. С. 5]). Отчетливо видно, что этот процесс чреват серьезными опасностями для общества: ограничением демократических прав населения, концентрацией финансовой, политической и информационной мощи. Следовательно, в современном обществе из всех видов духовного влияния на первый план выдвигается культурно-информационная власть как власть над людьми с помощью научных знаний, информации и средств их распространения [129. С. 5].

Как видим, проводник знания может выступить и в роли его интерпретатора, используя, к примеру, в качестве объектов воздействия диспозиционные установки субъектов, испытывающих чувства социальной отверженности, одиночества или страха, неуверенности в собственном будущем [102. С. 23].

Поэтому следует указать на еще один рискованный аспект, представленный М. Фуко в рассуждениях о «несоциологической» категории «чернь»: «...всегда в общественном теле, в классах, в группах, в самих индивидах есть нечто такое, что некоторым образом ускользает от отношений власти, что-то вовсе не являющееся более или менее податливым или непослушным первичным материалом, а представляющее собой центробежное движение, противоположную силу, просвет» [312. С. 307—308].

Чернь как таковая, судя по всему, не существует, однако существует что-то от черни. Потому что чернь есть в телах и в душах, есть чернь в индивидах, в пролетариате, что-то от нее есть и в буржуазии, однако в расширительном смысле имеются самые разные ее формы, энергии, несводимости. Эта часть черни — в меньшей степени внешнее по сравнению с отношениями власти, нежели их предел, их изнанка, их рикошет; это то, что на всякое наступление власти откликается движением, направленным на то, чтобы от нее освободиться, а следовательно, это то, что мотивирует совершенно новое развитие сетей власти.

Далее М. Фуко констатирует: «Ослабление черни может осуществляться тремя способами: либо через действительное подчинение, либо посредством ее использования в качестве черни ... либо же еще и тем, что она сама прикрепляется к какой-то одной стратегии сопротивления. А, стало быть, с этой точки зрения, чтобы проводить исследование порядков власти, совершенно необходимо брать ту чернь, которая по отношению к власти является ее изнанкой и пределом; лишь исходя из этого, может пониматься и ее функционирование, и ее развитие» [312. С. 308].

Обратим внимание на еще одну констатацию М. Фуко о том, что властные отношения вне зависимости от сферы их проявления («совокупность властных отношений, существующих между двумя полами, между детьми и взрослыми, в семье, на работе, между больными и людьми в добром здравии, между нормальными и ненормальными» [312. С. 320], которая не происходит из государственной власти) зависят только от знаний.

Одновременно нельзя указать на жесткую подчиненность знаний властным отношениям: «Ведь еще со времен Платона известно, что знание не может существо-

вать в полной независимости от власти. Но это не означает, что знание подчинено политической власти, ибо никакое качественное знание просто не может рождаться в таких условиях. Однако, развитие научного знания невозможно понять, не принимая во внимание перемен, происходящих в механизмах власти» [312. С. 321].

Это подтверждают и российские ученые. Оценка современного состояния российского научного знания идет через констатацию кризиса российской науки, его основных симптомов (материальный, психологический и функциональный кризис) и потенциальных последствий, выражающихся в таких характерных явлениях, как эмиграция ученых («внешняя» утечка умов), их уход в бизнес и в политику («внутренняя» утечка умов) и т.п., коммерциализация российской науки, рыночные способы ее организации (научные парки и т.д.). М. Малкей делает вывод, что, вопреки сложившимся стереотипам, не российская наука недостаточно адаптирована к рыночной экономике, а отечественный вариант рыночной экономики и, соответственно, политической власти не приспособлен к ассимиляции достижений научно-технического прогресса. На уровне прогноза высказывались мнения о том, что российское общество недооценивает значимость для актуальных социокультурных и экономических практик научного знания, что может привести к таким катастрофическим для социума последствиям, как деградация системы высшего образования, деинтеллектуализация общества и т.п. [162].

Так кто же сегодня является ведущим проводником знаний на макроуровне и параллельно с матерью в институте семьи? В недалеком прошлом это был «универсальный интеллеktуал» и, как правило, писатель. Согласимся с М. Фуко в том, что сегодня появились интеллеktуалы-специалисты: «...стали складываться условия для горизонтальных связей от знания к знанию, от одной точки политизации к другой, и таким образом государственные служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи — каждый на своем собственном месте — смогли путем взаимного обмена и взаимной поддержки участвовать в общей политизации интеллеktуалов» [312. С. 201–202].

Далее ученый делает вывод: «Этот процесс выражается в том, что писатель как лицо выдающееся начинает исчезать, а возникают преподаватель и университет, может быть, не как главные составляющие, но как “пункты обмена”, как исключительные точки пересечения. В этом, безусловно, и кроется причина того, что университет и преподавание становятся политически сверхчувствительными областями. А то, что называют кризисом университета, следует понимать не как утрату силы, но, наоборот, как приумножение и усиление его властных воздействий в среде многоликого сообщества интеллеktуалов, которые практически все через него проходят и с ним соотносятся» [312. С. 201–202].

Таким образом, в социуме, кроме семьи, базисным институтом реализации функций проводника знаний является институт образования — вне зависимости от его типа, вида и формы. В межличностной среде (индивидуализированное влияние) первично мнение значимых других, в специально создаваемой среде убеждения (когда один агент влияния воздействует на значительные общности) всеобщим и наиболее значимым является реализатор образовательных целей и задач. Именно **проводники** владеют не только навыками знаниевых действий, но и дидактикой освоения способов и методов такого владения в интеракциях.

Интерпретаторы знания — все субъекты, которые представляют свою или принятую ими в связи с разными основаниями («выгоды-издержки») трактовку тех или иных событий, явлений и процессов. В значительной степени это касается СМИ. Они могут играть как позитивную, так и негативную роль. Например, Д. Давидсон и Е. Богдан (Debra J. Davidson, Eva Bogdan) исследовали **положительную роль мест-**

ных СМИ при освещении эпидемии коровьей губчатой энцефалопатии (BSE) в канадской провинции Альберта [374]. Выяснилось, что при критической степени риска дестабилизации социума в связи с этим заболеванием именно СМИ оказались организатором максимальной сплоченности и защиты местной культуры, чем оказали поддержку существующей институциональной структуре сельского хозяйства Канады.

По выводам И. А. Полуэхтовой, телевидение является основным источником получения информации о текущих событиях для подавляющего большинства россиян (89%), существенно опережая в этом отношении другие источники информации: газеты — 37%, радио — 27%, Интернет — 11%. Но это определяется в первую очередь большей доступностью телевидения по сравнению с другими СМИ. Автором отмечена также тенденция снижения интереса к информационным телепрограммам, объясняемая стабилизацией социально-экономической и политической жизни, официальным характером и похожестью новостных программ на разных каналах, а также распространением Интернета.

Утверждение о стабилизации социально-экономической и политической жизни представляется не совсем верным. С нашей точки зрения, речь идет об отторжении знаний на уровне информации и внешне (извне) поставленной задачи ее интериоризации. Именно поэтому с каждым годом число россиян, которые смотрят новости каждый день, уменьшается, и все больше становится тех, кто смотрит новости время от времени — несколько раз в неделю и реже.

Для нас важен еще один вывод И. А. Полуэхтовой, что при этом существует жесткая связь между интересом к новостям на телевидении и возрастом. Среди молодежи значительно меньше ежедневных потребителей новостей (29% респондентов в возрасте от 15 до 24 лет), чем среди старшего поколения (74% респондентов старше 55 лет). Отмечено также, что всплеск интереса к новостям и рост их аудитории носит ситуативный, локальный характер, связанный с экстраординарными событиями [220. С. 34—35].

Особое место как в исследовании социальных процессов и явлений, так и в реализации роли проводников и интерпретаторов принадлежит, безусловно, социологии. Именно она, реализуя функции и задачи «практической» социологии, создает методологическую основу для конкретизации проблем социума и его консолидации в поиске путей их разрешения, и ведущим каналом коммуникации здесь, безусловно, выступают СМИ.

С нашей точки зрения, в российской социокультурной практике эффективность подобных процессов будет минимизирована из-за наличия ряда барьеров.

Первый барьер — доступность использования средств массовой информации для социологов — «спойлеров». Подтверждается это утверждение исследованием, проведенным журналом *The New Times* [186]. В издании указываются структуры, в которых «чиновники от социологии готовы интерпретировать цифры так, как того требуют кураторы из администрации президента, что в преддверии таких значимых мероприятий, как, к примеру, парламентские и президентские выборы, приобретает особую ценность. Награда за послушание — де-факто приватизация государственного учреждения, возможность осваивать бюджетные деньги, уклоняться от налогов и выводить деньги в офшоры».

Второй барьер — ангажированность средств массовой информации. Поводом для такого утверждения стала информация о том, что из 173 стран, попавших в поле зрения организации «Репортеры без границ» в ходе проведения исследования уровня свободы слова, Россия заняла 141-е место [239]. Наилучшим образом дела со свободой слова обстоят в Исландии, Люксембурге и Норвегии, наихудшим — в Эритрее, Северной Корее и Туркмении. Лучшая из стран СНГ — Украина — 87-е место. Грузия

после августовского (2008 г.) конфликта, когда журналистам активно чинились препятствия при освещении событий, переместилась на 120-е место.

Неутешителен и вывод, сделанный М. Ф. Ненашевым по итогам дискуссии, отраженной на страницах журнала «Журналист» в 2007–2008 гг. [190. С. 20].

Ученый и практик, мнение которого мы можем позиционировать как мнение эксперта, представляет анализ эволюции российских СМИ. М. Ф. Ненашев считает, что многие недуги проистекают из неспособности этого **интерпретирующего знания социального института выдержать испытание свободой**. И дело здесь не только в отсутствии необходимого иммунитета, но и в том, что у большинства служителей журналистики сложились неправильные представления о свободе и независимости средств массовой информации.

Наблюдения М. В. Ненашева показывают, что независимость СМИ весьма странная. Это независимость преимущественно от читателя, зрителя, слушателя. Результат — кризис прессы, связанный с падением ее общественного авторитета и утратой доверия среди значительной части читателей, зрителей, слушателей. А соответственно, и с отторжением той информации, которая предлагается этому читателю, зрителю или слушателю. Он, опять же на уровне аффективного действия, ощущает ангажированность многих практик СМИ. Ему для этого совсем не обязательно знать, что, по данным Министерства печати Российской Федерации, всего лишь около 10% печатной прессы имеет относительную экономическую самостоятельность. Абсолютное же большинство газет и журналов находятся на содержании государственной бюрократии, частных и акционерных владельцев [190. С. 21].

М. Ф. Ненашев с сожалением констатирует, что в современных СМИ произошла замена Слова на примитивное шоу. В отличие от предшествующих этапов, цена слов, сказанных и написанных, значительно упала. Авторские наблюдения этого эксперта показывают, что в нынешней России формируется весьма своеобразная демократия, заполненная множеством красивых слов и понятий (народовластие, инакомыслие, гражданское общество), но не расположенная к каким-либо новым идеям и не нуждающаяся в них.

Со своей стороны, на социальном уровне российское общество, по мнению М. Ф. Ненашева, оказывается невосприимчивым и к каким-либо предложениям, оценкам, критическим выступлениям СМИ. То есть важнейшая функция СМИ как канала проводников и/или интерпретаторов знаний отторгается. В стране формируется ситуация активного, но неэффективного «словопроизводства» печати, радио, телевидения.

Оборудованное по последнему слову компьютерных технологий, это информационное производство *«при умелом дирижировании власти сумело исключить самое актуальное для общества — открытые, публичные дискуссии в прессе по ключевым и острым вопросам современной российской действительности. Все, о чем сегодня пишут и говорят СМИ, очень умело превращено в заурядное шоу Малахова, «Лолиты без комплексов» и им подобных умельцев... Складывается своеобразная журналистика, когда проявление самостоятельности СМИ на деле оказывается лишь игрой, забавой, зубоскальством чистой воды»* [190].

В качестве третьего барьера можно рассматривать специфику восприятия социального мира индивидами. Подтверждение обоснованности этого ракурса можно найти у А. Шютца (Alfred Schütz), говорившего о конфигурации мира повседневного социального восприятия личности. Мы уже упоминали, что, по мнению ученого, индивид осваивает социальный мир прежде всего как поле действий, а лишь во вторую очередь — как объект мышления. Отсюда интериоризация знаний в повседневной жизни организуется в личностных оценках, релевантных какому-то возможному или

реальному действию. Это восприятие, по А. Шютцу, некогерентно, только частично ясно и не свободно от противоречий [337. С. 194].

Подтверждая эти выводы, И. А. Полуэхтова отмечает, что телезрители, прежде всего их количественное и социально пассивное большинство, наиболее зависимое от телевидения как источника информации и средства развлечения, демонстрируют привычку и преимущественный интерес к реакционному зрелищу, сулящему эскапизм и компенсацию, эксплуатирующему разного рода человеческие страсти. Их «телемир» концентрируется вокруг ожидания отечественных сериалов, телеигр и скандальных шоу, криминальных происшествий, образов идентичности (проблем, трудностей, относительных успехов) мужчин и женщин в их повседневной жизни и бытовом самоопределении.

Исследователь доказывает, что чем выше удельный вес подобного материала, тем в большей степени можно ожидать позитивных оценок телевидения со стороны большинства аудитории. Это большинство, на которое и ориентируются телевизионные менеджеры, поскольку оно обеспечивает «рейтинг», составляют зрители, менее квалифицированные по навыкам и критериям оценок, обладающие незначительными собственными социальными и культурными ресурсами. Это большинство объединяет старшие, менее образованные группы (наиболее многочисленная и постоянная аудитория, зависимая от телевидения в информационном, ценностном, идеологическом плане) и более молодые контингенты, периферийные по объему и характеру ресурсов, по типу ориентации.

Для них характерны сравнительно низкий уровень образования, малый объем собственного символического капитала и потому зависимость от более доступного и более дешевого ТВ. Но, самое главное, теперь именно эта «телемасса», сформированная предложением последних лет, диктует свои правила игры и в значительной степени обуславливает воспроизводство телевизионного контента по своему образу и подобию [220. С. 36].

В связи с этим обратим внимание на выводы Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсона, Э. Е. Смита, Д. Дж. Бема, С. Нолен-Хозксема о том, что «научение (*learning*) следует отличать от обучения (*teaching*) и образования (*education*). Научением наполнена наша жизнь. С ним связано не только освоение нового навыка или учебного предмета, но также и эмоциональное развитие, социальное взаимодействие и даже развитие личности. Мы учимся разному: чего бояться, что любить, как быть вежливым, как вести себя с близкими и так далее. Учитывая, что научение пронизывает всю жизнь человека, неудивительно, что мы уже встречались с ним на многих примерах — например, как дети учатся воспринимать окружающий мир, устанавливать свою половую принадлежность и контролировать свое поведение по стандартам взрослых» [14. С. 232].

Ученые предлагают рассматривать научение, которое мы интерпретируем как процесс и результат освоения знаний, «как относительно устойчивое поведение, возникающее в результате практики; изменения поведения, возникающие благодаря созреванию (а не практике) или временным состояниям организма (таким как усталость, или состояниям, вызванным приемом лекарств), сюда не относятся».

Далее в указанном труде ученые констатируют, что не все случаи научения одинаковы, поэтому предлагают выделить четыре его типа:

- 1) привыкание;
- 2) классическое обуславливание;
- 3) оперантное обуславливание;
- 4) комплексное научение.

«Привыкание сводится к **научению игнорировать стимул**, ставший уже знакомым и не вызывающий серьезных последствий; например: научение игнорирова-

нию тиканья новых часов. И классическое, и оперантное обусловливание связаны с формированием ассоциаций, т.е. с **научением тому, что некоторые события происходят вместе**. При классическом обусловливании организм усваивает, что **за одним событием следует другое**; например, ребенок научается тому, что за видом груди последует вкус молока. При оперантном обусловливании организм усваивает, что совершаемая им реакция будет иметь определенные последствия; например, маленький ребенок научается тому, что если ударить брата или сестру, то за этим последует неодобрение родителей. В комплексном научении помимо формирования ассоциаций содержится нечто большее, например, **применение некоторой стратегии при решении задачи или построение мысленной карты своего окружения**. Существуют и другие формы научения; к ним относятся импринтинг, моделирование и подражание и опосредованное обучение» [14. С. 232–234].

В социологическом плане указанные выше выводы можно интерпретировать как конституирование поведенческих реакций индивидов и общностей в условиях, когда «окружающий контекст пробуждает» в акторах «обеспокоенность социальной валидностью» того, что они делают [102. С. 100–102].

Ф. Зимбардо и М. Ляйппе объясняют это тем, что люди более склонны делать то, что, как они думают, ожидают от них другие, «следовать принятым в “толпе” законам, стремиться к достижению консенсуса, т.е. реагировать на нормативное и информационное влияние». Ученые предлагают думать в этом случае о тех ситуациях, в которых индивиды и общности ежедневно сталкиваются с этими принципами — в роли жертвы или злоумышленника, и о том, «как это знание позволит им достичь большего успеха в обеих ролях — осуществляя влияние или сопротивляясь ему» [102. С. 102].

Вслед за Ф. Зимбардо и М. Ляйппе при осмыслении технологии социального влияния, направленного на подчинение субъектов интеракций установкам проводников знания, особо хотелось бы обратить внимание на выводы Р. Чалдини. «На его взгляд, эффективность всех стратегий, с помощью которых можно добиться от человека уступчивости, сводится к шести психологическим принципам, каждый из которых срабатывает в определенном контексте. Агенту влияния остается только создать необходимый контекст или условия — и соответствующий принцип сработает наилучшим образом» [102. С. 99].

В табл. 11 приведены указанные шесть контекстов и принципов согласия по Р. Чалдини.

Воспользуемся комментарием содержания табл. 11, сделанным Ф. Зимбардо и М. Ляйппе в указанном источнике [102. С. 99–101].

Контекст порождения чувства морального обязательства запускает в действие принцип или правило взаимности, а контекст чувства долга пробуждает стремление к последовательности. «Принцип авторитета вступает в силу, как только создается контекст компетентности и надежности агента влияния. Мы более склонны желать чего-то труднодостижимого, чем того, что само идет в руки; скорее чего-то редкого, чем заурядного, поэтому мы проявляем большую уступчивость в контексте конкуренции за право обладания чем-то дефицитным. Это свойство восприятия — спусковой механизм принципа дефицита, который заставляет нас ценить и стремиться к обладанию тем, доступ к чему ограничен — например, высшие оценки строгих учителей, старинные марки автомобилей, редкие вина и люди, с которыми трудно завести знакомство. Очевидна и наглядна связь между контекстом дружбы и принципом приязни: мы более склонны делать что-либо для тех, кто нам нравится, чьей дружбой мы дорожим и кого боимся потерять, если не будем уступать в ответ на их просьбы.

Последняя пара связывает принцип согласия и контекст социальной валидации (или социального доказательства). Наше чувство идентичности и самооценности

в значительной мере основывается на оценках со стороны. Мы хотим, чтобы окружающие думали о нас хорошо, также хорошо, как мы сами думаем о себе. Оказавшись в ситуации неопределенности и незнания — что именно можно предпринять, чтобы получить позитивное социальное вознаграждение, — мы, скорее всего, будем оглядываться на окружающих и на их действия в подобной ситуации или имитировать поведение тех, чье мнение мы особенно ценим» [102. С. 99–101].

Таблица 11

Шесть контекстов и принципов согласия по Роберту Чалдини

№ п/п	Отношение, обусловленное влиянием контекста	Психологический принцип обусловленности действий
1	Моральное обязательство	Взаимность
2	Чувство долга	Последовательность
3	Компетентность	Авторитет
4	Дружба	Приязнь
5	Конкуренция	Дефицит
6	Социальная валидизация	Согласие

Все это свидетельствует о значимости результатов воздействия проводников знания, которые на любом этапе социализации индивидов «научают» интериоризации знаний и обеспечивают относительное единство восприятия в общности смыслов и значений феноменов, явлений и процессов. Не случайно любой этап генезиса социума предопределяет значимость институциональных практик, связанных с образованием и влиянием на общество проводников и интерпретаторов знания.

В связи с этим многократно возрастает роль так называемых образовательной и прогностической функций социологии. Так, Г. МакЛеннан (Gregor McLennan) [401] утверждает, что, несмотря на очевидность заказа от политиков и менеджеров «позитивно отреагировать на “вызовы” императивов общества знания», следует учесть, что «воображаемое» общество знания социологично по своей природе. Оно «инкапсулирует квинтэссенцию того, куда идет общество», поэтому социологи «играют важную роль в формировании нового вида социального агента, который будет пропагандировать и управлять обществом знания».

У ученого речь идет о перспективах использования для этого высшего образования. Но, как представляется, проблемное поле здесь намного шире и касается всех социетальных зависимостей. Г. МакЛеннан считает, что в рамках дискурса общества знания предшествующее доминирование «науки воздействия», влияния «опыта» и примата экономики знаний замещается «более утонченными» задачами, в которых эффективность «полезного» знания зависит от широты и глубины «...определенного типа социального интеллекта, который активен, восприимчив, прогрессивен и рефлексивен. Последнее всегда было квинтэссенцией педагогических аспектов социологии» [401].

Аргументируя указанные концепты, ученый отмечает, что, допустим, расширяющееся движение за «образование в течение всей жизни» является примером политического действия, но не имманентно присущим свойством нового этапа цивилизационного развития. Думается, что востребованность освоения знаний в течение всей жизни в любые времена была свойственна носителям не только экспертного знания (интеллектуалы-специалисты), но и знания обыденного. В противном случае личность либо «топталась на месте», бесконечно повторяя одни и те же рутинные процедуры, либо начинала деградиционное движение «вниз». Тогда она лишалась возможности прежде всего адаптироваться к имеющимся и востребованным трансформациям социетальных процессов и явлений.

Другой вопрос, что условия приспособления самотрансформаций личностей и общностей к скорости изменений сегодня многократно усложнились, так как вторичная социализация происходит в условиях взаимовлияния глобальных и национально-региональных контекстов. Подтверждая эту гипотезу, К. Дьорре (Klaus Dörrе) констатирует: теория рефлексивной модернизации претендует на роль теории, с которой должно начаться «покаяние» (в оригинале — *der Aschermittwoch*) всей классической социологической теории. Социологи в лице У. Бека видят противоречия между метаизменениями индустриального модерна и «веком оптимизма по поводу научно-технического прогресса», поэтому ставят под сомнение его базовые теории. К. Дьорре определяет такой подход как подход «с большими претензиями», поскольку он коснулся «эпохальных социальных изменений всех социальных подсистем» [378. Р. 55–56], и предлагает новые аналитические рамки, позволяющие лучше понять контуры «второго модерна».

С одной стороны, теоретики рефлексивной модернизации «нападают на “зомби-социологию”, которая “застряла” в институтах, “сохраняющих общество, которое больше не существует”. Старые теории, будь то марксизм, функционализм или теория систем, обвинены в “психологической лени обвиненного и осужденного” (в оригинале — *der Denkfaulheit angeklagt und überführt. — Т. Ф.*)». С другой стороны, действия этих авторов против теории постмодернизма, в которой «всё идет» (*everything goes*), повышают кредо их аналитической работы. В этих условиях «любой человек с такими большими исками к социально-теоретическим интерпретациям, вступая в боевые действия, должен быть готов к сильному встречному ветру». Поэтому можно констатировать, например, претензии к авторам теории рефлексивной модернизации по поводу перевода функциональной теории на научно-популярный уровень.

Позитивно инновационным в теории рефлексивной модернизации К. Дьорре считает то, что в условиях аналитической тенденции ко все более мелкому «дроблению общества» У. Бек и Э. Гидденс сосредотачивают внимание на социологическом инструментарии решения основных проблем, стоящих перед миром, таких как глобализация, экологический кризис, растущее неравенство, будущее государства всеобщего благосостояния и либеральной демократии [378. Р. 56].

Еще одной инновацией является обновление образовательной функции социологии. Речь идет о новом обосновании глубокой научной социальной критики, которая должна при «последовательном применении изменить социальную реальность».

Модели модерна У. Бека в интерпретации К. Дьорре представлены в табл. 12 [378. Р. 57].

Во всех шести указанных в табл. 12 признаках-функциях первой модернизации, как считает К. Дьорре, присутствует «тихий консенсус», который по-прежнему представлен в линейных парадигмах социологической теории. Он обретает иное осмысление в условиях обострения антагонизма знания и НЕ-знания, о которых мы говорили ранее.

Это касается осмысления того, что движущей силой промышленного модерна является марксовский подход к накоплению капитала, увеличение рационализации и бюрократизации традиционно анализируется, «как у М. Вебера», а функциональная дифференциация социальных подсистем реализуется «по Н. Луману».

Второй модерн этого не предусматривает. В нем отсутствует принудительность модернизационного фатализма первого модерна, так как «дизайн современного общества» реализуется свободно.

Как видим, первая модерность — индустриальная модерность, детерминированная переходом от аграрного общества к индустриальному.

Две модели модерна по К. Дьюрре

Erste Moderne	Zweite Moderne
Linearitätsmodell der Moderne (Линейная модель современности)	Selbstveränderung, -gefährdung, -auflösung der Rationalitätsgrundlagen in den Machtzentren der industriellen Moderne (Pluralisierung) (Самопреобразование угроз – решений на рациональной основе – в силовых центрах индустриального модерна (множественность – плюрализация))
Zwekrationalität als «Motor» (Рациональность как «мотор»)	Nebenfolgen als Movens der Geschichte (Побочные эффекты как движущая сила истории)
Verbindliches Leitbild «einer» Moderne, Vor- und Gegenmoderne (Четкие модели модерна, пред- и контромодерна)	Widerspruchsvolle Symbiose zwischen Moderne (Противоречивый симбиоз модернов)
Großgruppentheorien und – kategorien (Большая группа теорий и категорий)	Theorien der Individualisierung (Теории индивидуализации)
Funktionale Differenzierung (Функциональная дифференциация)	Folgeprobleme, die funktionale Differenzierung in Frage stellen (Vernetzung) (Результат проблем, обеспечивающих функциональную дифференциацию (сеть))
Links-Rechts-Koordination (Координация на правых-левых)	Grammatik der Sub-Politik (Грамматика субполитики)

П. Друкер считает, что с этим периодом связан удивительный скачок в осмыслении сущности знания. Если раньше и на Западе, и на Востоке знание отождествлялось «со сферой бытия, существования», то «...вдруг почти мгновенно знание начали рассматривать как сферу действия. Оно стало одним из видов ресурсов, одной из потребительских услуг. Во все времена знание было частным товаром. Теперь практически в одночасье оно превратилось в товар общественный» [84. С. 67–101].

Одновременно и НЕ-знание обретает «действенную силу». Развивая мысль Г. Леманна [155] о положительном влиянии «логики паровой машины», согласимся, что она, действительно, направила самосознание людей и сказалась на успехах в ликвидации нищеты, на реализации мечтаний о благосостоянии, здоровье и реальности личной свободы, способствовала мобильности (железная дорога), увеличению продолжительности дня (первые лампочки). Распространение газет и радио расширило не только «возможности для создания собственной картины мира», но и «для индивидуализации своей жизни». Но незнание, невежество, как результат отказа и отчуждения знаний, также сопровождали человечество в этом позитивном порыве.

Один из ракурсов отчуждения знания – отчуждение, связанное с фетишизацией капитала, о чем писал К. Маркс, – приводило к тому, что человек, в конечном счете отчуждался от самого себя. Результатом этого стали революции, войны, тоталитарность ортодоксальных идеологий и новые формы порабощения личности.

В связи с этим кажется несколько преждевременным оптимизм П. Друкера, утверждавшего, что новый этап эволюции знания наступил в 1980 г., когда знание «в его новом понимании стало применяться к трудовой деятельности», что привело к «революции в производительности труда», завершившейся в конечном счете «концом классовой борьбы и идеологии коммунизма». Эти явления по-прежнему актуальны, но приобрели другие формы.

Фундаментализм, как мы указывали ранее, осваивает тактику «расползания» по странам и континентам, подчиняя себе тех, кто считает себя несправедливо обойденным в распределении общественных благ, подобно коммунизму в недалеком про-

шлом. Вместо «призрака коммунизма», «бродящего» по Европе, мы видим давление общностей с установками на «власть силы» и слабые попытки самозащиты «старых цивилизаций» от «набегов» «чужой реальности».

Классовая борьба трансформировалась в борьбу идеологий, в основе которой лежат цели и ценности, предопределенные прежде всего ценностью знания и процессом его отторжения. На глобальном уровне идеология как комплекс целей и технологий их достижения сегодня представлена насильственным внедрением американской логики демократии как «самой демократичной демократии в мире». Эти практики можно рассматривать в качестве аналога культивации идеологии развивающегося и развитого социализма в середине XX века.

Сравнивая результаты внедрения этих идеологий, можно увидеть, что основной их целью являлось и является расширение сферы влияния собственников воплощенного в действиях знания. В связи с этим можно предположить, что современная борьба идеологий связана с инициацией через отторжение знаний неготовности реципиентов к критическому мышлению, противостоянию мифотворчеству и мистификации как технологиям манипулирования сознанием.

Так, весьма противоречивые ощущения вызывают, к примеру, дискуссии о генетическом наличии «у русских» «комплекса сервильности» [252. С. 18]. То есть раболепие, «распластанность» перед властью, смиренность и приниженность, заложенные на уровне социокода, вызывают полную отстраненность индивидов и общностей от малейшей ответственности, желание «спрятаться за кем-то», постоянную готовность преступить закон и моральные предписания, «если не угрожает неминуемая ответная реакция со стороны власти или общества». Принять как единственно верную такую диспозицию можно только на уровне утилитарной установки на ценность знания. Она, в свою очередь, может служить оправданием нелегитимных практик как естественных и традиционных.

Высказанные предположения подтверждаются выводами Р. Х. Симоняна и С. В. Ткаченко о том, что «российская правящая элита и поддерживающая ее интеллигенция активно участвуют в мифотворчестве», которое «можно отнести к инструментам информационной войны» [279]. «В действиях молодых российских трансформаторов была даже какая-то ненависть к народу, который привел их к власти» [253. С. 205].

Цель такой деятельности — «насаждение специфической идеологии, отрицающей самобытность российской цивилизации», обоснование неспособности россиян к свободе, демократии, легитимным правовым интеракциям. Используемый метод — отчуждение знаний (и девальвация доверия как «мостика» между НЕ-знанием и знанием) о нормах и ценностях, лежащих, например, в основе «традиционного российского предпринимательства» [253. С. 220–221] и общественных трудовых практик противостояния тяжелым российским климатическим условиям.

Информационная война, мифотворчество всех ветвей власти — не единственные стратегии современной российской элиты. Например, в СМИ и научных изданиях обсуждаются варианты перехода олигархата к «дистанционному» управлению собственностью из-за рубежа, где уже давно надежно размещены финансовые активы. Поэтому системно проявляется и своеобразная личная заинтересованность в знаниевой амнезии и «сне разума» населения, низводимого до уровня «нового рабства» периода второго модерна [69].

Обратные явления происходили в период, указанный П. Друкером, когда осмысленное по-новому знание «превратило пролетария в среднего буржуа с доходом, приближающимся к уровню представителей высшего сословия» [84. С. 67–101].

Но параллельно появляется все больше поводов для дискуссий о необходимости доверия на пути от незнания к знанию.

М. Гросс, исследуя неведение и незнание, ссылается на работы Г. Зиммеля, в которых констатируется, что «объективизация культуры резко дифференцировала объемы знания и незнания», следствием чего стали новые побочные результаты [70].

Таким образом, **внешняя простота конструирования мира как линейного движения к поставленной цели все большего воздействия, прежде всего на природу, несла в себе заряд отрицания научных абстракций, не имеющих в своем арсенале достаточно средств для объяснения присутствия побочных эффектов антагонизма между знанием и НЕ-знанием.**

Эпохой побочных последствий в связи с этим и другими феноменами назван период второго модерна — постиндустриального, информационного, информационного, постмодернистского общества — общества знания и одновременно общества НЕ-знания.

Здесь, как мы уже отмечали, по мнению У. Бека, присутствуют два типа незнания — нежелание знать и невозможность знать. Растет роль знания — возрастает и роль НЕ-знания. Отсюда усиливается детализация У. Бекем и Э. Гидденсом экстерналий общественного развития, связанных с непредсказуемостью последствий второго модерна, с обоснованием «невозможности овладеть современным миром» [70. С. 17], с эрой новых неопределенностей и рисков.

Л. Лаудан, как известно, исследовал аномалии в рациональной оценке теории учеными. Причем, с его точки зрения, аномалии не сводятся только к противоречиям между теоретическим знанием и его эмпирическим основанием.

Расширяя класс аномалий, ученый ввел понятия *концептуальной аномалии* и *концептуальной проблемы*, которая складывается, с одной стороны, между знанием и методологическими установками, а с другой — между знанием и мировоззрением. Но в последнем случае это противоречие существует не столько в «рамках науки, сколько между наукой и вненаучными убеждениями» [396. Р. 75].

В этой связи Л. Лаудан рассматривал функционирование научной картины мира в широком контексте ее социокультурной детерминации, где знание взаимодействует не только с новыми фактами, но и с мировоззренческими структурами, с идеологией, даже с психологическими закономерностями, но ученых, а не обычных индивидов. Все наши представленные ранее рассуждения доказывают, что это — не совсем так. Индивиды и общности как раз оказываются далеко не в стороне от этих процессов через отторжение знаний.

Однако для нас значим вывод Л. Лаудана о том, что социологическое рассмотрение должно вступать в силу только тогда, когда речь идет о тех или иных отклонениях в исследовательской деятельности ученого от принятых стандартов рациональности. Собственно же принцип рациональности устанавливает «разделение труда между историками идей и социологами познания, поскольку он утверждает, что историк идей, используя доступные ему средства, может объяснять процесс мышления в той мере, в какой этот процесс является рационально обоснованным; социолог познания может принять участие в этом объяснении только в тех пунктах, в которых принятие той или иной научной идеи или отказ от нее не поддаются рациональному объяснению» [396. Р. 202]. В то же время те, ради кого проводники и интерпретаторы знания должны были бы повысить практикоориентированность теоретических усилий, отказываются от малоприменимых в практике знаний.

В связи с этим особый интерес представляют выводы исследователей о низкой политической активности прежде всего молодежи. Так, В. Д. Разинская на основе данных исследований, проведенных в Пермском крае, которые коррелируются с ана-

логичными исследованиями в других областях России, констатирует [228], что общественно-политическая деятельность не является для молодых людей сферой жизненных приоритетов, личностной самореализации и занимает по степени значимости последнее (пятое) место в структуре их жизнедеятельности.

Кроме этого:

довольно низок интерес к политической информации, поскольку 43,1% опрошенных вообще не интересуются политикой, у 44% интерес пробуждается лишь в связи с наиболее важными событиями, и только 10,3% регулярно следят за событиями в стране и мире;

политическое поведение соответствует степени сформированности политических ориентаций и интересов: 56,6% опрошенных не участвуют ни в каких политических мероприятиях, для остальных основной формой политического участия является голосование на выборах (указали 34,5%), другие виды общественно-политической деятельности малопопулярны;

основной мотив неучастия в общественно-политической деятельности — широко распространенное представление о том, что ею должны заниматься только те, кому положено по должности, кто стремится к политической карьере.

Проявляется противоречие: с одной стороны, молодежь отторгает не только информацию, но и знания о политической сфере общества. Но, с другой стороны, ее политическое сознание и поведение сочетаются с высоким уровнем доверия федеральным органам власти, особенно президенту. В. Д. Разинская считает, что молодежь разделяет присущую большинству населения патерналистскую идеологию, основанную на вере в народного лидера, который может представить и защитить интересы простого человека.

Понять подобный диссонанс в ракурсе нашей проблематики представляется весьма актуальным. Но это может быть затруднено в связи с обстоятельствами, отмеченными И. Т. Касавиным, В. Е. Кемеровым и В. А. Лекторским [128]. Ученые утверждают, что люди в своей обычной жизни являются стихийными холистами. Они не разделяют проблему выживания на физический, химический, биологический и культурологический аспекты. Они нуждаются в знании, в том числе и в научном знании, о своей повседневности, но это знание должно быть вписано в масштабы их опыта, адаптировано к его формам. Систематизация же этого знания происходит не по стандартам разделения и связи научных дисциплин, а под действием проблем, вопросов и проектов, которые вырастают из практики повседневной жизни.

В рефлексии же ученых научное и обыденное знание образуют противоположности. С развитием науки это привело к проблеме, которая имеет два взаимосвязанных аспекта: отрыв науки от жизненного мира, с одной стороны, и банализация, мистификация повседневности — с другой.

В связи с этим рефлексия ученых актуализировала задачу отказа от восприятия наукой личности, осваивающей знания, на уровне модели, лишенной эмоционально-чувственных социокультурных характеристик, и принятия новой парадигмы: **человек экономический** → **человек рациональный** → **человек эмоциональный и рефлексивный**.

Констатируется перемещение акцентов в анализе социальности с поиска собственно человеческих ресурсов экономического взаимодействия и общественного воспроизводства на инновации позиционирования в повседневных практиках индивидов поведенческих стратегий, связанных с изменением трудовой мотивации, направленной на обеспечение безопасности личностного времени и одновременно показного потребления досуга.

Все указанное является следствием изменения социокультурных, нормативно-ценностных установок, прежде всего потребительских практик.

Нельзя сказать, что проводники и интерпретаторы знания оказываются совсем в стороне от происходящих процессов, так как они все же предлагают свои варианты инноваций.

Л. В. Лесков обращает внимание на то, что В. А. Кутырев декларирует союз философии и религии «против свободы научно-технического разума». А. Г. Дугин разрабатывает основы консервативной революции — «нового мировоззрения», в основе которого должно находиться православие. Этот ученый утверждает, что, благодаря начавшейся в результате консервативной революции войны, путь к русскому будущему пройдет через крайнюю форму сопротивления, через переступание границ искусственных юридических норм, не соответствующих истинным канонам русского права. В этой борьбе «русской национальной элите предстоит отстоять государство от “не наших”, которые под знаменем враждебного мира Юдаики пытаются поставить его под свой контроль и помешать русскому партизану осуществить свою великую историческую миссию» [156. С. 8–9] — победить таласократическую державу — США.

Л. В. Лесков подводит итог: «чтобы противостоять подобным выходам мистического мифотворчества на высокий академический и государственный уровень, требуется серьезная мировоззренческая и философская работа» [156. С. 9]. В целом, отторжение знаний приводит к сужению целевых устремлений и индивидов, и общностей до примитивного потребления. Человека же, «отягощенного потребительским отношением к миру, в конечном счете, ждет только один сценарий — тупиковый. Все, что останется после него в природе, — это то, что он не успел съесть» [156. С. 214].

Думается, что таким может оказаться и тупик для многих общностей в симбиозе «общество знания — общество НЕ-знания».

Б. Модии также обращает внимание **на риск, связанный с нежеланием «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем**. Так, после террористических актов конца XX — начала XXI века «реакция Соединенных Штатов и их союзников была связана с сосредоточением внимания, главным образом, на уничтожении симптомов (“враги” в Афганистане, на Филиппинах, в Ираке, Иране или Сомали, а также протесты против глобализации), а не на участии в устранении возможных причин» [407. Р. 53–59]. К ним Б. Модии относит ускорение международных инвестиций промышленного и финансового капитала без реальных достижений демократического регулирования в интересах граждан, работников и потребителей.

Кроме того, как мы уже указывали ранее, принадлежавшие США новостные и развлекательные телевизионные СМИ воздействуют на жизненный мир людей, живущих менее чем на 2 дол. в день. Именно на их мышление направлена массивная информация о жизни в теплых домах с водопроводом, современных клиниках и школах [407. Р. 53–59]. С одной стороны, людей убеждают в том, что они имеют право на пищу, одежду, жилье и доступные коммуникации, а с другой стороны, в реальных условиях их ограниченной покупательной способности экономического всплеска не наступает. Поэтому внутри отдельных социумов возрастает социальная напряженность.

И. Майлс (Ian Miles) указывает на научные разработки К. Фримена (Christopher Freeman), который считает новые информационные технологии основой продолжающейся технологической революции. **Технологические инновации зависят от знаний микроэлектроники, оптоэлектроники, новых поколений программного обеспечения и т.д.** Одновременно и в социальном развитии институционализируются инновации в сложившихся социальных тенденциях.

Они проявляются в действиях и противодействии социальных субъектов, владеющих, наряду с другими ресурсами, дифференцированным доступом к новым знаниям об обработке информации. В связи с этим происходят изменения [405]:

в продуктах и процессах (например, в автоматизации промышленности и автомобильной электронике);

в разработке методов межфирменных и внутрифирменных взаимодействий (минимизация влияния фактора расстояния в межфирменных сетях);

в масштабах влияния фирм и секторов (Microsoft, телекоммуникационная промышленность);

в сфере досуга и стратегий структурирования повседневной жизни (видеоигры, ежедневное использование мобильных телефонов);

в понимании и ожиданиях соотношения затрат и возможностей, связанных с хранением и манипулированием информацией о клиентах, и т.д.

И. Майлс обоснованно напоминает, что до сегодняшнего дня не до конца осознается то, что «использование на 50% фирм персональных компьютеров совсем не то же самое, что использование их в 50% домохозяйств». Аналогично на международном уровне информатизация имеет различные формы в обществах с различиями в подходах к свободе информации и неприкосновенности частной жизни, к гражданским свободам и социальной изоляции, к регулированию предпринимательства и к собственно предпринимательству и т.д. И, добавим, к знанию и осмыслению его ценности.

Многие страны стоят перед дилеммой в развитии передовой информационной инфраструктуры: с одной стороны, они не могут это сделать, так как обладают недостаточным экономическим капиталом, а с другой стороны, не могут этого не делать. Таким образом, можно представить **риск углубления неравенства в возможностях приобщения и к знаниям, и к информационной инфраструктуре между разными слоями населения, проживающими в разных административно-территориальных образованиях.**

Мы видим результаты отказа от сущности ценности знания в трансформациях языка, ориентиров и смыслов, на которые обращали внимание ранее. Механизм этого процесса и его результат констатирует и Н. Постман, когда утверждает, что это происходит через вынужденный пересмотр людьми того, что они называют религией, искусством, семьей, политикой, историей, истиной, неприкосновенностью частной жизни. Для тех, кто принял эти «правила игры», чистая информация становится благословенной, так как «за счет своего постоянного и бесконтрольного производства и распространения предлагает увеличить индивидуальные свободу, творчество и душевное спокойствие» [416. Р. 72].

Мы уже ссылались на выводы Н. Постмана о том, что с появлением *technopoly* (технополии) все другие альтернативы ей самой исчезают «подобно способам, изложенным О. Хаксли в «Дивном новом мире»». Это не делает данную культуру «незаконной, безнравственной или непопулярной». Это делает ее «невидимой, поэтому — не имеющей значения».

Отсюда идут рост консерватизма мышления, укрепление стереотипов в поведении и управлении, противостояние новым, творческим идеям, решениям и др., т.е. инициация процесса отторжения знаний. А оно, в свою очередь, усиливает экстерналии, которые мы можем представить как «лжемодернизацию», вестернизацию, виртуализацию общения, неуправляемость негатива информационного воздействия СМИ и т.д. При этом проявляющееся варварство, по У. Беку, «фабрикует» [357. Р. 91] новое варварство.

Механизм эскалации этого процесса мы связываем с отторжением знаний, имеющим особое значение в условиях рефлексивной модернизации, но представлен-

ным пока на уровне парадокса. Иными словами, феномен отторжения знаний существует, но еще не объяснен. В связи с этим, продолжая теоретико-методологический экскурс, учтем точку зрения К. Дьюрре, который считает, что теория рефлексивной модернизации, с одной стороны, дает основания для свободы выбора и отказа от ограничений в социальном действии, а с другой стороны, «замораживает» свободу [378]. Не исключено, что это противоречие можно экстраполировать и на дихотомию «знание — НЕ-знание», а также на феномен отторжения знания.

Подведем итог рассуждениям. Мы попытались обосновать авторский подход к понятиям «проводники знания» и «интерпретаторы знания».

Проводник знания — субъект действия, имеющий властные полномочия для влияния на процесс интериоризации знаний индивидами и общностями. Это влияние охватывает установки, когниции (убеждения, данные и информацию), аффективные реакции (чувства), поведенческие интенции (намерения) и собственно поведение. Проводники владеют не только навыками знаниевых действий, но и дидактикой освоения способов и методов такого владения в интеракциях. В роли проводника, как правило, выступают значимые другие. Во-первых, это субъекты, которые, авторитетны для индивидов и общностей (власть авторитета). Во-вторых, аттракторы, социометрически избираемые или отвергаемые в соответствии с «эмоциональным статусом». В-третьих, наделенные статусом власти (авторитет власти).

Интерпретаторы знания — все субъекты, которые представляют свою или принятую ими в связи с разными основаниями («выгоды-издержки») трактовку тех или иных событий, явлений и процессов. **Проводник знания может выступить и в роли его интерпретатора**, используя, к примеру, в качестве объектов воздействия диспозиционные установки субъектов, испытывающих чувства социальной отверженности, одиночества или страха, неуверенности в собственном будущем, имеющих низкий уровень образованности и малый объем символического капитала либо завышенную самооценку (необоснованные амбиции).

Риски **актуальных практик интеракций «личность — носители информации — интерпретаторы знания»** и отказа «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем нами представлены более детально. Мы описали риск, связанный с безусловностью исполнения установок проводников знания без анализа и оценки последствий. Кроме того, указали на риск априорной правомерности действий субъектов, имеющих высокий институционализированный статус. Обосновали тактики риска позиционирования оппонентов в любой сфере деятельности через характеристики, эмоционально отталкивающие индивидов и общности. Все это неизбежно усугубляет риск ограничения демократических прав населения, концентрации финансовой, политической и информационной мощи у монополистов знания, риск углубления неравенства в возможностях приобщения и к знаниям, и к информационной инфраструктуре в разных слоях населения, проживающих между разными административно-территориальными образованиями.

В результате неизбежна активизация «черни», которая «на всякое наступление власти откликается движением, направленным на то, чтобы от нее освободиться, а следовательно, это то, что мотивирует совершенно новое развитие сетей власти» [312. С. 308].

Как видим, активизируется еще одна рискованная ситуация: риск отказа от знаний, инициации социальной напряженности и страхов, варварства и его самовоспроизведения.

3.3. Риск усиления напряженности и страхов в актуальных условиях отторжения знаний и риск возврата личностей и общностей к традиции, отказа от знаний и «ценностей постиндустриального общества»

Нам известно, что потенциал рефлексивной модернизации определяется разными факторами, но признание риска имеет решающее значение. Особенно это касается общностей проводников и интерпретаторов знания, которые играют ключевую роль в минимизации рисков или, наоборот, их эскалации.

Рисковость заключается прежде всего в направленности собственников, проводников и интерпретаторов знания на его социальное распределение, закрепляющее актуальные негативные практики дифференциации. Указанная нами дезинтеграция проявляется и на глобальном, и на локальных уровнях и предопределяет высокую вероятность консервации сложившихся социально-структурных диспропорций. Именно она инициирует повышение или ослабление напряженности и уровня социальных страхов в общностях, укрепление институтов и институций или их дестабилизацию, поддержку корыстных или альтруистических интересов и т.д.

Например, А. М. МакКрайт и Р. Е. Данлэп (Aaron M. McCright, Riley E. Dunlap) пишут о том, что американское консервативное движение обладает силой **анти-рефлексивности**, поскольку «атакует» с помощью двух ключевых элементов рефлексивной модернизации: экологического движения и науки об окружающей среде [400]. Это движение избрало механизм применения **«тонкой формы власти»** – НЕ-принятие решений. Таким образом, как считают указанные аналитики, «был прошен вызов» легитимности науки о климате и приняты меры для того, чтобы не допустить прогресса в разработке соответствующей политики. Ученые призывают коллег по науке более серьезно относиться к силе «борцов с рефлексивностью», так как это может иметь решающее значение для социальной устойчивости и адаптации, особенно перед лицом глобальных экологических проблем.

Думается, здесь мы сталкиваемся с одной из сторон общего процесса отказа от знаний, представленной в форме защиты общественно-корпоративных интересов.

Ранее нами показано, что, если рассматривать, например по Б. Блуру, знания в качестве институционализированных убеждений [365. Р. 169], коллективных представлений о мире, сформированных общностью, мы оказываемся в условиях актуализации ограничения: знание в такой интерпретации должно рассматриваться не как «чисто социальное явление», а скорее, как компонент, «фоновое условие любого изменения», **как производное от социальных интересов и социального контекста конституирования и институционализации информации в целом.** Поэтому мы сочли допустимым считать, что не артикулируемая в современной науке сущность знания, а именно **интериоризация ценности знания** и процесс формирования отношения к ней **в общностях, составляет характеристику модернизационного и/или дезинтеграционного ресурса.**

Верность такого подхода можно подтвердить также через описание трех разновидностей знания Д. Дэвидсона [375. Р. 220], как «штатива», «ноги» которого олицетворены индивидуальным представлением о собственном знании, знанием, прежде всего, физического мира и знанием «других умов». «Штатив» устойчив только при одновременном наличии и взаимодействии всех трех «ног». Каждая «нога штатива» связана, согласно нашему подходу, с информированностью. Интегративное взаимо-

действие всех трех разновидностей знания, по Д. Дэвидсону, невозможно вне рамок процесса интериоризации знаний в их деятельностной сущности.

Как мы отмечали ранее, «прагматические режимы вовлеченности» (pragmatic regimes of engagement) [436], которые характеризуют культуру существования субъектов в условиях пересечения множества социальных миров, в актуальных практиках конституируются знанием. Все динамические системы интерсубъективных взаимодействий и в причинно-следственном аспекте, и на уровне общественного блага — в аспекте ценностном, характеризуются прагматическим позиционированием всех участников интеракций по отношению к собственности на знание. Этим предопределяются поведенческие стратегии и индивидов, и общностей, направленные на минимизацию рисков от неопределенности настоящего и будущего, на достижение ощущения стабильности и ясности, безопасности в коммуникациях. Именно знание формирует тактики прямого и непрямого сопротивления «слабых и подчиненных социальных групп» [425] «сильным», новые социальные конфликты и формы выхода из них. Благодаря знанию, как мы уже неоднократно указывали, индивиды, «которых часто рассматривают просто как потребителей навязываемого им извне социального порядка, на самом деле, не просто пассивно потребляют его, абсорбируя его законы и правила и подчиняя себя им; они используют навязываемые им формы порядка согласно собственным нуждам, подгоняя их под себя» [376].

Мы показали, что в актуальных практиках изменилась направленность приложения индивидуальных сущностных сил. Ведущим мотивом формирования стратегии личности по отношению к знанию, безусловно, является мотив снижения беспокойства, риска неопределенности, социальных страхов как на микроуровне социальной реальности (семья, друзья, «значимые другие» — референтные группы), так и на макроуровне — в иерархии ценностей во взаимодействии с институтами и институтами. В рамках эпистемической культуры это особенно касается объектов, которые замечают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них.

Здесь ведущими субъектами выступают индивиды с индивидуальными и групповыми стратегиями коммуникаций, формирующие и интерпретирующие информацию институции, институты, властные структуры, предопределяющие механизм обретения собственности на знания, а также «проводники» знания, прежде всего интеллигенция, предписывающая обществу детерминанты духовного контекста социальной жизни, а также «значимые другие» в семейных, организационных общностях, реализующих образовательные функции.

На индивидуальном уровне поведенческие стратегии отношения к знанию и процессу его интериоризации становятся результатом опыта и одновременно механизмом коммуникаций индивида с социумом, предопределяя мотивацию образования, социальной мобильности и изменения статусных ролей, карьерных амбиций, труда и отдыха, социокультурного воспроизводства и потребления и в целом ценностных ориентаций. Это подтверждается результатами исследований актуальной сущности процессов маргинализации, субъективных аспектов стратификации и т.д.

На социальном уровне речь идет о трансформациях во взаимодействии общностей, сужающих каналы, устанавливающих «правила игры» — барьеры, связанные с равенством-неравенством в использовании лифтов социальной мобильности в стратификационных процессах, предопределенных практиками интериоризации знаний, закрепляющих соответствующий механизм социального дистанцирования. Это непосредственно связано с потребностью осмысления деформаций, прежде всего интеллигенцией, инноваций типов идентификационного поведения маргиналов («генетиче-

ских аутсайдеров») и элит, изменений отношенческих практик внутри семейных и образовательных общностей (функции-дисфункции) и пр.

На социетальном уровне речь идет о недостаточно исследованной в причинно-следственном аспекте знаниевой грани расслоения общества, связанной с углублением и формированием наследственного (социогенетического) закрепления социального неравенства в зависимости от сектора занятости, профессиональной и отраслевой принадлежности, региона проживания индивидов и общностей во взаимосвязи с ценностью знания.

Поэтому закономерны вопросы не только о том, что считать знанием в современном социуме, но, в большей степени, о том, что представляют собой **негативные стратегии интериоризации знания, объединенные феноменом его отторжения как крайней степени неприятия на личностном уровне, а также инициирования и институционализации невежества на социетальном уровне**. Последнее мы подробно рассмотрели в предыдущих параграфах. Конкретизируем вторую составляющую процесса отторжения — отказ от знаний.

Ранее, исследуя семантику процесса отторжения знаний, мы показали, что отказ от знаний можно рассматривать в разных формах:

1) **agros** — **отказ в пользу значимого другого** — на субъектном уровне это индивидуальный выбор, делегирование права на знания значимым другим, на социальном уровне — результат нормативно-ценностных установок в рамках взаимодействия субъекта и общности в соответствии со статусно-ролевым поведением (внутренние побудительные мотивы);

2) **ablico, ävi, äre** — **отказ от знаний как способ самосохранения** в условиях агрессивного, несущего угрозу социокультурного взаимодействия (внешние побудительные мотивы);

3) **abditus** — **скрытый отказ от знаний** как симулякр процесса их интериоризации;

4) **ätum** — **отказ от устаревших знаний**, становящихся реликтом или барьером для процесса развития, и/или **позитивный отказ от устаревших, деконструктивных знаний**.

Итак, рассматривая отказ от знаний в целом как крайнюю степень неприятия рутинных, традиционных, проверенных научной практикой или декларируемых институциональными структурами знаний, мы подчеркивали, что в основе этого процесса — негативный опыт взаимодействия индивида с социумом.

В сути отказа от знаний как социального явления — интериоризированный личностью смысл знания как несущего в себе угрозу в результате осознания противоречивости дихотомии «социальный факт — индивидуальный факт».

О наиболее распространенной и простой форме такой практики писал Г. Зиммель, рассуждая об общении, которое может иметь «негативный смысл, быть конвенцией, безжизненным чередованием формул». В работах ученого присутствует констатация того, что подобный процесс ярко проявился в Ancien régime (дореволюционном режиме Франции), где смутная угроза реальности пробуждала простое отрицание, «стремление отгородиться, спастись от жизни всерьез» [104. С. 500].

Реагируя на «властное давление», индивиды в своей практической деятельности минимизируют затраты рациональных и эмоциональных ресурсов, как утверждали П. Бергер и Т. Лукман [23], используя процедуры типизации, основным содержанием которой становится понижение порога неопределенности возможных выборов и повышение предсказуемости возможных исходов при тех или иных выборах вариантов действия.

Условием и фактором отторжения в форме отказа от знаний может быть и обесценивание индивидуальных достижений личности. О присутствии указанного факта в практиках повседневности говорят многие ученые.

Например, В. И. Чичканов на основе проведенных исследований доказывает, что произошло обесценивание личных достижений людей (в образовании, уровне квалификации и др.) как фактора занятия ими надлежащего социального положения и престижа человека в обществе. Это подтверждается и данными других ученых, исследовавших ценностные аспекты организации и конструирования жизненных миров акторов и общностей, «стеклянные потолки» карьерных целей, формализм в освоении ценностей образования, предпочтения в сфере досуга и т.д.

Проведенный В. И. Чичкановым анализ показал, что это обусловлено существенным рассогласованием между личными (деловыми, творческими и др.) качествами людей как признаками их социального ранжирования и реальным уровнем их доходов, величина которых определяется не зависящими от индивидов обстоятельствами. Указанное рассогласование отмечали до 60% респондентов, в том числе подавляющее большинство из категории высококвалифицированных специалистов гуманитарных и технических профессий [325. С. 14].

Отсюда усиливающаяся в современном российском обществе двойственность практик индивида. С одной стороны, человек отмечает, что принуждающие и подчиняющие потенции институтов сохраняют силу. Но одновременно, в условиях децентрации источников власти и доминирования персонификации регулятивных механизмов реализации практик принуждения, демонстрации лоббирования интересов властных структур в ущерб интересам большинства населения, индивиды предпочитают следовать лично значимым предпочтениям и притязаниям. А значит — возвращаются в индивидуальном сознании к тем регуляторам, которые не скомпрометированы в предшествующем социальном опыте общностей очевидной социальной опасностью, высоким порогом неопределенности и низкой предсказуемостью.

Подобные практики отражаются прежде всего на поведенческих стратегиях интеракций с институтом образования.

Как мы уже показали, нежелание индивидов осваивать новые знания является сегодня мультикультурным феноменом. Так, исследователи Йельского университета, пытаясь оценить масштабы и причины интуитивного массового отторжения научных знаний, даже ввели понятие «сопротивление науке» [364]. Сегодня сопротивление и самой науки новому знанию, описанное Б. Барбером [355], а позже Р. Мертоном [403], Т. Дж. Шеффом [421], уже перешло с уровня чисто академических проблем на уровень обыденного сознания.

В актуальных экспертных материалах, к примеру, указывается, что в рамках Дакарских обязательств, на которые мы также ссылались ранее, предусмотрено расширить охват граждан средним образованием. Здесь же отмечается, что среднее и послесреднее образование важно прежде всего для выработки навыков, необходимых в глобальной экономике, которая все в большей мере основывается на знаниях. Однако в степени охвата средним образованием существуют значительные региональные диспропорции. С одной стороны, большинство развитых стран и стран с переходной экономикой приближаются к всеобщему охвату средним образованием, с другой стороны, имеются регионы, например, страны Африки к югу от Сахары, где коэффициент охвата (НКО) в среднем образовании составляет только 25%, а это означает, что 78 млн детей соответствующей возрастной группы не охвачены средней школой [288].

Не развивая в соответствии с возрастом мышление, эти миллионы в дальнейшем будут продуцировать в социальном взаимодействии предельную ригидность когнитивного, мотивационного и аффективного типов. Одновременно они оказываются

пластичным социальным материалом для манипулирования и ориентации социального недовольства в направлении субъектов, указанных значимыми другими.

Мы уже неоднократно говорили о том, что индивид осваивает социальный мир прежде всего как поле действий и лишь во вторую очередь — как объект мышления. Соответственно, восприятие знаний в повседневной жизни организуется в личностных оценках, релевантных какому-то возможному или реальному действию. Это восприятие, по А. Шюцу (Alfred Schütz), некогерентно, лишь частично ясно и не свободно от противоречий [337. С. 194].

Представленная позиция, на первый взгляд, несколько не соотносится с утверждением Т. Парсонса о двух ведущих субсистемах ориентаций в деятельности акторов. Первая подсистема, как известно, связана с мотивами личностей, вторая — с ценностями, которые личность принимает в данной конкретной социальной системе [208. С. 703—705]. При этом структурные свойства единиц на одном уровне (акторов) становятся на следующем уровне (общности) институционализированным стандартом нормативной культуры.

Устойчивость же институционального комплекса подразумевает стабильность нормативных стандартов и минимальный уровень связанности действующих единиц определенными внутренними обязательствами. Иначе говоря, конкретизирует Т. Парсонс, речь идет о **предрасположенности к действию в соответствии с определенными ожиданиями, а не к уклонению или сопротивлению им**. Это созвучно нашим рассуждениям о том, что уклонение и сопротивление процессу интериоризации знания или отказ от знаний — результат «предрасположенности к действию в соответствии с определенными ожиданиями». Более того, мы находим в рассуждениях ученого и третий признак институционализации: он опирается на понятие эмпирического и одинаково всеми понимаемого «определения ситуации». Одновременно Т. Парсонс указывает, что **определение ситуации** может быть настолько идеологически искаженным, что всякое функционирование становится невозможным. Именно с этой точки зрения концепт А. Шюца представляется «шатким».

Если все субъекты социального действия стремятся в этом процессе к минимизации затрат, собственно их действия предопределены одинаково понимаемым всеми «определением ситуации», то мы имеем дело не с некогерентным восприятием социальных фактов, а с институционализирующимся комплексом нормативных стандартов. Этот комплекс для его непосредственных участников внешне должен быть свободен от противоречий, иначе не стал бы основой действий.

Противоречия в действиях акторов видят сторонние аналитики. Но сами участники социального действия руководствуются чаще всего когнитивно-катексическими способами мотивации, определяющими безоценочное поведение. В связи с этим отказ от знаний — это еще и специфика социального взаимодействия по отношению к знанию в практиках повседневности тех акторов, которые «мастерят мириады бесконечно малых превращений внутри доминирующей культурной экономики, чтобы адаптировать ее к своим собственным интересам и собственным правилам», этих «неузнанных производителей, поэтов собственных действий, безмолвных открывателей собственных переходов в джунглях функциональной рациональности» [376].

Опыт же наблюдения, анализа и оценки эффективности социальных практик, формирующий обыденное сознание людей, живущих своей повседневной жизнью «среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции», — социальная реальность. Под ней А. Шюц понимал всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира — «мира культурных объектов, социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения» [338]. Но,

напомним еще раз, индивиды мотивированы налаживать только понятные и не несущие в себе угрозы — безрисковые взаимоотношения. «Точка опоры» в целеполагании находится в первую очередь через опыт общности, именно им априорно предопределяется знание «что» и «как», а знание «почему» и «зачем» чаще всего делегируется «значимым другим».

Сущность знания на уровне «что» и «как» «цементирует» институционализацию отношений. «Почему» и «зачем» помогают в понимании моделей взаимодействий и осмыслении прогнозов их динамики. «Разрыв» процесса интериоризации знания «на полпути» перед «зачем» и «почему» инициирует регрессивную мобильность и индивидов, и общностей.

Потребность упорядочения знания о социальной реальности, связанная с отказом от него, представлена, с нашей точки зрения, также и у М. де Сорто, считавшего, что **реакцией социальных акторов на давление господствующей социальной реальности является их повседневная практическая креативность**. Мы согласны с ученым в том, что индивиды, которых часто рассматривают лишь как потребителей навязываемого им извне социального порядка, на самом деле не просто пассивно потребляют его, абсорбируя его законы и правила и подчиняя себя им. Они используют навязываемые им формы порядка согласно собственным нуждам, «подгоняя их под себя» [376]. В этом проявляется креативность индивидов, суммирующаяся в агрегат общности, но имеющая сущность отказа от знаний. Здесь, с одной стороны, индивид применяет стратегию отказа от знаний, ориентируясь на опыт общности. С другой стороны, общностью инициируется создание таких социальных условий (институтов и структур), при которых знание не может быть не отторгнуто, так как отчуждено, о чем подробно мы уже говорили ранее.

Одновременно лица, действующие на «социальной сцене», воспринимают мир, в котором живут, «и мир природы, и мир культуры — не как субъективный, а как интерсубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык» [338]. Поэтому наличие процесса отказа от знаний неизбежно подтверждается констатацией изменений в коммуникациях и языке.

Не случайно еще Аристотель подчеркивал, что человек — существо или «животное», как нам привычнее конкретизировать по хрестоматийным материалам, но не политическое, а, сначала, имеющее дар речи (разум), и только потом — политическую детерминацию (*λογικόν και πολιτικόν*). Именно смысловые фреймы речи помогают отличать «то, что полезно» от «того, что вредно», «справедливость» от «несправедливости» [11], опасное, рисковое — от безопасного.

Таким образом, допустимо считать, что отторжению знания в форме отказа от него обязательно сопутствуют трансформации в языке коммуникаций, речевой культуре. В актуальных национальных практиках они, как правило, проявляются в использовании экзотизмов и варваризмов в разговорной лексике, в сложном единстве лексики «литературной, диалектной, жаргонной, просторечной и обценной» [171], когда «экспансия сленгизмов зачастую препятствует успешной реализации коммуникативной функции языка».

Считается, что «экспансия сленга», обценность языка арго в конце XX — начале XXI века — в период бурной общественной жизни в России, ломки старых политико-экономических структур, начала формирования новых, — была связана с криминализацией социальной среды. «Регулярные амнистии заключенным усиливают влияние криминальной морали в обществе. В результате происходит падение нравов населения страны. В языке это проявляется в нарушении речевых норм, смешении

стилей и активизации нелитературных единиц в речи не только молодежи, но и отдельных представителей старшего поколения» [171. С. 3].

В этом плане мало что изменилось в сравнении с классической позицией Л. Витгенштейна: языковая игра — это вся совокупность речевой деятельности людей, а также сама реальность, которую люди воспринимают только через призму языка [53]. Имеются пласты исследования в социологии языка (*sociology of language*), описывающие взаимосвязь общества и языка, его социальные функции. К последним относится прежде всего функция контроля и корреляции между языковыми средствами и социальными статусами, ролями. Поэтому использование языка и знание соответствующих технологий определяют языковые различия в социальной структуре, стратификационных процессах и т.д., а также **процесс отказа от знаний на уровне условий и иницирующих факторов**.

Так, вербальная коммуникация становится доминантным идентифицирующим признаком «своих» и «чужих» и/или инструментом социального дистанцирования и одновременно самодистанцирования. Например, когда в противовес доминирующим в общности тенденциям демонстрируется приверженность классической традиции конструирования речевых образцов. Отторжение знаний классических традиций в форме отказа одних и институционализации отчуждения со стороны социальных структур (допустимость трансляции, несмотря на ее нелегитимность) приводят к дисфункциям таких социальных институтов, как образование, СМИ, художественная культура в целом¹.

В результате укрепляются и условия отказа от знаний: обесценивание индивидуальных достижений личности, рассогласование индивидуальных характеристик действующей личности (квалификация, компетентность, креативность) и реального уровня ее доходов, реализация исключенности из процесса освоения знаний целых общностей по гендерным, статусным признакам и т.д. Особое место здесь занимает фактор, который считается базисным: неравенство в образовании.

Так, Г. А. Ключарев констатирует, что «по Марксу (классовая борьба) и Веберу (способ подчинения — *structure of domination*) получается, что образование закрепляет существующее классовое, стратификационное, сословное, профессиональное или иное неравенство. Иначе говоря, люди, имеющие власть или влияние в обществе, посредством существующей системы образования закрепляют свое положение и положение своих преемников» [131. С. 236].

Поясняя свое утверждение, ученый, мнение которого мы рассматриваем как экспертное, указывает:

«Однако дело заключается в том, каким образом воспроизводятся эти неравенства и институты, каковы динамика и перспектива таких преобразований. Если это рутинная практика воспроизведения существующего социального порядка, как показал, например, в 2011 г. Ф. Э. Шереги, то и здесь есть варианты — расширенное это воспроизводство (т.е. элита увеличивается) или же закрытое (т.е. численность элит остается относительно постоянной). И как трансформируется социальная структура в целом. Первая модель более способствует поддержанию динамического неравенства: растут межстратификационные контакты, создается ощущение равенства возможностей (о чем свидетельствуют опросы ИС РАН). В случае закрытого воспроизводства элит (например, обучение в престижных зарубежных университетах) принцип равенства возможностей нарушается, растет конкурентная борьба между (и особенно) региональными элитами, создаются предпосылки стагнации общественной жизни».

¹ Эмпирические данные, подтверждающие это утверждение, приведены нами ранее в гл. 1.

Здесь нет ссылки на исследуемый нами феномен и процесс отторжения знаний, однако имеется подтверждение рисковости ситуации с отказом от него и созданием условий для институционализации этого отказа. Действительно,

«...правлящий класс и доминирующие в обществе группы заинтересованы в сохранении образовательного неравенства. Как показали А. Грамши и Ю. Хабермас, существующий социальный порядок и способ его воспроизведения через образование контролируются и оправдываются при помощи государственной (возможно, патриотической или религиозной) идеологии и соответствующей политической риторики. В любом случае, качественное профессиональное образование всегда остается абсолютной ценностью элиты. С его помощью она сохраняет доминирующее положение в обществе» [131. С. 237].

В связи с этим среди исследуемых социологами общностей относительно отказа от знаний ученые уже выделяют группы тех респондентов, которые постоянно (с возможными перерывами до года — по международной классификации) участвуют в образовательных программах, и тех, «кто оказывается в стороне от учебы и образования на длительные периоды, а то и на всю свою сознательную жизнь» [Sargant, Tuckett 2006]» [131. С. 238–239].

В других попавших в поле нашего зрения исследованиях отмечается, что чем раньше человек оставил школу, тем меньше вероятность того, что он или она в дальнейшем будут предпринимать усилия для освоения какой-либо формы формального обучения [412]. В зависимости от возраста «отказники» составляют от 34% (21–25 лет) до 60% и более после 55 лет.

Еще в 2000 г. исследователи Великобритании доказали наличие сильной корреляции между социально-экономическими группами и их участием в процессе непрерывного обучения. Так, для специалистов и работников умственного труда вероятность участия в процессе обучения взрослых более чем в два раза выше, чем для «неквалифицированных или “других” работников» [420. Р. 8]. Среди «неактивных» — не мотивированных на обучение и не работающих на 20% больше тех, кто является инвалидом или просто не работает в связи с состоянием здоровья [420. Р. 7]. Обследование рабочей силы по поводу перспектив участия в процессе обучения в связи с конфессиональными различиями показало, что «более двух третей евреев, христиан, индуистов и взрослых без религиозной принадлежности сообщают о намерениях участвовать в обучении по сравнению с чуть более половиной мусульман и сикхов» [420. Р. 8].

Исследование IFF Research Ltd. (2005 г.) с участием около 9 000 учащихся дополнительного образования в обучении показало, что не обучались 17% «белых» и 9% «азиатов и черных». Доля «белых и небелых» колебалась от 3,5% среди лиц в возрасте 19–20 лет до 21% для лиц в возрасте 60 и более лет [420. Р. 8–9].

Сказанное выше позволяет согласиться с Г. А. Ключаревым, сосредоточившим внимание на двух важнейших, с его точки зрения, проблемах:

«Развитие неравенств в образовании справедливо связывается с объективным и неустраняемым противоречием, заложенным в самом процессе обучения. Оно выражается в конфликте общественных и индивидуальных интересов, допустимости вторжения общества посредством образования в частную жизнь граждан [Jarvis 2012]. При планировании деятельности учебных заведений и создании новых программ происходит столкновение консервативных и прогрессивных тенденций. С одной стороны, государство заинтересовано в “молчаливых” учащихся для поддержания существующего порядка и стабильности. С другой стороны, существует определенная общественная потребность в инновативных людях, *которые критически думают и рефлексивно учатся. Прогресс демократического общества возможен только на основании новых знаний и новых подходов, получаемых на основании критического мышления*» [131. С. 239].

Здесь мы находим подтверждение нашим предположениям об источниках отказа от знаний. Ведущий источник инициируется именно первым противоречием — рассогласованием индивидуальных и общественных интересов. Другой вопрос, что интересы монополистов на знание далеко не всегда совпадают с интересами индивидов и общностей. Второй аспект указанного выше противоречия инициирует рискость перспектив развития общества в целом.

Ссылаясь на исследования Дж. С. Коулмана (James Samuel Coleman) [370] и Б. Милановича (Branko Milanović) [404], Г. А. Ключарев приводит следующие данные [131]:

«Еще одно противоречие связано с глобализацией и всеобщим изменением порядка распределения знаний через образовательные институты. Если в начале XX века неравенства (в том числе образовательные) носили внутренний характер, то к началу следующего столетия ряду государств удалось перенести эти неравенства на межстрановой уровень. По оценкам экспертов ЮНЕСКО, сегодня до 80% глобальных неравенств носят межстрановой характер, а внутри этих стран неравенства значительно смягчились [Milanović 2010: 17–21].

В основе этого лежит экономическая интеграция различных государств (Европейский Союз, страны АСЕАН, СНГ), деятельность транснациональных корпораций (Coca-Cola, McDonalds, IBM, Sony, BMW и др.), перераспределение финансовых потоков и более свободная миграция рабочей силы. Преодолеть негативную тенденцию роста экономического неравенства, проходящего по условной оси «Север — Юг», и которая, очевидно, обуславливает и неравенство в образовании, пока не удалось. Так, по данным Института образования ЮНЕСКО, средний национальный доход в индустриальных странах в 1913 г. превышал национальный доход беднейших стран мира в 11 раз. Тот же показатель в 1950 г. составлял 35 раз. В дальнейшем неравенство продолжало увеличиваться — 44 в 1973 г. и 72 в 1993 г.» [131. С. 239].

Следовательно, отказ от знаний как подпроцесс общего процесса отторжения знаний имеет не только локальный, но и глобальный характер. В результате сохраняется диспропорция, которую выявил Б. Миланович:

«Как следствие, самые богатые люди на планете, численность которых составляет всего 5% от общего населения, потребляют 85% совокупного общемирового дохода, в то время как равные им по численности 5% самого бедного населения потребляют всего 1% мирового дохода. В межстрановом контексте эти показатели еще выразительнее: 1% беднейших американцев живут лучше, чем 62% населения остального мира; лишь 3% самых состоятельных индийцев живут лучше, чем самые бедные американцы (1%); 1% беднейших россиян живут лучше, чем 25% населения мира [Milanović 2010: 17–20]» [131].

В связи с этим можно предположить, что на механизм отказа от знаний указывал М. де Сорто, рассматривая практики отказа использования «поэтами собственных действий» репрезентации и правил, производимых и навязываемых доминирующим социальным порядком, как тактику сопротивления «слабых», позволяющую им в любых ситуациях противостоять стратегиям доминирования, развиваемым «сильными». Источник этого — социальный страх перед изменениями или угрозой предполагаемых результатов перспективного противостояния действиям «других». Одновременно здесь должна продуцироваться потребность в солидарности с «себе подобными» и социальная конфронтация с «чужими» общностями, институтами и стратами. Соответственно, идет идентификация по признаку сущности «отказного знания». Последнее усиливает позиции власти невежества.

Напомним точку зрения А. Н. Свенцицкого. Говоря о «позитивном незнании», автор описывает проблему информационной экологии — защиты психики от избыточной информации, которая, с точки зрения индивида, ему не нужна [249].

Подобный эффект в рамках когнитивного подхода в психологии назван концепцией «информационной обработки человека» (human information-processing) Д. Гамильтона (D. Hamilton) и связан с «теорией схемы» (schema theory) Ш. Тейлор и Дж. Крокер (Shelley E. Taylor, Jennifer Crocker [435]). Истоком этих подходов мы можем считать концепт Л. Фестингера о когнитивном диссонансе [292. С. 15–52]. В указанных выше и более актуальных исследованиях считается, что человек воспринимает окружающий мир, стремясь облегчить и упорядочить гигантский массив информации, с которым он сталкивается. Облегчение и упорядочение связано с процедурой упрощения, «которая включает использование стереотипов, шаблонов или схем» [20. С. 22–27].

Сталкиваясь с социальной информацией, личность обращается к личностным, ситуационным и ролевым схемам, к традиции. Это нужно для того, чтобы быстро опознать социальный стимул и предсказать последствия от его воздействия. Считается, что так формируются стереотипы.

Подобное толкование мы можем найти и у Л. Леви-Брюля, описывающего технологию оперирования знаниями на уровне «пралогического мышления», **основанную на цели избегания противоречий, а не объяснения фактов и явлений**. Речь идет о мышлении, сформированном «разрывом» процесса интериоризации знания, достигающим только уровня «что» и «как». Актор, «сохраняя силы» и целедостижительную энергию, вполне довольствуется этим.

Напомним еще одну форму отказа от знаний, которую мы подробно представляли в первой главе работы. Речь шла об отказе от знаний, потерявших свою актуальность или смысл, тормозящих высвобождение креативного интеллектуального потенциала для поиска инноваций. Мы представили эту форму в двух аспектах: рационально положительном и рационально отрицательном.

Выделяя первый аспект — рационально положительный, мы ссылались на авторитет У. Старбука, утверждавшего, что отказ от прежних знаний — обязательное требование предотвращения и преодоления кризисов организации [31. С. 736]. Оно выступает в качестве предупредительной меры для преодоления инерции обученности и выражается в переоценке прежних знаний. Такая ситуация чрезвычайно рискована, если организация, отдающая все силы на реализацию хорошо усвоенных алгоритмов деятельности, оказывается не в состоянии изобрести новые алгоритмы практик в изменяющейся внешней среде. Несмотря на поступающие сигналы о неблагополучии, организация продолжает по инерции идти «проверенным курсом» и, как правило, оказывается аутсайдером.

В современных социально-экономических практиках результат такого «самоубийственного упрямства» нашел подтверждение в теории «экономических пузырей» Дж. Сороса [382]. Для нас было важно утверждение Дж. Сороса о том, что у каждого экономического «пузыря» есть два компонента — тенденция, которая превалирует в реальности, и неверное истолкование этой тенденции. Постепенно они пересекаются и формируют «пузырь». Здесь неверное толкование реалий внешней среды, с нашей точки зрения, можно рассматривать как проявление нежелания акторов отторгать привычные знания. Это происходит в то время, когда отторжение устаревших алгоритмов весьма желательно.

Второй аспект — иррациональный «с точки зрения природы человека», но «рационально отрицательный» в нашем подходе, так как предопределен антидерииватами. Речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отказ от знаний, связанной с опытом индивида, общностей, извлеченным из взаимодействия с социумом. Это артикулируется как «сопротивление науке», «нежелание учиться», «низкий уровень мотивации учебной деятельности» в процессе

реализации функций социальных институтов. Результатом таких практик становятся «оглушение страны», рост сегмента акторов, которые «кичатся своим невежеством», демонстрируют «функциональную неграмотность», формальное присвоение знаний или симулякр этого присвоения и т.д. Деятельность многих социокультурных институций и институтов в этом случае определяется как кризисная или деструктивная.

Возвращаясь к описанию сущности более простых форм отказа от знаний, напомним концепты В. Л. Иноземцева [116. С. 160–161], Р. Х. Симоняна [253. С. 125–126] о процессе дебилизации общества, начавшемся в 1990–2000 гг., связанном с обесцениваем высшего образования, с акцентом на политически выгодное оглушение молодого поколения, а не на повышение его образовательного уровня. Это предопределило наше желание верифицировать выводы ученых с помощью социологического исследования. Мы использовали «мягкий формат» полуформализованного интервью с анализом результатов по аксио-биографическому методу, ориентированному на конкретизацию ценностных установок респондентов по мотивации отказа студентов от активного освоения знаний в учебном процессе. В опросе, проведенном в декабре 2009 г. – мае 2010 г., приняли участие студенты трех вузов: Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ), Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) и Гуманитарного университета (ГУ). 986 респондентов высказали 1 232 ценностных суждения о причинах того, что нами было определено как добровольный отказ от знаний. Материалы исследования приведены в прил. 1.

Является ли нормой для респондентов непосещение аудиторных занятий? Положительный ответ на этот вопрос дали 37% студентов УрГЭУ, 45,7% студентов УрГПУ и 21,3% студентов ГУ. Однако причины нормативности указываются разные. Мы условно разделили их на «социальные», к которым отнесли ориентир на «значимых других» (*все так делают, и я тоже не хочу выделяться; в группе формируется договоренность не ходить на занятие; не иду, так как в противном случае одноклассники «загнобят» как «заучку», «ботаника», «предателя» и т.п.*), и «условно уважительные» (*болезнь, работа для оплаты учебы и независимой жизни, параллельное обучение иностранным языкам, вождению автомобиля, получение второго высшего образования и т.д.*). У студентов УрГЭУ уважительные причины превышают социальные в 1,5 раза, УрГПУ – в 8,7, а ГУ – в 2,4 раза. Таким образом, в УрГЭУ доминантны уважительные причины пропуска занятий.

Нас интересовало, насколько самокритичны студенты в оценке индивидуальных причин отказа от знаний. Выявлено, что в 31% утверждений студенты «честно» признаются, что ведущей причиной пропуска занятий и некачественной к ним подготовки является *«моя собственная лень; глобальная лень; просыпаю; не могу заставить себя поехать на учебу; могу приехать, но, если не захотелось учиться, развернусь и уеду домой обратно; я – безответственный; я привык не делать то, что делать не хочу, не хочу учиться в принципе; учиться заставляют родители; учусь, чтобы не идти в Армию»*.

Обращает на себя внимание предпочтение досуга учебному процессу в 15% утверждений студентов. Причины указываются разные: во-первых, интериоризированный стереотип образа студента как личности, *«весело живущей от сессии до сессии»*, во-вторых, нежелание отказа от похода в клуб, в кино, на прогулку, как первичные приоритеты в жизненных практиках.

Настораживает описание студентами проблем отношения к процессу получения знания, связанных с личностью преподавателя. В 31,2% утверждений студенты отмечают *«противную, невыносимую манеру преподавания; скучно – читает по учебнику; не обращает внимания на аудиторию; читает, не открывая глаз»*.

от монитора ноутбука; не разъясняет сложный материал, а, если не понял и просишь пояснить, унижает презрением к нашей тупости; сознательно использует сложные термины, а потом издевается, наслаждается нашим непониманием».

Для многих практически непреодолимым препятствием к качественному участию в учебном процессе становится осознание неправильного выбора профессии. В 14% утверждений респонденты отмечали, что *«сделан неправильный выбор, но это выяснилось только во время учебы; нужен диплом, а с какими оценками и по какой специальности — неважно, так как родители устроят после окончания вуза в “хорошее место”»; никогда не буду работать по полученной специальности».*

Серьезным барьером для эффективного участия в учебном процессе в вузе по 5% утверждений респондентов стали результаты развития общеучебных навыков и умений в общеобразовательной школе. Оказалось, что многие «профильные классы» ориентированы на доминанту *«рисования над математикой»; «знания английского языка без терминологического перевода на русский язык»*, что привело к проблемам со сдачей ЕГЭ при поступлении в вуз. Более того, далеко не все студенты быстро адаптируются к социальным ролям в вузе после чрезмерной опеки в общеобразовательном учреждении и многие руководствуются прагматическими, с их точки зрения, мотивами: *«в школе был контроль со стороны родителей, а в вузе наплевать»; «плохое воспитание родителей или его отсутствие»; «раз я плачу за учебу, могу не ходить на пары — все равно не отчислят».* 16% утверждений связаны с ощущением потребности со стороны респондентов в уменьшении объема презентаций на аудиторных занятиях: *«сложно, невыносимо воспринимать информацию зрительно; сложно переключаться с записей на экран, слушать, читать и писать одновременно».*

Введение рейтинговой системы институционально принуждает многих все-таки посещать занятия. 11% ответов были связаны с жесткими дисциплинарными требованиями посещаемости, не подкрепленными внутренней мотивацией: *«если посещаемость не отражается в рейтинге — не хожу; не буду ходить и готовиться, если нет бонусов (премий) за работу во время семестра, поэтому зачем “напрягаться”, если все равно сдавать предмет во время сессии».*

Для нас самыми значимыми стали оценки респондентов, связанные с тем, что мы определили бы как своеобразную подсказку: что надо менять в системе организации аудиторных занятий для стимулирования мотивации студентов на качественную учебу, насколько велик удельный вес удовлетворенности обучаемых в принципе, собственно процессом получения знаний. 6% утверждений связаны с пожеланием в содержании лекций *«больше использовать понятных примеров, шуток, замечаний».* 4% утверждений связаны с констатацией: *«если преподаватель шикарно преподает, то неважно, что именно он преподает, к нему будут ходить, даже если предмет можно считать ненужным».* В 20% утверждений есть подсказка о том, что монотонные монологи лектора, даже «расцвеченные» жизненными примерами, лучше заменять семинарами-конференциями, практикумами — любыми формами занятий-дискуссий.

4% утверждений касались того, что менять надо не систему образования, а систему общества. Иными словами, если студент однозначно признает себя лентяем «по сути», какой бы ни была система образования, он учиться все равно не будет. Для нас здесь значим фактор менталитета, сформированного в социуме: ценность знания как такового на общенациональном уровне должна повышаться. А она сегодня, мягко

говоря, оставляет желать лучшего. Иначе, откуда взялись бы 65% утверждений типа: *«развиваются технологии, думать – не модно; можно скачать из Интернета или воспользоваться возможностями сотовых телефонов на экзаменах, а следовательно, можно ни к чему не готовиться»*. В 4% утверждений такая ситуация связывается с влиянием *«заграничной культуры, популярных каналов, таких как MTV, сериала “Клуб”, реалити-шоу типа “Дом-2” (смысл жизни – поругаться, прокричаться, публично выматериться, но не учиться)»*.

Результаты исследования стали основанием для пересмотра методов работы с аудиторией в авторской педагогической практике. Разработана и апробирована в 2011–2013 гг. педагогическая технология, названная в соответствии с ракурсом исследований «Технология уточнения ценности знания». Цель – создание условий повышения мотивации студентов к аналитической, оценочной деятельности в процессе работы с большими массивами информации. Для этого был разработан соответствующий комплекс практических заданий, изменены подходы к системе подготовки и проведения лекционных занятий. В результате проверочный анализ 82 биографических интервью студентов УрГЭУ, осваивающих дисциплину «Социология», проведенный в мае 2013 г., показал, что достигнут целевой педагогический фрейм. В биографических интервью рефреном повторялись утверждения о том, что *«я, наконец, понял(а), что такое учиться в высшей школе», «я стал(а) больше читать – нет уже вопросов, что прочитать и какого автора, чтобы найти ответы на интересующие вопросы», «я иначе начал(а) смотреть новостные передачи, фильмы, реагировать на окружающие события», «мне стало интересно искать причины того, что происходит вокруг»* и т.д.

Следовательно, процесс корректировки интериоризации ценности знания на уровне высшей школы реализуем и может быть достаточно эффективным.

Исследуем, как проявлялась стратегия отказа от знаний в динамике социума и, если она присутствовала в практиках повседневности, является ли их системным качественным признаком или только случайным возвратом, например, к прагматическому уровню, проявляющемуся в данном месте и в данное время.

Для этого используем две методологические парадигмы.

Первая парадигма связана с творчеством П. А. Сорокина, чья теория цикличности или флуктуаций – повторяющихся процессов в социальной и культурной жизни и человеческой истории – признана в современной социологии непосредственной основой теории социальных изменений. Мы разделяем утверждение о том, что социальный мир имеет двойственную природу, в которой чисто социальные интеракции без культурного опосредования через значения, нормы, ценности и их материальных носителей регулировать невозможно. К этой констатации мы добавляем только авторское утверждение о значимости проводников и интерпретаторов знаний и процесса отторжения знаний.

Циклы культурных суперсистем П. А. Сорокина, характеризующиеся изменением представлений о действительности, связаны со сменой двух ведущих культурных менталитетов (центральных принципов культуры). В социальной динамике их «чистый вид» не встречается, поэтому аналитик, как считал ученый, без труда выявит некие переходные или промежуточные состояния менталитетов.

Так, **умозрительный (идеократический) менталитет**, как известно, связан с акцентированием внимания в социуме на духовных потребностях, стабильных и глубоких моральных императивах, самоконтроле, аскетическом подавлении «Я», мистическом внутреннем мире. **В этом внутреннем мире опыт опосредован верой как источником истины и знания.**

Чувственный менталитет предопределяет гедонистическую доминанту в регламенте физических потребностей в комфорте, источниках удовольствий. Здесь господство над природой и другими людьми значимее самоконтроля. А сама природа и социум познаются через наблюдение, измерения и эксперимент, т.е. научно. Познавание материального мира доступно разуму.

В качестве промежуточного состояния выступает **«идеалистическая культура»** — сбалансированное сочетание умозрительных и чувственных элементов. Здесь признается, что «реальность и материальна, и сверхъестественна, потребности и цели людей и телесны, и духовны, удовлетворение целей требует как улучшения самого себя, так и трансформации окружения» [335].

П. Штомпка предлагает обратить внимание на вывод П. А. Сорокина о том, что в современном обществе ритм смены циклов ускоряется, а фазы цикла сокращаются. Для нас значима констатация того, что смена циклов связана **с истощением или исчерпанием творческого потенциала социальной системы, которая становится неспособной генерировать оригинальные инновации. Так формируется барьер развития. Поэтому система «начинает откатываться в противоположном направлении», т.е. регрессирует.** «Исчерпав свой творческий фонд познавательных, моральных, эстетических, политических и других ценностей, система продолжает доминировать уже не благодаря творческому дару, а просто по инерции, обманом, принуждением, трюками и псевдоценностями. Она должна прийти в упадок, будучи выхоленной, часто вредной и бесполезной для ее членов и человечества в целом» [265. С. 435].

Это очень созвучно нашим рассуждениям о функциональных результирующих подпроцессах отказа от знаний как части процесса их отторжения.

Таким образом, культурный менталитет — «стержень социокультурной системы» — как бы дрейфует от умозрительного через идеалистический к чувственному и обратно — от чувственного через идеалистический к умозрительному (идеократическому).

Например, период VIII—VI веков до н.э. назван П. А. Сорокиным периодом умозрительного (идеократического) менталитета. В Греции V века до н.э. шел переходный процесс к периоду доминирования идеалистического менталитета. В Древнем Риме с IV века до н.э. до IV века н.э. утверждался чувственный менталитет, который через идеалистический переходный период трансформируется в VI—XII веках в идеократический — умозрительный. Переходный период идеалистического менталитета предопределяет «систему знаний, философию и мировоззрение, стандарты “святости”, представления о том, что правильно и неправильно, форму искусства и литературы, мораль, законы, нормы поведения, доминирующие формы социальных отношений, экономическую и политическую организацию, тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением» [265. С. 290], характерный для конца Средневековья XII—XIV веков. С этого момента — начала Возрождения и до наших дней продолжается эпоха чувственности. П. Штомпка считает, что «на наших глазах она превращается в идеалистическую эпоху, чтобы в будущем снова вступить в идеократическую фазу» [335. С. 536].

Таким образом, развитие социума — это волны культурных изменений, переходов одного типа менталитета в другой. Эти циклические изменения имманентны внутренним возможностям каждой социокультурной системы. Один менталитет сменяется другим, обладающим более высоким творческим потенциалом, экспансивностью, привлекательностью для членов общества. Даже захваты стран внешними силами, как отмечает П. Штомпка вслед за П. А. Сорокиным, в сравнении с культурным менталитетом имеют вторичное значение: они не смогут изменить его эндогенной логики.

П. А. Сорокин утверждал, что «в социокультурной действительности (но не в платоновском мире идей) даже такие безусловные ценности, как истина и знание,

с точки зрения их содержания, критериев, доказательств, сильно зависят от типа культуры, частью которой они являются. Другими словами, что кажется истинным, а что — нет, научным и ненаучным, что служит надежным критерием истины, а что не надежным, — представляет собой, говоря языком математической статистики, в значительной степени «функцию» социокультурной переменной» [265. С. 290].

В соответствии с культурным менталитетом П. А. Сорокин выделил шесть систем истины и знания (рис. 12).

Эмпиризм	Рационализм				
Учение, соответствующее истине чувств. Единственным источником истины и знания является чувственное восприятие единичных объектов и событий, разделенных во времени и в пространстве, которое и образует внешний или внутренний опыт. Логические и априорные понятия, по сути, не что иное, как ассоциации впечатлений и/или просто «шаблоны восприятий»	<p>Этим термином обозначают две, по существу, различные системы истины, которые имеют общий родовый признак, но глубоко различны по своей differenti@specific@: идеациональный рационализм и идеалистический рационализм</p> <table border="1" data-bbox="503 496 1130 773"> <thead> <tr> <th data-bbox="503 496 816 522">Идеациональный рационализм</th> <th data-bbox="816 496 1130 522">Идеалистический рационализм</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td data-bbox="503 522 816 773">Крайняя форма того, что именуется истиной веры. Сверхчувственное, а порой и сверхлогическое откровение или его варианты являются для него главной истиной. Истине разума, по сравнению с истиной веры, отводится лишь второстепенная и целиком подчиненная роль. Она не может независимо противостоять истине веры. Если же противостоит, то объявляется недействительной, даже греховной, еретической или богоульственной</td> <td data-bbox="816 522 1130 773">Отводит главную роль разуму, интеллекту и его категориям как таковым, что зачастую противоречит декларациям его авторов. Кроме того, отводит истине чувств более заметную роль, чем религиозный рационализм. По этим причинам идеалистический рационализм соединяет в себе все три формы истины, отводя каждой из них важную роль, хотя высшей формой знания остается все-таки истина веры</td> </tr> </tbody> </table>	Идеациональный рационализм	Идеалистический рационализм	Крайняя форма того, что именуется истиной веры . Сверхчувственное, а порой и сверхлогическое откровение или его варианты являются для него главной истиной. Истине разума, по сравнению с истиной веры, отводится лишь второстепенная и целиком подчиненная роль. Она не может независимо противостоять истине веры. Если же противостоит, то объявляется недействительной, даже греховной, еретической или богоульственной	Отводит главную роль разуму, интеллекту и его категориям как таковым, что зачастую противоречит декларациям его авторов. Кроме того, отводит истине чувств более заметную роль, чем религиозный рационализм. По этим причинам идеалистический рационализм соединяет в себе все три формы истины, отводя каждой из них важную роль, хотя высшей формой знания остается все-таки истина веры
Идеациональный рационализм	Идеалистический рационализм				
Крайняя форма того, что именуется истиной веры . Сверхчувственное, а порой и сверхлогическое откровение или его варианты являются для него главной истиной. Истине разума, по сравнению с истиной веры, отводится лишь второстепенная и целиком подчиненная роль. Она не может независимо противостоять истине веры. Если же противостоит, то объявляется недействительной, даже греховной, еретической или богоульственной	Отводит главную роль разуму, интеллекту и его категориям как таковым, что зачастую противоречит декларациям его авторов. Кроме того, отводит истине чувств более заметную роль, чем религиозный рационализм. По этим причинам идеалистический рационализм соединяет в себе все три формы истины, отводя каждой из них важную роль, хотя высшей формой знания остается все-таки истина веры				
Критицизм, или агностицизм					
Занимает некую промежуточную позицию между эмпиризмом, рационализмом и скептицизмом. В большей степени приближен к эмпиризму, так как постулирует, что нашему познанию доступен только чувственно-воспринимаемый, или эмпирический мир, а последняя, или трансцендентная, реальность — существует она или не существует — недоступна, и нет необходимости ее познавать. В отличие от других учений, критицизм в своей познавательной деятельности допускает элементы как эмпиризма, так и рационализма, пытается соединить их друг с другом и сделать взаимосвязанными, взаимозависимыми, взаимообусловленными					
Скептицизм	Мистицизм				
Последовательное и методическое сомнение в возможности достоверного познания. Ведущий довод скептицизма: «Мы ничего не можем знать с достоверностью; если и можем выразить, то другие люди все равно этого не поймут; следовательно, воздержимся от любых суждений. Более умеренной разновидностью скептицизма является агностицизм : он тоже отрицает возможность познания последней реальности. Он даже сомневается в самом ее существовании и не интересуется ею, но отличается от «чистого скептицизма» тем, что верит в возможность познания эмпирического, чувственно воспринимаемого мира	Высшим источником истины и подлинного знания является сверхчувственная и сверхлогическая интуиция, или откровение. Истина чувств и истина разума, по сути дела, могут дать лишь псевдознание о поверхности или всего лишь о видимости вещей . От религиозного рационализма он отличается несколькими второстепенными характеристиками; например, подчеркиванием того, что «мистический путь» достижения истины почти всегда предполагает эзотерические транссы и т.п. и что для этого требуется специальное обучение. Мистицизм отчаяния — это мистицизм <i>per excellence</i> (по преиму-ществу). Видения, транссы, экстазы и прочие «патологии» играют в нем весьма заметную роль. Сотнями способов он демонстрирует свой антирационализм и иррационализм . Эта разновидность мистицизма преобладала в XV–XVI веках. Вторая его форма — тип мистицизма, который мало чем отличается от религиозного рационализма				
Фидеизм					
Логически связан со скептицизмом, прежде всего в согласии со скептиками в том, что истина о самых важных вещах и понятиях (существование окружающего мира, Бога, разума и души, духовного мира других людей и т.д.) не может быть открыта только с помощью познания эмпирического или рационального. Фидеизм верит, однако, что достоверность такого рода высших истин может быть достигнута лишь путем волевого акта, стремления верить или же с помощью инстинкта, врожденного знания и т.п. Подчеркивает элемент воли и веры как непостижимых факторов обретения и удостоверения наиболее важных истин или фундаментального знания. В негативном аспекте родственен мистицизму, в связи с чем мистицизм и фидеизм часто и незаметно переходят друг в друга (негативная теория мистицизма). Фидеизм как позитивная система истины — это «крайняя» форма истины веры					

Рис. 12. Шесть систем истины и знания по П. А. Сорокину (авторская интерпретация концептов П. А. Сорокина [265. С. 296–299])

Второй методологической парадигмой мы избрали поколенческий подход В. Штраусса и Н. Хоува (William Strauss, Neil Howe) (см.: [386; 387; 388]).

Ученые обнаружили, что каждое поколение относится к одному из четырех типов, имеющих свои жизненные циклы. Типы поколений начинают повторяться в том же порядке с течением времени. «Появление молодых героев войны почти всегда сопровождается появлением молодого поколения, у которого проявляются нерешительность и конформизм к другим. Появление в истории страстных, молодых моралистов всегда сопровождается появлением поколения **дикой и необразованной**» [271] когорты.

Социологи и историки традиционно забывают учитывать в своем анализе цикличность ценностей, используемых в основе воспитания детей в семье. В. Штраусс и Н. Хоув придали ведущее значение взаимосвязи ценностных установок, полученных в детстве, с перспективой самореализации индивидов «на пике» их «политической власти».

Первый тип – «осень» (герои) – деятельные, уверенные в себе борцы, не столько создающие новые ценности, сколько отстаивающие существующие,

Второй тип – «зима» (приспособленцы) – неуверенные, одинокие, лишенные внутреннего «стержня», предпочитающие приспосабливаться к существующей системе.

Третий тип – «весна» (идеалисты) – революционеры, оптимисты, создающие новое светлое будущее.

Четвертый тип – «лето» (реакционеры) – непостоянные, циничные, разочарованные в реалиях выстроенной системы, отвергающие моральные ценности.

Наложив данную типологию на историю США XX века, В. Штраусс и Н. Хоув получили шесть поколений (табл. 13).

Таблица 13

Поколения США XX века

Характеристика поколения	Lost Generation	G. I. Generation	Silent Generation	Boom Generation	Generation X	Millennial Generation
Годы рождения	1883–1900	1901–1924	1925–1942	1943–1960	1961–1981	1982–2003
Тип	«Зима» (приспособленцы)	«Осень» (герои)	«Лето» (реакционеры)	«Весна» (идеалисты)	«Зима» (приспособленцы)	«Осень» (герои)
Формирующая эпоха	Миссионерское пробуждение	Первая мировая война	Великая депрессия / Вторая мировая война	Американская сверхдержава	Революция сознания	Культурные войны

Представим еще один вариант, в котором выделяется четыре типа поколений.

1. **Пророки/идеалисты (Prophet/Idealist)** – «бурные» в юности, дальновидные в старости, праведные, строгие, принципиальные и творческие, но иногда эгоистичные и высокомерные.

2. **Кочевники (Nomad)** – асоциальны в молодости, одиноки в старости, прагматичны, опытни и практичны. Зачастую малокультурные и аморальные личности, предпочитающие «встречаться с проблемами и противником один на один».

3. **Герои/гражданственные (Hero/Civic)** – традиционно социализированная молодежь со значимым позиционированием гражданского долга. «Самодовольное» поколение в зрелые годы от чувства значимости свершенного. Личности сильные, рациональные, компетентные, обеспеченные, но «нечувствительные». Снижен интерес к религии.

4. **Исполнители/адаптивные (Artist/Adaptive)**. Спокойные, не доставляющие особых хлопот в молодости, сентиментальные в старости, гибкие и проявляющие заботу об окружающих, открытые, но нерешительные.

Это похожее на астрологический гороскоп краткое описание получит более значимое обоснование через попытку сопоставления с концептами П. А. Сорокина (прил. 2).

Напомним, что проблема поколений в социологии существует с момента ее зарождения данной науки.

О. Конт выдвинул идею о естественной взаимосвязи межпоколенческой динамики и темпов социального прогресса. Он считал, что при увеличении продолжительности жизни и медленном обновлении поколений в обществе происходит доминирование инертности и консерватизма. И наоборот, при чрезмерном сокращении жизни и быстрой смене поколений постоянные инновации не находят своего закрепления, что приводит к нарушению стабильности и порядка в обществе (см.: [136. С. 39–40]).

Идеи О. Конта были развиты последователями позитивизма. Например, Дж. Дромель попытался выявить роль поколений в революционных процессах. Он рассматривал их как абстрактную социальную группу политиков старшего и молодого возраста, а их взаимоотношения – как главный механизм, определяющий политическую динамику в обществе [329]. Учитывая это, в табл. 14–18 и в прил. 2 мы представляем параллель между поведенческими характеристиками когорт, сущностью исторических событий, сказавшихся на формировании каждой когорты, доминирующей ментальной культурой и типом отторгаемого знания.

Таблица 14

Типичный образ представителя когорты Prophet (Idealist) – Пророк (идеалист)

Годы	Эмпиризм	Рационализм	Мистицизм	Критицизм	Скептицизм	Фидеизм	Этика счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм)	Этика абсолютных норм	Этика любви	Поведенческие характеристики когорты
1480–1500	50,0	50,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,00	33,3	66,7	<p>Личность: бурная в юности, дальновидная в старости, праведная, строгая, принципиальная и творческая, но иногда эгоистична.</p> <p>Социум. Условия воспитания более снисходительны после эйфории от успеха попыток изменения социального общественного порядка и форм общественного поведения как восстановления общественного равновесия после значимого «духовного события». Идеалисты формируют новые идеалы. Но созданные ими институты, сталкиваясь с проблемами и потрясениями практики, не способны предотвратить негативные социальные явления, что вынуждает когорту в среднем возрасте отказаться от власти. Это не мешает представителям когорты становиться лидерами в подготовке грядущих «светских событий» (изменений социального порядка, форм поведения)</p>
1500–1520	20,0	20,0	40,0	0,0	6,6	6,6	23,30	74,4	2,3	
1580–1600	14,5	32,3	38,7	0,0	12,9	1,6	52,30	31,4	16,3	
1600–1620	21,7	47,0	20,5	0,0	9,6	1,2	48,40	41,3	10,3	
1700–1720	24,1	43,4	27,0	0,0	4,8	0,7	28,40	67,3	4,3	
1780–1800–1820	21,9	29,4	23,0	13,6	3,0	11,0	31,80	46,0	15,0	
1860–1880	46,0	19,6	18,2	6,1	6,1	5,2	38,30	46,1	15,6	
<i>Среднее, %</i>	<i>28,3</i>	<i>34,5</i>	<i>23,9</i>	<i>2,8</i>	<i>6,1</i>	<i>3,8</i>	<i>31,78</i>	<i>48,5</i>	<i>18,6</i>	
	Флуктуация систем истины и знания						Флуктуация нравственно-правового сознания и систем этики			

**Типичный образ представителя когорты Nomad (Reactive) –
Кочевники (бродяги, странники; противодействующие)**

Годы	Эмпиризм	Рационализм	Мистицизм	Критицизм	Скептицизм	Фидеизм	Этика счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм)	Этика абсолютных норм	Этика любви	Поведенческие характеристики когорты
1500–1520	20,0	26,8	40,0	0,0	6,6	6,6	23,3	74,4	2,3	Личность: асоциальна в молодости, одинока в старости, прагматична, опытна и практична. Но зачастую аморальна и некультурна. Социум. «Кочевники» растут в условиях предельно низкой защищенности от воздействия окружающей социальной среды, поэтому несут в своих социальных коммуникациях всю тяжесть критики в социальном взаимодействии на протяжении жизненного пути в условиях развития «духовных событий». Они созревают в рискованное время, чувствуют себя отчужденными в молодости и затем ушедшими в отставку с роли прагматического лидера среднего возраста во время «светских событий»
1520–1540	27,6	13,8	37,9	0,0	13,8	6,9	18,3	80,6	1,1	
1620–1640	31,2	50,6	15,6	0,0	1,3	1,3	35,7	55,1	9,2	
1720–1740	35,7	41,7	19,0	0,0	1,2	2,4	34,0	62,1	3,9	
1820–1840	29,0	35,3	29,4	3,6	0,4	2,3	29,4	52,9	17,7	
1880–1900	47,1	13,9	14,6	15,5	3,2	5,7	42,8	42,6	14,6	
<i>Средняя, %</i>	<i>31,8</i>	<i>30,4</i>	<i>26,1</i>	<i>3,2</i>	<i>4,4</i>	<i>4,2</i>	<i>30,6</i>	<i>61,3</i>	<i>8,13</i>	
	Флуктуация систем истины и знания						Флуктуация нравственно-правового сознания и систем этики			

Обратим внимание на то, что выводы П. А. Сорокина, В. Штраусса и Н. Хоува связаны с реконструкцией исторических «волн флуктуации» внутри греко-римской и западной культуры, где каждый цикл означает не полное повторение, а скорее, новое воплощение лежащих в их основе принципов.

Сравнение проводится в рамках периодов флуктуации истины и знаний, нравственно-правового сознания и систем этики, выделенных П. А. Сорокиным [265. С. 413–418, 526–528], и периодов формирования когорт, указанных Н. Хоувом и В. Штрауссом. Данные о флуктуации характеризуют показатели относительного влияния каждого типа системы по конкретным периодам (в %).

Имеющиеся временные «пробелы» в генезисе смены когорт В. Штраусс и Н. Хоув объясняют влиянием исторических событий (например, длительных войн) на социальное становление поколений. В трактовке ученых «светское событие» характеризует период времени, когда общество пытается изменить «внутренний социальный порядок» и специфику нормативов, регламентирующих «общественное поведение». «Светское событие», как правило, следует за «духовным событием». Под ним понимается период времени, когда предпринимаются попытки изменения ценностей и, в соответствии с этим, стратегий поведения и проявления гражданственности в общностях («от духовного пророчества к созданию Империи»).

В табл. 14 представлен краткий итоговый вариант флуктуации систем истины и знания и флуктуации нравственно-правового сознания и систем этики по типичному образу представителя когорты Prophet (Idealist) – Пророк (идеалист).

Типичный образ представителя когорты Hero (Civic) – Герой (гражданственный)

Годы	Эмпиризм	Рационализм	Мистицизм	Критицизм	Скептицизм	Фидеизм	Этика счастья (эвидеонизм, гедонизм, утилитаризм)	Этика абсолютных норм	Этика любви	Поведенческие характеристики когорты
1420–1440	0,0	53,0	23,5	0,0	0,0	23,5	0,0	15,4	84,6	<p>Личность: традиционно социализированная молодежь со значимым позиционированием гражданского долга. «Самодовольное» поколение в зрелые годы от чувства значимости совершенного; личность сильная, рациональная, компетентная, обеспеченная, но, может быть, нечувствительная; снижен интерес к религии.</p> <p>Социум. В результате «духовного события» становятся «столпами общества», хранителями традиций и институтов. Они стали мощным создателями механизма развития общества по своему образу и созданию соответствующих институтов. В старости они подвергаются нападкам со стороны идеалистов среднего возраста после следующего «духовного события».</p> <p>Внешняя направленность коммуникативного взаимодействия, высокая успешность в войне, мире, науке, бизнесе, общественной жизни. Им была уготована роль «чистильщиков» развала и распада, оставленных предыдущими поколениями. Ценность традиционных социальных ролей, института семьи, участие в скаутском движении</p>
1440–1460	0,0	42,9	57,1	0,0	0,0	0,0	13,0	8,7	78,3	
1540–1560	21,6	10,8	35,2	0,0	5,4	27,0	33,3	64,6	2,1	
1560–1580	13,3	23,4	26,7	0,0	13,3	13,3	41,8	52,2	6,0	
1640–1660	31,4	42,0	17,3	0,0	1,0	7,2	39,1	52,9	8,0	
1660–1680	20,4	47,2	26,7	0,0	1,3	4,4	29,1	64,5	6,4	
1740–1760	37,8	42,4	8,2	0,0	11,0	0,6	39,5	56,4	7,7	
1760–1780	43,5	28,8	14,1	0,0	10,3	3,3	52,6	38,5	8,9	
1900–1920	53,9	12,9	12,2	14,6	4,4	2,9	43,0	41,0	16,0	
<i>Среднее, %</i>	<i>24,7</i>	<i>33,8</i>	<i>24,6</i>	<i>1,6</i>	<i>5,2</i>	<i>9,1</i>	<i>32,4</i>	<i>43,8</i>	<i>24,2</i>	
	Флуктуация систем истины и знания						Флуктуация нравственно-правового сознания и систем этики			

Флуктуация систем истины и знания в параллели с флуктуацией нравственно-правового сознания и систем этики в типичном образе представителя Nomad (Reactive) – Кочевники (бродяги, странники; противодействующие) даны в табл. 15. Аналогично в табл. 16 представлена информация о типичном образе представителя Hero (Civic) – Герой (гражданственный), а в табл. 17 – о типичном образе представителя Artist (Adaptive) – Исполнитель (адаптивный).

В сравнительных таблицах мы воспользовались тем, что П. А. Сорокин выделил из природы культурной ментальности разные типы этики. Так, ученый считал, что из природы идеациональной ментальности вытекают соответствующие характеристики идеациональной этики [265. С. 522–525]:

1) отказ от чувственного счастья, комфорта, удовольствий и полезности как мнимых ценностей;

2) цель – привести последователей этики к единению с высшей и абсолютной ценностью, поэтому требования идеациональной этики также абсолютны. Здесь отторгается релятивизм, целесообразность и все, что как-то ограничивает «этот абсолютный характер»;

3) принципы этики исходят от Бога или другой сверхчувственной абсолютной ценности.

Типичный образ представителя когорты Artist (Adaptive) – Исполнитель (адаптивный)

Годы	Эмпиризм	Рационализм	Мистицизм	Критицизм	Скептицизм	Фидеизм	Этика счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм)	Этика абсолютных норм	Этика любви	Поведенческие характеристики когорты
1460–1480	13,6	13,6	72,8	0,0	0,0	0,0	0,0	10,5	89,5	<p>Личность: спокойная, не доставляющая особых хлопот в молодости, чувствительная к старости, гибкая и проявляющая заботу, открытая, но нерешительная.</p> <p>Социум. Родившись в период кризиса, в период взросления ищут, как художники, новизну «высокого», «пробуждаются» в среднем возрасте, в старости способны к деятельности, направленной «на развал». Творческие люди (художественные натуры) тратят взрослые годы на самопозиционирование в качестве сторонников справедливости и интеграции. «Неудержимы» при проявлениях «сбоя» декларируемых идей в практиках повседневности. Формируются и приходят к власти в условиях сверхпротекционизма, актуализированных «светским событием». Проявляют себя конформистами в период «духовного события», чтобы избежать риска. В старости играют роль чувствительных пожилых людей, активизирующихся в период следующего «светского события»</p>
1560–1580	13,3	23,4	26,7	0,0	13,3	13,3	41,8	52,2	6,0	
1580–1600	14,5	32,3	38,7	0,0	12,9	1,6	52,3	31,4	16,3	
1660–1680	20,4	47,2	26,7	0,0	1,3	4,4	29,1	64,5	6,4	
1680–1700	26,3	44,2	23,2	0,0	5,8	0,5	23,2	72,9	3,9	
1760–1780	43,5	28,8	14,1	0,0	10,3	3,3	52,6	38,5	8,9	
1780–1800	29,9	25,7	22,0	15,5	0,8	6,1	35,0	53,5	11,5	
1840–1860	31,4	29,9	28,6	3,4	5,5	1,2	40,3	47,6	12,1	
<i>Среднее, %</i>	<i>24,2</i>	<i>30,6</i>	<i>31,6</i>	<i>2,4</i>	<i>6,2</i>	<i>3,8</i>	<i>34,3</i>	<i>46,4</i>	<i>19,3</i>	
	Флуктуация систем истины и знания						Флуктуация нравственно-правового сознания и систем этики			

В связи с этим П. А. Сорокин ориентирует нас на описание этики абсолютных норм.

Чувственная ментальность связана с этикой счастья. Здесь, наоборот, отрицается все, что не приносит чувственного счастья, комфорта, полезности и удовольствия «отдельных людей или социальных групп».

Единственными ценностями являются чувственно воспринимаемые. Поэтому с изменением внешних условий этические нормы также должны меняться.

П. А. Сорокин подчеркивает, что «нормы, которые служат цели в одних условиях, перестают ей служить в других обстоятельствах и потому могут и должны быть заменены нормами, подходящими для новой ситуации. В результате отрицается все, что не связано с релятивизмом, целесообразностью и изменчивостью норм чувственной жизни. Здесь речь идет только о нормах, выработанных людьми. За этими нормами нет никакого авторитета. Единственная мера их целесообразности – служение цели достижения счастья. Если эта цель достигается, то норма полезна. Если нет – должна быть отвергнута» [265. С. 522–525].

К чувственной этике счастья ученый отнес все гедонистические, утилитаристские и эвдемонистические этические системы, которые отводят чувственному счастью место «вышей ценности и поощряют все, что способствует его достижению и увеличению в количественном и качественном отношениях. Все, что ведет к счастью, –

добро, все, что ему препятствует, — зло, такой критерий и высшая ценность подобных систем» [265. С. 522–525].

Различия подвидов этики счастья П. А. Сорокин видел «во второстепенных деталях». Например, эвдемонизм связан с достижением счастья через «создание таких условий жизни, при которых радость и наслаждение будут перевешивать страдания, горе и печаль». Причем счастье — не «погоня за мимолетными наслаждениями», а пролонгированное на длительную временную перспективу существование в условиях «высоконравственного образа жизни». Гедонизм, напротив, усматривает «высшую цель жизни в отдельных или единичных удовольствиях», являясь «более “чувственным” и плотским, чем эвдемонизм», и, соответственно, рассчитанным на кратковременность ценностей, мимолетность удовольствий. Утилитаризм схож с эвдемонизмом, но делает упор на средствах достижения счастья, т.е. «на том, что полезно для его достижения», но не на том, «что такое счастье само по себе» [265. С. 522–525].

Идеалистическая ментальность, как промежуточная, связана с промежуточностью положения и этики любви как разновидности этики абсолютных норм. В целом, П. А. Сорокин конкретизирует сущность идеалистической этической системы следующим образом:

1) ее цель — одновременно и земная, и трансцендентальная, заключается в служении Богу и счастью, понимаемому в духе эвдемонизма;

2) главный принцип этики имеет абсолютный характер, а нормы — относительный, так как изменчивы;

3) основные нормы — воля Бога или другого сверхчувственного авторитета. Вторичные нормы исходят от требований и разума людей, поэтому и изменяются.

Бесконечная, безграничная любовь «освящает любовь к Богу и к конкретным отдельным личностям». Именно любовь заключает в себе все остальные ценности. «Примером такой любви могут выступить этика Иисуса Христа, Франциска Ассизского и других представителей христианства».

В табл. 18 представлена информация об «усредненных» автором настоящей работы данных П.А. Сорокина по проявлению тех или иных флуктуаций в динамике социума. Здесь наглядно прослеживается, что наше сравнение с поведенческими стратегиями когорт оказывается чрезвычайно созвучным приведенным ранее авторским концептам.

Таблица 18

Средние данные по флуктуациям истины и знания, нравственно-правового сознания и систем этики и по поколениям

Когорта	Эмпиризм	Рационализм	Мистицизм	Критицизм	Скептицизм	Фидеизм	Этика счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм)	Этика абсолютных норм	Этика любви
Пророки	28,3	34,5	23,9	2,8	6,1	3,8	31,78	48,5	18,6
Кочевники	31,8	30,4	26,1	3,2	4,4	4,2	30,6	61,3	8,13
Герои	24,7	33,8	24,6	1,6	5,2	9,1	32,4	43,8	24,2
Исполнители	24,2	30,6	31,6	2,4	6,2	3,8	34,3	46,4	19,3
	Флуктуация систем истины и знания						Флуктуация нравственно-правового сознания и систем этики		

Следует отметить корреляцию флуктуации систем истины и знания, нравственно-правового сознания и систем этики с представленными ранее характеристиками когорт.

Для дополнительного сравнения с данными наших исследований приведем описание поведенческих стратегий общностей когорт, существовавших в XX веке, У. Мюррея (William Murray) [409]. Описание этих когорт начинается с Поколения миссионеров — тех, кто родился с 1860 по 1882 г. Представители этой общности характеризуются внутренней направленностью социальных устремлений в социуме. Их мораль не соответствовала морали «отцов». Члены когорты были участниками своеобразных крестовых походов, причем фанатичными участниками.

Таковыми «походами» оказались поддержка выступления У. Д. Брайна против золотого стандарта, религиозный фундаментализм, движение евгеники, борьба за предоставление женщинам избирательного права, права контроля за рождаемостью. Однако единства в рядах участников «крестовых походов» не было. Так, сельские евангелисты противостояли социальным евангелистам, те, кто был оторван от «материальной реальности» и ориентирован на разум и дух, выступали против тех, кто активно участвовал в движениях за реформы. Значимое место в социальных практиках занимала тяжелая миссионерская деятельность [409].

Следующим в указанном источнике представлено Потерянное поколение — поколение тех, кто родился с 1883 по 1900 г. Потерянным оно названо за «отчужденное», «реактивное», «циничное» взаимодействие в интеракциях, «вызов идеалам родителей», неустойчивость моральных суждений и веры в «реализм», «моральную усталость» с 17 лет и до старости». Поколение, взрослевшее в период Первой мировой войны и перед Второй, «получило жестокий удар во время Великой депрессии», лишившись заработка. Несмотря на это, многие из них оказались эффективными лидерами во время Второй мировой войны. Но именно они стали виновниками распространения наркотиков, увеличения количества убийств и самоубийств, резко снижения образовательных достижений.

Поколение G. I. (родившиеся в 1904—1924 гг.) было вынуждено использовать опору на внешнюю направленность интеракций. Это — «самодовольное поколение», которому пришлось восстанавливать идеалы предыдущих поколений на протяжении всей жизни. Именно ему обязана Америка успешностью действий во время Второй мировой войны, в науке, бизнесе, общественной жизни. Его представители «убрали со сцены истории убожество и распад, внесенный поколением предыдущим», это — «супермены с космическим характером», которые восстановили традиционные роли мужчин и женщин, ценность отношений в семейной жизни, утвердив в «центре дома» детей. Дети получили много преимуществ в сфере образования, здравоохранения и финансовой поддержки как в бизнесе, так и дома. Росло скаутское движение. Формировалось самое богатое поколение XX века. Но это поколение при всем его оптимизме и «первоклассности» было поколением мирян с пониженным интересом к религии.

Поколение Silent (родившиеся в 1925—1942 гг.) было лицемерно, адаптивно, оно заложило основу для новой эры идеалистов. Его представители активно доказывали, что не стремятся быть лидерами, создателями социальных программ, спринтерами на ступеньках власти. Они — «одиокая толпа», «поколение-помощник», место которого — быть постоянно «вторым лицом в командовании», где ведущая роль — у поколения G. I. Они, как вечные студенты, «все время в начале пути». Это поколение тех, кто рано вступал в брак, но и рано его расторгал, поколение «сексуальной революции» и «эпидемии разводов», «феминистской реакции», раннего рождения детей и раннего разочарования в смысле жизни, отказа от серьезных жизненных целей.

Бомб поколение (родившиеся в 1940—1960 гг.) возвращается к внутренней направленности в интеракциях. С ним связаны известные понятия «контркультура», «Заговор Водолея», восстание против обычной семейной жизни. Этим детям так баловали родители, что они «пожизненно считают, что весь мир создан для того, чтобы

заботиться о них». Все планы и решения структурируются только на внутренних мотивах, усиливается внимание к религиозным «импульсам», стратегии ориентированы на дистанцирование (смотрят на других «сверху вниз») от поколения «отцов». Они не согласны быть солдатами, увлекаются спиритизмом в ущерб науке, ставя удовлетворение потребностей выше терпения, негативизм над позитивизмом, гнев над дружелюбием, себя над обществом.

«Тринадцатое» поколение (родившиеся в 1960–1981 гг.) оказалось отчужденным, реактивным, циничным, бросавшим вызов идеалам своих родителей, всецело стремящимся к комфортной жизни. Это «немое поколение», которое «лихорадочно мечется для удовлетворения своих appetitov». С ним увеличилось наркомания и уличная преступность, легализовались аборты, семья была принесена в жертву карьере, а страна лишилась в философии жизни структуры, «реализующей важные дела на мировой арене».

Поколение Интернета, или поколение нового Тысячелетия (родившиеся в 1982–2003 гг.) снова имеет внешнюю направленность интеракций. Это очень гражданственное и «морально самодовольное» поколение, которое институционализирует многие идеалы из идеалов предыдущих поколений. «Горячими» стали темы жестокого обращения с детьми, детской безопасности. Книжки о «преподавании и передаче детям добродетелей и ценностей стали бестселлерами». Укрепляется семья. Политики стали больше внимания уделять социальным вопросам с точки зрения оказания влияния внешней среды на детей. Но поколение нетерпеливо. Его представители стремятся получить немедленный результат от предпринятых действий [409].

Такая подробная остановка на характеристиках поколений XX века связана с тем, что именно этот и начавшийся новый век сблизил некоторые поколенческие характеристики общностей Запада и России.

К сожалению, в наше поле зрения не попало исследований о российской практике, подобных исследованию П. А. Сорокина по странам Запада. Думается, появление такого труда — задача будущего. И проблема здесь не в том, что российская социология не внесла своего вклада в теорию поколений. Как раз, наоборот. В отечественной социологии позитивистский подход к поколенческой тематике развивался, как известно, в рамках географического детерминизма. Л. И. Мечников считал, что поколения в своей солидарности и преемственности формируют социум и являются условием и мерилем прогресса [176]. Субъективисты П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский рассматривали поколенческую солидарность как важнейшую форму социального взаимодействия [179. Гл. 2]. М. М. Ковалевский отводил поколениям роль главного двигателя социального прогресса, отвечающего за рост населения. Сам прогресс понимался им, как расширение сферы солидарности между различными, в том числе и поколенческими, общностями, структурами, а преемственность поколений — как важнейшая из многообразных форм этой солидарности.

В российской социологической науке проблемы поколений на новом уровне активно стали изучаться с 1960-х годов. Широко известными стали работы таких социологов, как И. С. Кон, Б. Н. Шубкин, В. Лисовский, Л. Н. Коган, А. К. Уледов, М. Х. Титма, С. Д. Артемов, В. А. Ядов, Л. А. Гордон, Т. Н. Вершинина, Л. Л. Шпак, Ф. Р. Филиппов и др. Современные авторы часто ссылаются на труды Б. В. Дубина, Ю. А. Левады, В. В. Семеновы, Т. Шанина, который занимались разработкой объемного содержания понятия «поколение», выявляли возможности его использования в социологии, представляли поколенческий срез российского общества, взаимоотношения поколений [206].

Ю. А. Левада, характеризуя XX век, вычленил шесть поколений, формирование которых приходилось на переломные периоды развития советского и российского общества [147].

Первое поколение — «революционный перелом», активными участниками которого стали люди, родившиеся в 1900-х годах. Становление поколения пришлось на 1905—1930-е годы — время революций, войн, Серебряного века русской литературы, формирования основных идейных и политических направлений, противостоящих друг другу.

Второе — поколение «сталинской» мобилизационной системы» (1930—1941 гг.), формировавшееся в условиях бурной урбанизации, раскрестьянивания, массового террора, принудительного единообразия. В этот период ликвидируются все противоборствующие стороны предыдущей эпохи и образуется монолитное тоталитарное общество.

Третье — «военное и послевоенное поколение» (1941—1953 гг.). Эпоха крайних форм: выживание тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом, создание идейно-политических основ «холодной войны», истребление не только «врагов народа», но и «своих» (тех, кто был воспитан режимом, принял его, но был заподозрен в инакомыслии).

Четвертое — поколение «оттепели» (1953—1964 гг.), свободное от массового страха и надеющееся на гуманизацию социализма.

Пятое — поколение «застоя» (или «шестидесятники») (1964—1985 гг.), характеризующееся протестными ориентациями. Это период отсутствия перемен, массовой и «верхушечной» коррупции.

Шестое — поколение «перестройки и реформ» (1985—1999 гг.), не знавшее переломов и исканий [147].

В данной схеме не представлено более молодое поколение, родившееся в конце 1990-х годов. Сам Ю. А. Левада отмечает, что предложенная им схема условна, она отражает взгляд на общество со стороны элит, не показывая «массовой» жизни. Более того, здесь мы видим некоторую форму статистического подхода, в котором представлены результаты поведенческих практик в зависимости от общего социокультурного фона, но не взаимосвязь этих результатов с флуктуацией систем истины и знания, нравственно-правового сознания и систем этики. Более того, наши исследования показывают некоторое расхождение в самооценке представителей когорт. Подтверждением этому служит представленный ниже пример биографического интервью одного из представителей поколения, названного выше военным и послевоенным.

Из биографического интервью Г. С. П., 15 декабря 1945 г. рождения, образование среднее специальное, замужем, единственный сын погиб в автокатастрофе¹:

«Я считаю, что наше поколение — поколение тех, кто родился в 1945 г. — после войны сразу — *самое счастливое поколение в нашей стране*. Мы все наглядно видели, что *мы нужны нашей стране*. Это было во всем: в реально бесплатном образовании, в огромном количестве бесплатных секций, праздников, мероприятий именно для детей. Мы могли выбирать и учебу (идти или не идти в вуз, техникум), и внеучебные какие-то секции. Нас любили окружающие взрослые просто за то, что мы есть — даже ершистые, даже непослушные, не самые активные ученики в школе. Но мы оказались единственными, кто чувствовал, что нужен своей стране. Сейчас не нужны ни мы, ни наши внуки. И так считаю не я одна — все мои ровесники, когда есть возможность поговорить о нашей юности, нашем детстве и такой унижительной старости...».

¹ По просьбе респондента фамилия, имя, отчество не указываются. Дата интервью: 24 июля 2013 г. Место проведения: Екатеринбург.

Поколения Российской Федерации XX – начала XXI века

Характеристики поколения	Поколение G1 (General Item)	Поколение P (Pensioners)	Поколение BB (Baby Boomers)	Поколение X (Неизвестные)	Поколение Y (Millennials или Next)	Поколение Z (Дети индиго)
Годы рождения	1900 – 1923	1924 – 1943	1943 – 1963	1964 – 1983	1984 – 2003	2004 – н.в.
Тип	«Осень» (герои)	«Зима» (приспособленцы)	«Весна» (идеалисты)	«Лето» (реакционеры)	«Осень» (герои)	«Зима» (приспособленцы)
События	Революция 1905 и 1917 гг.; коллективизация	Сталинские репрессии; Вторая мировая война; восстановление разрушенной страны	Бум рождаемости; покорение космоса; СССР – мировая супердержава; «холодная война»; очереди и талоны	Продолжение «холодной войны»; перестройка; война в Афганистане	Распад СССР; теракты и военные конфликты; кризис 2008 г.; Интернет; бренды	Все впереди
Ценности	Трудолюбие; ответственность; вера в светлое будущее; семья; приверженность идеологии; категоричность	Преданность; соблюдение правил, законов; уважение к должности и статусу; честь; терпение	Идеализм; оптимизм; имидж; молодость; здоровье; работа; ориентация на команду; личный рост; личное вознаграждение; статус; вовлеченность	Выбор; глобальная информированность; индивидуализм; выживание; обучение в течение всей жизни; поиск эмоций; прагматизм; надежда на себя; баланс работы и личной жизни	Изменения; оптимизм; общительность; уверенность в себе; подчиненность; немедленное вознаграждение; мораль; достижения; наивность; профи в технике	Оценностях говорить пока рано, так как самым старшим всего несколько лет. Эти дети растут в условиях цифровых технологий, огромного количества информации, Интернета и прямого эфира
Доля представителей поколения в совокупном населении РФ*, %	0,5	13	26	30	25	6,5

Примечание. * На 1 января 2013 г. по данным Федеральной службы государственной статистики.

Попытки авторских интерпретаций поведенческих стратегий поколений продолжают и сегодня. Так, одну из попыток адаптировать поколенческую модель Н. Хоува и В. Штраусса к российской действительности предприняли Е. Шамис и А. Антипов. Они выделили ключевые для россиян события, повлиявшие на формирование ценностей определенной когорты (табл. 19) [327; 328].

Преимущество классификации, предложенной Н. Хоувом и В. Штрауссом, состоит в том, что описаны не только исторические и социально-культурные условия формирования поколений, но также показаны характерные для них системы ценностей.

Трудность межпоколенческого подхода, по мнению К. Манхейма, состоит в том, что невозможно установить формальные границы постоянно сменяющих друг друга поколений. Поэтому он вводит такие понятия, как «поколенное местоположение», «поколенная взаимосвязь», «взаимное общение», «поколенное единство сознания» [165]. «Поколенное местоположение» определяется им как социально-историческая локализация поколения в социальном пространстве. «Поколенная взаимосвязь» трактуется как приход нового поколения, который означает **новый контакт с культурой**. Это — «свежий» взгляд на накопленное культурное достояние, полученное в наследство от предыдущих поколений, его переоценка и селекция. «Свежий» взгляд предопределяет, как правило, и оценку сущности того знания, от которого следует отказаться. Последнее мы показали в табл. 13–17 и более подробно в прил. 2.

Новый контакт с культурой осуществляется в процессе социализации и носит массовый характер. Наиболее общей и обязательной формой институционализации ценности знания в условиях массовости является обучение в системе образования. От индивидуального выбора в дальнейшем зависит и система взаимодействия со СМИ и Интернетом, и целеполагание на саморазвитие, самореализацию и самоидентификацию. Однако все поведенческие траектории, как правило, предопределены восприятием ценности знания, прежде всего в семейной общности. Все это достаточно подробно описано ранее.

Благодаря социализации, как известно, происходит селекция культурного наследия, в том числе и знания на «нужное» и «ненужное». Поэтому процесс отторжения знаний и отказа от них предопределен не только ценностями социума, но и структурой социальной памяти общностей.

К. Манхейм указывает на такую важную особенность человека, как способность забывать. Если бы новые поколения не забывали ничего из опыта старших, то этот груз мешал бы им интегрироваться в общество. Ученый отмечает, что чувство принадлежности людей к определенной социальной локальности обеспечивается схожим историческим положением, переживанием одного и того же опыта, сформированного в противостоянии с опытом старших. **К. Манхейм особо подчеркивает значение неотрефлексированного опыта, который формируется бессознательно, неумышленно.** «Как в количественном, так и в качественном отношении данные, сообщенные путем сознательного обучения, не столь уж и важны. Все те установки и идеи, что продолжают удовлетворительно действовать в новой ситуации и служат основным инвентарем коллективной жизни, передаются и транслируются неосознанно и неумышленно; они как бы просачиваются от учителя к ученику, а те об этом и не подозревают. То же, что сознательно изучается и внедряется, — это вещи, которые в ходе времени каким-то образом, в какой-то мере становятся проблематичными и поэтому располагают к рефлексии» [165].

Общение поколений, передача опыта от одного поколения к другому идет в двух направлениях: не только от старших к младшим, но и от младших к старшим. Чем стремительнее темпы социальных изменений, тем большее влияние молодое поколение оказывает на старшее. Одновременно с техническим прогрессом расши-

ряется количество субъектов, оказывающих и социализирующее, и десоциализирующее воздействие на все общности и все когорты. В условиях отторжения знаний десоциализирующее воздействие этого процесса достаточно сильно. В условиях отчуждения знания отказ от знаний становится своеобразным «снежным комом»: сущность знания, отторгаемого одним поколением, «наслаивается» на спектр отторгаемого знания другого поколения и многократно возрастает.

Сравним данные, полученные на основе синтеза двух методологических подходов (табл. 14–18, прил. 2), с биографическими интервью тех, кто родился в 1994–1995 гг.

Из биографического интервью студентки II курса УрГЭУ М. К. (апрель 2013 г).
Бакалавриат. Специализация «Логистика».

«Каждое лето родители отправляли меня к бабушке в Свердловскую область, казались, небольшая деревенька всяко лучше, чем рабочий город на Ямале. Все детские летние воспоминания связаны именно с деревней Сосновый бор, запахом пирогов, вкусом парного молока, звуком сепаратора по утрам. Как бы то ни было, все эти родные мелочи сейчас приятно согревают душу. Но я выросла, и сейчас нет уже ни моей бабушки, ни того сепаратора, осталась только деревня, но и она претерпела колоссальные изменения. Когда-то это был замечательный колхоз, с красивейшими полями и большой птицефабрикой, люди работали, строили дома. Сейчас стоят пустые ангары с открытыми зевами окон и дверей. Что же произошло? Произошла люмпенизация населения. Конечно, есть процент, который работает, ездит в соседний город на колбасную фабрику или на завод. Но есть и та часть населения, которая предпочитает не работать. Этих людей видно сразу, часто от них пахнет спиртным, они неопрятно одеты, именно эти люди предпочитают жизнь за счет других. Они растащили всю птицефабрику на металлолом, вытащили даже фильтры от вентиляторов, они срезают провода линии электропередач, выкапывают и так еле живые трубы и сдают все в металлообменник. Чем же им платят? Им платят чистым спиртом. Кроме таких субъектов, часто можно увидеть грязных детей, которые попрошайничают. Другим детям не разрешают с ними играть, так как взрослые боятся, что ребенок подхватит лишай или чесотку. Дети брошены и абсолютно никому не нужны, это дети пьяниц либо дети, взятые на опеку из детских домов, их берут с целью наживы на некоторый срок времени, берут по 2–3 ребенка и благополучно живут на детское пособие. А благодаря материнскому капиталу также растет количество многодетных неблагополучных семей, я не могу сказать, что эти люди сильно пьют, но злоупотребляют определенно. И как-то в запале пьяных чувств одна женщина проронила, что еще и четвертого родит, чтоб они смогли купить машину. То есть их не заботит то, как они будут растить детей, их интересует сегодняшнее удовлетворение своих потребностей легчайшими способами, и их не волнует, что уже трое детей, а ни она, ни муж не имеют работы. Я думаю, что эта деревня — не единственная, что по области их много, да и на территории страны. Что касается остального населения, то все считают, что государство им что-то должно, что должен приехать Путин и все решить! Дома разваливаются, работы в самой деревне нет, люди, которые где-то устроены и работают, со временем стараются уехать, молодежи как таковой в деревне тоже не наблюдается. И получается, что большинство населения состоит из пенсионеров, люмпенов и из людей, которые по разным причинам не могут уехать».

Из биографического интервью студента II курса УрГЭУ А. К. (апрель 2013 г).
Бакалавриат. Специализация «Маркетинг».

«Национализм — это борьба за свою родину (не путать с патриотизмом — любви к своей стране), гордость за свою национальность, гордость за предков, историю, культуру, науку и достижения. За все это нужно бороться, мы и так стремительно теряем свои корни, свою историю, свою культуру, мы теряем свою национальность! Множество националистических движений, таких как “Новая сила”, занимающаяся антикоррупционной деятельностью, “Национальная Демократическая Партия (НДП)” — поддержка русских за рубежом, выступают за рыночную экономику и демократию, поддержку в развитии русских регионов. А не как думают многие, что националистическое движение — это группа людей, передвигающихся по городу и избивающих людей неславянской внешности. Я же считаю, что такие вот зарегистрированные “движения” не несут никакой серьезной пользы

для России и русских. Это лишь очередной повод и возможность выгрести денег с государства и в очередной раз разбогатеть “легальным” способом. Что могу сказать по поводу себя, меня можно назвать националистом; я считаю, что каждая нация должна жить у себя на родине, но такое высказывание можно счесть за проявление экстремизма, а это ст. 282 УК РФ. Поэтому скажу по-другому: я — гражданин с активной гражданской позицией.

Конкретно русский национализм далеко как неплохое движение, оно пропагандирует здоровый образ жизни, призывает народ бросать пить и курить, молодежь — заниматься спортом, пропагандирует любовь к своей нации, любовь к своей стране и людям, призывает уважать ценности своего народа, ценности культуры.

Многие нынешние националистические движения сильно ошибаются и ведут неправильную пропаганду, в связи с чем у народа появляются негативные мысли и мнения по поводу подобных движений и организаций.

Нашу страну называют многонациональной. Но выйдите на улицу. Это уже не многонациональная страна. Я бы назвал это колонизацией нашей страны, нашего государства. Русского человека становится все меньше, в то время как количество иммигрантов растет с каждым днем. Наша культура и наши обычаи исчезают, как и коренное население.

Наш национализм крайне мягок и лоялен, я бы даже сказал, что его нет, если сравнивать его, к примеру, с национализмом Третьего Рейха. Если сейчас не начать что-то делать, через 5 лет мы будем в меньшинстве, и у нас окончательно отберут право называться коренными жителями России.

Также я провел соцопрос, в котором участвовало 37 человек, главным вопросом в котором было “Что для вас национализм и как вы к нему относитесь?”

К сожалению, нынешнее поколение не может отличить национализм от нацизма, поэтому на первый вопрос не смогло ответить 19 человек из опрошенных 37.

Остальные 18 человек поделились на две группы.

Первая группа людей, 13 человек, были с крайней активной гражданской позицией, выступающие за депортацию людей неславянской внешности за территорию РФ.

Вторая группа, 5 человек, сошлись на лояльном отношении к такой сильной иммиграции людей неславянской внешности на территорию РФ.

По итогам хочу сказать, что наша проблема — в безразличии к нашему будущему и будущему наших детей».

Эти два биографических интервью выбраны нами из более чем 50, которые были собраны в процессе авторского исследования, как достаточно ярко подтверждающие характеристику аналога поколения «героев». Напомним, что для него характерно быть «очень гражданственным и “морально самодовольным” поколением, которое институционализирует многие идеалы из идеалов предыдущих поколений» [409]. Это деятельные, уверенные в себе борцы, не столько создающие новые ценности, сколько отстаивающие традиционно существующие.

Согласно нашим обобщениям по методологии П. А. Сорокина, этому поколению свойственно доминирование рационализма в системе истины и знания, а в системе нравственно-правового сознания и систем этики ведущее место — у этики абсолютных норм. Этика любви здесь незначительно, но уступает место этике счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм). Доминирует идеалистический рационализм. Равновесны мистицизм и эмпиризм. По П. А. Сорокину, речь идет об умозрительном (идеократическом) менталитете, который, как известно, связан с акцентированием внимания в социуме на духовных потребностях, стабильных и глубоких моральных императивах, самоконтроле, аскетическом подавлении «Я», мистическом внутреннем мире. В этом внутреннем мире опыт опосредован верой как источником истины и знания.

Напомним, что главное отличие идеалистического рационализма от идеационального «состоит в том, что он отводит (фактически, что зачастую противоречит декларациям его авторов) главную роль разуму, интеллекту и его категориям как таковым. Кроме того, он отводит истине чувств более заметную роль, чем религиозный рационализм. По этим причинам идеалистический рационализм соединяет в себе все три формы истины, отводя каждой из них важную роль, хотя высшей формой знания остается все-таки истина веры» [409].

Напомним также, что внутри поколения К. Манхейм выделял группы, которые различаются по степени своего участия в общей судьбе исторической общности. Есть группы, которые присутствуют формально и не участвуют в ключевых событиях своего времени, и существуют группы, активно участвующие в социальных течениях. Активисты могут впоследствии оказывать влияние на более широкие круги поколений. Но не всякая историческая локализация поколения может привести к появлению новых идей. Там, где это случается, реализуется поколенческий потенциал — быстро меняются формы мышления, опыта, что и ведет к изменению социальной ситуации. Если этого не происходит, общность обречена, как показал нам П. А. Сорокин, на самовыврождение.

К. Манхейм делает вывод о том, что с появлением новых поколений появляются новые участники культурного процесса, которые наследуют и видоизменяют наследие прошлых эпох. Таким образом, концепция исторической локализации К. Манхейма, по мнению В. В. Семенович, позволяет выяснять социальные факторы в становлении поколений и выявлять внутреннюю структуру поколения как социального сообщества [251. С. 44]. Для нас важным оказался другой формат — сущность отторгаемого знания. Актуальное поколение отказывается прежде всего от «ненужного» знания, знаний, не соотносящихся с профессиональными концептами и индивидуальным опытом.

Провести историческую параллель, подобную предложенной П. А. Сорокиным по флуктуации истины и знания, нравственно-правового сознания и систем этики Запада, как мы уже показали, с динамикой России достаточно трудно.

Это связано с рядом объективных факторов.

Так, у нас нет ясности, какие территориальные границы следует принимать за основу, например, в XII—XIII веках и даже в XIV веке.

На многих зарубежных картах XVII—XVIII веков северная часть Азии обозначена как Великая Татария (*Grande Tartarie*, *Great Tartarie*, *Tartaria Magna*). На картах XVIII века, называемых также картами Российской империи, обозначена Русь (Россия, Московия), с одной стороны, и Великая Татария (Московитская Татария как часть Великой Татарии) — с другой. Здесь формировался один культурный менталитет.

Западная часть территорий будущей Российской империи многие столетия опиралась на другой культурный менталитет и, следовательно, сохранила социогенетическую память о других ценностях. Они ближе к ценностям Европы того времени. Одновременно отличия культурной ментальности жителей Западной Украины и Западной Белоруссия от ментальности жителей «восточных пределов» «новых» стран, сохранившиеся до сегодняшнего дня, подтверждают верность концепта П. А. Сорокина о стержне социокультурных систем. То есть даже захваты, присоединения и отчуждения, как внешнее воздействие, не меняют эндогенной логики культурного менталитета. Поэтому неопределенность базисных и территориальных, и временных пределов может снизить достоверность проводимого анализа.

Вторым объективным фактором можно назвать очевидную ангажированность интерпретаторов исторических фактов, обусловленную сиюминутными политическими интересами. Безусловно, концепт «Москва — Третий Рим» весьма привлекателен. Но он не очень достоверен в рамках наших исследований. Также будут иметь недостаточную достоверность противоречивые исторические данные, например, о периоде татаро-монгольского ига. С одной стороны, мы знаем, что Киевская Русь, бывшая «страной городов» с очень высоким уровнем грамотности населения, сохранившимся в ее Новгородских и Псковских пределах, «распалась» и после татаро-монгольского ига попала в полосу «культурного молчания» в живописи, архитектуре, литературе,

декоративно-прикладном искусстве, так как значительная часть мастеров была либо уничтожена, либо продана в рабство.

С другой стороны, татаро-монгольского ига не было, а было простое и примитивное использование военных сил «со стороны», привлекаемых князьями в междоусобице для достижения своих индивидуальных целей. Тогда откуда пошло «культурное молчание» и было ли оно? Без ответа на этот вопрос значимый исторический период «выпадает» из логики анализа. И этот период — не единственный.

Личности в истории, оставившие след в социокультурной динамике, также очерчены противоречиво и недостаточно полно. Например, противоречивость наиболее часто упоминаемой личности Петра I и его реформаторских начинаний не уравнивается адекватной оценкой вклада в «прорубание окна в Европу» и хотя бы направления за границу для обучения граждан России его предшественниками. Практически не известны гигантские заслуги перед страной М. М. Сперанского, П. Н. Миллюкова, сотен других уникальных не только для нашей страны ученых и исследователей.

Не конкретизируются исторические и социальные источники персонажей, действий героев литературных произведений. Например, не проводится параллель фактологического сходства «состава преступления» известного героя Ф. М. Достоевского с целым веером подобных преступлений, «захлестнувших» и Европу, и Россию практически одновременно. Хотя в основе этих преступлений лежит отказ от знаний. Аналогично народ и помещики России не состояли только из прообразов героев произведений Н. В. Гоголя или А. Н. Островского, так же как реальные американцы не совпадают с американцами из скетчей М. Н. Задорнова.

Технология инициирования распада советской системы не включила шаги алгоритма, связанные с предоставлением широкой возможности позиционирования своих концептов историкам, философам и социологам, не разделяющим взгляды достаточно «узкой» команды исследователей. В связи с этим сегодня мы имеем широкий веер мистификаций, связанных с социальными процессами и в России сегодняшней, и в далеком и не очень далеком ее прошлом. Так, А. А. Трошин, утверждающий, что Россия — страна генетических гомосексуалистов, проституток и наркоманов [282], уже имеет последователей, публикующих чуть ли не монографические исследования в подтверждение его теоретических концептов. В то же время работа Р. Х. Симоняна [253], наполненная искренней озабоченностью судьбой страны и объективными социологическими данными, остается малоизвестной. Исследования Д. В. Иванова по теории и истории социологии, о глэм-капитализме малодоступны. При этом работы «статусных» социологов, неоднократно уличенных в плагиате, продолжают переиздаваться значительными тиражами.

Представляется, что оптимальным временным периодом для проведения анализа, аналогичного анализу П. А. Сорокина, мог бы стать интервал, начинающийся с середины XIX века и завершающийся, так же как у него, 1920 г. либо продлеваемый до актуальных практик. Начало выделенного нами периода связано с мощью российской научной школы. Так, во вступительной статье к фундаментальной работе П. А. Сорокина, на которую мы ссылаемся выше, подчеркивается, что Н. С. Тимашев был абсолютно прав, когда писал: «Сорокин завоевал себе имя и положение в чужой стране. И все-таки его торжество — не только личное, но и торжество Петроградского университета и русской науки» [248]. А русская наука, как до П. А. Сорокина, так и после него, давала образцы уважительного по отношению к читающему человеку представления теоретического материала. Развивала идеи, ценность которых по многим позициям мы до конца постигаем только сегодня. Пример — концепты М. М. Ковалевского, Н. К. Михайловского, Е. В. Де-Роберти, А. С. Звоницкой и др., относящиеся к идеалам служения Отечеству, уважения к человеку и его внутреннему миру.

Научная мысль XX века тоже может быть представлена не только как «торжество материализма над идеализмом», но и как арена развития «наощупь», почти «вслепую», без достаточных научных контактов с зарубежными коллегами, что было исключено в работе ученых конца XIX — начала XX века. С их деятельностью и деятельностью когорт, сменяющих друг друга, менялись и смысловые концепты отторгаемого и отчуждаемого знания. Сущность отторгаемых знаний предопределяла и специфическую стратегию интеракций поколенческих общностей, и замедление или ускорение прогрессивного развития социума в целом.

Нами был выявлен ряд проблемных моментов, связанных с перспективой развития теории П. А. Сорокина применительно к российской практике. В основе — функциональные результирующие процесса отторжения знаний. Мы попытались доказать, что институционализированный, а зачастую разрушительный стандарт нормативной культуры допускает актуализацию дезинтегративных процессов, среди которых отказ от знаний играет значимую рисковую роль.

Заключение

Известный вопрос, заданный Т. Адорно на XVI социологическом конгрессе в 1968 г., не теряет своей актуальности: в каком же обществе мы живем — в индустриальном или постиндустриальном? Сегодня можно повторить этот вопрос, но применительно к более широкому перечню, включившему и общество знания. В проблемном поле науки используются понятия «постиндустриальное», «информационное», «информациональное», «посткапиталистическое общество», «общество второго модерна» и пр.

В ракурсе используемых в современной науке теоретических концептов очевидно, что, с одной стороны, в рамках информационного общества перспективы общественного развития предопределены и зависят только от инноватики в технологии и связанного с этим качества научного знания. С другой стороны, в рамках постмодернистского общества будущее «размыто», неопределенно, наполнено социокультурными рисками, симулятивно, фрагментировано, сформировано из акторов, основными поведенческими стратегиями которых является символическое потребление, толерантность, граничащая с аномией, поведенческая деструктивность и апатия.

Мир, действительно, стал «радикально необозримым» (Ю. Хабермас) и одновременно — «радикально ненадежным» (У. Бек).

С этой точки зрения именно рефлексивная модернизация и связанные с ней процессы вызывают особый интерес. Он предопределен тем, что рефлексивная модернизация (*reflexive modernization*) — это концепция, согласно которой чем больше обществ модернизируется, тем больше агентов (субъектов) приобретает способность размышлять о социальных условиях своего существования и, соответственно, об их изменении. То есть речь идет о востребованности анализа практик и готовности к нему со стороны субъектов интеракций в тех процессах, которые уже реализуются через инновации. Однако далеко не всегда можно констатировать готовность рефлексирующих аналитиков к собственно анализу, синтезу, селекции поступающей информации о практиках повседневности.

Наш подход можно представить как естественное продолжение развития предшествующих теоретических концептов ученых. Однако это не просто попытка выявить актуальные противоречия, мы стремимся систематизировать их через антагонизм знания и НЕ-знания, через осмысление процесса отторжения знаний.

Думается, нам удалось доказать, что «локомотивом» социальной динамики и одновременно ее «тормозом» является не только незнание о том, в каком же обществе фактически мы живем, но и, в большей степени, недостаток внимания исследователей к параллельному влиянию на социум диалектической пары «знание — НЕ-знание» и к предопределяющему его феномену и процессу, названному нами отторжением знаний.

Так, если стремление получать знания, как утверждают психологи, является естественной, биологически предопределенной потребностью человека и ведущей социокультурной ценностью, то в социальной динамике именно результатом процесса отторжения знаний можно объяснить присутствие в повседневных практиках и в сконструированной субъектами интеракций социальной реальности таких явлений, как актуализация контркультурного капитала, определяющего современный глэм-капитализм [107], как низкий уровень образованности или функциональная неграмотность, неформальные правовые практики, расширение дауншифтинга и анскулинга и пр.

Отторжение знаний, как крайняя степень их неприятия, рассматривается нами не только как феномен актуальных практик, но и как сквозной социокультурный процесс. Структурно его можно представить в форме синтеза отказа от знаний личностей и общностей и отчуждения знаний — результата институционализации соответствующих социальных технологий монополии на знание и его социальное распределение.

Востребованность такого подхода подтверждается разноплановостью установок и ориентиров в практиках повседневности во всех структурах и формах иерархии социума. Мы видим как бы параллельное существование полярных ценностных установок субъектов интеракций, конфликт их интересов в оценках «выгоды-издержки» и, как результат, рост социальной напряженности и страхов. Неоднородности общностей, структурирующих социум, соответствует неоднородность их представлений о ценности знания и безопасности НЕ-знания, соответственно, неоднородность их общественных и институциональных действий. Отсюда нарастание в социуме чувства неуверенности во всем — в индивидуальной идентичности, в социальных связях, в перспективах занятости и карьеры, что является значимой характеристикой объективных процессов, связанных с отторжением знания.

Например, депривационные установки в современной России актуализируются в связи с осознанием невозможности выхода из навязываемого «тупика бедности», когда добросовестный труженик не может изменить ситуацию, связанную с обеспечением жизнедеятельности, как своей собственной, так и членов его семьи. Одновременно СМИ демонстрируют совершенно другой уровень жизни, абсолютно не характерный для большинства россиян: возможность многократных ежегодных путешествий за границу, покупки качественного автомобиля, просторной квартиры, обеспечения высокими образовательными технологиями, прежде всего за рубежом, высокотехнологичными услугами здравоохранения и т.д.

Оценка современного состояния российского научного знания идет через констатацию кризиса российской науки, его основных симптомов (материальный, психологический и функциональный кризис) и потенциальных последствий, выражающихся в таких характерных для российской науки явлениях, как эмиграция ученых («внешняя» утечка умов), их уход в бизнес, в политику и т.п. («внутренняя» утечка умов), коммерциализация российской науки, рыночные способы ее организации (научные парки и т.д.).

Мы согласны с выводом М. Малкея о том, что, вопреки сложившимся стереотипам, не российская наука недостаточно адаптирована к рыночной экономике, а отечественный вариант рыночной экономики и, соответственно, политической власти не приспособлен к ассимиляции достижений научно-технического прогресса. На уровне прогноза высказывались мнения о том, что российское общество недооценивает значимость для актуальных социокультурных и экономических практик научного знания, что может привести к таким катастрофическим для социума последствиям, как деградация системы высшего образования, деинтеллектуализация общества и т.п. [162].

«Оглуление» нации оказывается не узко национальной проблемой. Мы видим декларацию в научной и публицистической литературе тезисов не только о «де-

---

билизации» молодежи в России (В. И. Иноземцев, Р. Х. Симонян), но и о «тупеющей Америке» (С. Джекоби [390], Р. Хофстедтер [385]), о проблемах с качеством трудового потенциала во многих других странах.

Отсутствие общепризнанного определения феномена и процесса «отторжения знаний» и связанного с ним противостояния знания и НЕ-знания не означает, что философия, социология, педагогика, педагогическая и социальная психология не обращались к видам и формам проявляющихся в социуме итогов низкой мотивации индивидов и общностей к интериоризации знаний. Более того, общеизвестны такие категории, как невежество (философский контент) или функциональная неграмотность (контент педагогический), низкий уровень интеллектуального развития личности (психологический) или социального интеллекта, антирационализм и антиинтеллектуализм (социологический). Однако их социальный источник, ведущая причина, системообразующий стержень остается пока «за кадром». Социологами не дан полный ответ на вопрос, какой процесс лежит в основе этих уже проявившихся социальных фактов — невежества, функциональной неграмотности, низкого интеллектуального развития личности, низкой мотивации освоения знаний.

В то же время на это косвенно обращают внимание исследователи фреймов социальной зависимости. Так, Э. Гидденс при описании ее как формы социального отчуждения констатирует неполное участие отдельных людей и групп в жизни общества. Речь идет о «выталкивании» целых общностей из управления социальными институтами и формировании у субъектов интеракций настроений «социального одиночества». З. Бауман связывает социальную зависимость с концепцией «индивидуализированного общества», которое под влиянием нестабильности и неопределенности социальной жизни приходит в состояние массовых страхов и неуверенности, включающее отказ от социальных обязательств и идентификационного выбора.

В работе подобные примеры представлены через качественные показатели уровня жизни населения разных регионов мира. Так, одной из ведущих в социальной динамике является проблема, связанная с противоречием между декларируемыми потребностями в развитии креативного потенциала общностей и его реальным качественным состоянием. Характеристиками качественного состояния здесь могут выступить уровень профессионально-достижительных мотивов индивидов и общностей, наличие дауншифтинга и анскулинга в практиках повседневности, глубина социального нигилизма, сопротивление инновациям у субъектов социума, низкая конкурентоспособность регионов и некоторых стран в разработке и внедрении современных технологий, «принципиальная рискогенность» [349. С. 4] дихотомии «блага — бедствия» и т.д.

Хрестоматийная платоновская парадигма, включенная в описание функционального устройства системной модели общества, гласящая, что «умные» управляют «сильными и умелыми», обретает в современных практиках повседневности особую значимость, играя ведущую роль в дифференциации социума. Действительно, умные, как собственники и/или монополисты знания, распоряжаются по своему усмотрению ресурсами тех, кто владеет только физической силой, навыками и умениями. Но если до актуальных практик знание и НЕ-знание были результатом социальных процессов, то теперь они — ведущий процессный ресурс, инициатор и индикатор. Причем если знание как ресурс представлено достаточно широко, прежде всего в экономической теории, то НЕ-знание исследовано весьма фрагментарно. Кроме того, до настоящего времени названные феномены чаще всего анализировались изолированно друг от друга.

Учитывая это, на обширном теоретическом и эмпирическом материале мы показали, что не только знания являются ресурсом развития современного общества, но и НЕ-знание становится ресурсом тех, кто реально «управляет действительно-

---

стью» этого общества. Представляется, что НЕ-знание, как результат отторжения знаний, лишает «плодов» не только процесс использования земельных, трудовых и финансовых ресурсов. В социологическом контексте речь должна вестись о различных видах капиталов личностей и общностей, которые, в зависимости от установок на ценность знания, ориентируют действия на солидарность или разобщенность, открытость или закрытость стратификационной системы, вынужденную или естественную мобильность и т.д. Но ни в социологии, ни в других науках ответа о сущности, критериях оценки процесса отторжения знания через иницилируемые им риски, исполняющего деструктивную роль, мы пока не находим.

В то же время в актуальных практиках обостряется то, что мы определили как антагонизм знания и НЕ-знания. Мы показали, что два противоположных по сути ресурса участвуют в одновременной сопряженной деятельности общностей, институций и институтов. Прежде всего, мы видим в этом функциональный антагонизм. Применительно к социальным явлениям и процессам функциональный антагонизм проявляется тогда, когда речь идет об условной противоположности функций ресурсов, участвующих в деятельности общностей и общества. Сегодня мы повсеместно сталкиваемся с ситуацией, когда то, что вчера считалось НЕ-знанием, воспринимается как знание, и наоборот. То есть собственно знание становится антагонистическим: в нем одновременно сосуществует и то, что можно считать знанием, и то, что воспринимается уже как НЕ-знание.

Поэтому мы называем актуальное общество обществом антагонистического знания. Ведущим деструктором в этом обществе является процесс отторжения знаний. Под деструктором в русле инновационных подходов в IT-технологиях понимается специальный метод «очистки», «освобождения» памяти, вызывающий деинициализацию объектов. Применительно к социальным явлениям мы можем говорить о «защитке» памяти субъектов интеракций идеологическими методами, к которым относим прежде всего технологии отчуждения знаний. Именно они усиливают процессы социокультурной турбулентности, способствуют фрагментации нарративов, атомизации личностных и общностных жизненных миров, аномии и другим деструктивным феноменам. Этот вывод следует не только из актуального и классического социологического наследия, но и из представленных нами концептов Ш. Шварца.

Ученый доказывает, что чем больше культура делает акцент на идентификации с собственной группой и выполнении обязанностей в иерархизированном социальном порядке, тем сильнее развивается в стране коррупция в ущерб рациональному управленческому образу мысли. Особо значимо указание на то, что потребность в сохранении внутригруппового единства усиливает культурную принадлежность и еще больше «ослабляет лояльность государству и его правовой системе».

Адаптация рассуждений Ш. Шварца к нашим выводам позволила предположить, что ведущие ценности общества знания — автономия, равноправие, гармония. В свою очередь, ведущие ценности общества НЕ-знания — принадлежность, иерархия, мастерство. Тогда **технологиями отчуждения знаний становятся:**

- 1) сокрытие информации о тех сферах бытия, о которых члены общества ничего не знают или не должны знать;
- 2) хорошо организованная цензура, скрывающая факты от населения;
- 3) опора властных институтов и институций на социальные концепции, утверждающие, что определенные знания недоступны для всех или запрещены;
- 4) создание таких условий организации жизненного мира акторов, в которых их креативный потенциал генетически не может быть реализован;
- 5) ограничение сферы интересов, жизненных ценностей и смыслов субъектов «выживанием»;

---

6) лишение собственников экспертного знания права его презентовать и передавать;

7) замена базисных ценностей и смыслов на нечто аморфное, лишенное «тела и крови», «расплывчатое и непонятное», позволяющее субъекту интеракций находить самооправдание отказа от знаний;

8) инициирование условий для реализации доминантности и предпочтения интеракций в условиях принудительной коллективной ответственности и/или обезличенной толпы («человеческого стада»). Это реализуется как через принудительную коллективную ответственность, так и через создание социокультурных условий, когда подтверждение принадлежности к толпе становится защитным механизмом для индивидов и общностей;

9) отчуждение устаревших знаний для реализации инноваций в деле, в деятельности людей как формообразующий момент и высший авторитет этой деятельности;

10) увеличение дисгармонии между необходимыми для позитивного развития социума темпами освоения знания и развитием воли индивидов.

При реализации этих технологий актуализируется явление, названное нами **профессиональным непрофессионализмом**.

Мы показали, что если на уровне обыденного сознания профессионализм коррелирует с позитивом по отношению к индивидуальным и общественным жизненным планам, то негатив воспринимается как непрофессионализм. Тогда субъекты, профессионально привносящие негатив в ценностные ориентации и жизненные планы людей, становятся профессиональными непрофессионалами. «Водораздел» сущностных признаков непрофессионала и профессионала можно провести на уровне общечеловеческих, общегуманитарных ценностных ориентиров. Профессионал поддерживает своей деятельностью эти ориентиры, а непрофессионал, наоборот, деформирует. При этом последний также использует соответствующие социальные технологии.

Нами выделено **пять технологий действий профессиональных непрофессионалов**:

1) «забалтывание» реальной проблемы рассуждениями о сторонних вещах, цитированием текстов законов, планов, программ;

2) умолчание в ответ на вопрос (чаще всего неразрывно связана с первой технологией);

3) компрометация «любителей задавать острые вопросы» и/или их устранение с социально-экономической и, соответственно, политической арены;

4) легитимация регламентов, позволяющих непрофессионалам, имеющим ресурс власти, предопределять деятельность профессионалов;

5) имитация действия вместо реального действия во всей полноте параметров, востребованных реальными практиками.

Особое значение в реализации этих технологий приобретает явление, названное нами **власть-иждивенство**. Власть-иждивенство — феномен подмены эффективного управления социальными процессами формальным сбором справок и отчетов, отказ видеть реальное положение дел, имитация управленческой деятельности через наращивание объемов схоластических (оторванных от жизни) установок, действий, догматическое принуждение к труду, исполнению действий, не подтвержденных финансированием, соответствующим реальным трудозатратам. Власть-иждивенство в образовании, как ведущем после семьи институте социализации, реализуется в стремлении субъектов власти разрешать свои проблемы за счет минимизации социальных гарантий служащим, нанятым для исполнения государственных задач, связанных с образовательной деятельностью.

Напомним, что потенциал рефлексивной модернизации определяется несколькими факторами, но признание риска имеет решающее значение.

Например, НЕ-знание о сущности той фазы цивилизационного развития, в которой мы живем, — проблема не только научная. В теоретическом плане разнообразие подходов и оценок свидетельствует о позитивной динамике попыток осмысления практик повседневности. Однако на основании прогнозно-диагностических научных концептов предпринимаются не только проектировочные, но и практические действия. Они непосредственно связаны с процессом перераспределения ответственности за те риски, которым подвергается общество. И как правило, эта ответственность возлагается не на инициаторов рисков фактов и явлений.

Мы неоднократно обращали внимание на то, что, согласно констатации У. Бека, «чувства усиления неопределенности и возрастания рисков» в социальной динамике могут привести к «имманентной плюрализации рисков» и к отрицанию в целом индустриального общества. Добавим, что на практике это произойдет вне зависимости от того, как актуальное общество будет названо теоретиками и политиками. С этим коррелирует «нигилистический язык» [418. Р. 236–237] постмодернистской теории, с помощью которого оправдываются дистанцирование социальной политики от реальной жизни и общие «нереальные ценности», которые лежат в основе многих происходящих событий.

Считаем, нам удалось подобрать доказательные аргументы, подтверждающие, например, что резкий рост всякого рода протестных движений явился результатом трехстороннего процесса. С одной стороны, его инициировали дезориентация, дезинтеграция и повышенная напряженность в обществе, в том числе в российском. С другой стороны, проявились негативные экстерналии обретенной свободы. При ослаблении социального контроля и продолжающемся снижении возможностей реальной мобильности (несоответствие размера оплаты труда и стоимости покупки (аренды) жилья для основной массы населения, отсутствие достаточного знания иностранного языка и проблемы компетентностного плана, связанные с неразвитостью когнитивных (познавательных) навыков высокого порядка, социального интеллекта и социальных навыков и т.д.) усиливается динамика и стремительно трансформируется характер действий при организации и участии в протестных акциях. С третьей стороны, в наиболее динамичных и образованных слоях общества актуализировались потребности, превышающие возможности действующей системы управления социумом по их удовлетворению.

Это подтверждают лонгитюдные исследования как российских, так и зарубежных ученых [76].

В целом перечень рисков, представленный в более ранних работах автора, благодаря настоящему исследованию был скорректирован.

Доказано наличие следующих ведущих рисков актуальных практик:

1) риск подавления ресурсами «общества НЕ-знания» ценностей «общества знания»;

2) риск монополизации знаний и риск консервации социальных условий монополизации знаний;

3) риск идентификации новых технологий с новой социальной политикой и риск отказа от ответственности за направление знания в позитивное для социума русло;

4) риск отставания трансформации институциональных структур и регламентов от появления новых социокультурных проблемных полей;

5) риск отчуждения знаний в мировом и национальном масштабах и риск направленности действия сил власти на минимизацию «власти силы» собственников экспертного знания;

---

6) риск актуальных практик интеракций «личность — носители информации — интерпретаторы знания» и риск отказа «интерпретаторов знания» видеть реальные социальные источники проблем;

7) риск усиления напряженности и страхов в условиях отторжения знаний и риск возврата личностей и общностей к традиции, риск отказа от знаний и «ценностей постиндустриального общества».

Представляется, нам также удалось доказать, что **фундаментальным противоречием актуальных практик является противоречие между накоплением оценок различных форм, типов и видов знания и НЕ-знания на уровне констатации социального факта и отсутствием социологического анализа причинно-следственных связей, взаимозависимостей между ними, прежде всего на уровне их параллельного влияния на модернизационные процессы, протекающие в социуме, что имеет существенное прикладное значение.**

В свою очередь, указанное противоречие предопределяет:

1) противоречие между перманентными инновационными трактовками практик модернизационных процессов, востребованных социальной динамикой, и отсутствием единства в осмыслении используемых при этом базисных понятий. Прежде всего, таких как знание и НЕ-знание, а также собственно модернизационный процесс;

2) противоречие между активной артикуляцией значимости как знания, так и НЕ-знания и отсутствием описания процедуры управления их параллельной интериоризацией, динамикой взаимозависимости, имеющей специфические особенности на каждом этапе цивилизационного развития через процесс отторжения знаний;

3) противоречие между имеющимся разнообразием в социологии, философии, педагогике, экономической теории подходов к сущности знания и его традиционным позиционированием как аналога информации и/или проверенного практикой и отраженного в личностном или общественном сознании результата интеракций;

4) противоречие между статистическим подходом к оценке результатов интериоризации общностями знания и НЕ-знания (который предполагает рассматривать их наличие как результат действий реализаторов модернизационных процессов) и практически полным отсутствием внимания исследователей к процессу отторжения знаний, инициирующему негативные экстерналии социального развития.

Предпринимая попытку преодолеть указанные противоречия, мы постарались показать, что в актуальных практиках антагонизм знания и НЕ-знания приобретает характер детерминанты социальных процессов и явлений. Это потребовало в целом, следуя мангеймовскому указанию «социологии не бояться контактов с донаучным “всеим человеком”» [166. С. 273], использовать социологический, историко-психологический и философский концепты оценки рассматриваемого нами генезиса процесса отчуждения знания. В результате сделан ряд выводов, в числе которых наиболее значимым нам представляется конституирование сущности ценности знания, знания и НЕ-знания.

Мы приняли за основу парсоновскую парадигму о том, что личность — это организованная система ориентации и мотивации действия актора, а социальная система — это взаимоотношения индивидов, «организованные в связи с определенными социальными проблемами» [207. С. 422—429]. Поведение личности мы рассматриваем не как «конкретное физическое поведение», а как действие, связанное с обобщенными типовыми характеристиками, с осмысленными (воплощенными) в материальной и духовной культуре результатами действия, а также с механизмами и процессами, контролирующими формирование этих образцов [209. С. 43—52].

В качестве содержания действия мы рассматриваем структуры и процессы, на основе которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успеш-

---

но реализуют их в конкретных ситуациях. Осмысленность здесь подразумевает символический (культурный) уровень смыслового представления и референции.

Способность системы действовать означает ее возможность «изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении». Эта способность предопределена совокупностью намерений и их индивидуальных или коллективных «осуществлений».

Ценность знания — характеристика, обозначающая признание его значимости. Ценность знания заключается в его предназначении минимизировать негативные воздействия факторов, влияющих на «ненаследственные свойства» и действия личности на уровне катектически-когнитивных различий, и обеспечивать стабильность социальной системы.

Для нас здесь существенно то, что ценности, которыми руководствуются субъекты социального взаимодействия, устанавливаются объективно — независимо от человека, но существуют субъективно, т.е. принадлежат сознанию каждого человека. Интериоризация знаний должна нести смысловую и эмоционально-психологическую нагрузку, которая интегрируется в осознании их ценности. А это возможно только при условии наличия и знаний, и интериоризации ценности знаний.

Ценность знания для личности мы можем рассматривать именно с этой точки зрения — как зависящую от ценности знания в социальной общности, с которой себя идентифицирует личность. Таким образом, процесс интериоризации знания или НЕ-знания — это прежде всего процесс выбора смысла ценности знания, а также осознание безопасности для жизнедеятельности актора НЕ-знания.

Представляется, что **институционализация ценности знания — фундаментальная характеристика и актуального состояния социума, и эффективности системы образования, и функционирования других институций и институтов.**

Для субъектов интеракций ведущим целеориентиром является выбор жизненной задачи. Он предопределен социальной средой, в которой процесс выбора может стимулироваться или сдерживаться социально-культурными факторами. Но этот выбор реализуется через характер и стратегию участия актора в процессе отторжения знаний и интериоризации установки на ценность знаний и осознание безопасности НЕ-знания.

Соответственно, **социальный интеллект**, структурированный через декларативные и процедурные знания, предопределяет социальную компетентность личности и является результирующим конструктом по отношению к протознаниям (философский контекст) или предпосылочным знаниям (социологический контекст), приобретает через социализацию личности и определяет смысл жизни, организует практики повседневности. Его состояние, в свою очередь, коррелирует с характером участия и поведенческими стратегиями акторов по отношению к процессу отторжения знаний. А они структурируются интериоризированной ценностью знания и безопасностью НЕ-знания.

Вышесказанное позволило нам выделить установки:

на утилитарный подход к ценности знания (ориентирует малоальтернативное действие, направленное на максимальное соответствие норме, стандарту, рутинному ментальному опыту общностей. Функция ценности знания — принятие знаний, связанных с правилами и моторными навыками процедурного знания и отрицание «ненужного» знания. Социальный интеллект представлен контекстным компонентом и доминантой автобиографической памяти в декларативном знании. В процедурном знании ведущая роль у правил и моторных навыков. Социальная сеть замкнута);

на рационально-прагматический подход к ценности знания (ориентирует действие, основанное на артефактах (символы, традиции, ритуалы), на идеалах и це-

---

лях общности, на доминирование выгод над издержками ресурсов интеракций. Функции ценности знания — принятие процедурного знания и отрицание «ненужного» знания, усиление значимости процедурного знания и снижение значимости декларативного знания. В социальном интеллекте ведущая роль у процедурного знания. Контекстный компонент декларативного знания доминирует над концептуальными знаниями о социальном мире. Социальная сеть замыкается на участниках актуальных интеракций и меняется на каждом шаге мобильности);

на рефлексивный подход к ценности знания (ориентирует действие, направленное на осмысление и переосмысление ценности знания, фреймов как рамок, с помощью которых воспринимается и интерпретируется окружающий мир, на анализ реализуемых стратегий познания. Функции ценности знания — принятие нового знания или отрицание «неодобряемого» знания, усиление значимости процедурного знания и снижение значимости «ненужного» знания, удержание процедурного знания или потеря «ненужного» знания во времени. В социальном интеллекте преобладает процедурное знание. В декларативном знании доминирует автобиографическая память. Социальная сеть динамична и условно замкнута на профессиональных и досуговых общностях, соответствующих экспертному знанию);

на креативный подход к ценности знания (ориентирует действие, направленное на высокую мотивацию переосмысления фреймов — рамок интерпретаций окружающего мира, на терпимость к инвариантности знания, на генеративность и оригинальность мышления, доверие к акторам профессиональных и досуговых социальных сетей. В социальном интеллекте гармонично сочетаются декларативное и процедурное знание. Функции ценности знания — принятие инновационного научного знания, отрицание устаревшего знания, усиление значения инновационного знания, снижение значения рутинного знания, удержание ценности знания во времени).

Общество, где доминирует установка на ценность знания без гарантий выхода общностей за рамки утилитарности и прагматического рационализма, самоисключается из модернизационных процессов.

Потенциал знаний может быть реализован только в той среде, которая поощряет их использование. Это связано с тем, что **ведущее предназначение знаний — освоение суммы способов экспертной оценки информации для определения и решения жизненных задач**. Под экспертной оценкой информации понимается применение умений и навыков анализа, синтеза смыслов в соответствии с опытом социального взаимодействия и установкой на ценность знания. Такой подход позволяет дистанцировать знания от информации. Соответственно, с нашей точки зрения, знаниями должны считаться действия анализа, синтеза и оценки информации, направленные на катектический аспект ориентации в процессе определения и решения жизненных задач. В качестве информации как объекта ориентации могут выступать конкретные данные о фактах, явлениях, сущностях и смыслах.

Онтологически знание включает:

1) **знания «что»** — действие в социальной сети по использованию ресурсных возможностей данных, информации, контекстной части декларативного знания в процессе коммуникаций с субъектами и объектами жизненного мира. Это утилитарный подход к ценности знания. При отсутствии мотивации действий на уровне знания «как» происходит «омертвление» социального капитала;

2) **знание «как»** — действие в социальной сети по решению жизненных задач с помощью процедурного знания и автобиографической памяти. Рационально-прагматический подход к ценности знания. Ригидность социального капитала;

3) **знание «зачем»** — действие в социальной сети по применению знания «что» и знания «как» для выработки стратегий социального взаимодействия с инди-

---

видами, группами, общностями при осмыслении алгоритма решения жизненных задач. Установка на рефлексивный подход к ценности знания и идентификацию в соответствующей социальной сети. Стабильный режим накопления и использования социального капитала;

4) **знание «почему»** — действие в социальной сети по применению знаний «что», «как», «зачем» для анализа, синтеза, оценки алгоритмов решения жизненных задач на уровне интериоризации ценности знания в социальных сетях. Креативный подход к ценности знания. Динамичность социального капитала.

Формулировка онтологических составляющих знания через вопросы имеет свое объяснение. Так, знание «зачем» конституирует уровень притязаний личности и общностей. Он может ограничиваться рамками витальных потребностей — «выжить», а может быть направлен на более творческие цели. Ответы на вопрос «почему» связаны с креативным подходом к сущности оценки результатов действий, причинно-следственных, пространственно-временных связей и прогностических диспозиций.

Сущность знания на уровне «что» и «как» «цементирует» понимание отношений. «Почему» и «зачем» помогают в понимании моделей интеракций и осмыслении прогнозов их динамики. «Разрыв» процесса интериоризации знания «на полпути» — перед «зачем» и «почему» — инициирует регрессивную мобильность и индивидов, и общностей.

Знание как действие реализуется через ведущие принципы:

принцип непрерывности или континуума опыта — синтез прошлого, настоящего и будущего опыта интеракций;

принцип взаимодействия — в условиях гармонии объективного и субъективного смыслов ценности знания.

Конкретизируя перечень рисков, мы учитывали, что, по Э. Гидденсу, память (или воспоминание) следует понимать не только как психологические свойства индивидуальных субъектов деятельности, но и как неотъемлемую характеристику рекурсивности процессов институционального воспроизводства. Поэтому общество, как «вместилище», «хранилище» авторитативных ресурсов, использует процесс аккумуляции памяти как форму пространственно-временного контроля, «равно как и феноменальный опыт “прожитого времени”».

Собственно хранение информации является, с точки зрения ученого, «фундаментальным явлением, допускающим возможность протяженности пространства-времени, и нитью, связующей различные типы аллокативных и авторитативных ресурсов в воспроизводимых ресурсах господства» [63. С. 361]. В связи с этим влияние на формирование способности индивидов и общностей актуализировать свой социальный интеллект через интериоризацию знания, действительно, становится ведущим институтом и ресурсом обретения, сохранения и перераспределения власти в социуме.

Знание может рассматриваться не только как ресурс, но и как источник интерпретации жизненного мира, его проектирования в социально-экономической политике, способный дестабилизировать социум не только автономно, но и через «отступление» перед незнанием, невежеством. Одновременно именно знание предопределяет технологические прорывы и стабилизирует интеракции. Отступление же перед НЕ-знанием происходит при очевидной абстрактности используемых парадигм, невежестве тех, кто на них опирается, в навыках адаптации абстракций к реальной жизни социума. Невежество здесь — в отказе признать востребованность нового знания и начать системные изменения.

Если отказ, отчуждение или интериоризация знаний — процессы, то отторжение знаний, как определенная организация социальной деятельности и соци-

---

альных отношений, — социальный институт. Мы подчеркнули, что любая попытка отмены институтов, как указывал Ф. Знанецкий, обречена на провал, так как институты закреплены в сознании личности на уровне ценностей. Это не исключает отторжения знаний о законах, правилах, порядке. «Не только установки, но и ценности, фиксированные в традициях и обуславливающие эти установки... участвуют в создании конечного результата совершенно независимо и часто совсем не в направлении намерений социальных реформаторов» [324].

Вышесказанное переключается с атрибутами *pescience* в конкретизации К. Кнорр-Цетины и М. Гросса. К ним, как мы указывали, отнесены:

- осознание актуального предела познания;
- осознание ошибок на пути познания;
- осознание помех (барьеров) познания;
- нежелание знать;
- страх узнать.

Все изложенное выше позволило нам конкретизировать авторский подход к сущности НЕ-знания. В ракурсе наших рассуждений **НЕ-знание можно структурировать в соответствии с каждой из составляющих онтологии знания:**

1) **НЕ-знание «что»** — действие в социальной сети, связанное с отказом от нового знания, от знания, лежащего за пределами рутинных правил и процедур. Декларативное знание детерминировано его контекстной частью — автобиографическими воспоминаниями, основная часть декларативного знания опирается на ограниченный «репертуар» знания и опыт «значимых других». Установка на утилитарный подход к ценности знания. Ригидность мышления и социального капитала;

2) **НЕ-знание «как»** — действие в социальной сети, связанное с незнанием процедур применения знания «что». Процедурные знания при положительной установке на рационально-прагматическую ценность знания могут пополняться. При отсутствии стимулирования мотивации развития процедурного знания принимается поведенческая стратегия «выученной беспомощности»;

3) **НЕ-знание «зачем»** — действие в социальной сети, связанное с реализацией жизненных задач только на уровне знания «что» и «как». Установка на рационально-прагматический подход к ценности знания («меньше знаешь — крепче спишь», «мы — люди маленькие»). Ригидность мышления. Управление интеллектуальными ресурсами делегируется «значимым другим». При «омертвлении социального капитала» трансформируется в невежество;

4) **НЕ-знание «почему»** — действие в социальной сети, связанное с реализацией социального интеллекта при доминировании процедурных знаний. Стратегии и планы действий ориентированы на прагматические установки ценности знания, которые предопределены фреймом «так надо». Идентификация с субъектами и объектами социальной сети по схожести автобиографических описаний и участию в контроле за замкнутостью социальной сети.

При этом необходимо учесть, что процесс отторжения знаний не всегда отрицателен по своей социокультурной значимости. Мы постарались показать это, обозначив две формы отказа от знаний: рационально-положительную и рационально-отрицательную.

Рационально-положительный отказ от «прежних» знаний — обязательное требование предотвращения и преодоления кризисов организации любого уровня социальной иерархии. Выступает в качестве предупредительной меры для преодоления инерции обученности и выражается в переоценке «прежних знаний». Реализуется в условиях позитивных общественных установок на ценность знания.

Рационально-отрицательный отказ — отказ, предопределенный антидериватами — ответными действиями акторов и общностей на «провалы государства» в части неумения предусматривать социальные последствия принимаемых экономических решений, подкрепленных ложной идеологией. В рамках институций реализуется в условиях отчуждения акторов от знаний, доминирования узко прагматических установок на ценность знания и негативного индивидуального опыта субъекта интеракций. Является производным от чувств, «коренящихся в пластах человеческой психики», предопределяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отказ от знаний, связанной с опытом индивида, общностей, извлеченным из взаимодействия с социумом.

В заключение вместе с Б. Крингс выразим надежду, что рассуждения о рисках антагонизма знания и НЕ-знания, предопределенных синтезом и сосуществованием в рамках глобализирующегося мира общества знания и общества НЕ-знания, неизбежно обогатятся в дальнейшем рассмотрением «с точки зрения социального неравенства, политического, экономического процессов отчуждения и силы властных отношений между социальными группами» [394. Р. 9–10], но уже в ракурсе исследуемых нами дихотомий «знание — НЕ-знание», «интериоризация знания — отторжение знаний».

Библиографический список

1. *12.pedsovet.org*. Протокол дебатов-2. URL: <https://docs.google.com/document/d/1ZCimLsMUSQavzjyjnfuZZo-xqVSkKnOSWEICvndbl10/edit?pli=1> (дата обращения: 01.02.2012).

2. *12.pedsovet.org*. Протокол дебатов-3. Учитель за большие деньги? URL: <http://pedsovet.org/content/view/14255>.

3. *40% российских чиновников не справляются с компьютером* // Интернет-портал интеллектуальной молодежи. URL : <http://ipim.ru/discussion/1313.html>.

4. *XII Всероссийский интернет-педсовет*. URL : <http://pedsovet.org/content/view/13111>.

5. *Абдель-Малек А.* Кризис ориентализма // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / [сост. Е. Б. Ерасов]. М. : Аспект Пресс, 1998.

6. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991.

7. *Аванесов В. С.* Знания как предмет педагогического измерения // Педагогические измерения. 2005. № 3.

8. *Алексеев А.* Подотчетная грамота. Почти одна пятая населения Земли не умеет читать и писать // Коммерсантъ. 2006. 4 сент.

9. *Алексеева И. Ю.* Общество знаний : посткапиталистическая перспектива России // Информационное общество. 2011. Вып. 2.

10. *Алешкевич Д.* События в Северной Африке и на Ближнем Востоке в декабре 2010 – марте 2011 г. через призму ведения информационной войны. URL : www.belpo.com/980.html.

11. *Аристотель.* Политика // Соч. : [в 4 т.]. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 376–644.

12. *Армия троечников* // Газета.ру. 2009. № 211. 10 нояб.

13. *Асмус В. Ф.* Античная философия. М., 1976.

14. *Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С. и др.* Введение в психологию. М. : Прайм-Еврознак, 2003.

15. *Ахиезер А. С.* Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : [в 2 т.]. 2-е изд. Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1997. Т. I : От прошлого к будущему.

16. *Барак* Обама объявил о реформе образования. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=619525&soch=1>.

17. *Бауман З.* Текущая современность. СПб. : Питер, 2008.

18. *Бауман З.* Цена университета? Узнайте на рынке! // Первое сентября. 2002. 12 окт.

19. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : [пер. с англ.]. М. : Аcademia, 1999.

20. *Бендас Т. В.* Психология лидерства (гендерный и этнический аспекты) : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05. СПб., 2002.

21. *Бендас Т. В.* Психология лидерства. СПб. : Питер, 2009.

22. *Бергер П. Л.* Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. М. : Аспект-Пресс, 2004.

-
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Academia, 1995.
24. Богомолов В. С. Античная философия. М., 1988.
25. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000
26. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000.
27. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1995.
28. Более 30 миллионов взрослых американцев безграмотны // Комсомольская правда. 2009. 27 янв.
29. Большинство работников считают нормой кражу корпоративной информации. URL : www.astera.ru/news/?id=98300.
30. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/147958>.
31. Бомар Ф. Старбук, Уильям Хейнс (1934) // Классики менеджмента / под ред. М. Уорнера. СПб. : Питер, 2001.
32. Боннар А. Греческая цивилизация. От Антигоны до Сократа. М., 1992.
33. Борк Дж. Управление знаниями. М. : Открытые системы, 2001.
34. Братусь Б. С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988.
35. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал : ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб. : Питер, 2001.
36. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономики // Экономическая социология. 2007. Т. 8, № 3.
37. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005.
38. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство : элементы теории системы образования. М. : Просвещение, 2007.
39. Бутаев В. Экс-министр труда, член Совета Федерации Александр Починок : «Рабочее место там, где человек, а не там, где его офис». URL : <http://kp.ru/daily/25717/2710822>.
40. В Дагестане с каждым годом ухудшается здоровье призывников. URL : http://uarmy.com.ua/soldat/V_Dagestane_s_kazhdim_godom_uhudshaetsya_zdorove_prizivnikov (дата обращения 10.03.2013).
41. В Минобороны выявили мошенничество на 1,3 млрд рублей. URL : <http://lenta.ru/news/2012/11/28/more>.
42. В России критическое число малограмотных подростков. URL : <http://kazan.dkvartal.ru/news/v-rossii-kriticheskoe-chislo-malogramotnykh-podrostkov-astaxov-236653745>.
43. В США вскрыли грандиозную школьную аферу. URL: <http://news.mail.ru/society/6301907>.
44. Вакан Л. Социология образования П. Бурдые // Социологические исследования. 2007. № 6.
45. Валлон А. История рабства в античном мире. Смоленск, 2005.
46. Васильева М. Р. Моделирование общества знания : ценностный аспект // Тез. докл. III Всерос. социол. конгресса (Москва, 21–24 октября 2008 г.). – Электрон. текстовые дан. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – 1 электронно-опт. диск (1 CD-ROM).
47. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избр. произведения : [пер. с нем.] / [сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденок]. М. : Прогресс, 1990.
48. Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. № 7.
49. Вернан Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
50. Весенний призыв 2012 : что должны знать будущие защитники Родины? URL : www.aif.ru/onlineconf/5730.
51. Виннер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972.

-
52. *Винпер Р. Ю.* Очерки истории Римской империи : [в 2 т.]. Ростов н/Д : Феникс, 1995. Т. 2.
53. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Филос. работы* / [пер. с нем. М. С. Козловой]. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.
54. *Во время* осеннего призыва 2011 г. более 300 южноуральцев признали абсолютно негодными к службе. URL : www.nr2.ru/chel/316983.html (дата обращения 10.03.2013).
55. *Волков А.* Рынок кредитования населения вырос в 2012 г. на 50%. URL : <http://expert.ru/data/public/410940/410948/nws1302131430.mp4>.
56. *Волков Ю. Г., Поликарпов В. С.* Человек как космопланетарный феномен. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1993.
57. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004.
58. *Гайкова О. А.* Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Волгоград, 2003.
59. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005.
60. *Гессен С. И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995.
61. *Гёффтинг Г.* Этика или наука о нравственности. Изложение этических принципов и их применение к различным житейским отношениям. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
62. *Гидденс Э.* Социология. 2-е изд., полн. перераб. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2005.
63. *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2005.
64. *Гин А.* SOS! Коррупция убивает учебники : [пресс-релиз на сайте «Педсовет.org. Всероссийский интернет-педсовет»]. URL: <http://pedsovet.org/content/view/full/11931/530/#comments>.
65. *Гинецинский В. И.* Основы теоретической педагогики. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.
66. *Голодные* новобранцы могут сорвать осенний призыв. URL : www.ku66.ru/news/golodnye_novobranczy_mogut_sorvat_osennij_prizyv/2009-10-07-147.
67. *Градосельская Г. В.* Анализ социальных сетей : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. М., 2001.
68. *Градосельская Г. В.* Сетевые измерения в социологии / под ред. Г. С. Батыгина. М. : Изд. дом «Новый учебник», 2004.
69. *Градосельская Г.* Неволюники в галстуках : изнанка корпоративной культуры // *Harvard Business Review – Россия*. 2009. Июнь – июль.
70. *Гросс М.* Неизвестное. Динамика связей неведения, незнания и сходных понятий // *Социологические исследования*. 2008. № 3.
71. *Гуськов И. А.* Социальная зависимость в российском обществе : социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2008.
72. *Давыденко Т. М., Шамова Т. И., Шибанова Г. Н.* Управление образовательными системами. М. : Академия, 2007.
73. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
74. *Данилова Д., Карцев Д., Прытков Р.* Дустом попробовали. Государство не рассчитало с давлением на малый бизнес и получило коллективное «самоубийство» // *Русский репортер*. 2013. № 7(285).
75. *Даунишifterы*. URL : www.daunshiftery.ru/index.php?do=cat&category=news.
76. *Двадцать лет реформ глазами россиян* : опыт многолетних социологических замеров / [М. К. Горшков, Р. Крумм, В. В. Петухов]. М. : Весь мир, 2011.
77. *Двойнин А. М.* Психологическое исследование феномена веры // *Развитие личности*. 2005. № 2.
78. *Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М. : Изд-во «Рег Се», 2001.

-
79. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins) : [в 2 т.]. М. : ВЕЧЕ, 1999. Т. 2.
80. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетея, 1996.
81. Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы / Росстат. URL : www.gks.ru/bgd/free/B11_00/IssWWW.exe/Stg/dk07/6-0.htm.
82. Добкин Г. С. Сохранение и развитие интеллектуального потенциала нации — необходимое условие развития информационного общества в России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Развитие информационного общества в России : состояние, проблемы и перспективы. М. : Совет Федерации ФС РФ, 2010.
83. Добрынина Е. Сам себе капитал // Российская газета. 2010. 1 дек.
84. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.
85. Дубин Б. Д. 34% россиян с высшим образованием никогда не читали книг. И не хотят // Новая газета на Урале. 2010. 28 июня.
86. Дубин Б. Поколение : социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2(58).
87. Дубровский Д. И. Философско-психологический анализ. М. : Изд-во «РЭЙ», 1994.
88. Дырка С. Управление развитием человеческих ресурсов организации в условиях трансформируемой экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009.
89. Дьюи Дж. Демократия и образование. М. : Педагогика-Пресс, 2000.
90. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996.
91. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб. : СПбУЭФ, 1999.
92. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций : достижения и проблемы. URL : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=91.
93. Еще раз о феномене финансовых пирамид. URL : <http://globalmsk.ru/news/id/6036>.
94. Жерар Депардьё решил отказаться от французского гражданства. URL : www.forbes.ru/news/231063-zherar-deparde-reshil-otkazatsya-ot-frantsuzskogo-grazhdanstva.
95. Жилина О. Как Педагогу защитить себя от хамства родителей? URL : <http://maxpark.com/community/888/content/1640150> (дата обращения 07.11.2012).
96. Жукова Я., Широков Ю. Модели массовой коммуникации : науч. отчет. М. : Гостелерадио СССР, 1989. URL : www.advance-mr.ru/articles/zhukova/mc_model/mcmodels.htm.
97. Заславская Т. И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2000. № 6(50).
98. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4.
99. Зборовский Г. Е. Социология образования и социология знания : поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2.
100. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург : [Гуманитар. ун-т], 2009.
101. Здоровье-2020. Основы политики и стратегия / Всемирная организация здравоохранения. Женева, 2012. URL : www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/170687/RC62wd08-Rus.pdf.
102. Зимбардо Ф., Ляйпне М. Социальное влияние. СПб. : Питер, 2001.
103. Зиммель Г. Как возможно общество? // Избр. : [в 2 т.]. М. : Юрист, 1996. Т. 2 : Созерцание жизни.
104. Зиммель Г. Общение. Пример чистой или формальной социологии // Избр. : [в 2 т.]. М. : Юрист, 1996. Т. 2 : Созерцание жизни.
105. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современной экономики. М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2009.
106. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002.

-
107. *Иванов Д. В.* Глэм-капитализм. СПб. : Петербургское востоковедение, 2008.
108. *Ильинский И. М.* «Модернизация» российского образования в контексте мировой глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3.
109. *Ильинский И. М.* XX в. : кризис понимания : доклад на Междунар. науч. конф. «Итоги XX в.», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева (Москва, МГСА, 15 ноября 2002 г.). URL : www.ilinskiy.ru/publications/sod/kris-pon-txt.php (дата обращения 02.02.2013).
110. *Инглхарт Р.* Постмодерн : меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.
111. *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. М. : Academia, 1998.
112. *Иноземцев В. Л.* Злокачественное образование : пути и перепутья российских реформ образования // Общество — культура — человек. Актуальные проблемы социологии культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 28–29 февраля 2012 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2012.
113. *Иноземцев В. Л.* Парадоксы постиндустриальной экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3.
114. *Иноземцев В. Л.* Расколота цивилизация. М. : Academia, 1999.
115. *Иноземцев В. Л.* Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму // Неприкосновенный запас. 2010. № 6.
116. *Иноземцев В. О.* Невозможности модернизации России // Российская модернизация : размышления о самобытности : сб. ст. М. : Три квадрата, 2008.
117. *Информационная система комплексной оценки системы безопасности и готовности к новому учебному году инфраструктуры системы образования.* URL : <http://edumon.ru/index.php> (дата обращения 10.02.2012).
118. *Информация* Центрального отдела Управления и филиала Центра Роспотребнадзора. URL : <http://ekb.66.rospotrebnadzor.ru/publications/12/1/2028/> (дата публикации 10.04.2013).
119. *К обществам знания* : всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. URL : <http://www.ifar.ru/library/book042.pdf>.
120. *Как и за что платить учителю?* Дискуссионный клуб Министерства образования и науки РФ. URL : <http://club.mon.gov.ru/teachers> (дата обращения 11.02.2012).
121. *Как люди делают себя.* Обычные россияне в необычных обстоятельствах : концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / [В. А. Ядов и др.] ; под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М. : Логос, 2010.
122. *Капелюшников Р. И.* Современные западные концепции формирования рабочей силы. М. : Наука, 1981.
123. *Каспржак А.* Три источника и три составные части российского гимназического образования // Вопросы образования. 2010. № 2.
124. *Кастельс М.* Галактика Интернет : размышления об интернете бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Факториал, 2004.
125. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. М. : Гнозис ; Логос, 2003.
126. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Эксмо, 2009.
127. *Кекелидзе З. И.* Некоторые организационные вопросы профилактики психических и поведенческих расстройств // Формирование здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака : материалы Всерос. науч.-практ. конф. URL : http://znopr.ru/upload/content/514/01_formirovanie_zozh.pdf.
128. *Кемеров В. Е.* Социальная обусловленность познания : динамика проблемы // Вопросы философии. 2008. № 10.
129. *Кибанов В. А.* Информационная сфера социума : роль и место в системе социального управления : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. М., 2004.
130. *Кирилл Васильев* : Умение решать проблемы — в остром дефиците у россиян. URL : http://ria.ru/sn_opinion/20130305/925935573.html.

131. *Ключарев Г. А.* «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Ин-та социологии. 2013. № 6.
132. *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность : общественные отношения в постсоциальных обществах знания : [пер. с англ. В. И. Дудиной] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 1(17).
133. *Ковалева Г. С.* Углубленный статистический анализ российских результатов PIRLS-2006 // Неожиданная победа : российские школьники читают лучше других / под науч. ред. И. Д. Фрумина. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
134. *Кон И. С.* Бить или не бить? М. : Время, 2012.
135. *Конаржевский Ю. А.* Анализ урока. М. : Центр «Педагогический поиск», 2000.
136. *Конт О.* Курс положительной философии. СПб., 1900. Т. 1.
137. *Костенко И., Захарова Н.* Ностальгия по Киселёву : сравнение математических умений школьников 90-х и 40-х годов // Учительская газета. 2001. 23 окт.
138. *Красноярские* призывники морально и физически не готовы к воинской службе. URL : www.newslab.ru/article/470912 (дата обращения 10.03.2013).
139. *Краткая характеристика* состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2012 г. URL : <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701>.
140. *Крон В.* Риск (не)знания : о смене функций науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 3(23).
141. *Кувшинова О.* Бизнес спрятал зарплаты и работников. URL : www.vedomosti.ru/politics/news/1518114/15_vvp_v_teni.
142. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : АСТ, 2001.
143. *Куницына В. Н., Синельникова Е. С.* Понимание и доверие в семье : феномен, функции, критерии // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 3(21).
144. *Латынина Ю.* Госзависимые // Новая газета. 2012. 19 нояб. (вып. 131). URL : www.povayagazeta.ru/columns/55478.html.
145. *Левада Ю. А.* В какие игры играют толпы. Социологические заметки на актуальную тему // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2002. № 4.
146. *Левада Ю. А.* Власть, элита и масса : параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.
147. *Левада Ю. А.* Поколения XX в. : возможности исследования // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / [сост. Ю. Левада, Т. Шанин]. М., 2005.
148. *Левада Ю. А.* Современность Оруэлла : аналогии и анализ // Вестник общественного мнения. 2003. № 2.
149. *Левада Ю. А.* Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
150. *Левада Ю. А.* Человек недовольный? // Вестн. обществ. мнения. 2006. № 5.
151. *Левада Ю. А.* Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6.
152. *Левада Ю. А., Гудков Л. И., Дубин Б. В.* Проблема «элиты» в сегодняшней России. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2007.
153. *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М. : Мысль, 1984.
154. *Лекторский В. А.* О проблеме знания // Эпистемология & Философия науки = Epistemology & Philosophy of Science. 2009. Т. XXI, № 3.
155. *Леманн Г.* Искусство рефлексивной модерности // Логос. 2010. № 4(77).
156. *Лесков Л. В.* Неизвестная Вселенная. М. : Изд-во ЛКИ, 2011.
157. *Летурно Ш. Ж.* Прогресс нравственности. М. : КомКнига, 2007.
158. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
159. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
160. *Лукин В. П.* Права человека и модернизация российского образования : спец. докл. // Российская газета. 2006. 1 июня.

-
161. *Макаров В. Л.* Экономика знаний : уроки для России // Россия и современный мир. 2004. № 42.
162. *Малкей М.* Наука и социология знания. М. : Прогресс, 1983.
163. *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения. М. : Директ-Медиа, 2007.
164. *Манхейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность. Экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2005.
165. *Манхейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7–47.
166. *Манхейм К.* Эссе о социологии культуры // Избр. : Социология культуры. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000.
167. *Марахина И. В.* Формирование экономики знаний как ключевое условие роста конкурентоспособности страны // Проблемы развития инновационно-креативной экономики : сб. докл. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 марта – 9 апреля 2010 г.) / под общ. ред. О. Н. Ельникова. М. : Креативная экономика, 2010.
168. *Маркова А. К.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М. : Просвещение, 1983.
169. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42.
170. *Марш* воров. URL : www.astera.ru/news/?id=85436.
171. *Матюшенко Е. Е.* Современный молодежный сленг : формирование и функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2007.
172. *Мау В.* От перестройки к радикальным реформам : к 20-летию начала посткоммунистических преобразований // Экономическая политика. 2012. № 1.
173. *Мау В.* Экономическая политика в 2005 г. : определение приоритетов // Российская экономика в 2005 г. Тенденции и перспективы (вып. 27). М. : ИЭПП, 2006.
174. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966.
175. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.
176. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
177. *Мильнер Б. З.* Управление знаниями в современной экономике. М. : Ин-т экономики РАН, 2008.
178. *Мильнер Б. З.* Управление знаниями. Эволюция и революция в организации. М. : ИНФРА-М, 2003.
179. *Миненков Г. Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
180. *Миронов Б. Н.* По классическому сценарию : Русская революция 1917 г. в условиях экономического роста и повышения уровня жизни // Экономическая политика. 2012. № 1, 2.
181. *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 г. в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? // Отечественные записки. 2012. № 1(46).
182. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : [в 2 т.]. 3-е изд. СПб. : Дм. Буланин, 2003.
183. *Миронов Б. Н.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX вв. // Отечественная история. 1994. № 4–5.
184. *Михаил Федотов* о «деле экспертов» / Телеканал «Дождь». URL : www.hro.org/node/15745 (дата обращения 28.02.2013).
185. *Мокир Дж.* Общество знания : теоретические и исторические основы // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2004. Т. 2, № 1.
186. *Морарь Н.* ВЦИОМ : плата за лояльность // The New Times. 2007. 5 нояб. URL : <http://newtimes.ru/news/2007-11-06/2007-11-06-8>.
187. *Морган Л. Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов. М. : Наука, 1983.
188. *Нагрузка* на работодателей – нагрузка на сотрудников. URL : <http://ural.hh.ru/article.xml?articleId=2096>.
189. *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. М. : Прогресс-Традиция, 2009.

-
190. *Ненашев М. Ф.* Независимость СМИ : иллюзии и реальность // Журналист. 2008. № 4.
191. *Нерсесянц В. С.* Сократ. М. : Наука, 1977.
192. *Нехватка* IT-специалистов в России. URL : <http://it-technology.ru/novosti-it/9-nehvatka-it-specialistov-v-rossii.html> (дата обращения 28.02.2012).
193. *Николай* Никифоров : российская система образования не способна обеспечить требуемый приток кадров в ИТ-отрасль. URL : www.cnews.ru/top/2012/10/18/glava_minko-msvyazi_itotrasli_rossii_nuzhny_inostrannye_specialisty_506981.
194. *Новая* иллюстрированная энциклопедия : [в 20 т.]. М. : Большая российская энциклопедия, 2004. Т. 7.
195. *Новая* протестная волна : мифы и реальность : доклад / Фонд развития гражданского общества. URL : <http://civilfund.ru/mat/view/13>.
196. *Нонака И., Такеучи Х.* Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. М., 2003.
197. *О чем* мечтают россияне (размышления социологов) : аналит. докл. М. : Ин-т социологии РАН, 2012.
198. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Екатеринбург : Урал-Советы (Весть), 1994.
199. *Олпорт Г.* Становление личности // Избр. тр. М. : Смысл, 2002.
200. *Ольсевич Ю. Я.* О психологических факторах институциональной трансформации советской экономики после Второй мировой войны // Экономическая история : обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8.
201. *Ольсевич Ю. Я.* Экономическая теория и природа человека: становится ли тайное явным? // Вопросы экономики. 2007. № 12.
202. *Орлов А. И.* Теория принятия решений. М. : Экзамен, 2006.
203. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.
204. *Осипова Л. Я.* Философско-педагогические основы прогнозирования социальной эффективности образования : дис. ... д-ра пед. наук. Ульяновск, 2009.
205. *Острогорский А.* Правильная статья о дауншифтинге. URL : <http://planetahr.ru/publication/345/124>.
206. *Отцы* и дети. Поколенческий анализ современной России / [сост. Ю. Левада, Т. Шанин]. М., 2005.
207. *Парсонс Т.* К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук (часть 1) // О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.
208. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.
209. *Парсонс Т.* Теоретическая социология : антология : [в 2 ч.] / [сост. и общ. ред. С. П. Баньковской]. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2.
210. *Переслегин С. Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2005.
211. *Петров А. В.* Женщина в религии и философии в античности // Астарта. Вып. I : Культурологические исследования из истории древнего мира и средних веков : проблемы женственности / под ред. М. Ф. Альбедиль, А. В. Цыба. СПб., 1999.
212. *Петров М. К.* Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д : Ростовский университет, 1992.
213. *Петровский А. В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1.
214. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. СПб. : Лань, 2003.
215. *Письменная Е.* Формула Грефа // Ведомости. 2011. 15 июня. URL : www.vedomosti.ru/newspaper/article/262115/iormula_grefa.
216. *Питкетли Р.* Нонака, Икудзиро (Nonaka, Ikujiro) // Классики менеджмента / под ред. М. Уорнера. СПб. : Питер, 2001.
217. *Платонова Э. Е.* Десять лекций по античности. М., 2004.

-
218. *Подиновский В. В., Ногин В. Д.* Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М. : МГУ, 2005.
219. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985.
220. *Полуэхтова И. А.* Социокультурная динамика российской аудитории телевидения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008.
221. *Полье Б.* Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. 4 февр.
222. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
223. *Почему в России проваливается реформа образования?* // Мониторинг СМИ об образовании. Вып. 60 от 29 июля 2011 г. URL : www.shkolnaya-karta.com/index.php/adnews (дата обращения 30.07.2011).
224. *Преодоление неравенства : важная роль управления.* Всемирный доклад по мониторингу ОДВ – 2009 / Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж, 2009. URL : www.ifap.ru/library/book383.pdf.
225. *Программа «Поединок»* : Михаил Прохоров VS Владимир Жириновский (эфир от 13 декабря 2012 г., «Россия 1»). URL : <http://mihailprohovorov.ru>.
226. *Прохоров* : коллективы сами просили поправку о 60-часовой рабочей неделе. URL : <http://ria.ru/society/20110427/368596955.html>.
227. *Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 3(4).
228. *Разинская В. Д.* Отношение молодежи к политике // Материалы III Всерос. социол. конгресса. М. : Ин-т социологии РАН, Рос. о-во социологов, 2008. URL : www.ssa-gss.ru/index.php?page_id=98.
229. *Райнерт Э. С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / [пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автомова]. М. : НИУ ВШЭ, 2011.
230. *Рассел Б.* «Бесполезное» знание // Искусство мыслить. М. : Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 1999.
231. *Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И.* Психология и педагогика. СПб. : Питер, 2002.
232. *Региональная программа модернизации здравоохранения Свердловской области на 2011–2012 гг.* (утв. постановлением Правительства Свердл. обл. от 24 марта 2011 г. № 309-ПП).
233. *Рейтинг педагога среди родителей* : [форум]. URL : <http://pedsovet.org/forum/index.php?showtopic=9588&st=40> (дата обращения 02.02.2012).
234. *Ригин А.* Глобальный кризис и креативный класс. URL : <http://alrigin.blogspot.ru>.
235. *Риддерстрале Й., Нордстрем К.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
236. *Российская педагогическая энциклопедия* : [в 2 т.]. М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. Т. 1.
237. *Российский статистический ежегодник, 2004* : стат. сб. / Росстат. М., 2004.
238. *Российский статистический ежегодник, 2012* : стат. сб. / Росстат. М., 2012.
239. *Россия* занимает 141-е место в мире по уровню свободы слова. URL : <http://govoritmoskva.ru/russia/081022112049.html>.
240. *Россия* стала крупнейшим после Германии в Европе инвестором в научные проекты. URL : www.rsci.ru/grants/admin_news/233584.php.
241. *Руденский Е. В.* Рефлективная концептуализация тенденций модернизации российского образования на основе интеграции парадигм социологии знания и клинической социологии. URL : www.portalus.ru/modules/psychology/rus.
242. *Рыбина Л.* Зарплата, не совместимая с жизнью врачей и пациентов // Новая газета на Урале. 2013. 1 июля.

243. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом : теория и история : [в 2 т.]. СПб. : Наука, 2003. Т. 1 : Конструирование прошлого.
244. *Савинцева М. И.* Правовое регулирование информационно-телекоммуникационной сферы и направлений развития информационного общества Японии. URL : www.japaneselaw.ru/ru/infosociety/comregulation.html.
245. *Саймон Г.* Теория принятия решения в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. СПб. : Экономическая школа, 1995.
246. *Самарина А.* Социологи измерили доверие к власти. Общество ждет ответа на наболевшие вопросы. URL : www.ng.ru/politics/2012-11-30/1_socio.html (дата обращения 02.02.2013).
247. *Санто Б.* Инновация и глобальный интеллектуализм // Инновации. 2006. № 9(96).
248. *Сапов В. В.* «Магический кристалл» социологии // Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006.
249. *Свенцицкий А. Н.* Лучше знать меньше, чем можно, чем... // Психологическая газета. 1997. № 3(30).
250. *Северный Кавказ* : взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова, И. С. Савина. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2012.
251. *Семенова В. В.* Социальная динамика поколений : проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009.
252. *Сигалов К. Е.* Генезис российской среды права // История государства и права. 2008. № 12.
253. *Симомян Р. Х.* Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х гг. и их последствия для России. М. : Экономика, 2010.
254. *Симомян Р. Х.* Средний класс : социальный мираж или реальность? // Социологические исследования. 2009. № 1.
255. *Симомян Р. Х.* Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое) // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
256. *Скачкова Н. И.* Социологические и культурологические результаты языковых референдумов в США в конце XX – начале XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(9).
257. *Словарь* по политологии / отв. ред. В. Н. Коновалов. Ростов н/Д : Фонд Сороса, 2001.
258. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1935. Т. II.
259. *Совещание* по вопросам исполнения поручений Президента от 16 февраля 2012 г. URL : <http://президент.рф/news/14517>.
260. *Совещание* по вопросу исполнения поручений Президента РФ от 28 марта 2011 г. URL : www.kremlin.ru/news/10750.
261. *Современный толковый словарь русского языка* / [авт.-сост. А. Чехомоненко]. Минск : Харвест, 2002.
262. *Сокулер З. А.* Знание и власть : наука в обществе модерна. СПб. : РХГИ, 2001.
263. *Соломатина Е. О.* «Общество знания» : новые тенденции в стратегии образования (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М., 2011.
264. *Соломатина Е. О.* «Общество знания» как эвристический концепт новой фазы развития постиндустриального общества // Социология власти. 2011. № 3.
265. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006.
266. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов]. М. : Политиздат, 1992.
267. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности : [пер. с англ.]. М. : ИНФРА-М, 1999.
268. *Социальный стресс и здоровье населения.* URL : <http://ekaterinburg.bezformata.ru/listnews/sotcialnij-stress-i-zdorove-naseleniya/225846>.

269. *Социологический словарь*. URL : <http://vslovar.ru/slovo/sotziologicheskii-slovar/professional/44019> (дата обращения 06.06.2012).
270. *Старбук У.* Зачем нам нужны влиятельные мультинациональные корпорации. URL : www.people.su/youtube_video-starbuck-william-open-seminar-why-we-need-more-powerful-multinational-corporations.
271. *Стенограмма* интервью Брайана Лэмба (Brian Lamb) с Нейлом Хоувом (Neil Howe) и Уильямом Штрауссом (William Strauss) по поводу выхода книги «Generations: The History of America's Future, 1584–2069» / National Cable Satellite Corporation. URL : www.booknotes.org/Watch/17548-1/William+Strauss.aspx.
272. *Стенографический отчет* о совещании вопросам исполнения поручений Президента 16 февраля 2012 г. Московская область, Горки. URL : <http://президент.рф/news/14517>.
273. *Столяров А. А.* Система образования в средние века // История философии. Запад – Россия – Восток. М. : Греко-латинский кабинет, 1995. Кн. 1 : Философия древности и средневековья.
274. *Стратегическая оценка конфликтности* : Северный Кавказ, 2009 г. Экспертный доклад. М. : INCAS Consulting, 2009.
275. *Субботин М.* Те, кому не нужен был честный оппонент, решили его убрать силовым способом? // Газета.ру. 2013. 8 февр. URL : www.hro.org/node/15745 (дата обращения 28.02.2013).
276. *Сурков С.* Оценка экономической деятельности с помощью социально-психологических подходов // Вопросы экономики. 2008. № 5.
277. *Тирикьян Э.* Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории : науч. альманах. 2007. Т. I, вып. 1 : Философские и научные основания современной социальной теории / Ин-т философии РАН ; под ред. Ю. М. Резника. М. : Независимый институт гражданского общества, 2007.
278. *Тихонов Е.* Россияне избегают от бизнеса // Российская газета. 2003. 15 февр.
279. *Ткаченко С. В.* Рецепция Западного права в России : проблемы взаимодействия субъектов. Самара : СамГУПС, 2009.
280. *Торндайк Э., Уотсон Дж. Б.* Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М. : АСТ-ЛТД, 1998.
281. *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 1999.
282. *Трошин А.А.* Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX в.) : [доклад на заседании независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества»] // Мир психологии. 2000. № 2.
283. *Турен А.* Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.
284. *Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М. : Издательство ЛКИ, 2010.
285. *Угодников К.* Раскадровка // Итоги. 2008. 5 авг.
286. *Узнадзе Д. Н.* Общая психология. М. : Смысл ; СПб. : Питер, 2004.
287. *Умножить* на два. URL : <http://econcrime.ru/stat/5> (дата публикации 30.11.2011).
288. *Уоткинз К., Аль-Самаррай С., Булла Н. и др.* Преодоление неравенства : важная роль управления. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. Париж, 2009.
289. *Управление «К»* МВД России. URL : www.memoid.ru/node/Upravlenie_%C2%ABK%C2%BB_MVD_Rossii (дата обращения 15.02.2013).
290. *Федоров М. В., Пешина Э. В., Гредина О. В., Авдеев П. А.* Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике // Управленец. 2012. № 3–4 (31–32).
291. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН, 1997.
292. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса / [пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева]. СПб. : Ювента, 1999.
293. *Физическое развитие детей и подростков в Российской Федерации* : сб. материалов (вып. VI) / под ред. А. А. Баранова, В. Р. Кучмы. М. : Изд-во «ПедиатрЪ», 2013.

294. *Филлиповская Т. В.* Бегство профессионалов: «дилемма заключенного» // Современная Россия : путь к миру — путь к себе : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 10–11 апреля 2008 г.) / Гуманитар. ун-т. Екатеринбург, 2008.
295. *Филлиповская Т. В.* Власть-иждивенство — актуальный феномен в институте образования // Управленец. 2012. № 11–12 (39–40).
296. *Филлиповская Т. В.* Дихотомия «знание-незнание» : поиск сущностной новизны // Вопросы социологии и политологии. 2011. № 1.
297. *Филлиповская Т. В.* Отторжение знаний — ведущий дезинтегратор в обществе антагонистического знания // Глобальная социальная турбулентность и Россия : сб. тез. Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения — 2011» / под ред. В. И. Добренькова. М. : Университетская книга, 2011. С. 639–340.
298. *Филлиповская Т. В.* Отторжение знаний в анамнезе общества антагонистического знания // Социология и общество : глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. — Электрон. текстовые дан. — М. : РОС, 2012. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
299. *Филлиповская Т. В.* Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции : актуальные практики // Социум и власть. 2012. № 1.
300. *Филлиповская Т. В.* Отторжение знаний как социокультурный феномен // Высшая школа в условиях реформ : проблемы организации и методического обеспечения учебного процесса : материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Екатеринбург, 12–13 февраля 2009 г.). Екатеринбург : РИО УрАГС, 2009.
301. *Филлиповская Т. В.* Профессиональный непрофессионализм в контексте социального кризиса // Государство, политика, социум : вызовы и стратегические приоритеты развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 28 ноября 2012 г.) : [в 2 т.]. Екатеринбург, 2012. Т. 2.
302. *Филлиповская Т. В.* Риски обострения антагонизма знания и НЕ-знания в практиках повседневности // Социология в системе научного управления : материалы IV Всерос. социол. конгресса. М. : Ин-т социологии РАН, 2012. URL : www.isras.ru/VSK_IV_partion.html?section=4&printmode.
303. *Филлиповская Т. В.* Роль государственного регулирования профессионального образования в историческом контексте // Образование и наука. 2007. № 1.
304. *Филлиповская Т. В.* Традиционный основной вопрос экономики в роли «тормоза» инновационных процессов // Интеграция науки, образования и производства — стратегия развития инновационной экономики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25–26 января 2011 г.) / [отв. за вып. М. В. Федоров, Э. В. Пешина, В. П. Иваницкий]. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2011. Секция 2 : Интеграция науки и производства. Трансфер технологий. Ч. 2.
305. *Филлиповская Т. В., Романов А. Н.* Парадоксы социально-экономического положения школы // Народное образование. 2012. № 4.
306. *Филлиповская Т. В., Романов А. Н.* Экзаменационное тестирование не должно быть фетишем // Народное образование. 2012. № 2.
307. *Финансовые пирамиды.* URL : <http://finfact.org/piramidy> (дата обращения 09.07.2013).
308. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М. : Политиздат, 1983.
309. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
310. *Фромм Э.* Марксова концепция человека // Фромм Э. Душа человека. М. : Республика, 1992.
311. *Фуко М.* Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия, 2004.
312. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Избр. полит. статьи, выступления и интервью / [пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова]. М. : Праксис, 2002.
313. *Фукуяма Ф.* Доверие. М. : АСТ, 2008.
314. *Хазин М.* Теория кризиса // Профиль. 2008. № 33(588).

-
315. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / [сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Библихина]. М. : Республика, 1993.
316. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
317. *Хевеши М. А.* Толпа, массы, политика : ист.-филос. очерк. М. : Ин-т философии РАН, 2001.
318. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья // Соч. : [в 3 т]. М. : Изд. группа «Прогресс», 1995. Т. 1.
319. *Холодная М. А.* Психология интеллекта : парадоксы исследования. Томск : Изд-во Том. ун-та ; М. : Барс, 1997.
320. *Хэккер Д. Дж., Тенент А.* Реципрокное обучение в классе : как учителя преодолевают трудности и модифицируют методику обучения // Психология обучения. 2004. № 4.
321. *Чаундхури. А.* Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. М. : ООО «Группа ИТД», 2007.
322. *Черные* списки Роскомнадзора «похудели» на 21 страницу. URL : www.vesti.ru/doc.html?id=959416&tid=98634 (дата публикации 14.11.2012).
323. *Чеснокова В. Ф.* Флориан Знаниецкий. Ценности и установки // В. Ф. Чеснокова. Язык социологии. М. : Объединенное гуманитарное издательство, 2010.
324. *Чеснокова В. Ф.* Язык социологии. М. : Объединенное гуманитарное издательство, 2010.
325. *Чичканов А. В.* Социальные отношения в современном российском обществе (социологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008.
326. *Чуева Е.В.* Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // Социологические исследования. 2012. № 4.
327. *Шамис Е.* Теория поколений // Директор по персоналу. 2008. № 5.
328. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6.
329. *Шахматова Н. В.* Поколенческая организация современного российского общества : теоретико-методологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. Саратов, 2001.
330. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации : природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 2.
331. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избр. работы. М. : Наука, 1995.
332. *Шелер М.* Формы знания и образование // Избр. работы. М. : Наука, 1995.
333. *Штейнзальц А., Функенштейн А.* Социология невежества. М. : Ин-т изучения иудаизма в СНГ, 1997.
334. *Штер Н.* Мир из знания // Социологический журнал. 2002. № 2.
335. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Директмедиа Паблишинг, 2007.
336. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М. : Эксмо, 2008.
337. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М. : Фонд «Общественное мнение», 2003. Глава «Чужой».
338. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994.
339. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
340. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999.
341. *Экономические* кризисы в США. URL : www.amerikos.com/usa/crisis-st.
342. *Экономический* и юридический словарь / под ред. А. Н. Азрильяна. М. : Ин-т новой экономики, 2004.
343. *Юрьева А.* Московских учителей стимулируют снижением зарплат. URL : <http://mnenia.ru/rubric/society/moskovskih-uchiteley-stimuliruyut-snizheniem-zarplat>.
344. *Ядов В. А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1979.

345. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. URL : www.isras.ru/publ.html?id=1736.
346. Ядов В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? // Россия реформирующаяся : ежегодник – 2010. Вып. 9. М. : Новый Хронограф, 2010.
347. Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана (По следам дискуссий при разработке исследовательского проекта). URL : www.isras.ru/publ.html?id=2024.
348. Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг : конспект с. 136 // Социологические исследования. 2011. № 5.
349. Яницкий О. Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска : методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004 № 2.
350. Яницкий О. Н. Экомодернизация России : теория, практика, перспектива. М. : Ин-т социологии РАН, 2011.
351. Ярошевский М. Г. История психологии. М. : Мысль, 1985.
352. Aiken M. Reflexive Modernisation and the Social Economy. URL : www.sussex.ac.uk/cspt/documents/issue2-1.pdf.
353. Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo : How Social Theories Have Tried to Understand the 'New World' of 'Our Time' // Zetschrift fur Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 165.
354. Azahaf N., Schraad-Tischler D. BRICS Study : Initial Findings. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2011.
355. Barber B. Resistance by Scientists to Scientific Discovery // Science. 1961. Vol. 134.
356. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. 5th edition. London : Routledge, 2000.
357. Beck U. Die Erfindung des Politischen // U. Beck, A. Giddens, S. Lash (eds.), Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1996.
358. Beck U. Wissen oder Nicht-Wissen? Zwei Perspektiven reflexiver Modernisierung // U. Beck, A. Giddens, S. Lash (eds.), Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1996.
359. Beck U., Giddens A., Lash S. (eds.), Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1996.
360. Becker G. S. Human Capital. Chicago : University of Chicago Press, 1972.
361. Bellinger G., Castro D., Mills A. Data, Information, Knowledge, and Wisdom. URL : www.systems-thinking.org/dikw/dikw.htm.
362. Benson H. H. Socratic Wisdom : The Model of Knowledge in Plato's Early Dialogues. New York : Oxford University Press, 2000.
363. Blackler F. Knowledge, knowledge work and organizations : an overview and interpretation, Organizational studies, 1995, Vol. 16, no. 6.
364. Bloom H., Skolnick Weisberg D. Childhood Origins of Adult Resistance to Science // Science. 2007. Vol. 316.
365. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago : University of Chicago Press, 1991.
366. Brunt P. Italian Manpower, 225 B.C.-A.D.14. Oxford, 1971.
367. Bukowitz W., Williams R. The Knowledge Management. Field book, 1999.
368. Burgelman J.-C. Integrating Social Sciences into Information Society Policy // R. Mansell, R. Samarajiva, A. Mahan (eds.), Networking Knowledge for Information Societies : Institutions & Intervention. Delft : DUP Science, 2002.
369. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1990.
370. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94.
371. Comor E. When More is Less : Time, Space and Knowledge in Information Societies // R. Mansell, R. Samarajiva, A. Mahan (eds.), Networking Knowledge for Information Societies : Institutions & Intervention. Delft : DUP Science, 2002.
372. Cronbach L. Processes affecting scores on 'understanding of others' and 'assumed similarity' // Psychological Bulletin. 1955. Vol. 52(3).

-
373. *Davenport T. H., Prusak L.* Working Knowledge : How Organizations Manage What They Know. Harvard Business School Press, 1998.
374. *Davidson D. J., Bogdan E.* Reflexive Modernization at the Source : Local Media Coverage of Bovine Spongiform Encephalopathy in Rural Alberta // Canadian Review of Sociology = Revue canadienne de sociologie. 2010. Vol. 47, iss. 4.
375. *Davidson D.* Three Varieties of Knowledge. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford : University Press, 2010.
376. *De Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley, CA : University of California Press, 1984.
377. *Despres C., Chauvel D.* Knowledge Horizons : the present and promise of Knowledge Management. Butterworth-Heinemann, 2000.
378. *Dörre K.* Reflexive Modernisierung – eine Übergangstheorie. Zum analytischen Potenzial einer populären soziologischen Zeitdiagnose // SOFI-Mitteilungen. 2003. Nr. 30.
379. *Etzioni A.* Security First : For a Muscular, Moral Foreign Policy. New Haven : Yale University Press, 2007.
380. *Etzioni A.* The active society. A theory of societal and political processes. London : Collier-Macmillan Ltd. ; New York : The Free Press, 1968.
381. *Finley M.* Ancient Slavery and Modern Ideology. New York, 1980.
382. *Foroohar R.* George Soros : 'A Period of Wealth Destruction' // Newsweek. 2008. May 26.
383. *Geisler E., Wickramasinghe N.* Principles of knowledge management : theory, practices, and cases. New York : M. E. Sharpe, 2009.
384. *Giddens A.* Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft // A. Giddens, A. Giddens, S. Lash. (eds.), Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1996.
385. *Hofstadter R.* Anti-Intellectualism in American Life. New York : Vintage Books, 1966.
386. *Howe N., Strauss W.* Generations : The History Of America's Future, 1584 To 2069.
387. *Howe N., Strauss W.* Millennials Rising : The Next Great Generation. New York : Vintage Books, 2000.
388. *Howe N., Strauss W.* The Fourth Turning : An American Prophecy New York : Broadway Books Publisher, 1997.
389. *Innis H. A.* The Penetrative Powers of the Price System // Essays in Canadian Economic History. Toronto : University of Toronto Press, 1956.
390. *Jacoby S.* The Age of American Unreason. New York : Pantheon Books, 2008.
391. *Kassel H.* Economics as a symptom of sadism : pathology in American culture and education and the legitimizing myths that support it. Llumina Press, 2005.
392. *Kihlstrom J. F., Cantor N.* Social Intelligence // R. J. Sternberg (ed.), Handbook of Intelligence. 2nd edition. Cambridge : University Press, 2000.
393. *Knorr Cetina K.* Epistemic Cultures : How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999.
394. *Krings B.* The sociological perspective on the knowledge-based society : assumptions, facts and visions // Enterprise and Work Innovation Studies. 2006. No. 2.
395. *Laprè M. A., Nembhard I. M.* Inside the Organizational Learning Curve : Understanding the Organizational Learning Process // Foundations and Trends in Technology, Information and Operations Management. 2010. Vol. 4, no. 1.
396. *Laudan L.* Progress and Its Problems : Towards a Theory of Scientific Growth. London : Routledge & Kegan Paul, 1977.
397. *Machlup F.* Knowledge, Its Creation, Distribution and Economic Significance. Princeton : University Press, 1984. Vol. III.
398. *Malloch T. P.* Social, Human and Spiritual Capital in Economic Development. Harvard University, 2003. URL : www.metanexus.net/archive/spiritualcapitalresearchprogram/pdf/malloch.pdf.
399. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, D.C. : World Future Society, 1980.

-
400. *McCright A. M., Dunlap R. E.* Anti-reflexivity. The American Conservative Movement's Success in Undermining Climate Science and Policy // Theory, Culture & Society. 2010. Vol. 27, no. 2–3.
401. *McLennan G.* Sociologists in/on 'Knowledge Society' // Sociological Association of Aotearoa/New Zealand conference plenary session. Auckland, 2003.
402. *Melody W. H.* Communication Policy in the Global Information Economy : Whither the Public Interest? // M. Ferguson (ed.), Public Communication : The New Imperatives. London : Sage, 1990.
403. *Merton R. K.* Behavior patterns of scientists // American Scientist. 1969. Vol. 58.
404. *Milanovic B.* Measuring global income inequality // World Social Science Report. Knowledge Divides. P. : ISSC-UNESCO, 2010.
405. *Miles I.* Information Society Revisited: PICTuring the Information Society // R. Mansell, R. Samarajiva, A. Mahan (eds.), Networking Knowledge for Information Societies : Institutions & Intervention. Delft : DUP Science, 2002.
406. *Mischel W.* Toward a Cognitive Social Learning Reconceptualization of Personality // Psychological Review. 1973. No. 80.
407. *Mody B.* Virtual Solutions to Real Problems // R. Mansell, R. Samarajiva, A. Mahan (eds.), Networking Knowledge for Information Societies : Institutions & Intervention. Delft : DUP Science, 2002.
408. *Mouzelis N.* Reflexive Modernization and the Third Way : The Impasses of Giddens' Social Democratic Politics // Sociological Review. 2001. Vol. 49, no. 3.
409. *Murray W.* The Generations of American History. URL : www.timepage.org/time.html (дата обращения 15.07.2013).
410. *Nonaka I.* Toward Middle-Up-Down Management : Accelerating Information Creation // Sloan Management Review. 1988. No. 29.
411. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company : How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford : University Press, 1995.
412. *Older People and Learning – Key Statistics 2005.* NIACE Briefing Sheet 69. NIACE, 2006. URL : www.niace.org.uk/sites/default/files/69-Older-people-learning.pdf (дата обращения 31.07.2013).
413. *Pareto V.* I sistemi socialisti. Torino : UTET, 1951.
414. *Polanyi K.* Dahomey and the Slave Trade : an analysis of an archaic economy. Seattle : University of Washington Press, 1966.
415. *Polanyi M.* The Tacit Dimension. London : Routledge and Kegan Paul, 1966.
416. *Postman N.* Technopoly : The Surrender of Culture to Technology. New York : Vintage Books, 1993.
417. *Postman N.* The Surrender of Culture to Technology. New York : Vintage Books USA, 1992.
418. *Preston P.* Knowledge or 'Know-less' Societies? // R. Mansell, R. Samarajiva, A. Mahan (eds.), Networking Knowledge for Information Societies : Institutions & Intervention. Delft : DUP Science, 2002.
419. *Rubinstein A.* Instinctive and Cognitive Reasoning : A Study of Response Times. URL : <http://arielrubinstein.tau.ac.il/papers/Response.pdf> (дата обращения 31.07.2013).
420. *Sabates R., Skaliotis E.* Predictors and Pathways of Progression to Level 2 Qualifications : A Review of the Literature. Centre for Research on the Wider Benefits of Learning Institute of Education, 2007. URL : www.learningbenefits.net/publications/DiscussionPapers/Predictors%2007-04.pdf (дата обращения 31.07.2013).
421. *Scheff T. J.* Academic Gangs // Crime, Law, and Social Change. 1995. No. 23.
422. *Schulz G.* Die beste aller Welten. Wohin bewegt sich die Gesellschaft im 21. Jahrhundert. Frankfurt : Hensen, 2004.
423. *Schwartz S. H.* A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work // Applied psychology : an international review. 1999. Vol. 48, no. 1.
424. *Schwartz S. H.* Basic Human Values : An Overview // Risorsa uomo. 2007. No 2.

-
425. *Scott J. C.* Seeing Like a State : How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Heaven : Yale University Press, 1998.
426. *Shultz T. W.* Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51.
427. *Simpson J., Weiner E.* A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 1989, 2000.
428. *Starbuck W. H.* Level of aspiration // Psychological Review. 1963. Vol. 70.
429. *Starbuck W. H.* Organizations as action generators // American Sociological Review. 1983. No. 48.
430. *Stehr N., Henning C., Weiler B* (eds.). The Moralisation of the Markets. New Brunswick : Transaction Publishers, 2006.
431. *Sternberg R. J.* The triarchic mind : A new theory of intelligence. New York : Viking. 1988.
432. *Sternberg R. J.* Wisdom, Intelligence, and Creativity Synthesized. New York : Cambridge University Press, 2011.
433. *Sternberg, R. J.* Wisdom, intelligence, creativity, synthesized : a model of giftedness // T. Balchin, B. Hymer, D. J. Matthews (eds.), The Routledge international companion to gifted education. New York : Routledge, 2004.
434. *Stewart T. A.* Intellectual Capital : The New Wealth of Organizations. London, 1997.
435. *Taylor S. E., Crocker J.* Schematic bases of social information processing // E. T. Higgins, P. Herman, M. Zanna (eds.), Social Cognition : The Ontario symposium on personality and social psychology. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1981. Vol. 1.
436. *Thévenot L.* Pragmatic Regimes Governing the Engagement with the World // T. R. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny (eds.), The Practice Turn in Contemporary Theory. London : Routledge, 2001.
437. *Thrift N.* Pass it on : towards a political economy of propensity // Emotion, Space and Society. Elsevier BV, 2008. Vol. 1.
438. *Vernon P. E.* Intelligence : Heredity and Environment. San Francisco : W. H. Freeman & Co., 1979.
439. *Wiig K.* Knowledge Management Foundation. Arlington, TX : Schema Press, 1993.

Приложения

Приложение 1

Таблица 1.1

Массив суждений респондентов по тенденциям отказа от знаний

Тенденция, условие	Общий объем суждений	Пол		УрГЭУ	УрГПУ	ГУ
		мужской	женский			
1. «Внутренняя»:						
1) особые условия отсутствия мотивации	8	0	8	4	3	1
2) дисциплина	24	7	17	14	4	6
3) личные установки	423	106	317	275	69	79
4) школьное образование	39	8	31	25	2	12
Итого	494	121	373	318	78	98
2. «Внешняя»:						
1) не понадобится по специальности	71	23	48	39	7	25
2) не нравится специальность и т.п.	68	17	51	44	11	13
3) личность и профессионализм преподавателя	153	32	121	75	33	45
Итого	292	72	220	158	51	83
3. Социальная	109	37	72	81	12	16
4. Уважительные причины	263	50	213	120	104	39
5. Подсказки	74	20	54	43	9	22
Всего	1 232	300	932	720	254	258

Таблица 1.2

Удельный вес суждений респондентов по тенденциям отказа от знаний, %

Тенденция, условие	Общий объем суждений	Пол		УрГЭУ	УрГПУ	ГУ
		мужской	женский			
1. «Внутренняя»:						
1) особые условия отсутствия мотивации	0,65	0,00	0,86	0,62	1,18	0,39
2) дисциплина	1,95	2,33	1,82	2,16	1,57	2,33
3) личные установки	34,33	35,33	34,01	35,13	27,17	30,62
3) школьное образование	3,17	2,67	3,33	3,39	0,79	4,65
Итого	40,10	40,33	40,02	41,29	30,71	37,98
2. «Внешняя»:						
1) не понадобится по специальности	5,76	7,67	5,15	5,08	2,76	9,69
2) не нравится специальность и т.п.	5,52	5,67	5,47	5,39	4,33	5,04
3) личность и профессионализм преподавателя	12,42	10,67	12,98	10,94	12,99	17,44
Итого	23,70	24,00	23,61	21,42	20,08	32,17
3. Социальная	8,85	12,33	7,73	12,33	4,72	6,20
4. Уважительные причины	21,35	16,67	22,85	18,34	40,94	15,12
5. Подсказки	6,01	6,67	5,79	6,63	3,54	8,53
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Таблица 1.3

Детальный массив суждений респондентов по тенденциям отказа от знаний

Тенденция, условие	Общий объем суждений/удельный вес, %	Пол		УргЭУ	УргППУ	ГУ
		мужской	женский			
1	2	3	4	5	6	7
1. «Внутренняя»						
1) особые условия отсутствия мотивации (иногда я просто не могу заставить себя учиться)	8/1,62	0/0	8/2,14	4/1,49	3/3,85	1/1,02
2) жесткое дисциплинарное требование присутствия студента на занятиях, не согласованное с внутренней мотивацией студента посещать занятия	7/1,42	2/1,65	5/1,34	4/1,49	1/1,28	2/2,04
отражение посещаемости на итогах рейтинга	12/2,43	4/3,31	8/2,14	10/3,73	0/0	2/2,04
не фиксируется посещение, поэтому не ходю	5/1,01	1/0,83	4/1,07	0/0	3/3,85	2/2,04
3) знание «проходит мимо», так как сформировалась внутренняя психологическая установка на отказ от его восприятия	—	—	—	—	—	—
моя собственная лень	73/14,78	18/14,88	55/14,75	36/13,43	8/10,26	18/18,37
отсутствие самодисциплины	8/1,62	0/0	8/2,14	3/1,12	5/6,41	0/0
нежелание вставать по утрам	32/6,48	5/4,13	27/7,24	11/4,1	11/14,1	7/7,14
не осознал значимости обучения / не понял, что это важно для него	11/2,23	5/4,13	6/1,61	6/2,24	2/2,56	1/1,02
непонимание того, что информация нужна и пригодится	4/0,81	0/0	4/1,07	2/0,75	0/0	1/1,02
отсутствие силы воли	7/1,42	1/0,83	6/1,61	5/1,87	1/1,28	0/0
нет цели в жизни	6/1,21	0/0	6/1,61	5/1,87	0/0	1/1,02
личные качества и характер студента, противоречит его интересам, особенности личности (лень, пофигист, безответственный), привык по жизни «ничего не делать» / отсутствие тяги к учебе	46/9,31	7/5,79	39/10,46	33/12,31	4/5,13	3/3,06
праздничный образ жизни, отсутствие мотивации к обучению / вместо занятий лучше встретиться с друзьями и т.п.	24/4,86	8/6,61	16/4,29	14/5,22	2/2,56	4/4,08
студент поставил конкретную цель (образ жизни) и следует ей, все остальное для него не важно	11/2,23	3/2,48	8/2,14	5/1,87	4/5,13	1/1,02
не нравится преподаватель	24/4,86	8/6,61	16/4,29	7/2,61	6/7,69	7/7,14
не интересен / не нравится / невыносимо нудный предмет	80/16,19	22/18,18	58/15,55	43/16,04	14/17,95	17/17,35
преподавателю самому не интересен его предмет	5/1,01	3/2,48	2/0,54	2/0,75	2/2,56	1/1,02
меня еще со школы «тошнит» от математики	1/0,2	0/0	1/0,27	0/0	0/0	1/1,02
слишком трудный/непонятный материал	19/3,85	8/6,61	11/2,95	8/2,99	0/0	7/7,14

1	2	3	4	5	6	7
время есть либо на отдых, либо на учебу, больше ни на что времени не хватает – студент выбирает отдых	35/7,09	9/7,44	26/6,97	22/8,21	7/8,97	6/6,12
не хочет в армию, поэтому нужно учиться, если бы не это, учился бы на заочке	1/0,2	1/0,83	0/0	1/0,37	0/0	0/0
не подготовился и думает, что «пронесет», что сможет просто «отсесться»	7/1,42	3/2,48	4/1,07	4/1,49	0/0	1/1,02
не подготовился (домашнее задание, к семинару и т.п.) и не пошел на пары	7/1,42	2/1,65	5/1,34	6/2,24	1/1,28	0/0
нет мотивации к учебе / приходу на занятия / нет стимула	20/4,04	3/2,48	17/4,56	15/5,6	1/1,28	2/2,04
отсутствие «премий» по предмету за успевание (автомат, полуавтомат, дополнительные баллы и т.п.)	2/0,4	0/0	2/0,54	0/0	1/1,28	1/1,02
4) проблема в школьном образовании и воспитании	1/0,2	0/0	1/0,27	0/0	0/0	1/1,02
в профильных классах основное внимание уделяют конкретным предметам, в остальных ученик серьезно отстает	2/0,4	1/0,83	1/0,27	1/0,37	0/0	1/1,02
в школе был контроль со стороны родителей, а в вузе полная свобода (например, если родители в другом городе)	8/1,62	4/3,31	4/1,07	3/1,12	2/2,56	3/3,06
школьник не подготовлен к университетским трудностям / адаптация к новым условиям	5/1,01	1/0,83	4/1,07	2/0,75	0/0	1/1,02
плохое / недостаточное воспитание родителей либо его отсутствие	7/1,42	2/1,65	5/1,34	2/0,75	0/0	4/4,08
родители обеспечат по окончании учебы местом работы / статусом / деньгами; зачем к чему-то стремиться и чего-то добиваться, если все само собой будет	4/0,81	0/0	4/1,07	4/1,49	0/0	0/0
раз я плану, следовательно, меня ни за что не отчислят – могу не учиться и не ходить на пары	4/0,81	0/0	4/1,07	2/0,75	0/0	2/2,04
можно заплатить и не учить – оценка обеспечена и без этого	8/1,62	0/0	8/2,14	8/2,99	0/0	0/0
Итого	494/100,00	121/100,00	373/100,00	318/100,00	78/100,00	98/100,00
2. «Внешняя»						
1) рациональная, с точки зрения индивида, оценка студентами перспективной значимости изучаемого предмета в будущей профессиональной деятельности						
из 40 предметов, которые мы изучали, только 5–6 пригодятся на практике	29/9,93	9/12,5	20/9,09	10/7,19	4/7,84	12/14,46
есть предметы – лишняя трата времени / не буду засорять память	30/10,27	7/9,72	23/10,45	19/13,67	2/3,92	9/10,84
нет баланса теории и практики – оцна «сухая» теория	1/0,34	1/1,39	0/0	0/0	0/0	1/1,2
неуважная информация	11/3,77	6/8,33	5/2,27	4/2,88	1/1,96	3/3,61
2) обучения по данной специальности / в данном вузе / вообще обучение в вузость						
не понравилась специальность, на которую пошел учиться	5/1,71	1/1,39	4/1,82	2/1,44	0/0	3/3,61
главное получить диплом, а учеба не главное	10/3,42	2/2,78	8/3,64	5/3,6	0/0	2/2,41
считает, что все равно никогда не будет работать по специальности	19/6,51	5/6,94	14/6,36	13/9,35	1/1,96	3/3,61
участь не по своей воле, а по принуждению родителей	3/1,03	0/0	3/1,36	2/1,44	0/0	0/0
можно сдать зачеты и экзамены, не занимаясь и не посещая лекции	20/6,85	4/5,56	16/7,27	8/5,76	6/11,76	3/3,61
	11/3,77	5/6,94	6/2,73	5/3,6	4/7,84	2/2,41

Продолжение табл. 1.3

	1	2	3	4	5	6	7
3) <i>личность преподавателя и его профессиональное мастерство</i>		4/1,37	1/1,39	3/1,36	2/1,44	1/1,96	1/1,2
лектор читает лекцию по тексту своего (чужого) учебника, а я читать умею		18/6,16	4/5,56	14/6,36	9/6,47	6/11,76	3/3,61
читает лекцию, не отрывая взгляд от монитора ноутбука, не обращая внимания на студентов		11/3,77	2/2,78	9/4,09	2/1,44	5/9,8	2/2,41
преподаватель говорит слишком зауно, а когда просишь объяснить, огрызается: «Как можно не понять очевидное? И чему вас в школе учили?»		8/2,74	2/2,78	6/2,73	4/2,88	0/0	4/4,82
невозможно «впахнуть» в себя такое количество информации, как требуют преподаватели		23/7,88	11/15,28	12/5,45	9/6,47	3/5,88	11/13,25
преподаватель сам отпускает с пар / не приходит на пару (принчем довольно часто), поэтому он всем нравится, за что я тогда плачу?		2/0,68	0/0	2/0,9	0/0	2/3,92	0/0
протинья / невыносима манера преподавания предмета преподавателем		35/11,99	6/8,33	29/13,18	17/12,23	8/15,69	8/9,64
преподаватель говорит, что ходить на лекции не обязательно / делать домашнее задание не обязательно		4/1,37	0/0	4/1,82	1/0,72	1/1,96	2/2,41
конфликт с преподавателем		8/2,74	1/1,39	7/3,18	5/3,6	1/1,96	2/2,41
преподаватель не способен заинтересовать своим предметом		19/6,51	2/2,78	17/7,73	12/8,63	2/3,92	5/6,02
вместо своего предмета преподаватель обсуждает телесериалы и прочее подобное		1/0,34	0/0	1/0,45	0/0	0/0	1/1,2
преподаватель выделяет любителей и тех, кто ему неприятен, напоказ / пренебрежительное отношение преподавателя		7/2,4	1/1,39	6/2,73	4/2,88	1/1,96	2/2,41
преподаватель огрызается на просьбу повторить / объяснить материал / сам ничего не понимает, все время пугается, поэтому студенты путаются и ничего не понимают		5/1,71	0/0	5/2,27	2/1,44	1/1,96	2/2,41
преподаватель очень быстро диктует		8/2,74	2/2,78	6/2,73	4/2,88	2/3,92	2/2,41
Итого		292/100,00	72/100,00	220/100,00	158/100,00	51/100,00	83/100,00
3. Социальная							
вся группа договорилась не идти на пару (пойдешь – тебя загнобят, следовательно, даже если хочешь, то не идешь)		5/4,59	2/5,41	3/4,17	2/2,5	3/25	0/0
боится быть засмеянным (ботаник)		5/4,59	1/2,7	4/5,56	4/5	0/0	1/6,25
влияние заграничной культуры / популярных каналов (как MTV) / сериалов (как клуб) и т.д.		4/3,67	0/0	4/5,56	3/3,75	0/0	0/0
отвечать на парах, готовиться к занятиям, прилежно учиться в группе не модно и осуждается; кто учится и отвечает на парах, тот выскочка и зануда		6/5,5	1/2,7	5/6,94	4/5	1/8,33	1/6,25
если все не идет, то я не иду, чтобы не выделяться и не быть «ботаном» (особенно у парней)		5/4,59	1/2,7	4/5,56	5/6,25	0/0	0/0
НПТ, развиваются технологии – думать не модно, модно скачать из Интернета или воспользоваться возможностями сотовых телефонов на экзаменах, а следовательно, можно ни к чему не готовиться		71/65,14	29/78,38	42/58,33	54/67,5	7/58,33	10/62,5
отношения в коллективе (изгой в группе, яркая агрессия по отношению к студенту от одноклассников и т.п.)		4/3,67	0/0	4/5,56	3/3,75	0/0	1/6,25
можно все списать у «заучек» (лекции, домашние задания), зачем тогда ходить и учиться на парах		9/8,26	3/8,11	6/8,33	5/6,25	1/8,33	3/18,75
Итого		109/100,00	37/100,00	72/100,00	81/100,00	12/100,00	16/100,00

1	2	3	4	5	6	7
4. Уважительные причины						
жизненные обстоятельства	26/10,00	7/14	19/8,92	12/10,08	12/11,54	2/5,13
жизненные трудности	11/4,23	3/6	8/3,76	7/5,88	1/0,96	2/5,13
заработок	53/20,38	7/14	46/21,6	36/30,25	8/7,69	9/23,08
неотложные дела	4/1,54	1/2	3/1,41	2/1,68	2/1,92	0/0
семейные проблемы	18/6,92	2/4	16/7,51	4/3,36	12/11,54	2/5,13
проводимые во время занятий мероприятия (в университете / на потоке / на кафедре и т.д.)	11/4,23	4/8	7/3,29	1/0,84	10/9,62	0/0
болезнь / плохое самочувствие	44/16,92	6/12	38/17,84	11/9,24	31/29,81	2/5,13
построение семьи, личной жизни (например, рождение ребенка)	9/3,46	2/4	7/3,29	6/5,04	1/0,96	2/5,13
недосып в связи с экзаменами / конференциями / написанием диплома и т.п.	6/2,31	2/4	4/1,88	1/0,84	1/0,96	4/10,26
обучение параллельно на нескольких специальностях	2/0,77	0/0	2/0,94	1/0,84	0/0	1/2,56
параллельное обучение иностранному языку / получение прав и т.п.	6/2,31	1/2	5/2,35	0/0	2/1,92	4/10,26
отсутствие времени в связи с чем-либо	25/9,62	8/16	17/7,98	14/11,76	8/7,69	3/7,69
пробки на дорогах / проблема с транспортом	6/2,31	1/2	5/2,35	1/0,84	2/1,92	3/7,69
инородный студент, уехал домой в другой город	14/5,38	1/2	13/6,1	7/5,88	6/5,77	1/2,56
проспал (непреднамеренно)	8/3,08	2/4	6/2,82	7/5,88	1/0,96	0/0
нет денег на проезд	2/0,77	1/2	1/0,47	0/0	2/1,92	0/0
неудобно составлено расписание	1/0,38	0/0	1/0,47	0/0	1/0,96	0/0
страшно возвращаться домой в позднее время / трудно, так как транспорт не ходит	9/2,31	0/0	9/4,23	3/2,52	3/2,88	3/7,69
сложно сидеть долго в душных помещениях (а иногда и весь день там занятия)	5/1,92	1/2	4/1,88	3/2,52	1/0,96	1/2,56
Итого	263/100,00	50/100,00	213/100,00	120/100,00	104/100,00	39/100,00
5. Подсказки — что нужно делать, чтобы знания студентами не отторгались						
мне предмет интересен тогда, когда я хорошо начинаю в нем разбираться, а понимать начинаю тогда, когда понимаю процессы, следствия и причины	3/4,05	0/0	3/5,56	0/0	1/11,11	2/9,09
не дело предметы на нужные и ненужные, а дело на интересные и неинтересные	3/4,05	3/15	0/0	0/0	3/33,33	0/0
нужны все предметы, так как не знаешь, с чем столкнешься, когда закончишь университет, поэтому лучше знать, где потом взять информацию	2/2,7	0/0	2/3,7	0/0	0/0	2/9,09
стараться брать из разных областей знаний хотя бы минимум информации для общего развития	1/1,35	0/0	1/1,85	0/0	0/0	1/4,55
замена большого объема лекций на семинары-дискуссии, семинары-практикумы / командные работы; просто добавление большего числа практик, без замены	12/16,22	2/10	10/18,52	5/11,63	0/0	7/31,82
нужно убирать предметы, которые надо изучать долгое время, а на деле дается на них всего пара занятий	1/1,35	1/5	0/0	0/0	0/0	1/4,55
нужны инновационные технологии в обучении	1/1,35	0/0	1/1,85	0/0	0/0	1/4,55
вести в семинары и лекции игровые варианты обучения	3/4,05	2/10	1/1,85	3/6,98	0/0	0/0

Окончание табл. 1.3

1	2	3	4	5	6	7
увеличить количество часов обучения	2/2,7	0/0	2/3,7	2/4,65	0/0	0/0
проводить больше конференций, мероприятий, посвященных злободневным проблемам	3/4,05	0/0	3/5,56	3/6,98	0/0	0/0
приводить как можно больше понятных примеров из жизни, шуток, замечаний	17/22,97	2/10	15/27,78	11/25,58	1/11,11	5/22,73
уменьшить количество презентаций на лекциях, так как сложно / невыносимо воспринимать информацию зрительно / переключаться с записей на экран/ слушать и читать одновременно	12/16,22	5/25	7/12,96	9/20,93	2/22,22	1/4,55
нужно давать небольшой перерыв в 5 минут на паре, чтобы «перезагрузиться»	6/8,11	2/19	4/7,41	6/13,95	0/0	0/0
если преподаватель шикарно преподает, то не важно «что именно» он преподает – к нему все будут ходить	5/6,76	2/10	3/5,56	2/4,65	2/22,22	1/4,55
нужно менять не систему образования, а систему общества	3/4,05	1/5	2/3,7	2/4,65	0/0	1/4,55
<i>Итого</i>	<i>74/100,00</i>	<i>20/100,00</i>	<i>54/100,00</i>	<i>43/100,00</i>	<i>9/100,00</i>	<i>22/100,00</i>

Типичный образ представителя когорты Prophet (Idealist) – Пророк (Идеалист)

Условия формирования когорты. Условия воспитания более снисходительны после эйфории от успеха попыток изменения социального общественного порядка и форм общественного поведения как восстановления общественного равновесия после значимого «духовного события». Идеалисты формируют новые идеалы. Но созданные ими институты, сталкиваясь с проблемами и потрясениями практики, не способны предотвратить негативные социальные явления, что вынуждает когорту в среднем возрасте отказываться от власти. Это не мешает представителям когорты становиться лидерами в подготовке грядущих «светских событий» (изменений социального порядка, форм поведения).

Личность: бурная в юности, дальновидная в старости, праведная, строгой, принципиальная и творческая, но иногда эгоистичная и высокомерная.

Годы рождения	Поколение	Формирующая эпоха	Периоды социокультурной динамики	Системы истины и знания	Доминантные проявления ведущей системы истины и знания	Отторжение знаний в социокультурном дискурсе
1	2	3	4	5	6	7
1483–1511	Reformation Generation (Поколение Реформации)	Tudor Renaissance (Тюдор-Ренессанс)	1480–1500	Эмпиризм – 50%. Идеациональный рационализм – 50%	Эмпиризм. Идеациональный рационализм <i>Поворот к Reformation Generation и расцвет поколения</i>	Истине разума отводится лишь второстепенная и целиком подчиненная роль. Она не может независимо противостоять истине веры. Если же противостоит, то объявляется недействительной, даже греховой, еретической или богохульной по сравнению с истинной верой. Отказ от всего, что не соответствует росту доминанты этики абсолютных норм (рост до 33,3%) и этике любви (66,7%)
			1500–1520	Резкий спад эмпиризма – 20%. Резкий спад рационализма – 20%; Доминанта мистицизма – 40%. Проявления скептицизма – 6,6% и фидеизма – 6,6%	Доминанта мистицизма <i>Zakat Reformation Generation</i>	Отказ от рационализма и эмпиризма; рамочные стратегии «разрешенного», «ненужного знания». Ужесточение условий отказа от всего, что не соответствует росту доминанты этики абсолютных норм (рост до 74,4%). Отказ от этики любви и развитие этики счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм) – 23,3%

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7
1588—1617	Puritan Generation (Пуританское поколение)	Merie England («Старая добрая» Англия)	1580—1600	Эмпиризм — 14,5%. Резкий подъем рационализма — 32,3%. Мистицизм — 38,7%. Резкий подъем скептицизма — 12,9%. Резкое падение фидеизма — 1,6%.	Ведущие системы истины и знания — идеалистический рационализм и мистицизм <i>Поворотная веха к Puritan Generation</i>	Отторжение рационализма через анти-рационализм и иррационализм. Отказ от ценностей этики любви (рост начиная с 1580 г. с 6 до 16,3%). Резкое снижение интереса к этике абсолютных норм (с 52,2 до 31,4%). Рост интереса к этике счастья — эвдемонизму, гедонизму, утилитаризму (с 41,8 до 52,3%)
			1600—1620	Резкий рост эмпиризма — 21,7%. Рост рационализма — 47,0%. Резкий спад мистицизма — 20,5%. Незначительный спад скептицизма — 9,6% и фидеизма — 1,2%.	Доминирует рационализм. По П. А. Сорokinу — идеалистический <i>Zakam Puritan Generation</i>	Отторжение идей мистицизма. Отказ от этики любви (снижение до 10,3%). Рост интереса к этике абсолютных норм (до 41,3%). Незначительное снижение интереса к этике счастья (48,4%)
1701—1723	Awakening Generation (Пробуждающееся поколение)	Augustan Age of Empire (Классический век Империи)	1700—1720	Незначительный рост эмпиризма — 24,1%. Незначительный спад рационализма — 43,4%. Рост мистицизма — 27,0%. Резкий спад скептицизма — 4,8% и фидеизма 0,7%.	Доминирует идеалистический рационализм <i>Awakening Generation</i>	Отказ от фидеизма и скептицизма. Отказ от всего, что не соответствует этике абсолютных норм (рост приверженности этике абсолютных норм до 67,3%) Отказ от этики любви в пользу этики счастья (этика счастья — 28,4%)

1	2	3	4	5	6	7
1792—1821	Transcendental Generation (Трансцендентальное туманное, абстрактное, неясное поколение)	Era of Good Feeling (Эпоха добродетельности)	Бликие пока-затели по 1780—1800. 1800—1820	Спад эмпиризма — 21,9%. Резкий спад идеали-стического рациона-лизма — 29,4%. Спад мистицизма — 23,0%. Появление с 1780—1800 гг. критицизма (15,5%) и продолже-ние тенденции позже — 13,6%. Спад скептицизма — 3%. Резкий рост фидензма — 11,0%.	40 лет в практиках систем истины и зна-ния присутствует кри-тицизм. Доминантен эмпиризм. Фидензм. <i>Transcendental Gener-ation</i>	Отказ от идей, не сочетающихся с кри-тицизмом и фидензмом. Отказ от этики любви и этики счастья сторонников эти-ки абсолютных истин (54,0%). И наобо-рот, у сторонников этики любви (17,5%) и этики счастья (28,5) — отказ от ценно-стей этики абсолютных истин
1860—1882	Missionary Generation (Миссионерское, посланническое, проповедническое поколение)	Reconstruction / Gilded Age (Реконструкция / позолоченный век)	1860—1880	Резкий подъем эмпи-ризма — 46,0%. Спад рационализма — 19,6%. Спад мистицизма — 18,2%. Подъем скептицизма — 6,1%. Резкий спад фидензма — 5,2% и критицизма — 6,1%.	Доминирует эмпиризм. Рост скептицизма <i>Missionary Generation</i>	Отказ от знания, не верифицированного практикой и не используемого на прак-тике. Отказ от этики любви и этики счастья сторонников этики абсолютных истин (47,6%). И наоборот, у сторонни-ков этики любви (12,1%) и этики сча-стья (40,3%) — отказ от ценностей этики абсолютных истин
1943—1960	(Baby) Boom Generation (Поколение детского бума, ажиотажа)	Superpower America (Американская сверх-держава)				

Таблица 2.2

Типичный образ представителя когорты Nomad (Reactive) – Кочевники (бродяги, странники; противодействующие)

Условия формирования когорты. «Кочевники» растут в условиях предельно низкой защищенности от воздействия окружающей социальной среды, поэтому несут в своих социальных коммуникациях всю тяжесть критики в социальном взаимодействии на протяжении всего жизненного пути при развитии «духовных событий». Они созревают в рискованное время, чувствуют себя отчужденными в молодости и затем ушедшими в отставку с роли прагматического лидера среднего возраста во время «светских событий».

Личность: асоциальна в молодости, одинока в старости, прагматична, опытна и практична, но зачастую аморальна и некультурна.

Годы рождения	Поколение	Формирующая эпоха	Периоды социокультурной динамики	Системы истины и знания	Доминантные проявления ведущей системы истины и знания	Отторжение знаний в социокультурном дискурсе
1512–1540	2 Reprisal Generation (Поколение расправы)	3 Protestant Reformation (Протестантская реформация)	4 1500–1520	5 Эмпиризм – 20%. Идеалистический рационализм – 26,8%, Мистицизм – 40,0%. Скептицизм – 6,6%, Фидензм – 6,6%	6 Доминирует мистицизм <i>Поворот к Reprisal Generation</i>	7 Отторжение знаний в форме антирационализма и иррационализма. «Сомнение есть прием для нахождения безусловно достоверного знания» (Р. Декарт). Отказ от этики счастья и максимальное отторжение ценностей этики любви. Этика абсолютных норм – 74,4%
			1520–1540	Незначительный рост эмпиризма – 27,6%. Резкий спад идеалистического рационализма – 13,8%. Незначительный спад мистицизма – 37,9%. Резкий рост скептицизма – 13,8%. Незначительные изменения в фидензме – 6,9%	Доминирует мистицизм и резко возрастает скептицизм. Возрастающее скептицизма как самоустранения от познания <i>Racem Reprisal Generation</i>	Отказ как самоустранение от познания в связи с догмой о непознаваемости мира. Отказ от этики счастья и максимальное отторжение ценностей этики любви. Этика абсолютных норм – 80,6%

1	2	3	4	5	6	7
1618—1647	Cavalier Generation (Поколение кавалеров)	Puritan Awakening (Пуританское пробуждение)	1620—1640	Незначительный рост эмпиризма — 31,2%. Резкий рост идеалистического рационализма — 50,6%. Резкий спад мистицизма — 15,6%. Резкий спад скептицизма — 1,3% и фидеизма — 1,3%	Доминанта рационализма. Две формы: доминирующая идеациональная и формирующаяся идеалистическая <i>Cavalier Generation</i>	Отказ от знаний за пределами «истины веры» и практики. Доминантно отторжение всего, что находится за пределами этики абсолютных норм (55,1%). Противоречия с принявшими этику счастья (35,7%). Отторжение ценностей этики любви (9,2%)
1724—1741	Liberty Generation (Поколение свободы)	Great Awakening (Великое пробуждение)	1720—1740	Незначительный рост эмпиризма — 35,7%. Незначительный спад рационализма — 41,7%. Незначительный рост мистицизма — 19,0%. Незначительные спад скептицизма — 1,2% и рост фидеизма — 2,4%	Доминанта идеалистического рационализма <i>Liberty Generation</i>	Отказ от «ненужных» знаний. Доминантно отторжение всего, что находится за пределами этики абсолютных норм (62,1%). Противоречия с принявшими этику счастья (34,0%). Отторжение ценностей этики любви (3,9%)
1822—1842	Gilded Generation (Позолоченное поколение)	Transcendental Awakening (Трансцендентальное пробуждение)	1820—1840	Спад эмпиризма — 29,0% и рационализма — 35,3%. Резкий рост мистицизма — 29,4%. Появление критицизма — 3,6% (спад в 4 раза по сравнению с предыдущим периодом 1800—1820 гг.). Резкий спад скептицизма — 0,4%. Практически без изменений фидеизм — 2,3%	Доминирует рационализм при остаточных проявлениях критицизма. Доминирует идеациональный рационализм. <i>Gilded Generation</i>	Отказ от знаний, не «освященных» верой. Доминантно отторжение всего, что находится за пределами этики абсолютных норм (52,9%). Противоречия с принявшими этику счастья (29,4%). Отторжение ценностей этики любви (17,7%)

Окончание табл. 2.2

1	2	3	4	5	6	7
1883—1900	Lost Generation (Потерянное поколение)	Missionary Awakening (Миссионерское пробуждение)	1880—1900	Резкий рост эмпиризма — 47,1%. Резкий спад идеалистического рационализма — 13,9%. Резкий спад мистицизма — 14,6%. Резкий подъем критицизма — 15,5%. Рост скептицизма — 3,2% и фидеизма — 5,7%	Доминантны эмпиризм и критицизм <i>Lost Generation</i>	Отказ от «ненужных» знаний, не соответствующих традиционному шаблону, антирационализм и иррационализм. Противоречия с принявшими этику абсолютных норм (42,6%) принявших этику счастья (42,8%). Отторжение ценностей этики любви (14,6%)
1961—1981	13 th Generation (a.k.a Generation X) («Гриндадэто» поколение)	Consciousness Revolution (Революция сознания)				

Типичный образ представителя когорты Него (Civic) – Герой (гражданственный)

Условия формирования когорты. В результате «духовного события» становятся «стопами общества», хранителями традиций и институтов. Мощные создатели механизма развития общества по своему образу и соответствующим институтам. В старости подвергаются нападкам со стороны идеалистов среднего возраста после следующего «духовного события». Внешняя направленность коммуникативного взаимодействия, высокая успешность в войне, мире, науке, бизнесе, общественной жизни. Им была уготована роль «чистильщиков» развала и распада, оставленных предыдущими поколениями. Ценность традиционных социальных ролей, института семьи, участие в скаутском движении.

Личность: традиционно социализированная молодежь со значимым позиционированием гражданского долга. «Самодовольное» поколение в зрелые годы от чувства значимости свершенного. Личность сильная, рациональная, компетентная, обеспеченная, но, может быть, неувлеченная. Снижен интерес к религии.

Годы рождения	Поколение	Формирующая эпоха	Периоды социокультурной динамики	Системы истины и знания	Доминантные проявления ведущей системы истины и знания	Отторжение знаний в социокультурном дискурсе
1433–1460	2 Arthurian Generation (Артурянское поколение)	3 Retreat from France (Удаление от Франции)	4 1420–1440	5 Идеалистический рационализм – 53%. Крайние формы: мистицизм – 23,5%; фидеизм – 23,5%	6 Доминирует идеациональный рационализм. Равновесны мистицизм и фидеизм <i>Поворот к поколению Него (Civic)</i>	7 На уровне актора – отказ от знаний, не соотносящихся с профессиональными концептами. На социетальном уровне – отчуждение знаний о том, что не согласуется с профессиональными концептами. Доминирует этика любви (81,5%). Отказ от ценностей этики счастья (6,5%), этики абсолютных норм (12,1%)
1541–1565	Elizabethan Generation (Елизаветинское поколение)	3 Intolerance and Martyrdom (Нетерпимость и мученичество)	4 1440–1460	5 Идеалистический рационализм – 42,9%. Крайняя форма – мистицизм – 57,1%	6 Идеалистический рационализм и мистицизм <i>Расцвет поколения Него (Civic)</i>	7 На уровне актора – отказ от знаний, не соотносящихся с профессиональными концептами и индивидуальным опытом. На социетальном уровне – отчуждение знаний о том, что не согласуется с профессиональными концептами. Доминирует этика абсолютных истин (58,4%). Противостояние с ценностями этики счастья (37,6%). Отказ от ценностей этики любви (4,1%)

Продолжение табл. 2.3

1	2	3	4	5	6	7
1648—1673	Slavous Generation (Славное поколение)	Religious Intolerance (Религиозная нетерпимость)	1640—1660	Резкий спад эмпиризма — 13,3%. Рост идеалистического рационализма — 23,4%. Спад мистицизма — 26,7%. Резкий рост скептицизма — 13,3% и резкий спад фидензизма — 13,3%.	Относительное равновесие между идеациональным рационализмом и мистицизмом на фоне роста скептицизма. <i>Закат в первое пятилетие периода поколения Hero (Civic)</i>	На уровне актора — отказ от знаний, не соотносящихся с профессиональными концептами и индивидуальным опытом. На социетальном уровне — отчуждение знаний о том, что не согласуется с профессиональными концептами. Доминирует этика абсолютных истин (58,7%). Противостояние с ценностями этики счастья (34,1%). Отказ от ценностей этики любви (7,2%)
			1660—1680	Резкий подъем эмпиризма — 31,4% и идеалистического рационализма — 42,9%. Резкий спад мистицизма — 17,3%. Резкий спад скептицизма — 1% и фидензизма — 7,2%. Спад эмпиризма — 20,4%. Подъем рационализма — 47,2%. Рост мистицизма — 26,7%. Незначительный рост скептицизма — 1,3%. Спад фидензизма — 4,4%.	Доминанта рационализма. Возвращение к традиционным ценностям в рамках эмпиризма. <i>Поворот к поколению Hero (Civic)</i> Доминанта рационализма. Возвращение к традиционным ценностям в рамках эмпиризма. <i>Закат в первое пятилетие поколения Hero (Civic)</i>	

1	2	3	4	5	6	7
1742—1766	Republican Generation (Поколение республиканцев)	French and Indian War (Франко-индийская война)	1740—1760	Рост эмпиризма — 37,8%. Незначительный спад рационализма — 42,4%. Резкий спад мистицизма — 8,2%. Резкий рост скептицизма — 11,0%. Резкий спад фидеизма — 0,6%	Паритет рационализма с эмпиризмом и скептицизмом <i>Поворот к поколению Negro (Civic)</i>	На уровне актора — отказ от знаний, не соотносящихся с конфессиональными концептами и индивидуальным опытом. На социальном уровне — отчуждение знаний о том, что не согласуется с конфессиональными концептами. Доминирует этика абсолютных истин (47,5%). Ужесточение противостояния с ценностями этики счастья (46,1%). Отказ от ценностей этики любви (8,3%)
1760—1780				Рост эмпиризма — 43,5%. Резкий спад идеалистического рационализма — 28,8%. Незначительный рост мистицизма — 14,1%. Незначительный спад скептицизма — 10,3%. Рост фидеизма — 3,3%	Доминанта эмпиризма <i>Закат в первое десятилетие периода поколення Negro (Civic)</i>	
1901—1924	G. I. Generation (Поколение пионеров, строителей). Greatest (Величайшее поколение)	I World War / Prohibition (Первая мировая война / запрещение)	1900—1920	Рост эмпиризма — 53,9%. Резкий спад рационализма — 12,9%. Незначительный спад мистицизма — 12,2%. Проявление критицизма — 14,6%. Резкий спад скептицизма — 4,4%. Спад фидеизма — 2,9%	Доминанта эмпиризма. Проявления критицизма	На уровне актора — отказ от «неужного» знания, знаний, не соотносящихся с конфессиональными концептами и индивидуальным опытом. Доминирует этика счастья (43%). Ужесточение противостояния с ценностями абсолютных истин (41%). Отказ от ценностей этики любви (8,9%)
1982—2003?	Millennial Generation (Y Generation) (Поколение нового Тысячелетия)	Culture Wars (Культурные войны)				

Типичный образ представителя когорты Artist (Adaptive) – Исполнитель (адаптивный)

Условия формирования когорты. Родившись в период кризиса, в период взросления идут, как художники, новизну «высокого», «пробуждаются» в среднем возрасте, в старости способны к деятельности, направленной «на развал». Творческие люди (художественные натуры) тратят взрослые годы на самопозиционирование в качестве сторонников справедливости и интеграции. «Неудержимы» при проявлении «своей» декларируемых идей в практиках повседневности. Формируются в условиях сверхпрогекционизма актуализированным «светским соблазном». Проявляют себя конформистами в период «духовного события», чтобы избежать риска. В старости играют роль чувствительных пожилых людей, активизирующихся в период следующего «светского события».

Личность: спокойные, не доставляющие особых хлопот в молодости, чувствительные к старости, гибкие и заботливые, открытые, но нерешительные.

Годы рождения	Поколение	Формирующая эпоха	Периоды социокультурной динамики	Системы истины и знания	Доминантные проявления ведущей системы истины и знания	Отторжение знаний в социокультурном дискурсе
	2	3	4	5	6	7
1461–1482	Humanist Generation (Гуманистическое поколение)	War of the Roses (Война Алой и Белой Роз)	1460–1480	Эмпиризм (13,6%) – проявляется впервые после 1400–1460 гг. (0%). Идеалистический рационализм – 13,6%. Крайняя форма мистицизм – 72,8%	Доминирует мистицизм	Отказ от знаний за пределами мистицизма. Отказ от всего за пределами этики любви (89,5%) при незначительной приверженности этике абсолютных норм (10,5%). Полный отказ от этики счастья (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм)
1566–1587	Parliamentarian Generation (Парламентское поколение)	Armada Crisis (Кризис Армады в англо-испанской войне – борьба за трон Англии в религиозном контексте)	1560–1580	Эмпиризм – 13,3%. Резкий рост идеалистического рационализма – 23,4%. Резкий спад мистицизма – 26,7%. Появление скептицизма – 13,3% и фидеизма – 13,3%	Доминирует мистицизм дополнениями в виде скептицизма и фидеизма <i>C 1566 г. Поворот к Artist (Adaptive) Generation</i>	Отказ от мистицизма. Отказ от этики любви за счет противостояния этики абсолютных норм (52,2%) и этики счастья (41,8%)

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7
1674 – 1700	Enlightenment Generation (Поколение Просвещения)	King Philip's War / Glorious Revolution (Войны короля Филиппа / Славная революция)	1580–1600	Эмпиризм – 14,5%. Рост идеалистического рационализма – 32,3%. Рост мистицизма – 38,7%. Незначительный спад скептицизма – 12,9% и резкий спад фидеизма – 1,6%.	Доминанта мистицизма <i>Закат в 1587 г. Artist (Adaptive) Generation</i>	Отказ от знаний в рамках противоявления мистицизма и идеалистического рационализма. Отказ от фидеизма. Отказ от догматов этики абсолютных норм (31,4%) в пользу резкого роста приверженности этике счастья (52,3%) и этике любви (16,3%)
1674 – 1700	Enlightenment Generation (Поколение Просвещения)	King Philip's War / Glorious Revolution (Войны короля Филиппа / Славная революция)	1660–1680	Рост эмпиризма – 20,4%. Резкий рост рационализма – 47,2%. Спад мистицизма – 26,7%. Резкий спад скептицизма – 1,3%. Рост фидеизма – 4,4%	Доминирует идеациональный рационализм. <i>Поворот с 1674 г. к Artist (Adaptive) Generation</i>	Противоястные сторонников этики абсолютных норм (64,5%) сторонникам этики счастья (29,1%) и любви (6,4%)
1674 – 1700	Enlightenment Generation (Поколение Просвещения)	King Philip's War / Glorious Revolution (Войны короля Филиппа / Славная революция)	1680–1700	Рост эмпиризма – 26,3%. Незначительный спад рационализма – 44,2%. Незначительный спад мистицизма – 23,2%. Рост скептицизма – 5,8%. Спад фидеизма – 0,5%	Доминирует идеациональный рационализм <i>Закат в 1700 г. Artist (Adaptive) Generation</i>	Противоястные сторонников этики абсолютных норм (72,9%) сторонникам этики счастья (23,2%) и любви (3,9%)

Продолжение табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7
1767—1791	Compromise Generation (Поколение компромисса)	American Revolution (Американская революция)	1760—1780	Резкий рост эмпиризма — 43,5%. Резкий спад идеалистического рационализма — 28,8%. Резкий спад мистицизма — 14,1%. Резкий подъем скептицизма — 10,3% и подъем фидеизма — 3,3%.	Доминирует эмпиризм <i>Поворот с 1767 г. к Artist (Adaptive) Generation</i>	Отказ от мистицизма и идеалистического рационализма. Отказ от этики любви (присутствие 8,9%). Отказ от этики абсолютных норм в пользу этики счастья (52,6%). Противостояние сторонников этики счастья и этики абсолютных норм (38,5%)
1780—1800			1780—1800	Резкий спад эмпиризма — 29,9%. Незначительный спад идеалистического рационализма — 25,7%. Резкий подъем мистицизма — 22,0%. Появление критицизма — 15,5%. Резкий спад скептицизма — 0,8% и подъем фидеизма — 6,1%.	Почти равновесное соотношение эмпиризма и критицизма с рационализмом и мистицизмом <i>Закам в 1791 г. Artist (Adaptive) Generation</i>	Отказ от эмпиризма и идеалистического рационализма в пользу мистицизма. Отказ от этики любви (1,5%) и частично от этики счастья (35,0%) за счет усиления приверженности этике абсолютных норм (53,5%)
1843—1859	Progressive Generation (Прогрессивное поколение)	American Civil War (Гражданская война в США)	1840—1860	Незначительный подъем эмпиризма — 31,4%, идеалистического рационализма — 29,9%, мистицизма — 28,6%. Резкий спад критицизма — 3,4%. Резкий подъем скептицизма — 5,5% и резкий спад фидеизма — 1,2%.	Доминируют эмпиризм, идеалистический рационализм и мистицизм	Отказ от критицизма и фидеизма. Противостояние сторонников этики счастья (40,3%) и этики абсолютных норм (47,6%). Отказ от этики любви (12,1%)

Окончание табл. 2.4

1	2	3	4	5	6	7
1925–1942	Silent Generation (Молчаливое поколение)	Great Depression / II World War (Великая депрессия / Вторая мировая война)				
2004– present	New Silent Generation (Новое молчаливое поколение) – Z	Millennial Crisis? (Кризис тысячелетия?)				

Научное издание

Филипповская Татьяна Владимировна

**Риски рефлексивной модернизации
в условиях обострения антагонизма
знания и НЕ-знания**

Монография

Редакторы и корректоры *М. В. Баусова, М. Ю. Воронина, Л. В. Матвеева*

Технический редактор *М. Ю. Воронина*

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 162. Подписано в печать 18.11.2013.

Формат 70 × 100/16. Гарнитура литературная. Бумага офсетная.

Печать плоская. Уч.-изд. л. 24,3. Усл. печ. л. 23,7.

Заказ 1258. Тираж 600 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета